INSPIRIA

СЕМЬЯ, БРОСИВШАЯ ВЫЗОВ МИРУ

СТЕФАНИЯ АУЧИ

ЛЬВЫ СИЦИЛИИ

САГА О ФЛОРИО

INSPIRIA

Annotation

Грандиозный, масштабный роман, основанный на истории реально существовавшей влиятельной семьи на Сицилии, и полюбившийся тысячам читателей не только за захватывающее повествование, но и за изумительно переданный дух сицилийской жизни на рубеже двух столетий.

В 1799 году после землетрясения на Калабрии семья Флорио переезжают в Палермо. Два брата, Паоло и Иньяцио, начинают строить свою империю в далеко не самом гостеприимном городе. Жизненные трудности и переменчивость окружающего мира вдохновляют предприимчивых братьев искать новые ходы и придумывать технологии. И спустя время Флорио становятся теми, кто управляет всем, чем так богата Сицилия: специями, тканями, вином, тунцом и пароходами.

Это история о силе и страсти, о мести и тяжелом труде, когда взлет и падение подкрепляются желанием быть чем-то гораздо большим.

«История о любви, мечтах, предательстве и упорном труде в романе, полном жизненных вибраций». — Marie Claire

---

- Стефания Аучи
- Пролог
- Пряности
- Шелк
- Хина
- Сера
- Кружево
- Тунец
- Песок
- Эпилог
- Генеалогическое древо семьи Флорио
- Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16

Стефания Аучи
Львы Сицилии. Сага о Флорио

Посвящается Федерико и Элеоноре: мужеству, безрассудству, страху и безумию которые мы разделили в дни потерь и приобретений

И проиграли бой. Что из того?
Не все погибло: сохранен запал
Неукротимой воли, наряду
С безмерной ненавистью, жаждой мстить
И мужеством — не уступать вовек.

Джон Мильтон[1]

Пролог
Баньяра-Калабра, 16 октября 1799

Кто пытается, у того получается.

Сицилийская пословица

Гул землетрясения, пробуждаясь в море, врезается в ночь. Набухает, растет, превращается в грохот, разрывающий тишину.

В домах спят люди. Кто-то просыпается от звона посуды, кто-то — от резких хлопков дверей. И все, как один, на ногах, когда дрожат стены.

Мычание, лай собак, молитвы, ругательства. Горы стряхивают с себя камни и грязь, мир опрокидывается.

Землетрясение доходит до предместья Пьетралиша, хватается за фундамент, яростно встряхивает дом.

Иньяцио открывает глаза, вырванный из сна волнами дрожи, идущими по стенам. Низкий потолок над головой, кажется, вот-вот упадет.

Это не сон. Это страшная явь.

Он видит, как кровать Виктории, племянницы, ходит ходуном по комнате. На скамье подпрыгивает железная шкатулка, падает на пол вместе с расческой и бритвой.

В доме слышны женские крики:

— Помогите, помогите! Беда!

Иньяцио вскакивает на ноги, но не убегает. Сначала нужно спрятать Викторию: ей всего девять лет, она до смерти напугана. Он тащит ее под кровать, в укрытие.

— Сиди здесь, слышишь? — говорит он ей. — Не шевелись.

Она только кивает. Не может говорить от страха.

Паоло. Винченцо. Джузеппина.

Иньяцио выбегает из комнаты. Короткий коридор кажется ему бесконечным. Он чувствует, как стена уходит из-под ладони, нащупывает ее, но она снова отступает, будто живая.

Он вбегает в спальню Паоло, брата. Сквозь щели в ставнях в комнату проникает слабый свет. Его невестка Джузеппина уже вскочила с кровати. Материнский инстинкт разбудил ее, подсказал, что над ее младенцем Винченцо нависла беда. Она пытается вынуть малыша из плетеной

корзины, привязанной к потолочным балкам, но колыбель качается на сейсмических волнах. Женщина плачет, в отчаянии тянет руки, стараясь остановить страшные качели.

Шаль, прикрывающая ее голые плечи, падает на пол.

— Сынок! Бежим скорее! Пресвятая Мадонна, помоги нам!

Джузеппина успевает забрать из колыбели новорожденного. Винченцо открывает глаза и заходится плачем.

В суматохе Иньяцио замечает чью-то тень. Это Паоло, брат. Он вскакивает с постели, подбегает к жене, выталкивает ее в коридор.

— Уходим!

Иньяцио возвращается к себе.

— Подожди! Виктория! — кричит он.

Виктория в темноте под кроватью свернулась калачиком, обхватив голову руками. Он подхватывает ее и бежит прочь. Куски штукатурки отваливаются от стен, гул землетрясения нарастает.

Девочка вцепилась в него, чуть не рвет рубашку, тонкими пальчиками царапает ему грудь, так ей страшно.

Паоло на пороге, они бегут вниз по лестнице.

— Сюда, скорее!

Выбегают на середину двора, ударные волны становятся все сильнее. Какое счастье, что они вместе, впятером. Жмутся друг к другу, пригнули головы, закрыли глаза.

Иньяцио молится и дрожит, и надеется. Рано или поздно все заканчивается. Должно закончиться.

Время рассыпается на миллионы мгновений.

Как и нарастал, постепенно, гул стихает и вскоре угасает совсем.

Остается только ночь.

Но Иньяцио знает, что тишина обманчива. Ему рано пришлось постичь науку, которую преподносит землетрясение.

Он поднимает голову. Сквозь рубашку чувствует страх Виктории, дрожь ее тела, ее ноготки больно царапают кожу. Он читает страх и на лице невестки, замечает радость в глазах брата; видит, как Джузеппина ищет руку мужа, а Паоло отворачивается и идет к дому.

— Слава Богу, дом устоял! Днем посмотрим, нет ли трещин, все ли цело…

Винченцо улучил момент и громко заплакал. Джузеппина утешает его:

— Тише, тише, мой маленький, все хорошо.

Баюкая малыша, подходит к Иньяцио и Виктории. Джузеппине все еще страшно: Иньяцио слышит ее учащенное дыхание, чувствует запах

пота, запах страха, к которому примешивается аромат мыла, исходящий от ее ночной рубашки.

— Виктория, как ты? Все хорошо? — спрашивает Иньяцио.

Племянница кивает, но не отпускает дядину рубашку. Иньяцио приходится разжать ее ручку. Он понимает ее страх: девочка, дочь его брата Франческо, круглая сирота. После смерти родителей ребенок остался на попечении Паоло и Джузеппины, единственных, кто мог заменить ей семью и дать крышу над головой.

— Я здесь. Не бойся.

Виктория молча смотрит на него, потом бросается к Джузеппине и крепко-крепко обнимает ее.

Виктория живет с Джузеппиной и Паоло с тех пор, как они поженились, то есть почти три года. Характером она похожа на дядю Паоло: замкнутая, молчаливая, гордая. Но сейчас это просто несчастный, испуганный ребенок.

У страха много лиц. Иньяцио знает, что его брат, к примеру, не будет стоять и плакать. Подбоченившись, он с мрачным видом осматривает свой двор, переводит взгляд на окружающие долину горы.

— Пресвятая Дева, сколько же это длилось?

Его вопрос повисает в тишине.

— Не знаю. Долго, — помолчав, отвечает Иньяцио. Он пытается успокоить внутреннюю дрожь. Лицо напряжено от страха, тонкие нервные руки подрагивают, желваки ходят под лохматой бородой. Он моложе Паоло, хоть и выглядит старше своего возраста.

Напряжение отпускает, сменяется слабостью. Иньяцио чувствует сырость утреннего воздуха, острые камни под ногами, тошноту. Он выскочил из дома босой, в одной ночной рубашке. Откидывает волосы со лба, смотрит на брата, потом на невестку.

Решение приходит в один миг.

Он бежит к дому. Паоло — за ним, хватает за руку.

— Куда ты собрался?

— Им нужны одеяла, — кивает в сторону Виктории и баюкающей младенца Джузеппины. — Оставайся с женой. Я схожу.

Не дожидаясь ответа, Иньяцио торопливо и вместе с тем осторожно поднимается по ступеням. На пороге останавливается, ждет, когда глаза привыкнут к полумраку.

Посуда, стулья — все валяется на полу. У кадки рассыпана мука, белое облачко еще кружит в воздухе.

У Иньяцио сжимается сердце: это дом Джузеппины, ее приданое. Это

семейный очаг Джузеппины и Паоло, радушно приветивший и его, Иньяцио. Грустно сейчас видеть дом таким бесприютным.

Иньяцио колеблется. Он знает, что будет, если придет новая волна.

Нерешительность длится мгновение. Иньяцио бежит в дом, срывает с постелей одеяла.

Пробирается в свою комнату. Находит мешок с рабочими инструментами, хватает его. Видит железную шкатулку на полу. Открывает. Обручальное кольцо матери сияет в полумраке словно в утешение.

Кидает шкатулку в мешок.

В коридоре на полу валяется шаль Джузеппины: должно быть, невестка, убегая, обронила. Она никогда не расстается с ней, носит эту шаль с первого дня, как вошла в их семью.

Он хватает шаль, бежит к лестнице, спешно крестится на распятие у входа.

Через минуту земля снова начинает дрожать.

* * *

— Быстро прошло, слава Богу.

Иньяцио отдает брату одеяла, другим укрывает Викторию и, наконец, протягивает Джузеппине шаль. Та, спохватившись, ощупывает свои голые плечи, ночную сорочку:

— Но…

— Я нашел ее на полу, — объясняет Иньяцио, опуская глаза.

— Спасибо, — бормочет Джузеппина. Закутывается в теплую мягкую шаль, чтобы согреться. Дрожит не только от ночной прохлады — от тревожных воспоминаний.

— Зря мы стоим на улице. — Паоло распахивает дверь хлева. Корова мычит, будто возражая, а Паоло тащит ее за привязь вглубь сарая. Зажигает фонарь. Кидает охапки сена к стене.

— Виктория, Джузеппина, садитесь!

Это проявление заботы, Иньяцио знает, но тон у Паоло беспрекословный. Джузеппина и Виктория растерянно смотрят на небо, на дорогу. Они так и будут стоять во дворе всю ночь, если не сказать им, что делать. Это обязанность главы семейства. Быть сильным, защищать — вот задача мужчины, особенно такого мужчины, как Паоло.

Виктория и Джузеппина падают на кучу соломы. Девочка сворачивается калачиком, сжав кулачки перед лицом.

Джузеппина смотрит на нее. Смотрит и не хочет вспоминать, но коварная, гадкая память хватает за горло и затягивает в прошлое.

Ее детство. Смерть родителей.

Джузеппина закрывает глаза, тяжело вздыхает, отгоняя воспоминания. Пытается отогнать. Она прижимает к себе Винченцо, затем осторожно открывает разрез ночной сорочки. Ребенок мигом прилипает к груди. Ручкой мнет тонкую кожу, ноготками царапает ареолу соска.

Она жива, ее сын жив. Он не останется сиротой.

Иньяцио стоит на пороге. Внимательно смотрит на дом. В темноте он пытается определить, не просел ли фундамент, не покосились ли стены, но ничего не видит. Он не спешит делать выводы, но таит надежду, что *на этот раз* все обошлось.

Воспоминание о матери — порыв ветра в ночи. Мать смеется, протягивает руки, а он, маленький, бежит ей навстречу. Шкатулка в мешке вдруг кажется очень тяжелой. Иньяцио вынимает шкатулку, достает золотое кольцо. Сжимает его в кулаке, прижав руку к сердцу.

— Мама! — шепчет он едва слышно.

Это молитва, которая дает утешение. Это тоска по ласке, которой ему так не хватало. С семи лет. С тех пор, как умерла Роза, его мать. Шел 1783 год, год кары Господней, год, когда земля дрожала, пока от Баньяры не остались лишь обломки. Та катастрофа затронула Калабрию и Сицилию, тысячи людей погибли. В одну ночь землетрясение унесло несколько десятков жизней только в Баньяре.

Тогда он и Джузеппина тоже оказались рядом.

Иньяцио хорошо ее помнит. Худенькая бледная девочка стояла рядом с братом и сестрой и смотрела на два земляных холмика, отмеченные одним крестом: ее родители погибли под обломками дома.

Он был с отцом и сестрой; Паоло стоял чуть поодаль — руки сжаты в кулаки, хмурый взгляд подростка. В те дни оплакивали не только своих близких: родителей Джузеппины, Джованну и Винченцо Саффьотти хоронили в тот же день, что и его мать, Розу Беллантони, прощались тогда и с другими жителями Баньяры. Фамилии повторялись: Барбаро, Сполити, Ди Майо, Серджи, Флорио.

Иньяцио смотрит на невестку. Джузеппина поднимает глаза, их взгляды встречаются, и вдруг он отчетливо понимает, что ее преследуют те же воспоминания.

Они говорят на одном языке, чувствуют одну боль, несут в себе одно одиночество.

* * *

— Надо пойти посмотреть, как остальные, — Иньяцио машет рукой в сторону холма за Баньярой. Огоньки в темноте означают, что там жилье, там люди. — Ты что, не хочешь узнать, все ли в порядке у Маттии и Паоло Барбаро?

В его голосе нотки сомнения. Иньяцио двадцать три года, настоящий мужчина, но для Паоло он ребенок, тот, что прятался за родительским домом, за кузницей отца, когда *их* мать его ругала. Потом, при *другой*, новой жене отца, Иньяцио никогда не плакал. Просто смотрел на нее с нескрываемой ненавистью и молчал.

— Зачем? — Паоло пожимает плечами. — Дома стоят, значит, все в порядке. Сейчас ночь, темно, а Пальяра далеко.

Но Иньяцио с тревогой смотрит на дорогу, переводит взгляд на холмы, окружающие город:

— Нет, все-таки пойду, посмотрю, как они.

Он идет по тропе, ведущей к центру Баньяры, вслед ему летит ругань брата.

— Вернись! — кричит Паоло, но Иньяцио лишь машет рукой и мотает головой, мол, нет, уходит.

Он босой, в одной ночной рубашке, но словно не замечает этого. Нужно проведать сестру. Иньяцио спускается с холма, где лежит Пьетралиша, и быстро входит в город. Повсюду камни, обломки, куски штукатурки, разбитая черепица.

Вот бежит человек, у него рана на голове. Кровь блестит в свете факела, которым он освещает переулок. Иньяцио пересекает площадь, идет по узким улочкам, куда из дворов высыпали куры, козы, собаки. Кругом суматоха.

Во дворах женщины и дети громко молятся, перекрикиваются, чтобы узнать новости. Мужчины ищут в завалах заступы, мотыги, ящики с инструментами — единственное, что может обеспечить пропитание, что ценнее еды или одежды.

Иньяцио идет по дороге, ведущей в предместье Гранаро, где находится дом Барбаро.

Вдоль дороги виднеются каменные и деревянные лачуги.

Раньше здесь стояли настоящие дома — он тогда был мал, но хорошо помнит. Их разрушило землетрясение 1783 года. Кто мог, отстроил свое жилище заново из того, что удалось спасти. Кто-то сумел на месте руин

построить большой и богатый дом, как сделал Паоло Барбаро, муж их сестры, Маттии Флорио.

Маттия сидит на скамейке босая. Темные глаза, строгий взгляд. Дочь Анна крепко вцепилась в ночную сорочку матери, на руках у которой спит малыш Рафаэле.

Как она сейчас похожа на мать! — думает Иньяцио. Он подходит к ней, крепко обнимает, не говоря ни слова. На сердце сразу становится тепло.

— Как вы? Паоло, Винченцо? А Виктория? — Она берет его лицо в свои ладони, целует глаза. Сдерживается, чтобы не заплакать. — Как Джузеппина? — Она снова обнимает его, и он чувствует запах хлеба и фруктов, запах дома.

— Все спасены, слава Богу. Паоло устроил их в хлеву. Я пришел узнать, как ты… как вы.

Со стороны хозяйственного двора появляется Паоло Барбаро. Зять. Он ведет за привязь осла.

Иньяцио чувствует, как Маттия вся сжимается от страха.

— Вот и хорошо! А я как раз направлялся к тебе и твоему брату. — Паоло запрягает осла в телегу. — Нужно ехать в порт — проверить лодку. Делать нечего, Иньяцио, поедешь со мной.

Иньяцио разжимает руки, одеяло падает.

— Прямо так? Я не одет.

— Ну и что? Чего стыдиться?

Паоло Барбаро невысокого роста, коренастый. Иньяцио, напротив, суховатый, стройный. Маттия смотрит на мужа, дети испуганно жмутся к ней.

— В комоде есть одежда. Можешь надеть… — говорит она брату.

— Тебя кто спрашивает? Что ты все время лезешь не в свое дело? — раздраженно перебивает ее Паоло и добавляет, обращаясь к Иньяцио: — А ты садись, пошевеливайся! Кто сейчас будет на тебя смотреть?!

— Маттия хотела мне помочь, — пытается встать на ее защиту Иньяцио. Ему больно видеть сестру с опущенной головой, с покрасневшими от унижения щеками.

— Вечно моя жена болтает лишнее! Поехали! — Паоло прыгает в телегу.

Иньяцио хочет возразить, но Маттия останавливает его умоляющим взглядом. Да он и сам прекрасно знает, что Барбаро никого не уважает.

* * *

Море вязкое, чернильного цвета, сливается с ночью. Иньяцио спрыгивает с телеги, едва они подъезжают к порту.

Перед ним продутая ветром бухта, песок и камни, защищенные острыми выступами гор и мыса Мартурано.

Возле лодок кричат люди, проверяют груз, натягивают канаты.

Здесь так оживленно, что кажется, будто сейчас полдень.

— Пошли! — Барбаро направляется к башне короля Рожера, где море глубже и пришвартованы большие суда.

Они подходят к судну. Это «Сан-Франческо ди Паола», баркас Флорио и Барбаро. Грот-мачта качается в такт волнам, бушприт тянется вперед, в море. Паруса сложены, такелаж в порядке.

Из трюма пробивается узкая полоска света. Барбаро вытягивает шею, прислушивается к скрипу, лицо его выражает одновременно удивление и досаду.

— Шурин, это ты?

— А кто, по-твоему? — Из люка появляется голова Паоло Флорио.

— Почем мне знать? После того, что случилось этой ночью…

Но Паоло Флорио больше не слушает его. Он смотрит на Иньяцио.

— И ты здесь! Что ж ты мне ничего не сказал? Взял и исчез. Давай сюда, живо! — Он исчезает в чреве судна, брат следует за ним. Зять остается на палубе, чтобы проверить левый борт, которым баркас ударился о каменный мол.

Иньяцио протискивается в трюм меж ящиков и холщовых мешков, которые из Калабрии должны отправиться в Палермо.

Это их работа — торговля, главным образом морская.

Совсем недавно в Неаполитанском королевстве случился большой переполох: мятежники изгнали короля и провозгласили Неаполитанскую республику. Этими заговорщиками были дворяне, распространявшие идеи демократии и свободы, как в революционной Франции, где полетели головы Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Фердинанд и Мария Каролина, однако, проявили предусмотрительность и вовремя бежали при поддержке той части армии, которая осталась верна англичанам — историческим врагам Франции, опасаясь, что *лаццарони*, простолюдины, растерзают их со всей яростью, на какую только способны.

Но сюда, в калабрийские горы, докатилась лишь последняя волна той революции. Случались убийства, солдаты не понимали, кому подчиняться,

а разбойники, которые всегда промышляли грабежом на горных тропах, не гнушались нападать и на торговцев на побережье. Из-за разбойников и революционеров передвигаться по суше стало рискованно. И пусть в море нет ни церквей, ни таверн, но там уж точно безопаснее, чем на дорогах королевства Бурбонов.

Внутри небольшого трюма душно. Цитроны в плетеных корзинах — они особенно ценятся парфюмерами, рыба — сушеная треска и соленая сельдь. В глубине трюма — кожи, готовые для отправки в Мессину.

Паоло проверяет мешки с товаром. В трюме стоит крепкий запах соленой рыбы, смешанный с кисловатым запахом кож.

Пряностей в трюме нет. До отплытия судна они хранятся дома. Влага и соленый морской воздух им вредны, пряности требуют бережного обращения. У них экзотические имена, когда их произносишь, представляешь себе солнце и лето, а на языке чувствуешь вкус: перец, гвоздика, калган, корица. Вот где настоящее богатство.

Иньяцио вдруг замечает, что Паоло сам не свой. Это ясно по его жестам, словам, заглушаемым плеском волн за бортом лодки.

— Что случилось? — спрашивает Иньяцио. Он боится, что брат поссорился с Джузеппиной. Его невестку не назовешь покорной, а именно такой надлежит быть жене. По крайней мере, жене, подобающей Паоло. Но не семейные дела тревожат брата, Иньяцио чувствует. — Что случилось? — повторяет он.

— Я хочу уехать из Баньяры.

Слова звучат в тишине, ненадолго воцарившейся между ударами волн. Иньяцио надеется, что он не так понял, хотя знает, что Паоло и раньше думал об этом.

— Куда? — спрашивает Иньяцио скорее настороженно, чем удивленно. Он боится. Его охватывает неосознанный, древний страх, он как зверь, дышит в лицо горечью бесприютности.

Маттия и Паоло всегда были рядом. Теперь у Маттии своя семья, а Паоло хочет уехать. Оставить его одного.

Брат понижает голос. Переходит на шепот.

— По правде говоря, я давно об этом думаю. Сегодняшняя ночь убедила меня, что это правильное решение. Я не хочу, чтобы Винченцо рос здесь, не хочу подвергать его опасности, не хочу, чтобы он погиб под обломками своего дома. И потом… — Он смотрит на Иньяцио. — Я хочу добиться большего, брат. Мне мало этого города. Мне мало этой жизни. Я хочу в Палермо.

Иньяцио открывает рот, чтобы ответить, но не может. Он растерян,

чувствует, что слова рассыпаются в прах.

Конечно, Палермо. Это очевидный выбор: Барбаро и Флорио, как их называют в Баньяре, владеют там лавкой пряностей.

Иньяцио вспоминает. Все началось примерно два года назад с *фондако* — небольшого склада, где хранились товары, которые они закупали вдоль побережья, чтобы затем перепродать на острове. Сначала это было продиктовано необходимостью, но вскоре Паоло понял, что дело может оказаться прибыльным, если расширить торговлю в Палермо, ведь сейчас это один из важнейших портов Средиземноморья. Так небольшой склад превратился в лавку. *К тому же в Палермо много выходцев из Баньяры,* думает Иньяцио. Это оживленный, богатый город, он откроет новые возможности, особенно сейчас, когда там обосновались бежавшие от революции Бурбоны.

Иньяцио кивает в сторону палубы над ним, где слышны шаги зятя.

Нет, Барбаро пока не знает. Паоло знаками велит Иньяцио молчать. Чувство одиночества сжимает Иньяцио горло.

* * *

Возвращаются домой молча. Баньяра, пленница остановившегося времени, ждет рассвета нового дня. Вот и Пьетралиша, братья входят в хлев. Виктория спит, и Винченцо тоже. Только Джузеппина бодрствует.

Паоло садится рядом с женой, та, настороженная, даже не шелохнется.

Иньяцио ищет место на соломе, ложится рядом с Викторией. Девочка вздыхает. Он машинально обнимает ее, но сам не может уснуть.

Трудно принять такое известие. Как он справится один, ведь он всегда жил с ними?

* * *

Рассвет проникает сквозь щели в дверях и рассеивает темноту. Золотой свет — предвестник надвигающейся осени. Иньяцио поеживается от холода: спина и шея у него затекли, в волосах полно соломы. Он осторожно будит Викторию.

Паоло уже встал. Он ворчит, а Джузеппина баюкает плачущего малыша.

— Нужно вернуться домой, — решительно заявляет она. — Винченцо

надо переодеть, и вообще, я не собираюсь оставаться здесь. Неприлично это!

Паоло ворчит, распахивает дверь: в сарай врывается солнце. Дом уцелел, и сейчас, на рассвете, они видят кругом мусор и куски черепицы. Но, главное, дом стоит, на его стенах нет трещин. Она шепотом благодарит Бога. Можно вернуться домой.

Следом за Паоло к дому идет Иньяцио, за ним — Джузеппина. Он чувствует ее нерешительную поступь, готовый в любой момент помочь.

Они переступают порог. На кухне повсюду разбитая посуда.

— Пресвятая Богородица, вот горе-то! — Джузеппина крепко держит младенца, который раскричался не на шутку. От ребенка пахнет прокисшим молоком. — Виктория, помоги мне! Прибери здесь, я не могу одна. Шевелись!

Девочка, отставшая от всех, входит в дом. Ищет теткин взгляд, но та не смотрит в ее сторону. Плотно сжав губы, девочка принимается собирать осколки. Она не будет плакать, не должна.

Джузеппина идет по коридору, куда выходят спальни. Каждый ее шаг — это стон, от которого сжимается сердце. Ее дом, ее гордость, полон мусора и обломков. Понадобится несколько дней, чтобы навести здесь порядок.

Она заходит в комнату и первым делом моет Винченцо. Кладет его на перину, чтобы помыться самой. Малыш резвится, пытаясь схватить себя за ножку, и заливается радостным смехом, когда у него получается.

— Ангел мой, — говорит она ему. — Любовь моя!

Винченцо — ее сокровище, ясная звездочка. Тот, кого она любит больше всего на свете.

Джузеппина надевает домашнее платье. На плечах все та же шаль, концы которой она завязывает за спиной.

Паоло заходит в комнату в тот самый момент, когда она кладет сына в колыбель.

Он распахивает окно. Октябрьский воздух врывается в комнату вместе с шелестом деревьев — буковая роща уже краснеет у гор. Сорока трещит в огороде, за которым ухаживает сама Джузеппина.

— Мы не можем оставаться здесь, в Пьетралише, — говорит Паоло.

— Почему? Дом ненадежен? Где-то трещины? — Джузеппина застывает с подушкой в руках.

— Крышу надо починить, но дело не в этом. Мы должны уехать отсюда. Из Баньяры.

Джузеппина не верит своим ушам. Подушка падает у нее из ее рук.

— Почему?

— Потому. — Голос Паоло звучит так, что сомнений не остается: за этим лаконичным ответом стоит твердое решение.

— Как? Уехать из моего дома? — Она смотрит прямо перед собой.

— Из нашего дома.

Из *нашего* дома? Джузеппина стоит перед мужем, стиснув зубы. *Это мой дом*, думает она с обидой, *мой, это мое приданое, а ты и твой отец всегда хотели денег, много денег, и все вам было мало…* Джузеппина прекрасно помнит бесконечные споры о приданом, которое хотели получить за нее Флорио. Чего стоило угодить им! Она-то вовсе не хотела замуж. И вот теперь он решил уехать? Почему?

Нет, нет, зачем ей знать? Она выходит из комнаты, бежит по коридору, подальше от этого разговора.

Паоло идет за ней.

— На стенах трещины, с крыши упала черепица. Если тряхнет еще раз, все посыплется нам на голову.

Они входят на кухню. Иньяцио сразу все понимает. Ему известны приметы надвигающейся бури, и сейчас она неминуема. Кивком он отсылает Викторию прочь, та бежит к лестнице, на улицу. Иньяцио отступает в коридор, но остается за порогом: он боится резкости Паоло и гнева невестки.

Из этой ссоры не выйдет ничего хорошего. У них никогда не выходит ничего хорошего.

Джузеппина берет веник, чтобы подмести муку.

— Так почини, ты глава семьи. Или найди работников.

— Я не могу сидеть дома и следить за работниками, у меня нет на это времени. Если я не выйду в море, нам нечего будет есть. Я курсирую с товаром между Неаполем и Палермо, но я не хочу всю жизнь быть бедняком из Баньяры. Я хочу достичь большего — ради себя, ради своего сына.

У нее вырывается восклицание — что-то между презрением и грубым смешком.

— Ты всегда останешься бедняком из Баньяры, даже если пробьешься ко двору Бурбонов. Думаешь, деньги смогут тебя изменить? Ты плаваешь на судне, купленном в складчину с зятем, а он обращается с тобой хуже, чем с прислугой.

Джузеппина возится с посудой.

Иньяцио слышит стук тарелок друг о друга. Видит порывистые движения невестки, ее согнувшуюся над лоханью спину.

Он понимает ее чувства: злость, растерянность, испуг. Тревогу.

Он испытывает то же начиная с прошедшей ночи.

— Мы должны уехать в ближайшее время. Нужно предупредить твою бабушку, что…

Тарелка летит на пол.

— Я никуда не уйду из *своего* дома! Даже не думай!

— Твой дом! — у Паоло готово вырваться крепкое словцо. — Твой дом! Ты все время твердишь об этом, с тех пор как мы поженились. Ты, твои родственники, твои деньги! Я, я содержу тебя, ты живешь на заработанное мною!

— Да. Это мой дом, он достался мне от родителей. Ты и мечтать не мог о таком. Жил на сеновале у своего зятя, забыл? Ты получил дукаты от моего отца и дяди, а теперь решил уехать отсюда?

В гневе она швыряет на пол медную кастрюлю.

— Я никуда не поеду! Это мой дом! Крыша сломана? Починим! Без тебя починим, ты же всегда в море! Уезжай, уходи, куда хочешь. Мы с сыном останемся в Баньяре.

— Нет. Ты моя жена. Сын мой. Будешь делать то, что я велю. — Тон у Паоло ледяной.

Джузеппина бледнеет.

Она закрывает лицо фартуком, бьет себя по лбу кулаками в бессильной ярости, требующей выхода.

Иньяцио хотел бы вмешаться, успокоить ее и брата, но не может, не должен, поэтому отводит взгляд, сдерживается.

— Негодяй, хочешь отнять у меня всё? Всё! — рыдает Джузеппина. — Здесь моя тетя, бабушка, могилы моего отца и моей матери. А ты, ты ради денег хочешь, чтобы я пожертвовала всем? Что ты за муж такой?

— Прекрати!

Она не слушает его.

— Нет, говоришь? Нет? Куда мы поедем, черт возьми?

Паоло смотрит на осколки глиняной тарелки, отодвигает один носком ботинка. Он ждет, пока рыдания жены стихнут, прежде чем ответить.

— В Палермо, где мы с Барбаро открыли лавку пряностей. Это очень богатый город, с Баньярой не сравнишь!

Он подходит, гладит жену по плечу. Неловкий, грубоватый жест, но в нем робкое проявление заботы.

— Кроме того, в порту живут наши земляки. Тебе не будет там одиноко.

Джузеппина стряхивает руку мужа.

— Нет, — рычит она. — Я не поеду.

Тогда светлые глаза Паоло каменеют.

— *Нет* — это говорю я. Я твой муж, и ты поедешь со мной в Палермо, даже если придется тащить тебя за волосы до самой башни короля Рожера. Собирай вещи. На следующей неделе мы уезжаем.

Пряности
Ноябрь 1799 — май 1807

Будешь трудиться, будут и деньги водиться.

Сицилийская пословица

С 1796 года над Италией бушуют ветра революции, новые веяния распространяются войсками под командованием молодого и амбициозного генерала — Наполеона Бонапарта.

В 1799 году якобинцы Неаполитанского королевства восстают против бурбонской монархии, провозглашая Неаполитанскую республику. Фердинанд IV Неаполитанский и Мария Каролина Австрийская вынуждены бежать в Палермо. Они вернутся в Неаполь лишь в 1802 году; республиканский период завершится жестокими репрессиями.

В 1798 году для противостояния растущему влиянию французов ряд государств, включая Великобританию, Австрию, Россию и Неаполитанское королевство, объединяются против Франции. Но уже после поражения в битве при Маренго (14 июня 1800 года) австрийцы подписывают Люневильский мир (9 февраля 1801 года), а через год по Амьенскому мирному договору (25 марта 1802 года) Британия также заключает перемирие с французами, сумев, однако, сохранить колониальные владения. Английский флот расширяет, таким образом, свое присутствие в Средиземном море, в частности, на Сицилии.

2 декабря 1804 года Наполеон провозглашает себя императором Франции, а после решающей победы при Аустерлице (2 декабря 1805 года) объявляет низложенной династию неаполитанских Бурбонов и отправляет в Неаполь генерала Андре Массена с поручением посадить на трон своего брата, Жозефа Бонапарта, который фактически становится королем Неаполя. Фердинанд вынужден снова бежать в Палермо под защиту англичан, он продолжает править Сицилией.

Корица, перец, тмин, анис, кориандр, шафран, сумах, кассия…

Пряности используются не только для приготовления пищи, нет. Это лекарства, это косметика, это яды, это запахи и воспоминания о далеких землях, где мало кто побывал.

Чтобы попасть на прилавок, палочка корицы или корень имбиря должны пройти через десятки рук, проехать в длинном караване на спине мула или верблюда, пересечь океан, добраться до европейского порта.

Конечно, с каждым шагом их стоимость увеличивается.

Богатый человек — тот, кто может купить их, богатый — тот, кто может торговать ими. Пряности для кухни, а тем паче для медицины и парфюмерии доступны немногим избранным.

Венеция разбогатела на торговле пряностями и сборе таможенной дани. Сейчас, в начале XIX века, пряностями торгуют англичане и французы. Это из их заморских колоний прибывают корабли, груженные не только лекарственными травами, но и сахаром, чаем, кофе, какао-бобами.

Падают цены, расширяется ассортимент, открываются порты, увеличиваются поставки. В деле не только Неаполь, Ливорно или Генуя — и в Палермо продавцы пряностей объединяются в корпорацию. У них даже есть своя церковь — Сант-Андреа дельи Амальфитани, названная в честь любимого амальфийцами святого Андрея.

И растет число тех, кто может позволить себе продавать пряности.

* * *

У Иньяцио перехватывает дыхание.

Как и всегда.

Всякий раз, когда баркас приближается к порту Палермо, он чувствует трепетное волнение, словно влюбленный. Он улыбается, обнимает Паоло за плечи, и брат отвечает ему тем же.

Нет, он не оставил его в Баньяре. Он взял его с собой.

— Ты доволен? — спрашивает.

Иньяцио кивает, его глаза блестят, грудь вздымается, он вдыхает открывающееся перед ним величие города.

Он оставил Калабрию, свою семью, или, вернее, то, что от нее осталось. Но теперь глаза его наполнены небом, наполнены морем, он не боится будущего. Страх одиночества — химера.

Душа замирает от красоты: бесчисленные оттенки синевы, из которой выступают стены порта, нагретого полуденным солнцем. Устремив взгляд на горы, Иньяцио гладит обручальное кольцо матери на безымянном пальце правой руки. Он надел его, чтобы не потерять. Прикасаясь к кольцу, он чувствует, что мать где-то рядом: он слышит ее голос, она зовет его.

Город перед ним обретает зримые очертания.

Купола, облицованные майоликой, зубчатые башни, черепица. Вот и бухта Кала, где пришвартованы фелуки, бригантины, шхуны. Бухта в форме сердца, заключенного меж двумя полосками земли. За лесом корабельных мачт можно увидеть городские ворота и надстроенные над ними палаццо: Порта-Доганелла, Порта-Кальчина, Порта-Карбоне. Дома лепятся друг к другу, толкаются, будто хотят отвоевать себе немного места, чтобы хоть краешком фасада смотреть на море. Слева из-за крыш выглядывает колокольня церкви Санта-Мария ди Порто Сальво; чуть дальше вырисовываются церковь Сан-Мамилиано и узкая башня церкви Аннунциата, а затем, почти вровень со стенами — восьмигранный купол Сан-Джорджо деи Дженовези. Справа еще одна церковь, небольшая приземистая Санта-Мария ди Пьедигротта, и внушительный силуэт окруженного рвом замка Кастелламаре; чуть дальше, на одной из полосок земли, огибающих бухту, — лазарет, куда помещают на карантин заболевших моряков.

Надо всем нависает мыс Монте-Пеллегрино. За ним тянется цепочка покрытых лесом горных вершин.

Аромат поднимается от земли и парит над водой: в нем перемешаны запахи соли, фруктов, горелых дров, водорослей, песка. Паоло говорит, это запах земли. А Иньацио думает: нет, это запах Палермо.

Из гавани доносятся звуки трудовой жизни. Аромат моря перекрывается едким зловонием: запахом навоза, пота, смолы и стоячей воды.

Ни Паоло, ни Иньацио не замечают, что Джузеппина смотрит назад, в открытое море, словно хочет увидеть далекую Баньяру.

Она вспоминает прощание с Маттией. Для нее эта женщина не просто золовка: она — подруга, опора, помощь в первые трудные месяцы после свадьбы с Паоло.

Джузеппина надеялась, что Барбаро и Маттия приедут следом за ними в Палермо, но эта надежда враз умерла. Паоло Барбаро заявил, что предпочитает остаться в Баньяре, но будет часто наезжать в Палермо: для торговли с Севером нелишне использовать еще одну безопасную гавань. Да и жена должна заботиться о доме и детях. Джузеппина, по правде говоря, подозревала, что он стремится оградить Маттию от влияния братьев: Барбаро не очень нравились их близкие отношения, особенно ее привязанность к Иньацио.

Одинокая слеза катится по щеке, исчезает в складках шали. Джузеппина вспоминает шелест деревьев, подбирающихся к самому морю, дорогу через Баньяру к башне короля Рожера, солнечный свет, играющий

на воде, на гальке пляжа.

Там, в бухте под башней, Маттия поцеловала ее в щеку.

— Не думай, что ты одна. Я попрошу писаря отправить тебе письмо, и ты тоже пиши. Не плачь, пожалуйста.

— Это нечестно! — Джузеппина сжала кулаки. — Я не хочу!

— Сердце мое, *кори меу*, ничего не поделать. Мы во власти наших мужей. Держись! — Маттия обняла ее.

Джузеппина покачала головой, ей тяжело покидать свою землю. Да, с Маттией не поспоришь: женщины всегда во власти мужей, мужья решают все вопросы. И, как умеют, держат своих жен в узде.

Так и у них с Паоло.

Маттия выпустила Джузеппину из объятий и подошла к Иньяцио.

— Я знала, что рано или поздно это случится. — Она поцеловала его в лоб. — Да хранит вас Господь, и да поможет вам Мадонна, — перекрестила она его.

— Аминь, — ответил он.

Маттия вытянула руки и заключила Джузеппину с Иньяцио в объятия.

— Ты приглядывай за нашим братом Паоло. Он суров со всеми, особенно с ней. Попроси его быть добрее. Ты можешь, ты же брат, ты мужчина. Меня он не послушает, — сказала Маттия.

Вспоминая об этом, Джузеппина чувствует, как сжимается сердце. Там, в бухте, слезы признательности выступили у нее на глазах, она уткнула мокрое лицо в грубую ткань плаща золовки.

— Спасибо, сердце мое.

Маттия в ответ лишь погладила ее по голове.

Иньяцио нахмурился. Он обернулся и посмотрел на Паоло Барбаро.

— А твой муж, Маттия? Твой муж, разве он добрый, он тебя уважает? — и, понизив голос, добавил: — Ты не представляешь, как мне жаль оставлять тебя здесь одну.

— Ничего не поделать, — сестра опустила взгляд. — Он ведет себя так, как ему надлежит себя вести.

Вот и весь сказ. Ее слова — как шорох костра из сухой травы.

Джузеппина уловила в ее голосе то, о чем и сама давно знала: Барбаро был с Маттией груб, обижал ее. Их брак заключен семьями ради денег, как и их с Паоло брак.

Где им, мужчинам, понять, что у них одно на двоих разбитое сердце.

Виктория вырывает ее из воспоминаний, зовет.

— Смотрите, тетя, смотрите! Мы приплыли! — Восторженный взгляд девочки устремлен вперед. Мысль о новом большом городе — не то что

Баньяра — еще до отъезда наполняла ее радостью.

— Там будет хорошо, вот увидите, тетушка, — сказала она накануне.

— Что ты понимаешь, мала еще, — поморщившись, возразила Джузеппина. — Это не наша деревня…

— Вот именно! — не унималась Виктория. — Это город, настоящий город!

Джузеппина покачала головой: жалость, обида и гнев душили ее.

Девочка вскакивает на ноги, показывает куда-то вдаль. Паоло кивает, Иньяцио машет руками.

К ним подплывает лодка, чтобы проводить к причалу. Небольшая толпа зевак на берегу наблюдает за их швартовкой. Барбаро ловит конец троса, наматывает его на битенг. Из толпы выступает человек и машет им рукой.

— Эмидио!

Паоло и Барбаро спрыгивают на землю, здороваются с ним тепло и уважительно. Иньяцио слышит, как они негромко переговариваются. Он устанавливает сходни, чтобы помочь невестке сойти на берег. Джузеппина, задержавшись на палубе, крепко прижимает к себе ребенка, словно желая защитить его от опасности. Иньяцио поддерживает ее под руки и объясняет:

— Это Эмидио Барбаро, двоюродный брат Паоло Барбаро. Он помог купить нам лавку.

Виктория прыгает на землю, подбегает к Паоло. Сердитым жестом он приказывает ей помолчать.

Джузеппина замечает на лице мужа странное, едва заметное напряжение, словно пошатнулась его обычная уверенность, непреклонная решимость, которая так часто ее раздражает. Через секунду лицо Паоло снова становится упрямым и суровым. Строгий, настороженный взгляд. Если Паоло нервничает, он всегда умело скрывает это.

Джузеппина пожимает плечами. Ей все равно. Она обращается к Иньяцио шепотом, чтобы никто их не услышал.

— Я его знаю. Когда была жива его мать, он приезжал в Баньяру, — и, смягчив тон, бормочет: — Спасибо. — Склонив голову, смотрит ему не в лицо, а куда-то в шею.

Иньяцио, помедлив, идет за невесткой.

Он сходит на одетый камнем берег.

Один взгляд — и Палермо проникает глубоко в душу.

Вот он и *в городе*.

Охватившее его тогда ощущение тепла и чуда он будет с грустью

вспоминать спустя много лет, когда по-настоящему узнает этот город.

* * *

Паоло зовет Иньяцио, чтобы тот помог ему погрузить вещи на телегу, которую раздобыл Эмидио Барбаро.

— Я нашел вам жилье рядом с вашими земляками из Баньяры, их здесь, в Палермо, много. Вам будет хорошо.

— Дом большой? — Паоло бросает на телегу плетеную корзину с глиняной посудой. Тарелки глухо бьются друг о друга, одна из них точно треснула. Затем два носильщика ставят на телегу *коррьолу*, сундук с приданым Джузеппины.

— Три комнаты на первом этаже. — Эмидио морщится. — Конечно, они не такие просторные, как в вашем доме в Калабрии. Я узнал про этот дом от одного нашего земляка, а тот — от своего кузена, который недавно вернулся в Шиллу. Главное, дом совсем рядом с вашей лавкой!

Джузеппина смотрит себе под ноги и молчит.

Все уже решено.

Гнев бушует, ревет внутри нее. Она пытается склеить обломки сердца, соединяет их кое-как, и эти осколки впиваются в горло, причиняя невозможную боль.

Где угодно хотела бы она оказаться сейчас. Хоть в аду. Только не здесь!

Паоло и Барбаро остаются разгружать нехитрые пожитки. Эмидио через въездные ворота Порта-Кальчина ведет Джузеппину и Иньяцио к их новому жилищу.

Звуки города обрушиваются на Джузеппину со всех сторон, они звучат грубо, безрадостно.

Воздух гнилой. И улицы все грязные, она сразу отметила. Палермо — жалкая дыра.

Впереди нее идет племянница, громко смеется, прыгает и кружится. *Чему она радуется?* — угрюмо думает Джузеппина, шаркая башмаками по грязной мостовой. *Правду говорят: у кого нет за душой ни гроша, тому терять нечего. Виктория может только получить что-нибудь от жизни.*

Действительно, девочка мечтает, мечтает о будущем, о том дне, когда она перестанет чувствовать себя сиротой, которую пригрели из милости. У нее будут деньги и, если повезет, муж, не из родственников. Больше свободы, другая судьба, не та, что была уготована ей в небольшом городке, зажатом между горами и морем.

Джузеппина чувствует себя обделенной, ущербной.

За воротами дорогу обступают лавки и склады, выходящие в переулки, к ним тесно прижаты дома, похожие на лачуги. Джузеппина видит знакомые лица. Не отвечает на их приветствия.

Ей стыдно.

Она знает их, она хорошо их знает. Эти люди уехали из Баньяры несколько лет назад. *Побирушки*, клеймила их бабушка. *Жалкие бедняки, не хотят оставаться в своих краях*, добавлял дядя, упрекая их в том, что они уезжают на заработки в чужие земли или посылают своих жен работать прислугой в чужие дома. Ведь Сицилия — это другая земля, отдельный мир, который не имеет ничего общего с континентом.

Она чувствует, как бурлит внутри нее гнев: она, Джузеппина Саффьотти, не нищая, ее не гонит нужда за куском хлеба. У нее есть земля, есть дом, есть приданое.

Чем дальше в глубь улиц, тем тяжелее становится у нее на сердце. Она не поспевает за остальными. Не хочет.

Они выходят на небольшую площадь. Слева стоит церковь с колоннами.

— Это Санта-Мария ла Нова, — поясняет Эмидио Джузеппине. — А это церковь Сан-Джакомо. Благочестивый найдет здесь себе место по душе, — добавляет он примирительно.

Она благодарит его, крестится на церковь, но мысли ее далеко. Она вспоминает о том, что́ ей пришлось оставить. Смотрит под ноги, на камни мостовой, на темный базальт, где в грязных лужах валяются остатки фруктов и овощей. Нет ветра, который унес бы прочь запах гниения, запах смерти.

В конце площади они останавливаются. Кое-кто из прохожих замедляет шаг, украдкой бросает на них взгляд; те, кто посмелее, здороваются с Эмидио, рассматривают их самих и нехитрый скарб, оценивают одежду, жесты, буравят любопытными взглядами жизнь новых переселенцев.

Уходите все прочь! — хотела бы закричать Джузеппина. — *Убирайтесь!*

— Вот мы и пришли, — объявляет Эмидио.

Деревянная дверь. Рядом корзины с фруктами, овощами и картофелем.

Эмидио подходит ближе, пинает одну из корзин. Он упер руки в бока и говорит так, словно читает указ на площади.

— Мастер Филиппо, я жду, когда вы это уберете! Прибыли новые жильцы из Баньяры.

Сгорбленный старик-зеленщик с водянистым глазом выходит из лавки, держась за стены.

— Ладно вам… Вот он я! — Он поднимает голову, вторым — живым — глазом скользит по Иньяцио и останавливается на Джузеппине.

— Эх, вижу, вы не торопитесь! Я просил убрать все это еще утром, — упрекает его Эмидио.

Старик шаркает к корзинам, тащит одну. Иньяцио хочет ему помочь. Эмидио кладет руку ему на плечо.

— Мастер Филиппо сильнее нас с тобой, вместе взятых.

В его словах чувствуется какой-то скрытый смысл.

Это первый урок, который Иньяцио усвоит: в Палермо обрывок фразы может значить больше, чем целое высказывание.

Кряхтя и тяжело вздыхая, зеленщик освобождает проход. На брусчатке остаются листья, апельсиновая кожура.

Достаточно одного взгляда Эмидио, чтобы все было убрано.

Наконец-то можно войти.

Джузеппина осматривается. Сразу понятно, что в доме никто не жил месяца два, а то и больше. Кухня с очагом прямо тут, у порога. Дымоход работает плохо: стена почернела, плитки майолики щербатые, испачканы копотью. Стол и один табурет; никаких стульев. Створки деревянных шкафов разбухли от влаги. На потолочных балках паутина, пол грязный, песок скрипит под ногами.

И темно.

Очень темно.

Гнев сменяется отвращением, горькая тошнота подступает к горлу.

И это дом? Мой дом?

Она заходит в спальню, куда прошли Эмидио и Иньяцио. Комната узкая, как коридор: слабый свет проникает из зарешеченного окна, выходящего во внутренний двор. С улицы доносится журчание фонтана.

Две другие комнаты размером чуть больше кладовки. Даже дверей нет, вместо них — занавески.

Джузеппина прижимает к груди Винченцо, смотрит по сторонам и не верит своим глазам. Но все так: грязь, нищета.

Просыпается Винченцо. Он голоден.

Джузеппина возвращается на кухню. Теперь она одна: Иньяцио с Эмидио ушли. Она чувствует, как подкашиваются ноги, и тяжело опускается на табурет, чтобы не рухнуть на пол.

Солнце садится, скоро темнота накроет Палермо, и эта лачуга превратится в склеп.

Когда возвращается Иньяцио, она так и сидит, безучастная ко всему. Ребенок хнычет.

Только тогда она принимается разбирать вещи.

— Помочь? — спрашивает Иньяцио. — Скоро придет Паоло с корзинами и коррьолой. — Иньяцио невыносимо видеть выражение ужаса на лице Джузеппины. Он хотел бы отвлечь ее, хотел бы…

— Постой, — голос у нее срывается, она поднимает голову. — Разве не могли мы найти что-то получше, не такое убогое? — спрашивает она на одном дыхании, ровно, без злости.

— Здесь, в Палермо, нет. Город… это город. Все дорого. Это не наша деревня, — пытается объяснить Иньяцио, но понимает, что слова — пустое.

Она смотрит перед собой невидящим взглядом.

— Хуже, чем сарай. *Лачуга*. Куда привез меня твой брат?

*** * ***

Рассвело. Пустынна площадь Сан-Джакомо, на которую выходит *путия* — лавка Флорио и Барбаро.

Входная дверь скрипит. Паоло заходит внутрь. Затхлый воздух бьет ему в нос.

Иньяцио, идущий следом за братом, тяжело вздыхает. Прилавок раздулся от сырости. Бальзамарии, сосуды для специй и аптекарские банки исчезли.

Братья недоуменно переглядываются, у обоих закипает в груди досада.

— Почем мне знать, что вы приедете сюда насовсем, — шмыгая носом, оправдывается мальчишка-подмастерье, передавший им ключи. — Дон Боттари болен, сами знаете… Неделю как не встает с постели.

Иньяцио думает, что Боттари, скорее всего, не очень-то интересуется лавкой. Видно, что запустение здесь царит давно.

— Дай мне метлу, — говорит Паоло мальчишке. — Иди принеси ведра с водой.

Он берет метлу, начинает подметать пол. Его движения выдают еле сдерживаемый гнев. Не такой он оставлял лавку, когда в последний раз приезжал в Палермо.

Иньяцио, поколебавшись, идет в комнату за занавеской.

Грязь. Беспорядок. Повсюду валяются какие-то бумаги. Старые стулья, потрескавшиеся ступки, сломанные пестики.

Иньяцио охватывает отчаяние: они ошиблись, зря рискнули всем, что у них было. По ритмичным звукам метлы он понимает: Паоло чувствует то же самое.

Шорк, шорк.

Это шорканье — как пощечина. Все пошло не так, как они ожидали. Все.

Иньяцио собирает бумаги, вытряхивает джутовый мешок, чтобы сложить туда мусор. Большой таракан падает ему под ноги.

Шорк, шорк.

Сердце — маленький камушек, который можно сжать в кулаке. Отбрасывает таракана носком ботинка.

*** * ***

В полдень уборка окончена. На пороге Паоло — босой, рукава рубашки засучены — вытирает разгоряченное лицо.

В лавке пахнет мылом. Мальчик протирает полки и оставшиеся альбарелло — аптекарские сосуды, расставляя их, как велит Паоло.

— А, выходит, правда! Открылись, значит.

Паоло оборачивается.

На пороге средних лет мужчина, у него светлые голубые глаза, кажется, будто они выцвели на солнце. Глубокие залысины оставляют открытым высокий лоб. На нем костюм из добротного сукна и пластрон с золотым зажимом.

Позади него — девушка с жемчужными сережками, в накидке, отделанной атласом, под руку с молодым человеком.

— Что, Доменико Боттари сдал лавку в аренду? — спрашивает молодой.

Паоло переводит на него взгляд. У юноши громкий, уверенный голос, лицо усыпано веснушками.

— Я владею этой лавкой вместе с моим братом и зятем. — Паоло протягивает для приветствия руку, предварительно вытерев ее о штаны, подвернутые на щиколотках.

— Вы — хозяева? — лицо юноши кривится в насмешке. — Хозяева сами полы моют?

— Еще один калабриец! — восклицает девушка. — Сколько их тут? Как смешно они говорят, нараспев!

— Что вы намерены делать? Тоже торговать пряностями? — пожилой

господин не обращает внимания на замечание девушки.

Может, это дочь? Возможно, думает Паоло, *они похожи, и очень!*

Молодой подходит к нему, смотрит изучающе.

— Или будете торговать незнамо чем? У кого товар будете брать?

— Думаю, у вас связи с калабрийцами и неаполитанцами. У них будете закупать пряности? — снова спрашивает пожилой.

— Я… мы… — Паоло хотел бы остановить эту канонаду вопросов. Он смотрит по сторонам, ищет Иньяцио, но тот ушел к плотнику за досками, чтобы починить полки и покосившиеся стулья.

На углу рядом с лавкой появляется подмастерье. В руках у него ведро, он смотрит на этих двоих с благоговением. Паоло зовет его, но понимает, что нет, тот не подойдет.

Пожилой подходит к дверям.

— Разрешите? — входит, не дожидаясь ответа. — При Боттари лавка худо-бедно торговала, но с некоторых пор… — Одним беглым взглядом он оценивает ситуацию. — Вам придется поработать, прежде чем вы сможете продать что-то путное. Если не знаете, у кого покупать и как продавать, не продержитесь и дня. Бьюсь об заклад, проработаете с Рождества до Святого Стефана[2]. — Пожилой господин потирает руки.

Паоло прислоняет метлу к стене, опускает засученные рукава. Теперь его голос не столь дружелюбен.

— Правда ваша. Но нам достанет и средств, и сил.

— Удача тоже не помешает. — Юноша проходит в лавку следом за пожилым господином. Рассматривает полки, подсчитывает альбарелло, читает надписи на бальзамариях. — С этим мусором далеко не уедете. Это вам не Калабрия. Это Палермо, столица Сицилии, здесь не место *голодранцам*. — Он берет бальзамарий, проводит пальцем по трещине на сосуде. — Уж не думаете ли вы, что вам пригодится этот хлам?

— Мы знаем, где брать товар. Мы — торговцы пряностями, у нас есть свое судно. Мой зять будет подвозить нам товар каждый месяц. Устроимся сами и все тут устроим. — Паоло невольно оправдывается перед этими людьми, которые над ним насмехаются, хотят поставить его в глупое положение.

— А! Так вы обычные торговцы, не фармацевты!

Молодой человек толкает локтем пожилого и говорит, не удосужившись перейти на шепот:

— А что я вам говорил? Мне показалось странным… В гильдию фармацевтов не поступало запросов, и в гильдию лекарей тоже. Лавочники они.

— Да. Ты прав, — отвечает пожилой.

Паоло хотел бы выгнать их прочь: пришли, любопытствуют, задирают…

— С вашего позволения, мне нужно закончить работу. — Он указывает им на дверь. — Всего хорошего.

Старик перекатывается с носка на пятку. Бросает на Паоло насмешливый взгляд и, щелкнув каблуками, выходит из лавки, не прощаясь.

*** * ***

Вернувшийся Иньяцио застает Паоло с напряженным лицом и дрожащими руками. Он переставляет с места на место бальзамарии и альбарелло, угрюмо смотрит на них, качает головой.

— Что тут было? — спрашивает Иньяцио. Что-то явно произошло в его отсутствие. Брат расстроен.

— Зашли три добрых человека. Двое мужчин и девушка. Набросились с вопросами. Кто такие, чем занимаетесь, как ведете торговлю…

— Любопытные люди, значит. — Иньяцио берет одну из досок, которую принес от плотника, чтобы починить скамьи и шкафы, прилаживает гвоздь, начинает забивать. — Чего хотели?

— Не знаю. Я даже не знаю, кто они. По всему видать, важные птицы.

Иньяцио останавливается. Раздражение в голосе брата — не просто неприязнь, это замешательство, может быть, даже страх. Он нахмурился.

— Паоло, кто это? Что им от нас надо?

— Подмастерье, которого прислал Боттари, рассказал. Бедняга был так напуган, что даже не подошел к нам. — Брат положил руку на плечо Иньяцио. — Приходил Канцонери. Канцонери и его зять, Кармело Сагуто, он очень нагло себя вел.

Иньяцио кладет молоток на прилавок.

— *Тот самый* Канцонери? Поставщик пряностей, снабжающий королевскую армию?

— И местную знать. Да, это был он.

— Зачем он приходил?

Паоло обводит руками лавку. На стенах и на полу колышутся полутени усталого осеннего дня.

— Сказать, что у нас ничего не получится. Он так считает. — В голосе брата отчаяние, проникающее Иньяцио в самое сердце, ненавистное

чувство.

Он берет молоток, хватает гвоздь.

— Пусть себе говорит!

Удар молотка.

Как будто Иньяцио хочет вернуть брату надежду, которую тот дал ему тогда, в Баньяре, когда сказал, что хочет уехать.

— Пусть говорят, что хотят, Паоло. Мы здесь не затем, чтоб голодать, мы не сбежим ночью в Калабрию, как какие-нибудь нищие. — Его голос тверд, в нем кипят гнев, гордость, негодование. Еще гвоздь, еще удар. — Мы решили жить здесь — здесь и останемся.

* * *

За Канцонери потянулись и другие аптекари и фармацевты. Любопытствовали, ходили вокруг да около, заглядывали в окна, посылали своих служек — *посмотреть*.

Лица враждебные, насмешливые или сочувствующие. Один из них, некий Гули, по-дружески посоветовал братьям не хитрить, ибо в Палермо им это с рук не сойдет.

Палермо присматривается к ним, к Флорио. Внимательно присматривается. И не делает скидок. Что касается клиентов, то их мало.

Хотя пряностей сейчас вдоволь, причем отличного качества.

Поэтому, когда спустя какое-то время скрипнула входная дверь, Паоло и Иньяцио не верят своим глазам.

Входит женщина. В платке и переднике. Держит в руке клочок бумаги. Протягивает его Паоло: он стоит ближе.

— Я не знаю, что там написано, — объясняет она. — У мужа болит живот и сильная лихорадка. Велено купить вот это, но денег совсем мало, в аптеку пойти не могу. Я была у Гули, но он сказал, на эти гроши ничего не купишь. Вы можете мне помочь?

Братья переглянулись.

— «Лекарство от запоров», — читает Паоло. — Посмотрим, что у нас есть. Рута душистая, цветы мальвы… — он называет травы.

Иньяцио тянется к полкам, снимает аптекарские сосуды. Травы отправляются в ступку, Паоло выслушивает женщину.

— Четыре дня как муж мучается, не может встать с постели, — говорит она. — Не знаю, что и делать. — Она с тревогой смотрит в сторону Иньяцио, работающего пестиком. *Неужели они смогут вылечить его?* —

Не знаю, куда и податься! Пришлось заложить серьги, чтобы заплатить доктору.

— У вашего мужа жар? Сильный? — Паоло трет подбородок.

— Места себе не находит, ворочается в постели…

— Ему плохо, бедняге… Конечно, если сильный жар… — Иньяцио показывает на большую банку у себя за спиной. Паоло все понимает.

Щепоть темной коры падает в ступку.

Женщина недоверчиво смотрит на Иньяцио.

— Что это?

— Это хина. Кора дерева, которое растет в Перу, ее используют для лечения лихорадки, — терпеливо объясняет Паоло.

Женщина волнуется, шарит по карманам. Иньяцио слышит звон пересчитываемых монет.

— В этот раз не надо платить, не беспокойтесь, — говорит он.

Она не верит своим ушам. Достает деньги, кладет на прилавок несколько тари[3].

— Но другие…

Паоло накрывает своей рукой ее руку.

— Другие — это другие, они делают так, как считают нужным. Мы — Флорио.

Так все и начинается.

* * *

Идут недели одна за другой. Приближается Рождество.

Однажды, когда колокола только пробили полдень, в лавку приходит Джузеппина. Муж и деверь откладывают в сторону банки и аптекарские весы.

— Я принесла вам обед, — говорит Джузеппина. У нее с собой корзина с хлебом, сыром, оливками. Иньяцио ставит перед ней стул, предлагает сесть, но она отрицательно мотает головой: — Мне пора. Там Виктория одна с Винченцо.

Паоло берет ее за руку:

— Не убегай.

Он просит странно мягким тоном, и она осторожно садится рядом с мужем, который протягивает ей кусок хлеба, смоченный в оливковом масле.

— Я уже поела.

Он сжимает ее руку:

— И что? Возьми еще.

Джузеппина соглашается. Но глаз не поднимает.

Иньяцио медленно жует. Смотрит на брата и невестку.

Шутят. Или, вернее, Паоло шутит. Джузеппина берет кусочки, которыми он ее угощает, но лицо у нее напряжено.

В дверь стучат.

— Кто еще там, поесть спокойно не дадут… — Паоло вытирает рот рукавом и идет в лавку. Иньяцио дожевывает последний кусочек сыра и тоже встает.

Джузеппина хватает его за рукав:

— Иньяцио!

Голос у Джузеппины суровый, ему даже кажется, это брат его окликает.

— Что?

— Мне нужна твоя помощь. Я… — Из соседней комнаты доносится звон бальзамариев. — Я хочу отправить письмо Маттии. Ты поможешь написать?

Иньяцио оборачивается:

— А разве Паоло не может тебе помочь?

— Я просила его. — Рука Джузеппины, лежащая на столе, сжимается в кулак. — Он ответил, что у него нет времени, а тут еще я со своими просьбами. Но я знаю, он просто не хочет, а когда я сказала ему об этом, он разозлился. Маттия не знает, как у нас дела, как мы устроились… Раньше мы с ней каждый день виделись в церкви. А сейчас я даже не знаю, жива ли она, я просто хочу ей написать…

Иньяцио вздыхает. Эти двое, как вода и масло: можно налить в одну чашку, но они не смешаются.

Она говорит тихо. Берет его за руку, сжимает его ладонь.

— Я не знаю, к кому обратиться. Мне и поговорить здесь не с кем, не хочу рассказывать человеку постороннему о своих делах. Хотя бы ты, помоги мне.

Иньяцио молчит, думает. Нужно ответить: нет. Пусть обращается к писарю. Он не хочет знать, почему у нее такое несчастное лицо или почему она отталкивает Паоло.

Знать не хочет, но все равно знает: он видит и слышит их каждый день, даже если они не ругаются громко. Есть вещи, которые слышишь не ушами — их ощущаешь душой. А он любит их обоих, хоть и оказался между ними.

И тогда он, кроткий брат, терпеливый и добрый, чувствует, как внутри шевелится змея, ядовитая гадюка. Иньяцио умеет ее сдерживать, побивать камнями, он не имеет права ее выпускать. Он не может учить Паоло, как тому обращаться с женой.

Джузеппина почти кричит:

— Пожалуйста! Я прошу тебя!

Иньяцио знает, что не должен вмешиваться. Он должен уйти, сказать ей, чтобы она еще раз поговорила с Паоло.

Пальцы его руки сами собой переплетаются с ее пальцами.

И тогда он резко отдергивает руку, отвечает, повернувшись к Джузеппине спиной:

— Хорошо. А теперь уходи.

* * *

Когда Паоло спрашивает, зачем он берет домой бумагу и чернила, Иньяцио все объясняет. Видит, как у брата темнеет лицо.

— Молодец. А вот я не хочу выслушивать ее упреки еще и в письме.

За ужином все немногословны, едят ложками из большого блюда в центре стола. В конце нехитрой трапезы — виноград, немного сухофруктов. Виктория ходит по комнате с Винченцо на руках. Баюкает.

Спи, мой сыночек,
храни тебя Бог,
баю-бай.
Выйдет на небо луна,
в колыбельку заглянет,
ветер соленый морской
тебе песню споет.

Джузеппина вытирает руки о фартук. Подходит к Виктории, целует ее.

— Идите спать. У меня есть еще дела. — Она опускается на скамью, убирает с лица прядь волос. — Ну что?

— Возьму бумагу.

Иньяцио идет в комнату, которую делит с Викторией, ищет чернила. Прислушивается к тому, что происходит на кухне.

— Почему ты не спросила меня? — говорит Паоло.

— Ты сказал, что у тебя нет времени. — В голосе Джузеппины звучит

горечь.

— Ну да. — Скрип стула. — Тогда пойду спать.

Иньяцио спешит на кухню, останавливает брата.

— Я готов. Паоло, иди, напишешь и ты два слова.

Джузеппина смотрит на мужа. *Останься*, говорит ее взгляд.

И Паоло остается.

Садится, пишет. Трудный у него характер, но иначе и быть не может, детство у него было тяжелым. Гордый он, как и все Флорио.

Паоло передает бумагу Иньяцио. Тот берет перо, просит Джузеппину начинать.

— Дорогая Маттия… — Она замолкает, переводит дыхание. А после уж не может остановиться.

«Ребенок растет хорошо, братья твои работают с утра до вечера…»

«Дом небольшой, зато рядом с лавкой…»

«Нет здесь трав, которые мы собирали с тобой в горах…»

«Палермо очень большой город, но я знаю только те улицы, которые ведут в порт…»

Иньяцио сосредоточен.

Он чувствует, что *действительно* хочет сказать Джузеппина.

Винченцо — моя отрада, ведь Паоло и Иньяцио оставляют меня одну на весь день, и мне кажется, я схожу с ума в этой дыре. Дыре, потому что наш дом немногим больше, чем кладовка в лавке у братьев, и я все время одна, это невыносимо, со мной лишь сын да Виктория, в этом огромном городе я одна, здесь нет тебя, здесь я теряюсь среди домов, среди грязи. Пусто и одиноко.

Наконец, Джузеппина умолкает.

Паоло подходит к жене, кладет руку ей на плечо.

— Завтра я отправлю письмо, — говорит он. Гладит ее по волосам. В этой ласке — нежность, сожаление, страх. Он хотел бы что-то сказать, но молчит. Выходит из комнаты под растерянным взглядом жены.

Зря он, думает Иньяцио, *надо бы им поговорить. Надо бы ему ее выслушать. Разве не для этого заключается брак? Чтобы вместе нести бремя забот.*

Разве он поступил бы не так?

*** * ***

— Спасибо, дон Флорио, будьте здоровы!

— Всегда в вашем распоряжении. Всего доброго!

Рождество 1799 года пролетело быстро. Прошел еще год, лавка работала. Их, братьев Флорио, не сразу, но признали. Недоверие жителей Палермо и слухи, распущенные Сагуто, зятем Канцонери, долгое время были серьезным препятствием. Многие фармацевты, отчасти из робости, отчасти от нежелания рассердить Канцонери, предпочитали обходить их стороной. Паоло хорошо помнит дни, когда он стоял на пороге в ожидании покупателей, надеялся, что кто-то из аптекарей зайдет купить у них пряностей. Но только Сагуто проходил мимо и злорадствовал, что у них пусто. Паоло поклялся себе, что рано или поздно сотрет с его лица это наглое выражение.

Новый, 1801-й, год принес холод и дожди. Дверь закрывается с привычным, таким родным скрипом. На мгновение шум дождя врывается в лавку вместе с зимним ветром и запахом горелых дров.

Паоло осматривается, ставит на место бальзамарии, оставленные на прилавке.

Конец ушедшего года ознаменовался свирепой эпидемией инфлюэнцы. Рождественские песнопения перемежались с похоронными плачами.

Запасов хины почти не осталось. Самые известные торговцы пряностями, Канцонери к примеру, продавали ее буквально на вес золота и только нужным людям.

Затем совершенно неожиданно от Барбаро пришел товар. Как раз вечером под новый год. Ящиками с товаром была заставлена вся лавка. Слухи об этом быстро расползлись по городу. Так всегда бывает в жизни: кому-то тын да помеха, кому-то — смех да потеха. Так и случилось: на следующий день лавка заполнилась покупателями, и среди них были не только простые горожане.

Торговцы пряностями. Фармацевты. И даже некоторые лекари, кровопускатели.

Они стояли за дверью, почтительно сняв шляпы, позванивая монетами в кармане, и умоляли продать им хину, которую нигде не могли купить.

Еще Паоло помнит, как Кармело Сагуто, проходя по площади Сан-Джакомо, замер и долго не мог поверить своим глазам, глядя на оживление у лавки калабрийцев, которой все брезговали. Он тоже бросился в лавку, расталкивая покупателей, и кричал, чтобы Паоло показал ему хину, потому что «это неправда, вас обманывают», кричал он…

Паоло взял горсть коры и положил на прилавок.

— Кора хинного дерева из Перу. Только что привезли и уже все продали. Возмущайтесь, сколько хотите, Сагуто.

Тот отступил под смущенными взглядами лекарей и травников. Его надутое спесью лицо исказилось в ухмылке. Он постоял немного, потом сплюнул и процедил сквозь зубы:

— Оборванцы.

На следующий день Канцонери пустил слух, что страждущие могут купить у него другие травы по сниженной цене, а для постоянных клиентов у него есть выгодное предложение. Но убытки он все-таки понес.

— Не все тебе жировать, надо и другим оставить кусок, — сказал тогда Паоло.

Он уже понял. Надо действовать.

Именно в тот момент началось превращение бедняка из Баньяры в дона Паоло Флорио.

Теперь это имя стоит на векселях и прочих бумагах, на договорах, подписанных торговцами, которые оценили его товар и вернулись, чтобы купить еще.

Паоло ставит на полку последнюю банку.

Что правда, то правда: та поставка хины оказалась большой удачей. Но все, что за ней последовало, одним везением не объяснишь.

За окнами, под дождем, бежит их рассыльный Микеле. Он прижимает к груди ящик, покрытый парусиной. Входит, стряхивает с себя капли.

— Льет как из ведра! — восклицает он, опуская ящик на прилавок. — Вот! Мускатный орех и тмин. Я взял еще немного белого бадьяна, он почти закончился.

— Как на складе?

— Холодно. И сыро, но, когда так льет, ничего не поделаешь.

— Влажность пряностям во вред, — вздыхает Паоло. — Потом пойдешь с Доменико, поднимете наверх мешки и подоткнете двери бумагой.

Молодой человек кивает, исчезает в чулане. Они убрали занавеску и поставили дверь, перекрасили ставни.

И это не единственное изменение.

В лавке становится тесно.

Паоло и Иньяцио арендовали склад на виа Матерассаи в районе Кастелламмаре. Там они держат товары, прибывающие со всего Средиземноморья. Это правильный ход, ведь теперь у них покупают травы и пряности другие торговцы.

Он зовет Микеле.

— К вашим услугам, дон Паоло.

— Я ухожу. Иньяцио задерживается. Думаю, с таможней возникли

проблемы. Присмотри за лавкой.

Дождь, холодный, неприветливый, вызывает озноб. Паоло пересекает площадь Сан-Джакомо, смотрит на свой дом: сквозь ставни просачивается полоска просвета. Должно быть, Джузеппина стряпает.

И Винченцо…

Винченцо — умный ребенок. По вечерам Паоло наблюдает, как Виктория играет с малышом или как Иньяцио показывает племянникам буквы алфавита.

Паоло видит, как жена подходит к двери, чтобы выплеснуть из таза грязную воду. Она не могла не заметить его, это очевидно, но даже не помахала ему рукой.

Втянув голову в плечи, он идет быстрым шагом к палаццо Стери. Джузеппина никогда не любила его. Он знает, что это так, но не переживает: он занят своим делом. Плавает за товаром, работает в лавке — так проходят его дни.

Лишь иногда ему нестерпимо хочется нежного объятия, чтобы уснуть в тепле и ласке.

* * *

Джузеппина с грохотом закрывает дверь. Мимо дома проходил Паоло, она его видела.

Кто знает, куда он направляется.

Она чувствует, как сжимается грудь.

На сердце темно, говорили в Баньяре.

У нее на сердце темно. Она ненавидит этот дом. Ненавидит этот город, эту сырость. Всю зиму и в дождь приходится закрывать окна и зажигать светильники.

И сегодня что за день! Ей нездоровится, пришлось остаться в постели, хорошо, что Виктория помогает с домашними делами.

Джузеппина беременна.

Уже несколько дней, как она в этом уверена. *Красных дней* не было, и грудь болит.

Не хватало родить еще одного ребенка здесь, в Палермо, в мрачном доме, без света.

Нужно сказать Паоло, думает она. Но не знает, ни как, ни когда это сделать.

Сказать правду? А хочет ли она этого?

Паоло она не доверяет. Скорее, робеет при нем и даже боится. Иногда благоговейное уважение, которое жена должна испытывать к мужу, превращается в жгучую злобу, в лезвие ножа, впивающееся ей в живот. Его ребенок? Еще один?

Она стыдится думать об этом, но ведь ребенок может и не родиться.

Тогда она надевает на голову шаль, ноги всовывает в башмаки. Выходит из дома, идет по периметру площади Сан-Джакомо, спускается к порту. Там, в одной из лачуг за городскими стенами живет повитуха из Баньяры, Мариучча Колозимо. Джузеппина подходит к ее домику. Останавливается в нерешительности. Из-за дверей доносился запах мыла и чистого белья.

— Донна Мариучча! Вы здесь? — кричит Джузеппина, набрав полную грудь воздуха.

Повитуха появляется на пороге. Лицо у нее словно высечено из туфа, губы тонкие. На лбу капельки пота.

— Донна Джузеппина… щелок варю для стирки. Вы ко мне? — спрашивает она, вытирая о фартук покрасневшие руки.

Джузеппина немного колеблется. То, что она задумала, это грех. Мадонна отворачивается, когда женщина хочет избавиться от ребенка, так говорила бабушка.

И все же…

Джузеппина подходит к повитухе, шепчет почти в самое ухо.

— Могу ли я навестить вас в ближайшее время?

Мариучча склоняется к ней. От нее пахнет сеном и молоком.

— Когда хотите. Что, яйцо в гнезде?

Она кивает.

— Мой муж еще не знает, — продолжает она шепотом.

Повитуха выпрямляет спину. Она ни о чем не спрашивает. Она все понимает и знает, что женщины часто молчат о том, что мужчины попросту не могут понять.

— Я здесь. Буду вас ждать.

Джузеппина кивает, повитуха исчезает за дверью.

Медленным шагом Джузеппина возвращается домой. Шаль насквозь промокла, вода течет за корсет. Под этими плотными, тяжелыми каплями трудно идти. На площади Сан-Джакомо она бросает взгляд на лавку. За стеклом мелькают силуэты — наверное, покупатели.

Вздыхает. Если бы бабушка выбрала ей в мужья Иньяцио, возможно, все сложилось бы иначе.

Она вспоминает, как много лет назад хоронили ее родителей после

землетрясения, разрушившего Баньяру. В памяти всплывает лицо мальчика, красное от слез, заостренный подбородок, добрые глаза, взгляд прикован к холмику земли, под которым похоронена его мать, Роза. И она, Джузеппина, потерявшая обоих родителей, худая как щепка, сжимает кулаки, злясь на весь мир, отобравший у нее маму и папу. Она подошла к мальчику, протянула платок — вытереть сопливый нос.

— Не плачь, — упрекнула она его. — Мужчины не плачут. — Она сказала это с горечью, может быть, потому, что завидовала его слезам, ведь у нее самой слез больше не было. Он посмотрел на нее, шмыгнул носом. И ничего не сказал.

* * *

Джузеппина входит в дом. Подол юбки мокрый, шаль — хоть выжимай. В глазах у Виктории вопрос.

— Вы вся мокрая, тетушка! Что-то случилось?

— Нет, ничего… ходила к Мариучче кое-что узнать.

Винченцо отвлекает ее, дергает за юбку:

— Мама, на ручки!

Джузеппина обнимает его, вдыхая теплый запах в складках кожи. Сын — единственное благо, которое дал ей муж. Ей достаточно одного ребенка, она не хочет другого, того, что растет сейчас в утробе, отнимает ее силы и здоровье. Что, если он будет похож на отца?

Паоло ей противен. Старые обиды крепко засели в груди. Ей хотелось и мужа, и детей, но если бы она знала, что брак таков, то убежала бы в горы.

Конечно, Паоло относится к ней с уважением. Но для него важны только работа и деньги. Даже на Рождество он ушел в лавку — считать полученный товар, а она осталась с Викторией есть каштаны.

Иньяцио, тот другой.

* * *

Дождь хлещет с новой силой. Время близится к полудню. Паоло проходит в проездные ворота со стороны таможни, что находится внутри палаццо Стери: куб, прорезанный узкими окнами-бифориями, крепость внутри города. Давным-давно это был дворец семьи Кьярамонте, затем

Инквизиция приспособила его под тюрьму, а еще позднее там размещались казармы. Немой свидетель истории города.

Паоло вместе с носильщиками и торговцами укрывается от дождя под портиками в проходе, соединяющем два внутренних двора.

Из своего укрытия Паоло видит Иньяцио, тот через двор бежит за кем-то и что-то громко ему доказывает. Он узнал их, окликнул:

— Паоло! Иньяцио!

Они не слышат его. Паоло Барбаро толкает Иньяцио, тот взмахивает руками.

Паоло выбегает из своего укрытия.

— Что с вами? Что происходит?

— Ты тоже хорош! — набрасывается на него Барбаро. — А я-то, молодец, змею на груди пригрел! Так вы благодарите меня за то, что я давал вам хлеб, когда вы умирали с голоду? Берете внаем, а мне ни слова? И даже сделку подписываете от своего имени?

— Что ты имеешь в виду? — Паоло не понимает, смотрит на зятя, смотрит на Иньяцио. — В чем дело?

— Один из работников Канцонери сказал ему, что мы арендовали склад, и теперь он думает, что мы хотим его обмануть… — пытается объяснить Иньяцио.

— Разве не так? — горячится Барбаро. — Почему я узнаю от посторонних о ваших делах? Мы же партнеры и родственники, а вы меня обманываете! Вспомните, кто вкладывает свои деньги?! Стоит мне захотеть, вышибу из-под вас опору!

— Ты что? В своем уме? — взрывается Паоло. — Кто здесь работает, ты или мы? Это мы навели в лавке порядок, открыли торговлю. Когда мы жили в Баньяре, ты говорил, что здесь отличное место, а мы нашли сырость да гниль! Сейчас к нам приходят люди, деньги крутятся. И вместо благодарности мы получаем от тебя упреки? Поработай-ка с наше и поймешь, что мы правильно сделали, арендовав склад. Чего ты завелся?

— Кем вы себя возомнили? Всё решили, не согласовав со мной!

— Зачем? Разве надо у тебя получать разрешение?

Барбаро хватает его за грудки, толкает. Иньяцио успевает встать между ними, прежде чем брат даст сдачи.

— Прекратите! На нас смотрят, — шипит он.

На них уставились десятки горящих гневом глаз.

— Пойдем в лавку. Поговорим там.

Они уходят. Барбаро впереди. Паоло и Иньяцио за ним. Далекие. Идущие рядом.

* * *

Кармело Сагуто тоже укрылся под портиками, наблюдает за сценой. Не торжествует, не проявляет радости.

По крайней мере, с виду.

Флорио удаляются из палаццо Стери, а к Сагуто подходит дон Канцонери.

— Видели, как разошелся калабриец?! Я думал, они подерутся!

— Ты ни при чем, ведь так? — кивает тесть.

Кармело разводит руками. Посмотреть на него — сама невинность, пропитанная ядом.

— Я? Я ни при чем. Это Леонардо, грузчик, болтает почем зря. — Сагуто ни за что не признается, что именно он подстрекнул работника к подобным речам, рассказывая всем на таможне, что братья Флорио не ладят друг с другом и что они в долгах как в шелках. Возводить напраслину — его любимое оружие, и тесть об этом знает. Поэтому и приблизил зятя, сделал его ближе собственных детей.

Оба смеются.

— Поехали! — Канцонери садится в экипаж. — Едем домой! — И, обернувшись к зятю, добавляет: — Видишь, как бывает, когда имеешь дело с родственниками? Мало того, что надо стараться не ударить в грязь лицом, — нужно знать свое место.

Смех Сагуто внезапно смолк.

— Что я, не знаю? Разве я хоть раз проявил неуважение к вам или к шуринам?

— Вот именно! Не забывай, чем это может кончиться! — Канцонери стучит тростью по крыше, экипаж трогается с места. — Ты — парень не промах, все видишь, все понимаешь. Верный пес, который знает свое место, так?

Сагуто соглашается, хоть внутри у него все кипит от злости. Он — верный пес. Он знает свое место и каждый раз, смотрясь в зеркало, напоминает себе об этом. В отличие от него эти калабрийцы свободны, они ничего не боятся, ни у кого ничего не просят. Вот почему он ненавидит братьев Флорио: он никогда не станет таким, как они.

* * *

В тот вечер Паоло Барбаро не ночует у Флорио, как обычно, когда бывает в Палермо. Спор — жаркий, временами яростный — продолжался долго. Паоло не выдержал, ушел в лавку, хлопнув дверью, устав оправдываться и твердить, что не собирался никого обманывать. Иньяцио остался дальше объясняться. Терпеливо. Спокойно.

Наконец Барбаро стал прощаться с Джузеппиной.

— Пусть твой муж хорошенько подумает! — сказал он ей на пороге. — Или все полетит к чертям, я не собираюсь иметь дело с обманщиками.

Джузеппина не ответила. Что может сказать *домохозяйка*? Одно она знает точно: Паоло и Иньяцио — честные люди. Ее муж всегда посвящал работе больше времени, чем семье. А Иньяцио и подавно, этот, если бы и хотел, не смог бы никого обмануть.

Ужинают поздно, когда возвращается Паоло. Никто не вспоминает про ссору с Барбаро.

У Иньяцио усталый вид, воспаленные глаза. Не дожидаясь, пока все закончат ужин, он идет спать. Виктория и Винченцо за ним.

Паоло и Джузеппина остаются одни.

— Пойдем спать? — Паоло сжимает в руках глиняную чашку.

Джузеппина не отвечает, продолжает убирать посуду.

Паоло ставит чашку на стол. Подходит к жене, обнимает за бедра. Джузеппина все понимает.

— Не надо. Оставь меня.

Он не отпускает ее, прижимает к себе.

— Ты всегда мне отказываешь. Почему?

— Я устала.

Паоло сжимает ее еще крепче.

— А мне что делать? Умолять тебя дать мне немного того, что мне положено? Разве я не могу просить об этом жену? — В его голосе слышится упрек. Он так придавил ее к столу, что Джузеппине кажется, он овладеет ею сейчас же, немедленно, не думая о том, что их услышат. Она отталкивает руку, задирающую ей подол, вырывается из его объятий.

Но и она чувствует в теле дрожь, предательское желание, которое трудно сдержать.

— Нет. Отпусти меня, я сказала!

Паоло останавливается. Ему хочется закричать, отхлестать ее по щекам или уйти из дома, хлопнув дверью, найти уличную женщину, которая удовлетворит его желание. Ему не так много и надо: чуть-чуть ласки, чуть-чуть утешения. Больше ничего.

Он берет ее за руку и ведет в комнату. Раздевает. Она не открывает глаз, пока муж ищет любовь, которую она должна дать ему.

* * *

В соседней комнате, за занавеской, служащей дверью, Иньяцио проснулся от холода. Всматривается в темноту. Вслушивается.

* * *

На следующее утро Джузеппина встает затемно. Наскоро одевается. Муж спит. Она не смотрит на него.

Открывает двери. Зима безжалостно набросилась на Палермо.

Не считая редких прохожих, идущих к бухте Кала, площадь Сан-Джакомо пустынна. Джузеппина зажигает огонь, чтобы было чуть светлее, нарезает хлеб, достает мед. Берет миску с сыром и ставит на стол. На пороге появляется Виктория, бормочет: «Доброе утро» и уходит одеваться.

Внезапная острая боль заставляет Джузеппину замереть, положив руку на живот.

Ее учили, что детей посылает Господь и отказываться от них — смертный грех. Говорят, Бог дал, Бог и взял, она верит в это и знает, что Он накажет ее, если она навредит своему ребенку. Но как быть, если у нее нет никаких чувств к нему? С Винченцо все было по-другому, она привязалась к нему еще до того, как он появился на свет. Жизнь, которая сейчас растет внутри нее, совсем чужая…

Нет, возможно, это вопрос времени, повторяет она, стараясь убедить себя. Нужно привыкнуть, природа возьмет свое, снова научит быть матерью.

А может, грех уже в том, что она больше не хочет детей?

Эта мысль будет преследовать ее долгие годы. Она — как гвоздь, который проворачивают внутри.

Еще один приступ. Нужно сесть, глубоко подышать. Входит Виктория.

— Тетя, что с вами?

— Ничего, прихватило немного, по-женски.

Виктория еще ребенок, но многое уже понимает.

— Посидите. Я все сделаю, — говорит девочка. Она расторопна и умна. Накануне вечером она слышала звуки, доносившиеся из тетиной

комнаты, сообразила, что к чему. Виктория твердо знает: она найдет себе мужа, который не будет командовать дома, как ее дядя. Она хочет, чтобы муж уважал ее, выслушивал, и неважно, что тетя считает, что так не бывает.

Вскоре вся семья собирается за столом. От дверей тянет холодом.

Едят быстро, втянув головы в плечи. Иньяцио и Паоло заворачиваются в плащи и уходят, один направляется в таможню, другой — в лавку.

Но Паоло возвращается. Подходит к жене, обнимает ее.

Джузеппина не отвечает на ласку, смотрит, как он уходит.

* * *

Подмести пол, убрать постели, почистить овощи, натереть до блеска кастрюли. Виктория возвращается с посиневшими от холода руками. Она принесла воды из фонтана. Винченцо хочет гулять, просится во двор. Усталость Джузеппины растет с каждой минутой, вместе с болью в животе. Она хотела бы отдохнуть, но нельзя: еще стирка, и надо варить щелок. Пот течет у нее по спине и меж грудей.

Внезапно Виктория замирает.

— Тетя… — бормочет она, прикрыв рукой рот. — Что с вами?

Джузеппина опускает взгляд. Темные пятна на юбке.

— Это…

Джузеппина вдруг понимает, что тепло, которое она ощущает меж ног — это не пот, а кровь. Ей становится страшно, голова кружится. Она тихо просит девочку сбегать к повитухе и падает без чувств.

* * *

Босиком по блестящей от дождя мостовой Виктория спешит на виа Сан-Себастьяно. Поскользнувшись, падает, встает и бежит дальше. Нужно отыскать Мариуччу, вроде это она повитуха из Баньяры. Паоло говорил, что в лавку приходят женщины и девушки, просят дать им трав, которые она советует.

Девочка находит нужный дом.

— Тетушка Мариучча, у моей тети кровотечение! — кричит она, испугавшись, что последний оплот, все, что осталось от ее семьи, тоже рухнет. — Она упала в обморок! Скорее, скорее!

— Кто, кто? — В окне появляется женская голова в платке.

— Донна Джузеппина, жена дона Флорио. Скорее!

— Святая Анна, спаси и помилуй!

Голова исчезает. Слышен громкий топот по лестнице, и вот уже Мариучча с корзиной в руках стоит перед Викторией.

— Успокойся. Рассказывай, что случилось?

— Мы хотели стирать белье, и я заметила, что у нее испачкано платье.

Вдруг знакомый голос перебивает ее:

— Виктория? Что ты здесь делаешь?

— Дядя Иньяцио! — Девочка бросается в объятия дяди. Не может сдержать рыданий.

— Что случилось?

Виктория рассказывает, что произошло, Иньяцио бледнеет.

— Как… она беременна?

Девочка дрожит от холода, мотает головой.

— Я ничего не знаю, дядя.

Иньяцио обнимает племянницу, укрывает ее своим плащом.

— Микеле, отнеси товар на склад и скажи Паоло, чтобы шел домой. Быстро!

Они бегут к площади Сан-Джакомо.

Мариучча опередила их.

Она на коленях, склонилась над Джузеппиной. Та пришла в себя, беззвучно плачет. Платье завернулось высоко, до самых бедер. Из соседней комнаты доносятся крики Винченцо. На полу — пятно крови.

— Виктория, иди к Винченцо, успокой его, — шепчет Джузеппина.

Девочка послушно идет в комнату, не в силах оторвать глаз от пятна на полу. Крик ребенка внезапно стихает.

Мариучча поднимает голову.

— Только вы здесь?

— Я ее деверь. Нужно…

Повитуха машет рукой.

— Ничего уже не поделаешь. Помогите уложить ее в постель.

Иньяцио стоит неподвижно.

— Она была беременна?

Повитуха кивает. Берет из корзины чистую тряпку, вытирает Джузеппину. Та стонет от боли и стыда, прячет лицо в руках повитухи.

— Да. Ей не стоило утомляться. Но теперь что говорить…

Иньяцио снимает плащ, поднимает с пола Джузеппину, отстраняя Мариуччу.

— Идите вперед, — говорит он тоном, не допускающим

возражений. — Я отнесу ее.

— Ты испачкаешь одежду. — Джузеппина слабо стонет. — Всегда ты со мной, — добавляет она, вцепившись в его рубашку. — Ты, а не он.

Последнюю фразу она произносит тихо, так тихо, что ему кажется, он плохо расслышал. Но это не так, это множит его боль.

Мариучча устилает постель тряпками и полотенцами, чтобы не запачкать матрас, потому что сейчас ей придется довести до конца начатое природой.

— Разве Паоло не знал? — шепчет Иньяцио.

Джузеппина мотает головой. Она плачет, и он не знает, как ее утешить, он может только попросить прощения. Бормочет невнятные слова, мокрые пряди волос падают ему на лицо. Он помогает ей лечь, собирается уйти, но мешкает, берет ее руку, целует ладонь. А потом уходит, он не хочет, чтобы акушерка заметила тот ад, который он носит в себе.

* * *

Когда Паоло возвращается домой, Виктория, стоя на коленях, оттирает пол.

— Тетя там, — говорит она тихо, кивая в сторону спальни. Она погружает руки в красноватую воду, отжимает тряпку, трет пол.

Паоло подходит к ней.

— Тебе не следует этого делать.

— А кому, если не мне? — удивленно спрашивает Виктория с ноткой упрека.

Внезапно Паоло понимает, что она выросла, что она почти женщина. Но она не дает ему договорить.

— Тетушке было плохо уже несколько дней, ее тошнило, она быстро уставала. Вы не заметили? — спрашивает она. Серьезная, строгая.

Паоло что-то бормочет, мотает головой. Чувство вины сдавливает ему сердце, сжимает его в комок. Теперь он многое понимает. Даже ее бунт прошлой ночью.

Виктория молча смотрит на него. Она встает, выливает грязную воду за дверь. Ее темные, спокойные глаза не обвиняют. В них — боль. Сострадание. Понимание.

— А где Иньяцио? Винченцо?

Девочка берет тарелку, мелко режет овощи, чтобы приготовить мясной бульон, каким поят рожениц.

— Дядя Иньяцио пошел с Винченцо погулять, чтобы не мешать здесь, пока донна Мариучча работала. — Голос у нее смягчился. — Идите к тете. Нельзя оставлять ее одну. Бедняжка, она думает, что это ее вина.

Значит, это моя вина? Моя, ведь я даже не заметил, что ей плохо.

Он стоит на пороге спальни и смотрит на жену с болью и сочувствием. Если бы он знал, то накануне не стал бы настаивать.

Осторожно подходит к ней.

— Ты могла бы сказать мне.

В этом нет упрека, только горечь. Он чувствует себя беспомощным. В его глазах боль, чувство вины снедает его.

— Почему ты ничего не сказала мне? — настаивает он.

Из-под прикрытых век по щеке Джузеппины катятся слезы, следуя проторенной тропинкой. Паоло присаживается к ней на кровать.

— Не плачь. Пожалуйста. — Он вытирает ей слезы. — Может, был бы еще сын. Видно, не судьба.

Джузеппина лежит неподвижно, смотрит в стену. Никаких извинений, ни слова «прости», не то что Иньяцио.

Мариучча бесшумно выскальзывает из комнаты.

*** * ***

Бухта Кала пустынна. Холодно. На набережной несколько носильщиков и моряков. Ветер яростно хлещет городские стены, полощет развешанное белье, с шумом захлопывает ставни.

— Вон тот корабль?

Винченцо на руках у Иньяцио, обнимает за шею, указывает в море. Дядя закутал его в свой плащ, чтобы защитить от трамонтаны, холодного северного ветра. Церковь Пьедигротта закрыта, у ворот нет даже нищих. По стене замка Кастелламаре ходит часовой, придерживая шляпу.

— Да, это баркас. На нем мы приплыли сюда, когда ты был маленьким.

— Очень маленьким?

— Очень. Таким маленьким, что помещался в корзине.

Винченцо вырывается. Иньяцио опускает его на землю, мальчик подходит к каменному краю парапета, смотрит вниз, на темную воду. Верх якоря, покрытого водорослями, погружен во тьму.

— А море очень глубокое?

— Очень, Виченци, — отвечает Иньяцио. Он берет ребенка за руку. У Винченцо темные доверчивые глаза, волосы светлые, как у Паоло. —

Глубже, чем ты можешь себе представить. Ты знаешь, что далеко за морем, отсюда не увидеть, есть другая земля?

— Да, знаю. Там Баньяра. Мама всегда рассказывает мне о ней.

— Нет, не Баньяра. Еще дальше, там Франция, Англия, Испания, еще дальше — Индия, Китай и Перу. Страны, куда приходят корабли, которые гораздо больше этого, они везут пряности, вроде тех, что мы с твоим отцом продаем, а еще шелка, ткани и разные товары, какие и представить себе невозможно.

На лице у ребенка удивление. Дядя сжимает его дрожащую ручонку. Ему хотелось бы побежать, но дядя держит крепко, боится, что малыш поскользнется и упадет в воду.

— Что такое шелк, дядя Иньяцио? — Он еще плохо выговаривает букву «ш».

— Шелк… — повторяет Иньяцио. — Это дорогая ткань для очень богатых людей.

— Шелк… — малыш шепчет это новое для него слово. — Я тоже хочу одежду из шелка. Хочу, чтобы у мамы было шелковое платье.

Иньяцио снова берет его на руки. Мальчик зарывается лицом в его плащ, вдыхает теплый запах, знакомый аромат специй, дающий ощущение защиты. Они идут по направлению к виа Матерассаи.

— Тогда ты должен много работать. Шелковые одежды стоят дорого, — объясняет Иньяцио. Ему легко говорить с малышом. Винченцо умный ребенок. Очень умный.

— Я буду работать, дядя Иньяцио, — он отвечает не сразу, после долгой паузы, каким-то странным, низким голосом.

Как будто дает зарок.

* * *

Дверь в лавку все так же скрипит, но прилавок заменили вместе с сосудами для трав и специй.

Ставни починили и покрасили. На них теперь только одна фамилия: Флорио.

Идет февраль 1803 года, уже месяц как распался союз Паоло Барбаро и Паоло Флорио.

После той размолвки на таможне последовали и другие. Последняя случилась совсем недавно — из-за поставок слоновой кости и корицы.

Паоло отправился тогда в бухту Кала, узнав от Микеле, что приплыл

корабль Барбаро, но зять не пришел в лавку, как обычно. Барбаро был в порту, о чем-то говорил с лавочником по фамилии Куратоло. Они только что заключили сделку. Барбаро продал ему весь товар по смешной цене.

Куратоло ушел, не попрощавшись, на его лице было написано смущение. Паоло ничего не оставалось, как смотреть вслед товару, уходящему вместе с конкурентом. Не верилось, что зять мог так поступить. Паоло не выдержал, набросился на Барбаро:

— Как же так? Ты отдал ему всю слоновую кость? Что мы теперь будем делать?

— Мы? Думаешь, есть «мы», а не «ты»?

— Но это был наш товар. Зачем ты это сделал?

— Разве ты не так со мной поступаешь? — злобно ответил Барбаро. — Тебе плевать на меня, а мне плевать на то, что тебе нужно. Это я оставлю себе. — Он позвенел монетами в кармане.

Паоло пошел прочь. Гордость его была уязвлена. Придя домой, все рассказал брату и Джузеппине. Запретил ей иметь дело с Барбаро, в том числе и с Маттией.

Союз Флорио и Барбаро распался в кабинете нотариуса. Они продали баркас и часть оставшегося на складах товара, а деньги поделили. Не глядя друг на друга, поставили на листе бумаги две или три подписи. Паоло Флорио выкупил лавку, Паоло Барбаро ушел с виа Матерассаи, чтобы попытать счастья в другом месте, на виа Латтарини, где находились склады других переселенцев из Баньяры.

Раны этой войны долгое время давали о себе знать. Холодное раздражение, сменившее гнев, угнездилось в их душах.

* * *

Винченцо идет за матерью, останавливается, глазеет по сторонам. С сосредоточенным видом посасывает лакричную палочку. Теперь, когда он сам ходит и бегает, мир кажется ему огромным.

Он заносит ногу над лужей, но окрик Джузеппины его останавливает.

— Куда?! Смотри под ноги! Тебе четыре года, ты уже не маленький!

Он виновато смотрит на нее. Мать вздыхает, не может долго на него сердиться. Винченцо — единственная настоящая любовь в ее жизни.

Вокруг них разноголосая толпа. Какой-то крестьянин пытается сбыть свои апельсины английскому торговцу в суконной куртке и сапогах. Повозка мешает прохожим, кто-то возмущается.

— No, I won’t buy those[4]… апельсины. Они гнилые!

— Гнилые! Разве они гнилые?! Хороший товар, отличный! — Он берет один апельсин, вертит в руках, но англичанин ни в какую, отмахивается от мошек, облачко которых роится над фруктами.

Наблюдающий эту сцену неаполитанский моряк воздевает руки к небу.

— Неужто бедные христиане из ума выжили? Хороший товар с мухами предлагают…

Люди из разных стран, разноязыкая речь. С тех пор как французы вернулись в Тирренское море, миру пришел конец. Англичане опять объявили войну Франции, а Наполеон возобновил военные действия, нападая на корабли, бороздившие Средиземное море. Торговцы не чувствуют себя в безопасности, а англичане, которые раньше были хозяевами морской торговли, оказались загнанными в угол. Палермо, как и вся Сицилия, превратился в безопасную гавань, не подвластную французскому влиянию. А главное, эта гавань находится в центре Средиземноморья, — вот почему Палермо заполонили торговцы и моряки со всей Европы. Французские специи приходят из портов Северной Италии, английские — с Мальты и не только. Прибывают товары из Турции, Египта, Туниса и Испании.

Джузеппина плохо разбирается в этом. Не женское это дело, часто повторяет она Виктории, которая хочет все знать и вечно донимает Иньяцио расспросами.

Джузеппина подходит к лавке. За стеклом виден прилавок, за ним — Паоло, который беседует с мужчиной в бархатном костюме. Впереди, почти напротив церкви, стоит расписной паланкин.

Мать и сын входят в лавку. Паоло замечает их, делает знак Винченцо молчать. Продолжает разговор с покупателем.

— Наша хина чистейшего свойства, уважаемый барон. Мы получаем ее прямо из Перу и поставляем большинству фармацевтов Палермо… Понюхайте, какой аромат! — Он набирает горсть коры. Она темная, рассыпчатая. Щепки падают на прилавок.

— Какой сильный запах! — Покупатель морщит нос.

— Потому что мы умеем ее хранить! — Паоло понижает голос. — Хотите, приготовлю вам немного, смешав с железом, верно?

— Да, спасибо. Знаете, как бывает… дух еще молод, а тело… увы, подводит. Орудие у меня уже не то, что раньше… можете себе представить, как неприятно, когда приходится отступать в некоторых обстоятельствах, — заключает он, немного смутившись.

— Тогда железо придаст вам сил. Добавим семена фенхеля и

лимонную цедру, это защитит вас и от лихорадки. Запишу на счет за товар за прошлую неделю?

— Нет, хотя… — смущение и гордость борются в нем. — Вот, заплачу по последним счетам. Теперь мы в расчете. — Монеты поблескивают в его руке. — Благодарю. Я знаю, что могу положиться на вас. Я пришел сюда, а не к вашим титулованным коллегам, потому что мне сказали, вы умеете молчать.

— Считайте, как ваш исповедник!

Паоло учтив, но без раболепия. Дворяне в Палермо — удивительный народ. Держатся за свои привилегии, как собака за кость. Ходят в золоте и бархате, а сами в долгах как в шелках. Перепродают и закладывают дома и поместья, которые больше не могут содержать, тасуя их, как карты в крапленой колоде.

Винченцо улучил момент, вырывается из рук матери.

— Папа, папа! — кричит он, цепляясь за край прилавка, тянет вверх ручонку.

Паоло поворачивается к сыну. В глазах досада.

— Я занят, Виченци.

Пальцы ребенка скользят по дереву, разжимаются. Он обходит прилавок и бежит в контору, знает, что там дядя. Иньяцио склонился над бухгалтерскими книгами.

— Дядя Иньяцио!

— Что ты здесь делаешь? — Он сажает ребенка на стол. Отодвигает чернильницу, снова принимается писать, пролистывая счета. — Ты пришел с мамой?

— Угу, — ребенок сосет лакрицу и болтает ногами. — Пахнет вкусно. Это гвоздика, да? — добавляет он, принюхиваясь.

— Гвоздика, да. Только вчера получили. Пожалуйста, не болтай ногами, — Иньяцио гладит его по колену. — Что случилось с мамой?

— Принесли бумагу. Какой-то моряк. Она очень разволновалась, когда увидела ее.

— Бумагу? Может быть, конверт?

— Угу.

Иньяцио поднимает голову. Волнение пробегает дрожью по его спине.

— К кому она пошла, чтобы прочитать?

— К одной из служанок из палаццо Фиталия, той, которая все знает о своей хозяйке и рассказывает маме и тете Мариучче.

Иньяцио тяжело вздыхает. *Вот именно. Этого еще не хватало!* Прошло больше двух лет с тех пор, как Джузеппина потеряла ребенка. С

тех пор она и брат еще больше отдалились друг от друга, Иньяцио видит. Они живут вместе, но жизнь у каждого течет по своему руслу. Два чужих человека, вынужденных существовать под одной крышей.

Джузеппина потихоньку со всем смирилась. Она привязалась к акушерке, Мариучче, которая стала ей самой близкой подругой. Потом познакомилась еще с двумя девушками из Калабрии, одна из которых Роза, горничная, это ее имеет в виду Винченцо. Ужасная сплетница, как считают они с Паоло. Брат ее просто терпеть не может.

— И что случилось потом?

Малыш вынимает изо рта лакричную палочку. Лицо его становится серьезным.

— Она заплакала. А потом привела меня сюда, чтобы поговорить с отцом.

Иньяцио замер. Перо на секунду замерло в воздухе, прежде чем снова опуститься в чернильницу.

Джузеппина не из тех, кто легко плачет.

Иньяцио прислушивается к происходящему в лавке. Слышит, как Паоло прощается с покупателем. Слышит голос невестки. Он делает племяннику знак, чтобы тот сидел тихо. Встает у дверей, оставаясь незамеченным.

— Ну, что стряслось? — говорит Паоло.

Джузеппина достает конверт. Протягивает мужу.

— Это от Маттии. Она в отчаянии, просит нас помочь ее мужу. Он на Сицилии, заболел и остался совсем один. А мы здесь, в Палермо…

В лавке воцаряется тишина.

Рука Джузеппины повисла в воздухе, Паоло не сразу берет письмо.

Рвет его на мелкие кусочки.

— Ты даже не прочел его! — с отчаянием восклицает Джузеппина. — Это же твоя сестра!

— *Была* моя сестра, — Паоло отворачивается от жены. — Она приняла сторону *негодяя*, за которого вышла замуж.

Джузеппина всплеснула руками.

— Вышла замуж? У нее не было выбора! Ей было четырнадцать, и твой отец заставил ее выйти замуж, чтобы одним ртом стало меньше. У женщины нет выбора, когда она выходит замуж. Разве могла я протестовать, когда ты притащил меня сюда?

Такого обвинения Паоло не ожидал.

— Опять ты за свое! Мы стали жить лучше, или ты слепая, если не замечаешь этого? Ты хотела остаться в Баньяре, гнуть спину в поле? Здесь

у нас появились деньги. Разве ты не видишь? Откуда взялись наряды, новый комод, который я для тебя заказал?

— Как же! А живем по-прежнему в хлеву. Разве это дом…

— И дом у нас скоро будет новый!

— Когда? Когда это будет? Когда я перестану чувствовать себя служанкой в своем доме?

— Выбирай выражения, или, клянусь перед Богом, ты у меня получишь!

Джузеппина уперла в бока кулаки.

— Маттия не имеет отношения к вашей с Паоло Барбаро ссоре, и нравится тебе это или нет, но он — твой зять. Вы работали вместе, делили хлеб и соль… а теперь? Проклятье! Почему вы не можете простить друг друга? Твоя сестра…

Паоло смотрит на Джузеппину испепеляющим взглядом. Его поза, жесты, лицо — во всем чувствуется горечь нанесенной ему обиды. Он непреклонен. Даже Иньяцио это чувствует.

— Он сам виноват. Он предал меня, и нет ему больше доверия. Знаешь, чего ему надо? Денег. Моих денег, тех, что я зарабатываю, горбатясь в лавке, а он хотел бы ими распоряжаться. На этих деньгах мои пот и кровь, мои и брата. Ты забыла, как он поступил с нами? — Голос у Паоло злобный, с каждой фразой звучит все более угрожающе. — Это он посеял раздор! Он всем раструбил, что мы не считаемся с ним. Я должен считаться с ним? Я не вылезаю из лавки, чтобы она стала тем, чем стала!

Теперь испугалась Джузеппина. Она отступает на несколько шагов.

— Но твоя сестра…

— Как ты смеешь приносить мне письмо от той, которая предала свою кровь? Для меня они все мертвы.

Паоло наступает, оттесняя жену к стене.

— Постой… Твоя бабушка, она же Барбаро. Это они попросили тебя о помощи? Я запретил тебе иметь с ними дело!

— Паоло, прекрати.

Иньяцио входит в лавку, кладет руку на плечо брату.

Он знает, как его успокоить.

И ему трудно простить Барбаро. Не из-за причиненных обид или наговоров, которые чуть не испортили дело, а потому, что из-за него они потеряли сестру.

Джузеппина переводит пустой взгляд с мужа на Иньяцио. Подбегает к Винченцо, подхватывает его на руки. Последнее, что они видят, — край плаща и закрывающуюся дверь.

— Почему ты накричал на нее? Ты знаешь, как ей дорога Маттия.

— Да уж! — горько усмехается Паоло. — Ей нет дела до того, что другие говорят про ее мужа и как поступают с ним. — Он проводит рукой по волосам.

Иньяцио хочет обнять брата. Успокоить. Но знает, это не поможет, слишком велика обида, она поглотила Паоло целиком.

Он наклоняется, собирает обрывки письма. На одном клочке видит свое имя, на другом — имя Паоло. Его семья разорвана, как это письмо, и он не смог этому помешать.

* * *

Джузеппина возвращается домой, сжимая руку сына. Он молчит. Изучающе смотрит на мать, лакричная палочка снова во рту.

Едва они переступают порог, Виктория подбегает к малышу, хватает на руки и щекочет, покрывая его шею поцелуями. Джузеппина опускается на стул.

— Все зря. Он разорвал письмо у меня на глазах. Про твою тетю ничего не хочет знать.

Она закрывает руками рот, чтобы не вырвались ужасные слова, потому что жена не должна плохо говорить о муже, особенно с родственниками, даже если — Бог свидетель — ей хочется кричать что есть мочи.

Виктория хмурится. Ставит Винченцо на пол, тот бежит в спальню.

— Тетушка, вы ничего не можете с этим поделать. — Она откидывает прядь с усталого лица Джузеппины. — Такой уж дядя Паоло. Ведь все-таки дядя Барбаро его обидел: он не может вести себя иначе, слишком наболело у него.

Джузеппина ничего не отвечает. Откуда Виктории знать, что значит, когда рядом нет близкого человека? Откуда ей знать, как Маттия помогала ей?

* * *

Экипаж, остановившийся перед лавкой Флорио, перегородил виа Матерассаи. Даже пешеходам не пройти — улочка очень узкая. В небе первые ласточки, в воздухе свежий запах травы и первых робких цветов.

В лавке Микеле обслуживает ремесленника, который пришел

пополнить запасы сурика. Иньяцио занят другим клиентом, точнее, клиенткой.

Аристократка.

Красивая женщина в плаще, отороченном мехом лисы, — март в этом году немилосердно холодный. Кожа, умело скрытая под толстым слоем пудры, выдает возраст. Иньяцио с легкой улыбкой на лице толчет в ступке звездчатый анис и бадьян для абсента.

Иньяцио не часто увидишь за прилавком. С тех пор как в 1803 году Флорио порвали отношения с Барбаро, работа у них закипела. У них наладились связи с неаполитанскими и английскими купцами; последние, кстати, прекрасные поставщики. Они надежны, заинтересованы в хороших отношениях с сицилийцами, учитывая, что французы господствуют в остальных областях Италии. Не так давно Наполеон захватил Неаполитанское королевство, и Бурбоны, поджав хвост, бежали на Сицилию под протекцию англичан. Слишком тяжелым было поражение. Так Палермо оказался одним из немногих портов, свободных от влияния Наполеона, важной торговой площадью для антифранцузской коалиции.

Иньяцио обычно занимается бумагами и счетами. Но иногда и он встает за прилавок, особенно если речь идет о важных клиентах.

— В вашей лавке всегда так… *экзотично*. Ароматы дальних стран. Кстати, а где дон Паоло?

— Мой брат вот-вот вернется. Едва завидев ваш экипаж, он подумал, что вас интересует кое-что из того, о чем вы говорили в последний раз.

Взгляд женщины становится внимательным.

— Вы про янтарь, не так ли?

Иньяцио кивает, продолжая толочь травы в ступке.

— Балтийский янтарь, самый настоящий!

Скрипнула дверь.

— Баронесса! — Паоло Флорио приветствует даму легким поклоном. Кладет на прилавок шкатулку из дерева и слоновой кости. — Простите за опоздание, исполнял ваш заказ.

Дама нетерпеливо вытягивает шею.

— Принесли?

— Да, шкатулка сама по себе сокровище, но она ничто по сравнению с тем, что в ней.

Золотистые блики рассыпаются по прилавку.

— Смотрите. Разве оно не прекрасно? Это то, что вам нужно! Вы знаете, что янтарь лечит расстройства желудка и поддерживает энергию в теле?

— Правда? — Она трогает гладкие янтарные шарики, отдергивает руку. — Они горячие! — восклицает она удивленно.

— Потому что это не камень, а смола. Говорят, в янтаре — искры жизни. Но давайте… — Паоло наклоняется вперед, протягивает ожерелье. — Вот, примерьте.

На платье вспыхивают огоньки. Дама гладит ожерелье, любуется им. Восхищение сменяется желанием. Она уже решила.

— Сколько?

Паоло хмурится, мешкает с ответом. Наконец называет цену.

— Это безумие. Муж замучает меня упреками… — Дама сникает, однако пальцы ее продолжают скользить по ожерелью. Она говорит тихо, в голосе — горечь и досада: — Он может кутить, проматывая мое приданое, а я не могу позволить себе маленькую прихоть?

— О, это не прихоть. Это лекарство, как и настойка, которую готовит вам мой брат. Кстати, как ваш желудок?

— Гораздо лучше. Вы были правы, ничего серьезного.

— Я очень рад. Это древнейшее средство, мы рекомендуем его далеко не всем нашим клиентам. Если бы речь шла о чем-то более сложном, я первым бы посоветовал вам обратиться к дону Тромбетте у Порта-Карини. Он прекрасный фармацевт, к тому же наш постоянный клиент. *Один из тех, кто больше не покупает товар у Канцонери, отдавая предпочтение нашим травам и пряностям,* добавляет Паоло уже про себя.

Но дама его не слушает. Глаза ее наполняются янтарным светом. Она тяжело вздыхает.

— Так и быть. Оставлю вам задаток и расписку. Мой муж заедет к вам рассчитаться.

Иньяцио покашливает, пряча разочарование. Долговые обязательства, платежи в рассрочку. У некоторых сицилийцев из всего богатства — имя да титул, они не стоят даже камня, на котором высечены их гербы.

Но брат и глазом не моргнул.

— Конечно, будем ждать.

Паоло идет в контору за бумагой и чернилами. Иньяцио тем временем высыпает измельченные травы в бутылку со спиртом, перемешивает стеклянной палочкой. Зовет горничную баронессы.

— Слушай меня внимательно. Средство должно настаиваться в темноте восемь дней. Будешь давать своей хозяйке по небольшой рюмке каждый вечер, предварительно процедив. Поняла?

— Не извольте сомневаться, — бормочет она. Сразу видно, из деревни.

Иньяцио ввинчивает пробку, оборачивает бутылку темной тканью.

Передает горничной, пока хозяйка пишет долговую расписку.

Паоло провожает даму. Громоздкий экипаж, наконец, уезжает, освободив улицу.

— Приятно иметь клиентов, которые не просят скидок. — Паоло поглаживает свой жилет. На Иньяцио точно такой же поверх белой рубашки, закатанной до локтей.

— Будем надеяться, что кавалер Альбертини не станет задавать лишних вопросов. Посылает в лавку жену, а потом жалуется, что она его разоряет! — Иньяцио вертит в руках расписку. — Он может сказать тебе, что не разрешал жене делать такие покупки. Ты знаешь, да?

— Не скажет. Альбертини — родственник нотариусов и судей, он владеет торговыми рядами в Багерии. Никуда он не денется, заплатит, если не хочет оскандалиться. — Паоло смотрит на брата. — И опусти рукава. Мы не босяки.

Хотя некоторые их называют так до сих пор. Братья не говорят об этом. Но, возможно, поэтому они так заботятся об интерьере лавки и своем внешнем виде.

Их считают босяками, да, Иньяцио знает, и эта несправедливость жжет его изнутри. Воспоминания — как открытая рана, на которую сыплют соль.

Он вспоминает.

Две недели назад. Палаццо Стери, таможня. Контора писарей, где в больших бухгалтерских книгах ведется учет всем входящим и исходящим товарам. Огромный прямоугольный зал на первом этаже выходит в квадратный двор.

Иньяцио ждал, ему предстояло пройти все таможенные процедуры для получения только что прибывшего товара и заплатить у нотариуса налоги. Он разговорился с молодым англичанином по имени Бен Ингэм, недавно прибывшим в Палермо.

— Я нахожу, что здесь весьма оживленно, но… как бы это сказать… really chaotic[5]… вы меня понимаете?

Иньяцио едва заметно улыбнулся:

— Жить здесь нелегко, вы правы. Это неблагодарный город, хуже, чем женщина. Обольщает, а потом… — Он покрутил в воздухе рукой. — Много обещает и ничего не дает.

— О да, я заметил! Я понял, что здесь нужно быть осторожнее и… as you say[6]…

— Не то останешься без штанов?

Англичанин наморщил лоб, пытаясь понять фразу. Он уловил ее

смысл, попробовал повторить и разразился хриплым смехом, так забавно у него выходило!

Вдруг в зале раздался голос Кармело Сагуто. Иньяцио увидел, как он без очереди прошел к нотариусу и был встречен с большим почетом.

Поднялся легкий шумок, но никто не осмелился открыто протестовать, все только перешептывались. Сагуто — зять Кантонери, кто станет с ним спорить?

Вскоре подошла очередь Иньяцио.

Не успел он выйти из кабинета, как на него набросился Сагуто.

— А, вот и он, дон Флорио. *Младшенький*. — Сагуто иронично помахал рукой, взглядом поискал поддержки у писарей. — Как идут дела, ваша светлость? Все ли у вас в порядке?

— Спасибо, не жалуемся.

— Ах, не жалуетесь, значит. — Сагуто подошел к столу, бросил взгляд на записи. — Ничего себе, это все ваши барыши?

— Флорио — труженики. Так и передайте своему тестю. Не ровен час, наступят ему на пятки, — подтвердил один из писарей.

— Им еще трудиться и трудиться, чтобы достичь того, чего достигли Канцонери. Со всем уважением! — добавил другой. — Достойная семья, Канцонери. Я до сих пор помню отца вашего тестя. Вот кто воистину был великий труженик…

Они разговаривали так, словно Иньяцио тут не было. Как будто он сам, его работа, его деньги ничего не значили.

Иньяцио чуть не вырвал бумагу у писаря.

— Если вы закончили…

Но Сагуто не сдавался — наоборот. Он повысил голос и преградил Иньяцио дорогу.

— Скажите, а у вашего зятя как дела? Того самого, из Баньяры, что торговал на виа Латтарини, ведь ему пришлось продать всё подчистую. Что, молчите? — И Сагуто засмеялся. Смех сухой, скрипучий, как ножом по железу. — Даже звери добрее.

Иньяцио молился всем святым, одному Богу известно, чего ему стоило сохранять спокойствие!

— У нас все хорошо, спасибо за заботу. И попрошу вас не вмешиваться в мои дела. Я не учу вас, как вам вести себя с вашими родственниками.

В зале воцарилась тишина, все прислушивались к их разговору. Сагуто, собравшийся было уходить, вернулся.

— Вы хотите учить меня жизни? Показать, что значит настоящая

семья? Вы, бродяга, пес безродный? Никаких денег не жалко, когда дело касается крови. Знаете, сколько здесь? — И он помахал перед лицом Иньяцио пачкой расписок.

— Если хорошо посчитать, не больше, чем у меня. И это только мои и брата. А вас сколько? Четверо, пятеро… на сколько частей вам придется их разделить? Вы — просто секретарь дона Канцонери, а не аптекарь, как его сыновья. Мальчик на побегушках.

Кармело Сагуто побледнел, но быстро пришел в себя.

— Проклятье! Если я — мальчик на побегушках, то ты и твой брат — просто босяки. Я помню, как твой брат убирал мусор в лавке.

На таможне вдруг повисла тишина.

За спиной Иньяцио кто-то шептал:

— Истинная правда, босяками были эти калабрийцы!

А другой добавил:

— Как они заработали свои барыши, одному Богу известно!

Все они — торговцы, моряки, таможенные писари — столпились в дверях, как бродячие псы, ждущие кость, слюна каплет из пасти, так им хочется ухватить сплетни, разнести по всему Кастелламмаре, добавив холодящих кровь подробностей.

Чья-то рука легла на плечо Иньяцио.

— Вы закончили, не так ли? Сейчас моя очередь.

Обернувшись, он узнал молодого англичанина Бена Ингэма.

— Я перед вами в долгу, — сказал Иньяцио, снова столкнувшись с ним у выхода.

— Думаю, вам представится случай вернуть мне долг. На моем месте вы поступили бы так же. Не стоит устраивать спектакль, особенно перед такими неблагодарными зрителями, — заметил англичанин.

При одном воспоминании об этом по спине Иньяцио пробегает дрожь. Сцена накрепко засела у него в памяти, никак не вышибить. Только благодаря Ингэму он не дал пощечину Сагуто у всех на глазах.

Иньяцио снимает фартук, надевает куртку и плащ.

— Привык работать, засучив рукава, иначе пачкаются, да и пыль набивается. Кстати, я сразу понял, что эта дама приехала за янтарем. Настойка — лишь предлог.

— Я в таких красках расписал ей товар, что она не смогла удержаться, — смеется Паоло.

Из конторы доносятся мерные удары пестика о каменную ступку. Эти звуки, как пунктирная линия, отмечают их дни. Теперь два подмастерья растирают порошки, Микеле и новенький. А Иньяцио работает с Маурицио

Реджо, виртуозным счетоводом, в руках у которого вся бухгалтерия.

Паоло собирается уходить, но возвращается от дверей.

— В шкатулке-то было не только ожерелье! — он гладит коробочку, оставшуюся на прилавке. Открывает ее, достает серьги. Кораллы и жемчуг.

— Я попросил капитана Пантеро найти в Неаполе подарок для Джузеппины на день Сан-Джузеппе. Вот что он раздобыл. Надеюсь, ей понравится.

Джузеппина сурова, как всегда. Но в последнее время, кажется, стала мягче. Может быть, это знак примирения с Паоло, может, она наконец свыклась с мужем, которого не любит, но к которому все-таки привязалась.

В лавку заходит клиент, лакей в ливрее. Иньяцио пользуется моментом, чтобы пойти к счетоводу.

С недавних пор Флорио арендуют склад за таможней, на территории палаццо Стери, так что товар под надежной охраной. В помещениях там прохладно, они хорошо просматриваются и тянутся вдоль коридора, выходящего в служебный двор позади конторы писарей; там хранят пряности, которые должны отправиться в другой порт или уже проданы перекупщикам. Пошлина взимается только в том случае, когда товар идет на продажу в Палермо, не раньше. Это обычная практика у оптовиков: они платят за аренду склада и освобождены от других податей. Есть пряности из Индии, которые привозят англичане, из французских колоний — их сбывают в Ливорно и на всем побережье Тирренского моря; итальянские моряки перепродают их затем в Палермо. У Флорио товар со всего Средиземноморья, и очень высокого качества. Они не столь богаты, как Канцонери, это правда. Но они шагнули далеко вперед, и с этим трудно поспорить.

Во всяком случае, помещение на виа Матерассаи стало слишком тесным.

В конторе писарей Иньяцио видит, что Маурицио закончил почти все дела.

— Я оформил поступление и продажу хины в Мессину и Патти. Товар уйдет завтра. — Он показывает Иньяцио квитанции.

— Тогда сбегай в лавку и запиши. Передашь брату, что я скоро вернусь.

Оставшись один, Иньяцио решает прогуляться до бухты Кала. Горизонт — четкая голубая линия. Воздух прозрачен и свеж, ветер не такой колючий, как накануне. Повеяло весною.

Им овладевает решимость.

Иньяцио идет по Виколо-делла-Неве, в противоположную от дома

сторону. В прохладе тают запахи человеческого жилья, густо теснящегося в переулках. Он проходит мимо ворот, где зимой продается снег с гор Мадоние; где-то наверху слышны звуки скрипки и голос учителя, обращенный к ученику. На улицах, в лавках, торговых дворах смешались разные языки и диалекты: генуэзский, тосканский, неаполитанский, немного английского — все вместе.

Иньяцио идет по виа Аллоро, не поднимая глаз на роскошные дворцы палермской знати; выходит на виа Дзагареллаи, где женщины тащат огромные корзины или кричащих детей, останавливаются у лавок, прицениваются, покупают.

Иньяцио подходит к прилавку под большой каменной аркой. На прилавке — всевозможные ленты: шелковые, кружевные, вышитые, бархатные.

Взгляд Иньяцио падает на золотую ленту. Он представляет себе, как она будет смотреться на зеленом корсете из саржи, который Паоло недавно купил жене.

— Синьор, что вам угодно?

Вопрос торговки выводит его из оцепенения.

— Вот эту ленту?

— Да. — Иньяцио откашливается. — Хочу сделать подарок. Сколько нужно на корсет?

Недоуменный взгляд в ответ.

— Смотря для кого. Для вашей жены? — Она тычет в кольцо матери, которое Иньяцио носит на пальце. Он машет рукой, нет, он не женат.

— Для моей сестры, — отвечает. И непонятно почему краснеет, как ребенок.

— Так сколько надо? — Торговка смотрит на него с недоверием.

Иньяцио в растерянности.

— Не знаю. Вы как думаете, сколько может понадобиться?

— Смотря какая она из себя.

Надо что-то ответить. Но что? Он понятия не имеет. Вот угораздило!

— У нее большая грудь? Ей нравится что-то простое или нарядное?

— На выход или на каждый день? — спрашивает торговка кружевами по соседству.

Хор женских голосов наседает.

Господи помоги, откуда ему знать! Иньяцио делает попытку:

— Она… будет… как вы. — И показывает на девушку, примеряющую шнурок. Та смеется, открывая гнилые зубы.

— Кристина, дай ему две, она сама сообразит, сошьет их, если надо, —

говорит сидящая в углу пожилая женщина с лицом, похожим на древесную кору. Скорее всего, хозяйка. — Дай ему и пряжку.

И Кристина, девушка за прилавком, достает костяные пряжки. Старуха права: они очень красивы. Он выбирает одну, с русалкой.

Иньяцио возвращается домой, пряча под плащом покупку. До виа Матерассаи остается совсем немного. Он идет по переулку Кьяветтиери, наполненному запахом железных опилок, шумом токарных станков.

Это подарок на Сан-Джузеппе, говорит он себе. *Джузеппина так много сделала для нашей семьи, она его заслужила, и не только его, ей пришлось приехать сюда, и вообще, она всегда была учтива со мной и…*

Маленький сверток под плащом вдруг становится тяжелым.

Он не может вручить ей этот подарок. Ведь он ей не брат… или брат? Кому какое дело? Они — одна семья, они знакомы, кажется, всю жизнь.

Они — одна семья, так?

* * *

Наступает Сан-Джузеппе. Джузеппина получает подарок от Паоло, удивленная улыбка сменяется благодарностью. Она берет серьги, поднимает руку высоко, чтобы Винченцо не схватил, примеряет их.

Муж доволен, а она крутится у зеркала, счастливая, радостная.

Сверток с лентой и пряжкой остается в руках у Иньяцио, которые он держит за спиной. Он тоже улыбается, но чувствует себя глупо, не к месту, не ко времени.

Он уходит в свою комнату. Прячет сверток в сундук у изножья кровати.

Там и найдет его Джузеппина после его смерти.

* * *

Винченцо мчится по переулкам, грязные брызги летят на штаны. Добегает до виа Тавола-Тонда, громко стучит в дверь.

— Пеппино, выходи! Бригантина пришла, бежим!

На пороге появляется мальчик примерно того же возраста, что и Винченцо, — ему лет шесть. Ясные глаза, растрепанные волосы, грязные ноги. Они смеются. Бегут — один босой, другой в кожаных башмаках. На лицах радость оттого, что они вместе.

— Откуда, говоришь, они приплыли?

— Из Марселя. Французы продают пряности неаполитанским морякам, у них покупает и мой отец, чтобы торговать потом в лавке.

Въезжают в ворота таможни, уцепившись за телегу. Извозчик замечает их, грозит кнутом, они убегают, хохочут.

Прибегают в порт, лица красные, мокрые от пота.

Волосы Винченцо блестят под сентябрьским солнцем. Он видит, как дядя на палубе придирчиво осматривает груз, поднятый из трюма. Счетовод Реджо следует за ним с бумагой, вслух ведет подсчеты.

Другие торговцы ждут своей очереди, но у Флорио самая большая партия товара. Винченцо знает, он слышал, как накануне вечером отец с гордостью рассказывал об этом. Еще он знает, что, если торговля пойдет успешно, они переедут в новый дом. Так сказала мать.

Вслед за Винченцо Пеппино залезает на моток корабельного троса.

— Вот это да! У твоего дяди сапоги, как у барона!

— Дядя говорит, нельзя пренебрегать внешним видом. Люди понимают, кто ты, по тому, как ты с ними разговариваешь, но, если ты плохо одет, они даже не посмотрят в твою сторону. — Винченцо прикрывает рукой глаза от солнца. Он чувствует аромат пряностей, заглушающий сильный запах солонины. Запах гвоздики, корицы и волнами — аромат ванили.

Иньяцио, обернувшись к счетоводу Реджо, замечает племянника. Узнает и мальчика, Джузеппе Пасторе, сына моряка из Баньяры, женатого на местной.

Если бы брат знал, что Винченцо дружит с этим сорванцом, он бы рассердился, и не напрасно. Франческо Пасторе, отец Пеппино, промышляет какими-то махинациями; деньги в дом в основном приносит жена, работает посудомойкой. Однако Иньяцио не согласен с Паоло. Пусть Винченцо водится с разными людьми, это хороший навык — уметь договариваться с кем угодно. И потом, черт возьми, они тоже бегали босиком по улицам Баньяры.

— Мы закончили, дон Иньяцио. Всё отвозим на таможенный склад? — спрашивает счетовод Реджо.

— Всё, кроме индиго и шафрана. Эти надо отвезти на склад на виа Матерассаи.

С пирса доносится какой-то ропот, Иньяцио думает, что возмущаются ждущие своей очереди торговцы.

Не наша вина, что у нас много товара. Придется вам ждать, думает он. Но, судя по свирепым взглядам, которыми его провожают, дело не в зависти.

Это неприязнь и злоба.

— Что, закончили, наконец-то?

Это спрашивает Миммо Русселло, торговец с виа Латтарини, один из тех, кто раньше продавал пряности сомнительного качества и прозябал в тени семейств Канцонери и Гули.

— Сожалею, что заставил вас долго ждать. Прошу, — Иньяцио делает широкий почтительный жест.

Раздается смех, кто-то покашливает.

— Когда-то здесь лишь Канцонери устанавливали свои порядки. Теперь еще и вы. Работать невозможно. Вы как будто сговорились, — бормочет Русселло.

— Мы? С Канцонери? — Иньяцио не может удержаться от смеха.

— Вам смешно. А честные труженики голодают. Как только вы или Сагуто появляетесь на таможне — всё, конец. Назначаете цены, берете себе лучший товар. Одним словом, хозяйничаете!

— Это моя работа. — Иньяцио больше не смеется. — Я не виноват, что клиенты к вам не идут, синьор Русселло. — Он делает ударение на слове «синьор», ведь те, кто вокруг, понимают разницу. — Цены у нас высокие потому, что качество лучшее во всем Палермо, и люди об этом знают. Хотите продавать хороший товар? Разный? Приходите к нам, договоримся.

— Ну да… Еще чего! Что вы, что Канцонери с меня три шкуры сдерете.

— Тогда не жалуйтесь. — Сарказм Иньяцио сменяется холодностью. — Никто у вас ничего не крадет. Мы просто делаем свое дело.

Он говорит теперь так, как говорят в Палермо, больше никто не смеется над его калабрийским говором.

Русселло прикрывает глаза.

— Как же! — шипит он. Рассматривает одежду Иньяцио, взгляд падает на сапоги. Кивает на них подбородком: — Не жмут сапожки? Говорят, когда долго ходишь босиком, трудно привыкнуть к обуви.

Вокруг сгустилась тишина, сопровождаемая недобрыми взглядами. Только матросы громко окликают друг друга, не обращая внимания на происходящее.

Иньяцио отвечает не сразу.

— Нет, не жмут. Я могу позволить себе обувь из мягкой кожи. А вы остереглись бы да думали лучше про свою мошну. Как бы не пришлось лить слезы, когда дело коснется барышей.

Он говорит спокойно, и это тоже непонятно палермским торговцам. От кроткого Иньяцио Флорио никто никогда не слышал ни ругательств, ни угроз.

Он уходит, не удостоив их взглядом. Чувствует, как кипит внутри гнев, незаслуженная обида. В Палермо мало работать, гнуть спину. Нужно уметь отвечать, навязывать свою силу, истинную или мнимую, бороться с теми, кто много и не к месту болтает. Этот город ценит видимость, взаимный обман, декорации из папье-маше, в которых персонажи разыгрывают спектакль.

Искренности — истинного богатства — никто тебе здесь не простит.

Глаза Иньяцио встречаются с глазами Винченцо, сидящего на мотке корабельного троса.

По лицу мальчика пробегает испуг. Он не успевает и рта раскрыть, как тяжелая дядина рука опускается ему на плечо.

— Кто тебе разрешил сюда приходить? Да еще с этим! Что о нас подумают? — говорит он, указывая на Пеппино. Обида душит Иньяцио, ищет выход. — Если твой отец узнает, что ты бегаешь по улицам, он тебе задаст!

Винченцо просит прощения. Но что он сделал плохого?

Пеппино тоже слезает на землю, на всякий случай отходит подальше.

Винченцо, которого дядя тянет за руку прочь, все оборачивается и смотрит на друга. Смотрит на Иньяцио, смотрит на Пеппино.

Не понимает.

* * *

Приступ сухого кашля не прекращается.

Паоло ходит по дому, прикрывая рукой рот, чтобы не разбудить домашних: Иньяцио, Винченцо, Викторию, Джузеппину.

Он дрожит, завернувшись в одеяло. У него жар. Идет в столовую, держится за стол, прислоняется к буфету, делает передышку.

Подходит к окну, поднимает руку, чтобы глотнуть свежего воздуха, но не решается открыть окно: слишком холодно.

Каменный пол блестит, белеет в лунном свете. Корзины зеленщика стоят пустые у дверей их старого жилища.

Новый дом очень красивый. В нем много окон, везде настоящие двери, кухня с прекрасной жаровней. На стенах столовой — гобелены.

Снова приступ кашля. Паоло массирует грудь. После каждого

приступа он чувствует, как внутри у него все болит. Должно быть, простудился. Неудивительно, ведь он всегда бегает по делам — солнце ли, дождь ли, ветер…

За спиной у Паоло раздаются шаги.

Он поворачивается. В темноте лицо. Ночная рубашка едва прикрывает босые ноги.

На него смотрит сын.

Именно таким Винченцо запомнит своего отца. Не голос, не жесты, не эмоции. Безжалостная память снова и снова будет возвращать ему образ отмеченного болезнью сгорбленного старика с горячечными глазами.

И всякий раз его будет охватывать тоска, как и в ту ночь, когда он лишь смутно догадывался, что в его жизни настанут перемены.

В голове зазвучит тонкий детский голосок, а в нос ударит горький запах болезни, который он так ненавидит.

— Папа, что с вами?

Винченцо уже большой: ему семь лет, у него внимательный, сосредоточенный взгляд. Паоло чувствует в голосе сына непонятный страх.

— Простыл немного, Виченци. Иди спать.

Но ребенок мотает головой. Подвигает стул, чтобы сесть рядом. Так они и сидят, обнявшись. Дыхание их сливается, взгляд падает в одну точку на полу.

— Можно мне завтра прийти в лавку? — Винченцо берет руку отца.

— А как же учитель? Что мы ему скажем?

— Ну, после уроков, — настаивает ребенок.

— Нет.

С тех пор как отец решил, что Винченцо должен учиться, настал конец его свободе. Теперь он не может, как раньше, бегать в портовых переулках вместе с Пеппино и другими детьми переселенцев из Баньяры. Но Винченцо не отчаивается. Улучает возможность убежать в бухту Кала или к друзьям. Они запускают волчки на камнях площади Сант-Олива, больших гладких камнях, которыми она вымощена. Оттуда мать за ухо тащит его домой, ведь каждый день к ним приходит учитель, Антонино Гальяно, юноша, готовящийся стать священником.

Писать, считать, читать. Вообще-то, ему нравится учиться, но еще больше нравится сидеть в лавке, слушать, как дядя разговаривает с купцами и капитанами, запоминать названия городов, различать корабли в порту по их силуэтам.

Он умеет распознавать запахи: хина, гвоздика, арника и даже ферула.

Отец, кажется, читает его мысли.

— Нужно терпение, сынок. Терпение и настойчивость: если не выучишься, не сможешь продолжить мое дело.

— Но ведь вы не учились.

— Да, — вздыхает отец. — Поэтому нам пришлось много трудиться, бывало, что и обманывали меня. Но если ты ученый, тебя нелегко провести. Чем больше ты знаешь, тем больше тебя уважают, тем меньше найдется желающих вытереть об тебя ноги.

— Нужно увидеть мир своими глазами, папа, а не просто учиться по книгам, — спорит Винченцо.

— Когда вырастешь… — Он встает, пытается взять сына на руки, но не может: голова кружится, приходится прислониться к косяку. — Пойдем спать. Я устал.

Винченцо обнимает отца. Крепко прижимается и прячет лицо у него на груди, вдыхает его запах, аромат лекарственных трав и пота. К нему примешивается и новый запах, неприятный и кислый, чужой.

Эти объятия, он запомнит их на всю жизнь.

* * *

1806 год почти миновал; кашель Паоло, однако, никак не проходит. Неотвязный, глубокий. Паоло не хочет обращаться к лекарю, хоть Иньяцио и твердит постоянно об этом. У Паоло хроническая слабость, он почти не заходит в лавку.

Маурицио Реджо занимается счетами, Иньяцио ведет дела. Он всегда за прилавком, принимает заказы от розничных торговцев. С годами его черты утратили прежнюю мягкость. Это бесстрастный молодой мужчина с тихим, ровным голосом. На его лице не прочитать ни беспокойства за дело, ни опасения, что болезнь в груди, от которой страдает Паоло, серьезна.

А она такова.

Иньяцио понял это, когда Орсола, горничная, которую Паоло нанял в помощь жене, прибежала в лавку.

— Дон Иньяцио, скорее! — Она тяжело дышит, вытирая руки о платье. — Вашему брату плохо.

Близится Рождество, на улице холодно, но Иньяцио выбегает без плаща. Он спешит, перепрыгивая через ступени. Останавливается на пороге комнаты. В углу на стуле сидит Виктория, раскачивается всем телом взад и вперед. Прикрывает рукой рот и твердит:

— Пресвятая Мадонна! Горе-то какое! — Больше ничего не может

сказать.

Джузеппина стоит, держа в руках таз, полный грязных носовых платков. На лице у нее ужас оттого, что она все поняла, но не может поверить в это.

Иньяцио медленно подходит к ней, берет у нее таз. Руки Джузеппины дрожат. Он сжимает ее пальцы.

— Иди на кухню. Скажи Орсоле, чтобы немедленно позвала Карузо, цирюльника, потом нагрей воды и помойся, ты и ребенок, и ты, Виктория, тоже. Обязательно горячей водой, и простирайте со щелоком все белье.

Женщины выходят. Только тогда Иньяцио находит в себе силы повернуться к брату.

Голова Паоло тонет в подушке. Губы и усы у него красные от крови. Рот кривится в горькой усмешке.

— Это она. Я так и думал, это не от сквозняков.

Иньяцио колеблется, прежде чем сесть на кровать. Крепко обнимает брата. Это его брат, чем бы он ни болел.

— Я обо всем позабочусь, хорошо? — Иньяцио утыкается лбом в его лоб, как делал Паоло когда-то давно. — Я тебя одного не оставлю. — Он сжимает его затылок. — Попрошу сейчас же приготовить тебе настойку эхинацеи. Потом найдем для тебя дом за городом, может, в Ноче или в Сан-Лоренцо. Там тепло и чистый воздух. Ты поправишься, я тебе обещаю.

* * *

На кухне Виктория и горничная кипятят воду в котлах, погружают в них простыни и одежду. Лицо у Виктории потемнело, губы плотно сжаты.

Джузеппина не может унять дрожь в руках. Винченцо, завернутый в полотенца, сидит на кухонном столе. На полу у его ног стоит дымящееся корыто. Мальчик видит, что мать расстроена, но не понимает почему.

Входит Иньяцио. Кажется, он вмиг постарел.

— Надо, чтобы нас всех осмотрел Карузо, — голос звучит глухо, напряженно.

Джузеппина хочет что-то сказать, но в горле застрял комок. Сын, сидящий за ее спиной, чувствует, что происходит что-то неладное. Чувствует, как только дети могут: догадка становится явью.

— Папа заболел?

Джузеппина и Иньяцио разом оборачиваются.

Винченцо все понимает.

Мать хочет подойти к ребенку, но Иньяцио ее останавливает. Отвечает ему как взрослому:

— Да, Винченцо.

Темные глаза ребенка гаснут. Он сползает со стола, идет к себе в комнату. На кровати лежат книги. На доске — задания, оставленные учителем.

Садится. Начинает писать.

* * *

Ночью никто не может уснуть.

Ни бедный Паоло, которого мучает кашель. Ни Винченцо, который не может себе представить, что будет с отцом, и беззвучно плачет, уткнувшись в подушку. Ни Виктория, которая предчувствует надвигающееся одиночество.

Ни Джузеппина, которая отвернулась от мужа, смотрит в темноту, затаив в душе страх.

Ни Иньяцио, который ходит босиком, — рубашка выбилась из брюк, жилет не застегнут. Каменный пол приятно холодит ноги.

С болезнью Паоло меняется все.

Он знает, что новость вмиг облетит Палермо и что некоторые — Канцонери первыми — постараются воспользоваться ситуацией.

Все дела лягут на его плечи. Ему понадобится новый работник, Винченцо обязательно должен учиться. Придется позаботиться и о Джузеппине.

От этого внутри дрожь.

Он не может себе представить, что ему уготовано, что ждет его в ближайшие месяцы. Как далеко зашла болезнь, каковы будут последствия.

Ему вспоминается осеннее утро, когда брат-подросток вел его в дом Маттии и Паоло Барбаро, защищая от гнева мачехи и равнодушия отца. Тем самым он спас ему жизнь, теперь Иньяцио понимает это.

Маттия.

Маттия с детьми переехала в Марсалу. Время от времени Иньяцио посылает ей деньги на учебу Рафаэле, да и просто на жизнь. Паоло Барбаро после перенесенной болезни не может работать, он снял внаем в Марсале недорогой домик для себя и семьи.

А может быть — Иньяцио стыдно себе в этом признаться — так он хочет очистить свою совесть.

Нужно предупредить сестру. Паоло не знает, но жена ослушалась его и не порвала с Маттией. Сначала робко, затем все чаще Джузеппина просила Иньяцио написать золовке. Письма стали регулярными, Иньяцио не мог отказать невестке.

Так ему удалось сохранить семью, сохранить важную часть своей жизни. Это их с Джузеппиной секрет, одна из тех невысказанных тайн, которые связали их навсегда.

* * *

Случай послать за Маттией вскоре представился. Паоло перевезли в деревню, и Джузеппина поехала с ним, чтобы найти сиделку, которая будет рядом день и ночь.

Иньяцио и Винченцо остались в городе.

Время к полудню. Продавцы ушли из лавки на обед.

— Можно?

Винченцо сидит у прилавка, решает примеры. Услышав голос, поднимает голову.

— Дядя, это к тебе, — зовет он.

Иньяцио выходит из конторы. Один из торговцев, что плавает на фелуке, зашел забрать анис.

— А, мастер Сальваторе, добро пожаловать! Входите!

— Бог в помощь, дон Флорио. Хорошо выглядите. Как ваш брат? В порту мне сказали, он нездоров… — говорит тихо, уважительно, изредка посматривая на мальчика.

— Да, спасибо, вашими молитвами… Мой брат… У него болит грудь, он слаб, но мы надеемся на его выздоровление. Сейчас он за городом, а там как Бог даст…

— Хм. А мне-то порассказывали такое! Вечно люди болтают почем зря.

— Видно, других дел у них нет. Проходите… — Иньяцио провожает торговца в контору, вдыхая запах соли и солнца, напоминающий ему о юности.

Интересно, вспоминает ли брат о море, о тех временах, когда они плавали на «Сан-Франческо» от Неаполя до Мессины?

Подписывая бумаги, Иньяцио спрашивает торговца, куда тот держит путь.

— Я возвращаюсь из Мессины, думаю плыть к Мадзара-дель-Валло, а

затем в Джелу…

Иньяцио смотрит на него снизу вверх, подперев лицо рукой.

— Не могли бы вы оказать мне услугу? Зайти в порт Марсалы, чтобы передать письмо?

— Конечно. Что-то важное?

Иньяцио достает из ящика стола сложенный листок.

— Крайне важное. Это нужно передать Маттии Флорио, по мужу Барбаро, лично в руки. Я здесь написал адрес, по которому она жила. Если они и переехали, то недалеко.

Мастер Сальваторе кивает. Хмурит лоб. Пытается припомнить что-то, слухи, которые ходили в порту о том, что Флорио не поладили с родственником и не помогли ему в трудный момент. *Как чужие.*

Сальваторе убирает письмо в карман куртки. Ни о чем не расспрашивает, ничего не хочет знать: не его это дело.

Иньяцио провожает его до порога.

— Храни вас Господь и помоги вам Мадонна, дон Флорио. Передайте привет вашему брату, я буду молиться, чтобы святой Франческо ди Паола помог ему!

— Храни и вас Господь, мастер Сальваторе. И вас.

Иньяцио смотрит ему вслед, смотрит, как тот идет, покачиваясь, по мостовой, будто по палубе корабля. Немного жаль, что пришлось просить Сальваторе об услуге.

Но у него нет выбора. Он не знает, сколько времени отпущено брату.

*** * ***

Джузеппина подперла лицо рукой, смотрит в прямоугольник окна, за которым ослепительная лазурь неба. Под небом — юная весна, неукротимая, яростная.

Паоло стало намного хуже. Бывают минуты, когда кашель просто душит его, не дает дышать. Она послала Орсолу за Иньяцио, который пропадает в лавке целыми днями.

Вдруг чья-то рука ложится ей на плечо. Она хватает ее, целует. Шелестя юбками, перед ней садится Маттия Барбаро.

Женщины смотрят друг на друга, не говоря ни слова.

Маттия приехала из Марсалы два дня назад, Иньяцио оплатил дорогу ей и ее сыну Рафаэле. Барбаро оказались в тяжелом положении, но возвращаться в Баньяру не намерены: Паоло Барбаро слишком горд, не

хочет, чтобы другие видели, как он сдал, и тем более не желает ничего слышать об успехах Флорио.

Маттия — впервые, ведь все эти годы она была послушной женой, — поссорилась с мужем, который не хотел ее отпускать. Он возмущался: у них нет денег, и Паоло этого не заслуживает.

Но она — Флорио, а Флорио своих не предают.

На лице у Маттии печать смирения и усталости. Время и невзгоды добавили седины ее волосам, вокруг глаз появились морщины.

В другом углу комнаты слышны детские голоса: Винченцо показывает свои книжки Рафаэле, который немного постарше. За ними приглядывает Виктория, время от времени навостряет уши, прислушивается к разговору теток. Ее тоже удивило, как постарела и высохла Маттия.

Джузеппина с грустью смотрит на детей.

— Он не понимает, что отец при смерти, — говорит она печально и немного обиженно. — Иногда я вижу, что он стоит на пороге, но не решается подойти, даже когда Паоло зовет его. Как будто не хочет видеть его таким, не понимает, что бедному отцу плохо.

— Он еще ребенок, конечно, ему страшно. Но ты не сдавайся, держись. Нужно мужаться и уповать на Бога.

— Богу нет до меня дела. Если бы мы остались в Баньяре, все сложилось бы иначе.

— Нет, не говори так. А может, наши мужья потерпели бы кораблекрушение или случилось бы еще одно землетрясение? Пути Господни неисповедимы! — Матии тоже знакома эта горечь, она знает, что нельзя поддаваться унынию. — Прошлого не вернешь, не думай о том, что могло бы произойти. Я тоже не хотела ехать в Марсалу, но пришлось, потому что муж заболел. Ради мужа пришлось забыть и о семье. И родной брат предпочел забыть обо мне. И все-таки, видишь, как бывает? Мы снова вместе!

Джузеппина пытается поправить волосы, но непослушная прядь спадает на лоб.

— У тебя есть муж и Иньяцио. Он — твой брат. А у меня никого. Все мои родственники умерли… — Горькие слова бессильно повисают в воздухе, как шаль, сползающая с ее плеча. — Я совсем одна, понимаешь?

В наступившей тишине Маттия закрывает глаза.

— У тебя есть сын, твое сокровище, — грустно улыбается она. — И у тебя тоже есть Иньяцио, не забывай об этом.

* * *

Когда Джузеппина сообщила, что Паоло стало хуже, Иньяцио вызвал цирюльника Карузо. Тот заверил его, что поедет в Ноче, как только у него будет экипаж.

— Ухудшение может быть вызвано мокрóтой или жидкостью в легких. Нужно обязательно проверить легкие.

Тогда Иньяцио нанял извозчика и сам поехал за лекарем. Он должен навестить брата. Нужно рассказать ему, что приехала Маттия, нужно дать ему надежду, так он говорил себе, пока ехал с цирюльником по дороге, ведущей через оливковые рощи к Ноче.

Должна же быть надежда.

* * *

Возвращается Иньяцио поздним вечером.

У него тяжелая поступь. Глаза покраснели. Винченцо и Рафаэле спят рядышком, утомленные впечатлениями прошедшего дня. Виктория подмела комнаты и тоже пошла отдыхать.

Джузеппина и Маттия ждут его на кухне.

Джузеппина всматривается в его печальные глаза. Встает навстречу, кутаясь в шаль.

— Ну, что там?

Маттия за ней. Иньяцио качает головой.

— Все напрасно. Он не хочет тебя видеть.

Маттия закрывает рукой рот, чтобы не вырвались рыдания, раскачивается всем телом взад-вперед.

— Как? Даже в смертельной болезни? Даже сейчас сердце его не смягчилось?

Джузеппина хочет ее обнять, но Маттия отталкивает невестку.

— Это безжалостно, бессердечно. Неужели я не заслуживаю прощения?

Иньяцио прижимает ее к груди.

— Прости. Он начал кричать, у него кровь пошла горлом. Пришлось дать ему лауданум, чтобы он успокоился. — Иньяцио ищет поддержки у Джузеппины, та стоит позади Маттии, сжав кулаки, глаза блестят.

Он не будет рассказывать о том, как рассердился брат, о той ярости,

которую он выплеснул на него. О той боли, которая его пронзила, когда Паоло сказал, что для него Маттия умерла. Что если она приехала ради денег, то может убираться ко всем чертям, потому что завещание уже составлено, и он позаботился о том, чтобы сестра и ее муж не получили ни гроша.

Не нужно говорить об этом Джузеппине. Она и так знает.

Но даже ей он не может рассказать об отчаянии цирюльника. По крайней мере, не сейчас.

Маттия отстранилась от брата.

— Я предстану пред Богом со своими грехами, но только не с этой обидой! — Она бьет себя в грудь. — Он мой брат, я люблю его и молюсь, чтобы Бог простил его за то, что он так поступает со мной. Я поругалась с мужем, чтобы приехать сюда, а родной брат отталкивает меня, как прокаженную?

Маттия плачет. Джузеппина ведет ее в спальню.

— Успокойся, сердце мое, — шепчет она. — Идем спать.

Они — сестры, хоть и не по крови, думает Иньяцио. Невестка оборачивается к нему.

— Я оставила тебе макароны с брокколи. Они еще теплые. Поешь и иди отдыхать.

Иньяцио кивает, но он не голоден.

На пороге Маттия останавливается.

— Зло всегда возвращается, — говорит она. — За него приходится расплачиваться детям и внукам. Он причиняет боль не только мне, а всем нам: он должен помнить это всегда.

Джузеппина с Иньяцио вздрогнули.

Эти слова звучат как пророчество, а ведь слово не воробей, вылетит — не поймаешь.

Оно теряется во времени, переходит от поколения к поколению, пока не становится *истиной*.

* * *

Джузеппина ждет, пока Маттия уснет, чтобы навести порядок на кухне.

— Разве я заслужила такое отношение? — все повторяла Маттия. — Я кормила его, как мать, стирала ему одежду. Защищала его. А теперь он отталкивает меня! — И снова в плач. Джузеппина вытирала мокрое от слез

лицо невестки, а внутри у нее все кипело от злости.

И что теперь? Чего бы ей хотелось? Чтобы муж, которого она никогда не любила, выздоровел и вернулся домой?

Для нее муж — это защита, единственная, которая у нее есть. Это еда на столе, это ведро углей для жаровни.

Она кутается в шаль. Нет, не это ее пугает. Что-то другое, глубоко личное, о чем она даже думать не смеет.

Она вздрагивает, увидев силуэт в темноте.

Это Иньяцио сидит, уронив голову на сложенные на столе руки. Плечи его трясутся. Он плачет.

Глухие отчаянные рыдания мужчины, который не может сдержать боли, так она велика.

Джузеппина отступает, возвращается в спальню.

* * *

Иньяцио не может уснуть. Он надеялся, что слезы помогут, принесут облегчение, но этого не случилось. Он боится, что не справится со всем, что на него обрушилось. Боится, что у него ничего не выйдет.

Ему тяжело даже думать об этом, не то что делиться с кем-то своими переживаниями.

Он встает, тщательно одевается, чтобы никто не подумал, что у Флорио случилась беда. Не важно, что еще очень рано, так рано, что даже не рассвело. Нужно пойти в лавку, работа найдется.

Он выходит на кухню и видит Джузеппину.

— Как Маттия? — спрашивает у нее.

— Еще спит, бедняжка. Ночью ей снились кошмары.

Джузеппина ставит перед ним чашку теплого молока.

— А ты? Ты поспала?

— Немного.

Она берет метлу, начинает подметать. Иньяцио макает хлеб в молоко.

Внезапно Джузеппина замирает с метлой в руках. Просит, не глядя на него:

— Скажи мне правду!

И он понимает, как всегда понимал ее. Вкус молока вдруг становится горьким.

— Ему хуже. Я не хотел скрывать это от тебя.

— Так цирюльник сказал?

— Да.

— Он умирает?

Иньяцио молчит.

Перед ним пустота. Нет звуков, нет запахов. И Джузеппины нет, она исчезла, вместо нее какая-то статуя.

Слышны всхлипывания. Метла с шумом падает. Отчаяние вырывается вместе с рыданиямим, слезы текут по лицу, плечи вздрагивают.

Иньяцио давно понял, что, живя рядом с кем-то долгое время, привязываешься к нему. Любишь не человека, а свои представления о нем, чувства, которые он вызывает, даже ненависть. К своим демонам тоже привязываешься.

— Пожалуйста… Не надо… — просит он, обнимает ее, крепко прижав к себе, потому что, кажется, ее тело разрывается на части, так вздрагивает оно от рыданий.

Ее слезы текут по его шее. Он замечает, что тоже плачет. Так они плачут вместе, обнявшись. Но когда слезы прекращаются, он чувствует, как напрягается ее тело. Джузеппина поднимает голову, их губы почти соприкасаются.

Демон, который сидит у него внутри, вот-вот пробудится в его теле.

Сейчас он думает не о брате, не о племяннике — *о себе*.

Он всегда стоял на шаг позади нее. Если и прикасался к ней, только со всем почтением.

Он может сделать это сейчас, когда Паоло далеко, прикован к постели.

И Джузеппина смущена. Но когда она впивается в него глазами, замешательство проходит. Она гладит его по щеке, проводит пальцами по губам.

На мгновение Иньяцио представляет, что было бы, окажись он на месте Паоло.

Джузеппина была бы его женой, Винченцо — его сыном, этот дом — их домом. Их дни и ночи, дети, которые у них родились бы в Баньяре или здесь, в Палермо. Их маленькая совместная жизнь, в которой они были бы счастливы, или, по крайней мере, спокойны.

Но это не его жизнь.

Джузеппина — жена его брата, а он — предатель. И это — позор.

Он закрывает глаза — ненадолго удержать жизнь, о которой мечтал. Он крепко обнимает ее, прежде чем отпустить, а затем уходит, чтобы не поддаться искушению.

* * *

Через несколько дней Маттия возвращается в Марсалу на фелуке мастера Сальваторе. Иньяцио дал ей денег, Джузеппина одарила долгим объятием. И все-таки Маттия уезжает с тяжелым сердцем, ничто не облегчило ее боль: ни нежность Виктории, ни щербатая застенчивая улыбка Винченцо. Она знает, что ей не суждено увидеть Паоло, своего брата. Она знает, что есть раны, которые не лечит время.

* * *

В комнате удушающий запах болезни, это зловоние не в силах перебить даже свежий весенний воздух. Лимонное дерево тянется к окну. Почуяв первое тепло, в его ветвях трещат цикады.

С порога комнаты Джузеппина смотрит, как грудь Паоло тяжело вздымается и опускается. Она кусает губы. Все в ее жизни стремительно рушится.

Вдруг на плечо ложится рука.

— Вот и я. Старался управиться как можно скорее. — Иньяцио подходит к ней, говорит на ухо: — В лавке я все уладил. Маурицио будет вместо меня, пока… сколько нужно.

Джузеппина его не слышит. Иньяцио это замечает по ее растерянному взгляду.

— Я привез Винченцо. Он играет в саду, побудь с ним немного.

Она с облегчением соглашается.

Она хотела бы заплакать, но не может. Мужа она никогда не любила, и все-таки жаль его. Она горюет не только о нем — о себе тоже, потому что знает: ей будет его не хватать. Пустоту будет нечем заполнить долгие годы.

Она жила с Паоло без любви, бывало, испытывала к нему и ненависть. Она не сможет попросить у него прощения за то зло, которое они причинили друг другу. Паоло переступил порог, за которым не поговорить. Они могли бы поговорить сейчас, но не поговорили. Чувство вины за это останется с ней навсегда. Станет ее земным Чистилищем.

Иньяцио отсылает из комнаты задремавшую в углу горничную. Услышав голос брата, Паоло поворачивает голову. Его глаза лихорадочно блестят.

Иньяцио присаживается на кровать. Он больше не спрашивает брата,

как тот себя чувствует. С тех пор как цирюльник зашел в лавку и сказал, что болезнь разрушила легкие Паоло, они отбросили эту лицемерную формальность.

— Ему осталось недолго, — сказал цирюльник.

Иньяцио поблагодарил его, отдал причитающиеся деньги и продолжил работу.

Но Паоло долго сопротивлялся. Сила и упрямство Флорио поддерживали в нем жизнь.

Брат берет его за руку.

— Сегодня горничная усадила меня под лимон. Я закашлялся, пошла кровь, много крови. Пришлось переодеться. — Слова даются ему тяжело. — Говорят, Бог дал, Бог и взял. — Лицо Паоло освещает слабая улыбка. — Всё… всё у меня забрал…

Кашель. Долгий, мучительный. После приступа Паоло снова говорит, голос — как скрип железа по камню.

— Тебе нотариус Леоне сказал, что я составил завещание?

— Да. — Губы Иньяцио, которые он прикрывает платком, пересохли.

Паоло не хватает воздуха. Иньяцио приподнимает ему голову, дает выпить воды. Потом говорит:

— Никто не обидит его, пока я жив. Я нашел учителя, который будет учить Винченцо латыни и прочим предметам вместо Антонино Гальяно, ведь его скоро рукоположат в священники…

Паоло машет рукой, прерывает брата.

— Хорошо, хорошо… — Он сжимает его руку, и Иньяцио чувствует, как мало у брата осталось сил. — Послушай, ты должен стать ему тем, кем я уже не смогу быть.

— Ты знаешь, я люблю его, как родного сына. — Иньяцио накрывает руку Паоло своей.

— Нет. Больше, понимаешь? Ты должен вырастить его. Им всем нужны деньги, а ты должен стать ему отцом. Понял? Отцом.

Он пристально смотрит на брата, словно хочет проникнуть ему в голову.

Это невыносимо. Иньяцио встает. Во дворе Винченцо и Джузеппина играют под лимоном. Он старается говорить медленно, подбирает слова. Не хочет волновать Паоло.

— Я встретил в порту одного из двоюродных братьев Барбаро. Он передал мне сообщение от нашего зятя.

Паоло поднимает слабую руку.

— Боже! Я так много думал про них, про него и Маттию. — Он

плачет. — Я понял, что это наказание, которое послал мне Господь. Когда он заболел, я мог бы ему помочь. Это было бы милосердно. Когда приехала сестра, я не захотел повидаться с ней. Бедная… Я оттолкнул ее. — Паоло вытирает глаза. — Ты передашь Маттии, что я ее прощаю? И прошу ее простить меня! Что же я наделал! Дьявол помутил мой разум. Это мое проклятие!

Иньяцио смотрит на брата. Он хотел бы что-то сказать, утешить, но слова не идут из горла, а сердце, кажется, сжалось так, что превратилось в детский кулачок. На лице у брата читается неподдельный страх. Должно быть, он чувствует смерть совсем рядом, если просит прощения, если раскаялся в своей черствости.

Паоло приподнимает голову. Потные волосы прилипли ко лбу.

— Так что? Что просил передать мне Барбаро?

Иньяцио вздыхает. Этот вздох приносит облегчение, выпускает голос на свободу.

— Он говорит, что молится за тебя и желает тебе скорейшего выздоровления.

Непонятно, почему, но эта фраза кажется ему смешной. Он смеется, и брат смеется вместе с ним.

Они смеются, как будто жизнь — это шутка, а чахотка Паоло — лишь фарс, задуманный Создателем, будто можно вернуться назад и все уладить. Но нет, и это самое смешное: все взаправду, привычный мир рушится, рвется.

Смех Паоло превращается в кашель. Иньяцио бежит, протягивает ему таз, в который брат сплевывает сгустки крови и слизи.

Иньяцио обнимает его. Паоло очень худой. Болезнь съела его, оставив лишь кожу да кости, — оболочку, вместилище неукротимого духа, который не хочет сдаваться. Еще нет.

* * *

Когда Винченцо через несколько дней откроет двери, он увидит на пороге человека в черной сутане с фиолетовой столой. Это священник из Оливуццы, дон Сорче. Лицо у него раскраснелось от жары.

— Твоя мать послала за мной. Где она? — спросит он.

— Идемте со мной, скорее, — ответит вместо него подошедшая служанка.

Мальчик увидит, как они исчезают за углом. Из сада, из-за

распахнутой двери, доносится запах лета и тепла.

Беги, Винченцо, беги прочь! Он не хочет ничего знать, ничего слышать.

* * *

Иньяцио приходит, когда все уже кончено.

Джузеппина сидит у изножья кровати. Молчит, не плачет. Покусывает костяшки пальцев. В руках у нее четки. Кажется, она где-то далеко, может, так оно и есть.

Взгляд ее неподвижно устремлен на мертвое тело.

— Нужна хорошая одежда, — тихо произносит она.

Иньяцио механически отвечает «да».

— Я поеду на виа Матерассаи, позабочусь о похоронах. Скажу Маурицио Реджо, чтобы закрыл лавку на два дня. — Он делает паузу. — Нужно написать Маттии и нашим родственникам в Баньяре. Винченцо я возьму с собой.

— Мессы. Нужно заказать мессы, отмолить его душу, ведь он раскаялся в том, что причинил сестре столько зла. Он сам сказал мне, когда я меняла ему ночную сорочку после исповеди. И милостыня сиротам. Скажи Виктории, пусть она позаботится об этом. — Голос у Джузеппины глухой, хриплый.

Иньяцио кивает. Задерживает воздух в груди. Дышит, он еще может дышать.

Подходит к телу Паоло. Оно еще хранит тепло: кожа на лице прозрачная; руки, когда-то сильные и мозолистые, теперь как тонкие ветви. Голова и борода побелели.

Протягивает руку, гладит лицо брата. Потом наклоняется, целует покойного в лоб и замирает так, прижавшись губами к его коже. Боль комком стоит в горле.

Он будет помнить это всю жизнь. Поцелуй — это обещание, безмолвная клятва, которую слышат только они с Паоло.

Иньяцио идет из комнаты прочь. Под лимоном его ждет Винченцо.

— Ты попрощался с отцом?

Винченцо не смотрит на дядю. У него в руках щепочка, которую он ломает на мелкие кусочки.

— Да.

— Хочешь еще посмотреть на него?

— Нет.

Иньяцио протягивает руку, Винченцо цепляется за нее. Они идут к стоящему на аллее экипажу.

* * *

Перед лавкой толпится народ, в основном калабрийцы. На пороге Маурицио Реджо обнимает подошедшего Иньяцио, выслушивает его поручения. Вскоре деревянные ставни закрываются в знак скорби.

Иньяцио не укрыться от любопытных взглядов. Одни крестят лоб, другие выражают соболезнования. Он идет вперед, крепко сжав руку ребенка. На пороге их дома тихо плачет Виктория. Она тянется к братишке, целует его, обнимает.

— Теперь у тебя тоже нет защиты, как и у меня, — говорит она.

Винченцо застыл, не произносит ни слова.

Помочь с похоронами пришел Джузеппе Барбаро, один из родственников Эмидио.

— Упокой, Господи, его душу, — говорит он.

— Аминь, — отвечает Иньяцио.

Дома тишина. Орсола ведет Винченцо в комнату, чтобы переодеть в траурную одежду. Из родительской спальни доносится скрип сундука.

Шелест тканей перемежается обрывками фраз. Виктория, Иньяцио, Эмидио.

— Болезнь зашла слишком далеко…

— С миром отошел…

— Нужно заказать гроб, — говорит девушка.

— У лучшего мастера. Петь на мессе пригласим монахов. Он… он был не простым человеком. Мой брат, *дон* Паоло Флорио. Здесь, в Палермо, благодаря ему наша лавка стала известной.

Внезапно Винченцо все понимает.

Отцовская рука будто ложится ему на плечо. Крепко сжимает его. Борода колет лицо. Суровый взгляд. Руки, насыпающие хину на весы. Запах трав, исходящий от отца.

Покачиваясь, Винченцо идет в родительскую спальню.

Его отец больше не вернется. И в тот момент, когда эта мысль пронзает его, он встречается взглядом с Иньяцио и видит ту же горестную пустоту, какую чувствует сам.

Внезапно она становится бескрайней, невыносимо огромной.

И тогда Винченцо бежит, в глазах стоят слезы, ноги скользят по камням мостовой. Бежит прочь из этого дома, оставляя позади давящую пустоту, пытаясь обмануть себя.

* * *

— Винченцо!

Иньяцио зовет его, а мальчик, кажется, летит по мостовой. Внезапно на виа Сан-Себастьяно он теряет его из виду.

Иньяцио останавливается, хлопает себя по коленям.

— Ну вот, только этого не хватало… — бормочет он. Переводит дыхание. Идет к бухте искать ребенка. В порту многолюдно. Иньяцио уклоняется от знакомых, которые останавливают его, чтобы выразить соболезнования, обходит штабеля готового к погрузке товара.

Обводит взглядом бухту Кала, от церкви Пьедигротта до Ладзаретто. Тень от замка Кастелламаре падает на гавань. Лес мачт и паруса закрывают обзор.

Наконец он находит его.

Мальчик сидит на дальнем краю пирса, поджав ноги.

Плачет.

Иньяцио осторожно подходит к нему. Окликает. Винченцо не оборачивается, но расправляет плечи.

Возможно, следовало бы отругать его: сейчас совсем не время устраивать сцены. К тому же он мужчина, а мужчины не плачут. Но Иньяцио не ругает ребенка.

Он опускается рядом. Некоторое время они просто сидят и молчат. Иньяцио хотел бы утешить племянника, рассказать ему, что он чувствовал, когда во время землетрясения потерял мать. Он был примерно такого же возраста и хорошо помнит это ощущение покинутости, пустоты.

Отчаяние.

Но отец!

Своего отца, мастера Винченцо Флорио, кузнеца из Баньяры, он помнит плохо. Рядом всегда был Паоло, с тех пор как они вместе стали выходить в море.

И теперь он боится того, что его ждет… Проклятый страх, о нем никому нельзя рассказать, тем более ребенку.

Первым заговорил Винченцо.

— Как я буду без него?

— Такая, видно, судьба у твоего отца. На все Божья воля. — В этих словах Иньяцио ищет объяснение и для себя. — С того момента, как мы появляемся на свет, нами правит судьба, и ее не изменить. Ничего не поделаешь.

В тишине слышен лишь плеск волн.

— Нет. Если такова воля Божья, я не хочу ее. — Винченцо не может сдержать слез.

— Винченцо, что ты говоришь?!

Эта фраза жесткая, кощунственная, слишком серьезная для восьмилетнего ребенка.

— Я не хочу, чтобы у меня были дети, если мне придется умереть. Мама плачет, и тебе плохо, я вижу, — говорит он со злостью. Поднимает голову. — Теперь мне придется жить без него, а я не знаю — как.

Иньяцио смотрит на черную воду. Над ними в воздухе кружат чайки.

— И я не знаю… У меня земля ушла из-под ног, Винченцо. Он всегда был рядом, а теперь… — Он тяжело вздыхает. — Теперь я один.

— Теперь *мы* одни, — тихо произносит Винченцо, прислоняется к плечу дяди, и тот обнимает его.

Все изменилось, думает Иньяцио. Он больше не может позволить себе роскошь быть сыном и братом. Теперь он главный. Теперь их дело — это его дело. Теперь он за всё в ответе.

Это единственное, в чем он уверен.

Шелк
Лето 1810 — январь 1820

Всяк купец свой товар хвалит.

Сицилийская пословица

Получив корону Испании, Жозеф Бонапарт с подачи своего брата Наполеона передает неаполитанский трон зятю, Иоахиму Мюрату, который восходит на престол 1 августа 1808 года.

В 1812 году на Сицилии вспыхивает восстание из-за подоходного налога, установленного Фердинандом IV. Сицилийский парламент провозглашает конституцию, составленную по образцу английской, которая фактически лишает власти короля Бурбонов, предусматривает отмену феодальной системы и реформу государственного аппарата. Ее цель состоит в том, чтобы модернизировать социальную систему, а также упрочить взаимоотношения с англичанами, заинтересованными в сохранении независимости острова.

В том же году Наполеон начинает печально знаменитую Русскую кампанию. После разгрома под Лейпцигом (19 октября 1813 года) Мюрат объединяется с Австрией в надежде спасти свой трон. Он возобновляет союзничество с Наполеоном в 1815 году, но австрийцы разбивают его армию в битве при Толентино (2 мая 1815 года). Конвенция Казаланца (20 мая 1815 года) восстанавливает Фердинанда IV на неаполитанском троне, а в Палермо в качестве регента остается его сын Франческо.

8 декабря 1816 года росчерком пера монарх объединяет под одной короной Неаполитанское и Сицилийское Королевства и провозглашает себя Фердинандом I, Королем обеих Сицилий. Конституция 1812 года отменена. Остров фактически становится колонией и подвергается жесткому налогообложению.

Шелк принадлежит не Палермо.

Шелк принадлежит Мессине.

Или, вернее, принадлежал.

От Мессинского пролива до равнины Катании крестьянские семьи разводили шелкопрядов в тени вековых тутовых деревьев, листьями

которых кормили личинок. Занимались этой тяжелой и неблагодарной работой в основном женщины, получая за свой труд мизерную плату. Эти женщины были более свободными и независимыми, чем крестьянки, работающие в полях, или служанки в дворянских семьях. Они могли оставлять себе доход.

Тяжким трудом заработанные деньги они тратили на приданое или на покупку мебели для своего будущего дома.

И вдруг новость: на Дальнем Востоке шелка производят больше и по более низким ценам.

Так сюда начали поступать ткани из Англии: англичане закупали в своих колониях пряжу, а затем ткали у себя на родине или импортировали ткани с экзотическим рисунком. Все устали от полосок и пастельных тонов. После долгих войн с Наполеоном хотелось радости и мечты.

Экспорт из Сицилии в континентальную Италию постепенно сокращается, а затем прекращается вовсе. Шелковичные рощи приходят в запустение.

Начинается «китайское поветрие», увлечение всем китайским: мебель, фарфор, резная слоновая кость.

И, конечно, ткани.

Даже Бурбоны заразились этим, и король Фердинанд решил, что его охотничий домик — *гарсоньер* — будет «китайским дворцом».

У всех богачей есть, по крайней мере, одна комната, обитая шелком.

Все богачи одеваются в шелк.

*** * ***

Дверь открывается. Стекла больше не звенят, хорошо смазанные петли скользят бесшумно.

Рука ощупывает прилавок. Мраморная столешница на прилавке из красного дерева отполирована, как бархат. Взгляд задерживается на цветной плитке пола, затем скользит по ореховым шкафам с выгравированными на них названиями приправ. Запах свежего дерева и краски.

Иньяцио стоит в центре зала. Он один, но одиночество его не смущает.

Он мечтал об этом моменте два года, с тех пор как прежний хозяин, Винченцо Романо, согласился уступить ему этот магазин. Тогда боль от смерти Паоло была лишь едва затянувшимся шрамом.

Тогда тоже было лето.

* * *

— Что вы такое говорите? — в ответ на просьбу глаза Винченцо Романо, владельца домов на виа Матерассаи, округлились.

Иньяцио сидел за столом и смотрел на него снизу вверх.

Пригласив его в кабинет — теперь он приглашал людей, — он не предложил ему сесть. Заставил стоять, как просителя, испытывать неудобство. Винченцо Романо пришлось ждать, пока Иньяцио подписывал бумаги, много бумаг. Потому что дел у Флорио теперь много.

И лишь потом обратился с просьбой.

— Вы в своем уме? — Романо вцепился в край стола. — Ни за что! Не продам.

Иньяцио знал, что Романо любит деньги, и понимал, что тот так просто не уступит, поэтому запасся терпением. Он настаивал спокойно, но твердо. Терпение и уважение были его любимым оружием.

— Но и вы постарайтесь понять меня. Эти помещения нужно привести в порядок, отремонтировать. Вы же понимаете, торговый дом «Флорио» не может размещаться в лавке, где плесень на стенах и двери скрипят.

— И что? Если вы поможете покрасить стены и смазать двери…

— Дело не в этом. Дело в том, что двери, окна — всё надо менять, и пол в ужасном состоянии… Работы много, кое-что нужно делать срочно. Хорошо, если вам повезет и попадутся такие же добросовестные арендаторы, как мы, но все равно вам придется приводить помещение в порядок.

Винченцо Романо хотел отказать. Однако быстро передумал. Он знал, что Флорио прав.

Сомнение. Оно читается в растерянных глазах, в приоткрытых губах. Переломный момент. Нужно поднажать.

— У меня есть одно предложение, если вы согласитесь меня выслушать. Хороший компромисс для нас обоих.

— В смысле?

Только тогда Иньяцио жестом пригласил его сесть.

— Долгосрочная аренда.

— Прекрасно! Хозяин я, но все права у вас. Зачем мне недвижимость, если я ничего не смогу с ней сделать? — Романо тихо ругается: — Вместо собаки я получаю собачью морду.

— Подумайте хорошенько. При долгосрочной аренде вы, по крайней мере, формально остаетесь владельцем лавки. Я же на свои деньги займусь

ремонтом. Но если вы не хотите, — Иньяцио развел руками, — воля ваша. Как и мы вольны съехать.

Иньяцио говорил твердо, решительно. Он умел скрывать свои страхи, ведь сейчас он явно рисковал. Отказ Романо вынудил бы искать новые помещения для лавки и складов в другом районе. Оставить место, где они с Паоло когда-то начинали.

С другой стороны, нельзя оставаться в лавке, где в конторе сырость и разбитые двери. Это не соответствует уровню торгового дома «Флорио».

Винченцо Романо зашел за арендной платой и получил неожиданное предложение. Он походил по комнате, а потом удивленно спросил:

— Завидуете Канцонери и Гули, потому что у них свои торговые ряды?

— По правде говоря, нет. Просто нам нужна уверенность. Вы же знаете, если ты что-то заработал пóтом и кровью, это должно быть твоим, чтобы никто не мог прийти и отнять. Я не собираюсь тратить деньги на то, что вы потом решите продать кому-то другому. Надеюсь, вы меня понимаете?

Он понимал.

— Я подумаю над вашим предложением, — сказал Романо, прощаясь.

Он думал даже меньше, чем предполагал Иньяцио. И принял все условия.

Сделку оформили у нотариуса. Затем последовал ремонт: укрепление стен подвала, столярные работы, укладка плитки, замена стекол. Через несколько месяцев Иньяцио выкупил все помещения. Он стал полноправным хозяином лавки.

* * *

Когда Иньяцио вспоминает те шесть месяцев, что шли работы, сердце его поет.

На полках — новые альбарелло и сосуды с именем «Флорио». Склады на виа Матерассаи, на площади Сан-Джакомо и на таможне заполнены мешками с корой хинного дерева из Перу. Лавка Флорио стала тем, о чем он всегда мечтал. Теперь это настоящая *дрогерия*, магазин колониальных товаров.

Иньяцио оставил только одну вещь из старой лавки — весы, те самые, которыми пользовался его брат с первых дней работы.

Пусть будут, чтобы помнить, кто он, как все начиналось.

За дверью шум: это любопытные горожане и подосланные знатью

слуги, им не терпится заглянуть внутрь, увидеть, как изменилась лавка. Конечно, всем хочется узнать, что устроил этот переселенец из Баньяры, и лица их выдают. Иньяцио даже нравится наблюдать, как они терзаются любопытством и сомнениями. Они никогда не признают, что это зависть и восхищение вынуждают их толпиться, ждать под дверями магазина.

Ему не терпится лично увидеть тех, кто не забывал вставлять ему палки в колеса. Теперь его ход, игра не только против Канцонери и Сагуто — против всех торговцев приправами в Палермо, а они уже интересуются, ропщут, беспокоятся.

Потому что Флорио теперь не просто лавочники. Они — коммерсанты, и могут сказать это с гордо поднятой головой.

Дверь открывается. Кто-то входит.

Иньяцио оборачивается.

Это Джузеппина.

— Ох… как красиво! — Джузеппина от удивления приоткрыла рот. Складка между бровями разглаживается. Рука в перчатке скользит по темному платью. — Я и не думала, что все так изменится!

Она тоже изменилась.

Когда пришли благополучные времена, у нее появились горничные и служанки, наряды, сшитые у портнихи, а не штопанные при свечах, новые туфли и пальто. Стал богаче и разнообразнее стол, для всех, и для Виктории, которая пока живет с ними, но все чаще заговаривает о том, что хотела бы иметь свою семью. И дело даже не в нарядных платьях, не в руках, которые больше не болят от тяжелой работы по дому.

Глаза Джузеппины засияли новым светом. Она выглядит умиротворенной.

Иньяцио смотрит, как она ходит по магазину: прикасается к шкафам, открывает дверцы, нюхает специи.

Она поднимает голову, улыбается ему.

Он не может оторвать от нее взгляда.

— Прекрасная работа, да, — негромко говорит она.

Ему хотелось бы прикоснуться к ее щеке, почувствовать ее тепло. Но он стоит неподвижно, скрестив руки на груди, стараясь не помять сюртук, который он заказал у портного специально для этого события. Те, кто войдет в магазин, должны сразу понять, что здесь больше нет лавочников в нарукавниках.

Вдруг вбегает Винченцо.

— Мама! Дядя! Почему вы ушли без меня?

Он высокий, даже выше своих сверстников. Ему всего одиннадцать, но

его можно принять за подростка.

Иньяцио проводит рукой по его волосам.

— Мы никуда не ушли. Главная вещь, которую я хотел вам показать, — в конторе. Краска еще сохнет.

Он идет впереди по коридору, ведущему в контору. На новых столах — новенькие чернильницы, бумага.

Иньяцио указывает на длинную деревянную вывеску, она лежит на полу в дальнем конце комнаты. Краски яркие, еще свежие. Внизу тонкой кистью выведено имя художника, хорошо известного в Кастелламмаре, — Сальваторе Бургарелло.

— Он закончил ее только сегодня утром. Просил, чтобы сохла где-нибудь подальше от солнца, иначе краски растрескаются.

Джузеппина приложила руку к губам, как будто сдерживая возглас.

МАГАЗИН КОЛОНИАЛЬНЫХ ТОВАРОВ
ИНЬЯЦИО И ВИНЧЕНЦО ФЛОРИО

Винченцо переводит взгляд с вывески на дядю:

— Ты решил написать и мое имя! Почему?

— Потому что ты мой племянник и наследник своего отца. — Иньяцио обнимает его за плечи.

И еще потому, думает он с нежностью, *что ты мой сын, не по плоти, а по духу*.

На вывеске нарисован лес. Внизу, у корней одного из деревьев, течет ручей, из которого пьет лев.

Это хинное дерево, цинхона.

*** * ***

— Всегда рад помочь вам, донна Маргарита. До свидания!

Пожилая женщина ковыляет от прилавка к двери, опираясь на руку Винченцо. Мальчик — высокий, угловатый подросток, выше ее на целую голову. Синьора кивает, рукой чертит в воздухе что-то вроде благословения:

— Я-то помню тебя еще малышом, ты и тогда был очень рассудительным. Вишь, как вырос! И какой учтивый стал! Да воздаст тебе Господь!

Винченцо улыбается и ждет, пока синьора скроется за дверью. Как только она уходит, он поворачивается, закрыв лицо руками.

— Пресвятая Мадонна! Я не знал, как от нее отделаться!

Продавцы в магазине посмеиваются. Маргариту Контичелло из района Трибунали знают все: она невыносима. Поэтому и достается Винченцо, ведь он еще подмастерье, и в этой игре он всегда проигрывает.

Из конторы доносятся голоса.

Выходит Иньяцио, рядом с ним — человек с почерневшим от солнца лицом, Винченцо Мацца, еще один выходец из Баньяры, переселившийся в Палермо.

— Хорошо, тогда я вам сообщу, — говорит он с сильным калабрийским акцентом. Он пожимает руку Иньяцио, похлопывает Винченцо по плечу: — Эй, Виченци, какой ты большой! Чем тебя кормят дома?

— Хлебом, оливками и луком.

— А я думал, мама тебя поливает, чтоб ты лучше рос!

Снова смех.

Проводив Винченцо Маццу, Иньяцио идет в контору.

— Дядя, можно с тобой поговорить? — останавливает его племянник.

Иньяцио вздыхает, предчувствуя, о чем пойдет речь.

— Проходи. — Он опускается на стул, потирает виски. Он очень много работает. Винченцо, однако, этого не понять: в пятнадцать лет смотришь на мир через призму эгоизма и думаешь, что знаешь всё. Иньяцио указывает ему на стул. — Так что ты хотел мне сказать?

Винченцо плюхается на стул, как пустой мешок.

— Приходила донна Контичелло. Опять! — Он закрывает лицо руками. — Про ее подагру я знаю больше, чем ее доктор. Требует, чтобы ее обслуживали только я или ты, говорит, что хочет иметь дело с хозяевами, а не приказчиками.

— Что в этом плохого? — Иньяцио кусает губы. — Бедняжке нужно с кем-то поговорить, а ты ей симпатичен. Всегда говори «да», и она будет счастлива. И вообще, как ты сидишь? Выпрями спину, смотри на меня, руки на коленях. Сколько раз тебе повторять?

Винченцо подтягивается, но не убирает руки от лица, умоляюще смотрит на дядю.

— Но почему я должен стоять за прилавком? Терпеть не могу людей, которые жалуются, мне хочется сбросить их в море. Лучше я буду помогать тебе и синьору Реджо в конторе, ты же знаешь, я хорошо умею считать. Пожалуйста!

— Нет. Я тебе уже объяснял, почему. — Иньяцио пригвоздил его к стулу взглядом.

— Потому что таким образом я могу научиться понимать людей и угадывать, что им действительно нужно. Потому что я усвою науку, не буду бояться трудностей. Потому что я научусь уважать работу других, — Винченцо насмешиво перечисляет, загибая пальцы. — Я ничего не забыл?

— Да. — Иньяцио обводит глазами контору. — Все, что ты здесь видишь, мы с твоим отцом заработали, открыв небольшую лавку, похожую на кладовку. Я хочу, чтобы ты понимал, что́ это место значит для нас, для Флорио.

Винченцо опустил голову, шумно сопит. Молчит.

— Возвращайся к работе, — велит ему Иньяцио.

Мальчик уходит. Лицо Иньяцио посветлело. Племянник, конечно, похож на Паоло, но в то же время он совсем другой. Всегда радостный, любит смеяться, смотрит на жизнь без страха.

Винченцо — его гордость, его отрада. Он очень смышленый, но этого недостаточно. Нужно еще крепко стоять на земле.

Так он думает, когда стеклянная дверь снова открывается.

— Кстати, а зачем приходил синьор Мацца?

— Что у тебя в голове! — Иньяцио поднимает глаза к потолку, протягивает ему бумаги: — Вот, читай.

Винченцо не нужно упрашивать дважды. Он берет бумаги, пробегает их глазами.

— Страховка?

— Да. Мы с Винченцо Маццей решили застраховать крупную партию сумаха, уксусного дерева. То есть мы вносим определенную сумму и можем рассчитывать на компенсацию в случае, если с товаром что-то случится.

— Чтобы не повторилось, как тогда, с кораблем капитана Ольсена, когда тебе пришлось заплатить выкуп за пряности?

Иньяцио показывает строку в документе.

— Вот именно. Если ты помнишь, нам пришлось выложить кучу денег, чтобы вернуть свой товар.

— Здесь, в Палермо, никто так не делает. Но мне кажется, что это правильно… — заключает Винченцо, возвращая бумаги. Он высокий, ростом почти с дядю.

— Да. Страховка тебя не разорит, а если что-то случится с товаром и ты его не получишь, тогда тебе придется туго, но не все это понимают, — терпеливо объясняет Иньяцио. — Я согласился, когда узнал, что страховым обществом управляет Абрахам Гиббс. Англичане вызывают уважение, у них есть флот, они могут противостоять французам, а мы нет. Мы должны

брать с них пример, учиться защищать свои интересы. Здесь, в Палермо, они арендовали склады и торговые дворы и могут торговать на всем Средиземноморье. Палермо и Мальта — вот их надежные причалы. Они знают, как защитить торговцев: страхуют товары уже не одно десятилетие, и у Гиббса есть большой опыт в этом деле. К тому же он не только торговец, но и английский консул, а это дает нам дополнительные гарантии. Я тут подумал… — он роется в бумагах, достает одну и дает Винченцо. — Раз уж ты не хочешь стоять за прилавком, поработай рассыльным. Это для Ингэма. Убедись, чтобы он лично это прочел.

— Для Беньямино? — глаза у мальчика загорелись. Винченцо очарован этим человеком, который говорит с сильным иностранным акцентом, заправляет делами и повелевает людьми одним взмахом руки. Денег у него много, очень много, если он может позволить себе арендовать целый корабль, чтобы отправить в Британию товары, которые покупает на Сицилии. Среди английских купцов, таких как Джон Вудхаус, Джеймс Хоппс или тот же Гиббс, он самый известный. Может быть, не самый богатый — пока нет, думает мальчик, — но уж точно самый ловкий. Самый решительный.

— Для тебя — синьор Ингэм. Запомни, Винченцо, уважением воздаст тебе тот, к кому ты относишься уважительно. Если он наш сосед, это не дает тебе права на фамильярное обращение. А теперь пошевеливайся.

Мальчик исчезает за дверью.

Иньяцио вздыхает. Иногда ему кажется, что он действительно его отец, и как отец ругает его и любит.

И все же…

Есть в этом парне нечто темное. Оно редко проявляется. Некое бунтарство, дух протеста — вот что беспокоит Иньяцио; поскольку ему самому никогда не приходилось испытывать подобного чувства, он не знает, как следует реагировать.

* * *

На виа Матерассаи весна выплескивается с узких балконов, из цветов, из ваз с ароматическими травами, из развешанного на солнце белья, из запаха мыла и кипящего томатного соуса. Колышущиеся белые занавески сменили закрытые от зимних ветров ставни.

На улицах много людей, особенно торговцев, модно одетых на английский манер в жилет и суконную куртку. С площади Сан-Джакомо

доносятся крики продавцов и дальше, на виа Арджентьери, звенят молоточки ремесленников. Смуглый моряк разговаривает с рыжеволосым человеком на смеси арабского и сицилийского.

Винченцо беспечно, руки в карманах, проходит несколько метров, отделяющих магазин от дома Бенджамина Ингэма. Англичанин богаче всех на этой улице. И даже богаче многих аристократов Палермо.

Расстегивает воротник куртки, стучит. Дворецкий в ливрее провожает его в приемную, где сам Ингэм приветствует его.

— Молодой Флорио! Добро пожаловать! Проходите, прошу вас.

— Синьор… — Винченцо, уставившись в спину англичанина, идет за ним в кабинет. Разница в возрасте у них чуть меньше пятнадцати лет, но все же молодой англичанин куда опытнее, жизнь многому научила его, он выглядит намного старше своего возраста.

Бен Ингэм носит пластрон и одежду простого покроя. Морщины на его лице, потемневшем под сицилийским солнцем, — свидетельство упорства, требовательности и дисциплины. Винченцо ощущает силу, исходящую от этого человека, его кипучую энергию. Он будто бы овеян дыханием ветра. Что-то ощутимое и вместе с тем неосязаемое заставляет людей держаться от него на некотором расстоянии. Он никогда не повышает голос, не выходит из себя, как другие торговцы, — в этом нет нужды.

Но Винченцо не знает, не может знать, сколько труда стоило Ингэму добиться прочного положения. Он оказался в Палермо после кораблекрушения. На корабле были ткани, производимые в Лидсе его семьей, так что все пошло прахом. Ингэм оказался один в незнакомом городе, без средств к существованию. Когда Иньяцио познакомился с ним на таможне, он хотел торговать тканями на Сицилии, поскольку сукно, шелк и хлопок — это единственное, в чем он разбирался. Однако он быстро научился всему и теперь продавал английским торговцам не только ткани, но и серу, сумах, кожи.

— У вас что-то для меня?

Винченцо вручает письмо, Ингэм начинает читать.

Мальчик смотрит по сторонам. У Ингэма он впервые, и здесь очень интересно, совсем не так, как у них в магазине с его звуками и запахами. Обволакивающая тишина, воздух пропитан сладким ароматом, должно быть, табака и листьев мяты.

В комнате много света, кожи, дерева, книг. На документах иностранные печати.

Справа из-за дверей доносится шелест страниц, приглушенные голоса;

вскоре в кабинет входит мужчина, показывает Ингэму какой-то документ и что-то спрашивает по-английски. Винченцо знает только несколько слов из этого языка и не может понять, о чем они говорят. Он внимательно следит за действиями секретаря, наблюдает, как тот исчезает — бесшумно, как и появился.

Заметив его интерес, Ингэм поднимает брови.

— Чем могу быть полезен?

Винченцо смущенно оправдывается:

— Нет, я просто… Простите, но этот кабинет такой… — он обводит рукой, показывая на стены, — такой необычный.

— Немного Англии на Сицилии. — Ингэм польщен. Он приглашает его подойти ближе. — Порядок — это главное. Посмотрите: книги расставлены по годам, внутри разделы — приход и расход. Мне кажется, дон Иньяцио тоже придерживается подобной системы.

— Да. — Винченцо читает надписи на кожаных корешках. — Мне бы хотелось посетить вашу страну, синьор Ингэм, — вырывается у него. — Должно быть, она очень отличается от моей.

— Почему бы и нет? Вы получаете товары из Англии… попросите дядю, чтобы разрешил вам отправиться на корабле вместе с вашим товаром. Это будет полезный опыт.

Голос мальчика становится настороженным.

— Да, что-то у нас есть. — Он хорошо усвоил правило: никогда ни с кем не говорить о семейных делах.

Ингэм стоит прямо перед ним.

— Больше чем «что-то», насколько я знаю. Вы уже давно торгуете не только пряностями.

— Мы получаем товары из многих портов, не только средиземноморских.

— Я так и думал. Вы, Флорио, заработали состояние не только на корице и гвоздике для десертов. — Он возвращает Винченцо письмо, что-то нацарапав на нем.

— Кстати, передайте своему дяде, все в порядке, я ручаюсь за этих людей.

На смену робости приходит любопытство. Винченцо не может удержаться, чтобы не спросить.

— Это про долговые расписки, верно?

Ингэм прикрывает глаза, не хочет выдавать свои мысли.

— В том числе. Но пусть вам расскажет об этом ваш дядя, не я.

Кажется, Винченцо понимает, зачем дядя послал его сюда. Ему

становится радостно.

Вернувшись в магазин, он снова садится за прилавок и работает вместе со всеми. Не протестует. В голове у него разные мысли, перед глазами — библиотека Ингэма; в носу — аромат его табака. А в груди — пробудившаяся тяга к морю, к бесконечному небу, корни которой — в прошлом его семьи.

Иньяцио пробегает глазами ответ англичанина.

И улыбается, прочитав последнюю фразу.

Винченцо далеко пойдет. Рано или поздно он уведет у Вас дело.

*** * ***

Опускается вечер, когда Иньяцио с Винченцо наконец уходят из магазина. Краски весеннего неба переходят от серого к темно-синему, на улицах редкие прохожие возвращаются домой после рабочего дня.

— Дядя, не возражаешь, если я прогуляюсь? Проветрюсь немного. — Винченцо зевает.

— Только возвращайся к ужину, когда зазвонят на Сан-Доменико, не то твоя мать будет сердиться, ты же знаешь, — отвечает Иньяцио, похлопывая его по плечу.

— Я знаю. Мне еще нужно повторить урок, завтра придет дон Сальпьетра…

— Ну, иди, иди.

Иньяцио смотрит, как мальчик уходит, во взгляде его сквозит снисхождение. Он подходит к дому, не спеша открывает дверь. Запах вареного мяса щекочет ноздри, напоминает, что он пропустил обед.

Джузеппина сидит на кухне, в одной руке четки, голову подперла кулаком, лицо во сне расслаблено. Перед ней накрытый стол. Она задремала, ожидая их.

Иньяцио стоит в нерешительности, будить ли ее или дать отдохнуть, смотрит на выбившиеся из косы пряди волос, спадающие на ее лицо, на котором появились первые морщины. Джузеппина открывает глаза, безмятежность сменяется чувством вины.

— Святая Мадонна, я уснула, читая молитвы…

Иньяцио снимает плащ, вешает у дверей. Джузеппина читает молитву, бормочет: «Аминь», целует четки. Поднимает глаза на зятя и видит в его взгляде обезоруживающую доброту, от которой трепещет ее сердце, и невольно отворачивается.

Иньяцио подходит ближе.

— Ты устала? Олимпия не справляется? Хочешь, возьмем еще одну горничную? Мы можем себе это позволить, ты знаешь, — заботливо говорит он.

Она кивает, кутается в шаль, прижав ее концы к груди.

— Нет, не нужно. Я знаю, что теперь не так, как раньше, теперь… Вот почему я думаю о прошлом, о Паоло. О том, что было, через что мы прошли. Молюсь за него.

Паоло.

Семь лет прошло со смерти брата. Джузеппина все молится о его душе и носит траур. Но не от горя, нет. Она хочет искупить грехи, которые никто ей не вменяет. Она как будто наказывает себя за зло, которое они с Паоло причинили друг другу.

— Я с ним… нет, не была счастлива, — внезапно говорит она, словно отвечая на мысли Иньяцио. — Но это был муж, данный мне семьей и Божьей волей. Был бы он жив, как знать, может, я научилась бы любить его, ведь он был неплохим человеком. Он был серьезный, основательный — труженик, без работы жить не мог. Если мы и ссорились, это потому, что были похожи.

— Вы ссорились, потому что не понимали друг друга, — отвечает изумленный Иньяцио. — Ты говорила «белое», он — «черное», ты его боялась, а он заставлял тебя делать то, чего ты не хотела, поэтому тебе было плохо. — Он не может остановиться. Он любил брата больше, чем самого себя, он хранит память о нем. Но невыносимо смотреть, как Джузеппина оправдывает его, принимая на себя всю вину.

Она поднимает руку, хочет ответить. Кивает.

— Это правда, но ты знаешь, о мертвых плохо не говорят.

Иньяцио чувствует, как в глубине души снова оживает надежда. Но понимает, это сорная трава, и, как всегда, с усилием вырывает ее. Сжимает кулаки, смотрит, как Джузеппина ходит по комнате, старается обуздать чувство несправедливости, которое бушует у него в груди.

— Паоло умер. Он покоится с миром, и тебе тоже надо обрести покой, — тихо произносит он.

Джузеппина несет сотейник, останавливается. Пожимает плечами.

— Я не могу. Не могу, — говорит она наконец. В этих словах — боль и гнев, спрятанные глубоко внутри, и раскаяние, и одиночество, и неумение простить его, простить себя.

* * *

Винченцо застает их в тишине, каждый сосредоточен на своих мыслях, которые он не в силах понять. Они ужинают, обмениваясь лишь незначительными фразами о том, как прошел день.

Иньяцио идет спать первым. Он хлопает племянника по плечу, проходит мимо невестки, едва коснувшись ее. Джузеппина с посудой в руках останавливается на пороге кухни.

— Спокойной ночи, — говорит он, его дыхание касается ее волос. Она чувствует, как что-то волнуется в груди, отголосок воспоминаний о том, чего не было, жизни, о которой она не смела и мечтать.

Джузеппина проходит вперед, Иньяцио отстраняется, уходит.

Винченцо смотрит на них, не понимая, что происходит. *Может, они повздорили*, думает он. Или мать обиделась, потому что дядя что-то сказал. *Кто их разберет…* Для него они всегда были — мать и дядя, и он не задавал себе лишних вопросов. Они были и есть его семья, они воспитывали его, каждый по-своему, как полагается.

Но в тот вечер он впервые почувствовал, что это не так. Смутная догадка пронзает его: эти двое не отделены друг от друга, они — *пара*. Они создали для него семью, отказавшись при этом, быть может, от себя. Они любят друг друга, и это чувство не имеет ничего общего с браком, хоть оно не менее сильное и прочное. Однако меж ними всегда будет стоять фигура Паоло, его отца.

В тот момент Винченцо понимает, что есть любовь, которую любовью не называют, она причиняет боль, но все же имеет право на существование.

* * *

Сант-Андреа дельи Амальфитани, церковь торговцев пряностями, полна народу. Мужчины в темных костюмах, у немногочисленных женщин на волосах черные кружевные наколки. Сюда долетают голоса и запахи рынка Вуччирия, расположенного неподалеку.

Перед воротами стоит экипаж: на головах лошадей высокие черные султаны, крупы покрыты темной попоной. За экипажем уже выстроилась группка сирот. Две плакальщицы бьют себя в грудь, посматривая на двери, готовые громко зарыдать, как только появится гроб.

Это похороны Сальваторе Леоне, старейшего в Палермо торговца

пряностями и одного из лучших клиентов торгового дома «Флорио».

Гроб несут по проходу церкви, за ним — священник и служки с кадилом. Позади них идут заплаканная вдова и две дочери, одетые в черный шелк и креп.

Винченцо вместе с дядей сидят на последних рядах. В церкви жарко. Сентябрь выдался знойный, пропитанный летом.

— Похороны по высшему разряду, — шепчет Винченцо. — Сиротки, хор… Один катафалк чего стоит! — Он оттягивает двумя пальцами воротник: там, где растет борода, кожа нестерпимо чешется. В семнадцать лет у него на лице появилась колючая растительность, к которой надо еще привыкнуть.

Иньяцио кивает.

— Подумать только, его семья оплатила такую церемонию, несмотря на кризис. Смерть должна быть достойной, как и жизнь.

Винченцо с дядей подходят к семье покойного, приносят соболезнования. Жена и дочери плачут, пожимают протянутые им руки.

Плакальщицы начинают рыдать, семью покойного окружают люди из гильдии ароматариев, торговцев пряностями. В руках у одного из них цеховое знамя.

— Ты видел? — негромко спрашивает Винченцо.

Иньяцио кивает.

— Думаешь, они узнали о сделке с зятем Бена, Джозефом Уитакером, на покупку суматранского перца?

— Возможно. Это не наше дело, Виченци. Мы за этот перец дорого заплатим, но мы, по крайней мере, его нашли. Они — нет.

Голоса плакальщиц перекрывают рыдания вдовы. С грохотом экипаж трогается с места, процессия следует за ним. Флорио держатся в стороне от других торговцев пряностями.

— Вы-то мне и нужны! — Высокий, хорошо сложенный мужчина незаметно подходит к ним сзади, обдав ароматом сандалового дерева. Джузеппе Пайно, оптовый торговец, один из тех, с кем работают Флорио. Они давно знают и уважают друг друга, заключили много сделок, в том числе по продаже в Палермо колониальных товаров, награбленных сицилийскими корсарами.

— Как дела? — Флорио пожимают протянутую им руку.

— Определенно лучше, чем у дона Леоне, — тихо отвечает синьор Джузеппе, вставая между ними. — Бедняга, всю жизнь трудился как проклятый… Он был вашим клиентом, верно?

— Одним из лучших, хотя в последнее время ему было сложно

платить по счетам.

— Впрочем, как и всем сейчас.

У Иньяцио в голове тревожно зазвенела струна.

— Если не ошибаюсь, он был и вашим покупателем?

— Да. Знаете ли вы, что дон Леоне продал свой магазин дону Никки несколько дней назад?

Нет, он не знал. Но Иньяцио не должен показывать виду.

— Я что-то слышал про это, — говорит он. — Как раз собирался в ближайшие дни зайти к семье дона Леоне. Но, учитывая обстоятельства, не хотел говорить о делах.

— Вы очень любезны, дон Иньяцио. — Пайно незаметно замедляет шаг. — Другие — нет, — он кивает на знамя гильдии.

— А! — Винченцо все понимает. — Что они сказали? Только и знают, что сплетничать. Как в тот раз, в конторе писарей…

Пайно кладет руку ему на плечо.

— К сожалению, есть те, кто не уважает вас. Чем выше поднимешься, тем больше препятствий встретишь, нередко именно добропорядочные христиане вставляют тебе палки в колеса. Видите, — добавляет он, обращаясь к обоим, — я тоже торговец, как и вы. Мне важно, чтобы люди работали и платили мне. Ради наших отношений считаю своим долгом предупредить вас: кое-кто плохо отзывается о вашей работе.

— Что же они говорят? — Иньяцио идет, безучастно уставившись на гроб.

— Говорят, у вас нет денег, а сделка с перцем — обман, чтобы заставить людей покупать товар. После ухода англичан Палермо вымер. Мы все надеялись, что, когда французы будут разбиты, торговля возобновится. Но этого не произошло, хоть Наполеона и сослали, как говорится, к черту на рога. Сейчас у всех кризис, и найти импортные специи стало очень трудно, к тому же путешествовать морем небезопасно, не знаешь, с кем договариваться. А вы вдруг хвалитесь, что получили перец прямо с Суматры. — Пайно говорит еще тише: — Согласитесь, что это странно.

— Но это правда! Мы…

Взгляд дяди — как нож. Винченцо замолкает.

— Готов поспорить на товар всех складов таможни, я знаю, кто распускает эти слухи. Сагуто, не так ли? — голос Иньяцио стал хриплым.

Пайно медленно кивает.

— Он вознамерился вас обанкротить. Совсем недавно я слышал, как он говорил, что вы погрязли в долгах и не дотянете до конца года.

Мерзавец. Не знаю, чем вы ему насолили, но он использует оружие трусов — злословие. И, поверьте мне, умеет убеждать людей.

Иньяцио говорит спокойно, пряча гнев в сжатых кулаках на дне карманов.

— Контракт с Уитакером был подписан по доверенности Ингэма, который является его зятем, а также его агентом в Палермо. Вы хотите подвергнуть сомнению его слово?

— Лично я — нет. — Пайно разглядывает носки своих ботинок. — Но Ингэм — иностранец, а иностранцам, пусть и богатым, многие не доверяют.

— Кармело Сагуто — комар, который рычит, но поскольку еще и кусается, на него обращают внимание. А вы, Пайно? Вы в эти слухи верите?

— Вы задолжали мне за поставку, которую получили два месяца назад… — Торговец сцепляет руки за спиной.

Иньяцио отвечает не сразу.

— Понимаю, — говорит он наконец. — Если не ошибаюсь, срок договора, который я подписал, истекает через месяц.

— Верно. Скажем так: я предупредил, чтобы вы были осторожны. Вы надежный партнер, дон Флорио, и серьезный человек.

— Тогда зачем вы пришли? Доверяй, но проверяй?

Из-за его спины с решимостью встревает Винченцо.

— Если вы нас так высоко цените, могли бы напрямую спросить, если ли у нас деньги, чтобы вам заплатить. Зачем весь этот спектакль?

— Винченцо! Что за манеры?

У Пайно вырывается смешок, и в нем слышится то ли смущение, то ли раскаяние за недоверие.

— Ах, блаженная юность! Вы бы тоже осторожничали, если б боялись потерять свои денежки, — добавляет он извиняющимся тоном.

Похоронная процессия останавливается. Одни плачут, другие молятся.

Иньяцио и Пайно отстают от всех.

— Вы получите свои денежки, Пайно, как договаривались, невзирая на кризис. Флорио всегда платят по счетам. Если вам недостаточно моей подписи, вот вам мое слово.

Иньяцио протягивает руку. Пайно пожимает ее.

— Я вам доверяю. Я подожду.

* * *

На обратном пути Винченцо смотрит на дядю, идущего с опущенной головой. Видит его злость, его негодование.

— Почему? — спрашивает он с искренним изумлением. — Почему они так нас ненавидят? Я имею в виду, не только Канцонери и этот червь, его зять. Когда-нибудь я набью им морду, дядя…

Иньяцио замедляет шаг.

— Не знаю. Я и сам давно об этом думаю. Сначала казалось, потому что мы — чужие в этом городе: нас обвиняли, что мы дешево продаем свой товар, лишаем других торговцев работы. Потом мы стали получать прибыль, и нам этого не простили. Мы старались делать все сами, помощи ни у кого не просили. Но кое-кто, дай волю, с удовольствием спалил бы наш магазин.

— Не только мы здесь чужие. Взять, к примеру, Ингэма. Ему-то ничего…

— Потому что он англичанин, это оказалось ему на руку: никто не говорил «нет» союзникам короля. Теперь же, после войны с Наполеоном, ему тоже нелегко. Вообще-то, удивительно, что он решил остаться, когда все его соотечественники уехали.

Площадь Сан-Джакомо встречает их солнцем и свежим ветерком.

— Может, Палермо и для него стал домом. — Винченцо шумно вдохнул прохладный воздух.

Иньяцио воспоминает, как приплыл в Палермо, как надеялся найти здесь свое место. Вспоминает, как их баркас отплывал от родного берега. «Сан-Франческо ди Паола», казалось, не хотел уходить из Баньяры. Судно дрейфовало до выхода из бухты, косой латинский парус мотался на мачте, как тряпка, в ожидании ветра. Иньяцио подумал тогда, что Баньяра не хочет их отпускать. Но, как только они миновали мыс, порыв ветра ударил в снасти так, что они заскрипели. Надулся латинский парус, парус на бушприте взметнулся, как крыло. Баркас быстро набрал скорость.

Он снова видит, как Паоло сжимает штурвал, направляя баркас в открытое море. Вспоминает свои надежды, обещания, которые давал ему город, соблазняя богатством и разнообразием — людей, красок, жизни. И пусть вначале было очень тяжело и приходилось много работать, он не жалел себя, чтобы обеспечить благополучие Винченцо, Джузеппине и Виктории, — несмотря на все это, он, Иньяцио, был счастлив. Работа приносила ему радость.

Вот только Палермо оказался коварным. Он много дал, много и отнял. И счета не сходились.

* * *

Джузеппина стоит на пороге комнаты сына. Замечает, что Винченцо посматривает на дорогу. Похоже, он кого-то ждет.

Ей почти сорок. Она никогда никого не любила больше, чем сына.

Он — ее плоть. Вот почему она все про него знает.

Он влюблен.

Впервые Джузеппина чувствует движение времени. Она смирилась с первыми морщинами и лишь пожала плечами, заметив в волосах белые пряди. Но это совсем другое. Какая-то женщина отберет у нее сына? Легко ли помыслить о таком! Утратить частицу души, которую она вложила в него? Остаться одной?

Рано или поздно это произойдет, ничего не поделать. Но не сейчас, еще слишком рано.

Она отступает за порог, ковер приглушает ее шаги. Идет на кухню, где Марианна, кухарка, готовит ужин.

Вздыхает. Ей не с кем поговорить. Нет рядом Виктории: она вышла замуж за дальнего родственника и теперь живет в Мистретте. Пьетро Сполити, торговец, как и Флорио, бороздил на своем корабле воды Тирренского моря. Заходя в порт Палермо, он всегда навещал их, привозил новости из Баньяры: кто женился, кто умер или уехал. И Джузеппина, для которой было важно сохранять связь с родиной, своими воспоминаниями, приглашала его остаться и поужинать с ними, чтобы послушать его истории, его такой знакомый говор.

Однажды Пьетро отвел в сторону Викторию и предложил ей выйти за него замуж. Он понимал, что не сможет обеспечить ей благополучие, к какому она привыкла в доме у дяди, но мог гарантировать свободу и уважение. Она больше не будет служанкой в чужом доме, а станет хозяйкой в своем.

Виктория была в замешательстве. Она не сразу приняла решение, слушала скорее ум, а не сердце. Ей скоро двадцать пять, в Палермо ее дни проходят за домашними делами и вышиванием. Она — как монашка, одна из тех старых дев, которые работой по дому расплачиваются за приют, стараются никого не беспокоить и тихо, незаметно проживают отпущенный им век.

Когда Пьетро вернулся, она ответила ему согласием. Вместе они сообщили о своем решении Иньяцио и Джузеппине. Дядя был великодушен: дал ей хорошее приданое и крепко обнял, сказав, что она

делает правильный выбор. Джузеппина, напротив, смотрела недобро, словно ее предали.

— Почему ты уходишь? Разве тебе было с нами плохо? — с обидой в голосе спросила она.

— Что вы, тетя. Вы мне были вместо матери… — опустив голову, ответила Виктория. — Но я хочу свой дом, хочу сама распоряжаться своей жизнью. Здесь у меня ничего нет. Не хочу вечно быть бедной родственницей. Мне повезло, Пьетро — порядочный человек, он будет меня уважать.

Джузеппине нечего было возразить на это. Все просто: Виктория прямодушнее, чем она, и смелее. Она предпочла жить скромной жизнью вдали от Палермо, но быть хозяйкой своей судьбы.

Джузеппина старается прогнать грустные мысли. Их дом нельзя назвать роскошным, но у них есть горничная, которая приходит ежедневно, и еще одна помогает в тяжелых делах. Из мебели, привезенной из Баньяры, осталась только коррьола. Остальное все новое, даже белье.

О таком достатке двадцать лет назад Джузеппина и не мечтала. И все же она скучает по Баньяре. Скучает по новорожденному сыну, привязанному к материнской груди.

Вдали от родной земли она — как остров на острове. Она с радостью отказалась бы от всего, чтобы вернуться. В Баньяру. К маленькому Винченцо.

А вдруг она смогла бы полюбить Паоло? Как знать.

Она уже не помнит голос мужа. Но помнит его строгое лицо, резкие движения, суровые упреки. От него Винченцо взял цвет волос, острый взгляд и решимость, граничащую с непреклонностью.

Когда Джузеппина думает о тепле, о ласке, молчаливом одобрении, ей вспоминается другое лицо, и она испытывает — снова и снова — некое робкое чувство и вместе с тем — преданность дикого животного.

*** * ***

Джузеппе Пайно не единственный, до кого дошли слухи о Флорио. На следующий после похорон день к ним в магазин заглянул Гульельмо Ливиньи, секретарь еще одного оптового торговца, Николо Раффо. Пришел, чтобы узнать, есть ли у них запасы сумаха, и как бы между прочим спросил, вовремя ли они оплатят поставку сахара за предыдущий месяц. Так они узнали, что Сагуто приходил в контору Раффо с намерением

выкупить их долговые расписки. В своей обычной манере, с измышлениями и недомолвками, Сагуто намекнул, что Флорио не заплатят по счетам, поэтому попытался убедить Раффо отдать ему документы.

— Мне-то было бы выгодно, дон Иньяцио, — со вздохом заключил Гульельмо. — У него в руках были деньги… но я не согласен на такую подлость по отношению к вам. И вообще, я не понимаю, почему он вас так ненавидит… Вы всегда такой обходительный.

— Благодарю вас за оказанную нам честь, дон Ливиньи. Кармело Сагуто гложет зависть и злость. Ни я, ни мой племянник ничего плохого ему не сделали. Он мнит себя неизвестно кем, а ведь он просто секретарь дона Канцонери, и только. Время сейчас трудное, но, клянусь честью, вы получите свои деньги, все до последнего чентезимо.

Когда Ливиньи выходит из кабинета, Винченцо спрашивает с опасением:

— Дядя, неужели мы действительно в беде?

Иньяцио закрывает дверь, идет к сейфу.

— Не совсем так. Но у нас мало денег в кассе, в этом правда.

— Зато у нас есть векселя.

Иньяцио облокачивается на стол.

— Виченци, все просто: люди не платят, а если не платят, то и денег у нас нет. Бумажками сыт не будешь. Придется просить заем. Нам нужны наличные. — Ему трудно даются эти слова.

Желудок у Винченцо странно ноет. До сих пор дядя не подпускал его близко к делу, а теперь…

— Но все узна́ют! Этот мерзавец Сагуто всем раструбит!

— Понимаю, черт возьми! — Иньяцио бьет кулаком по столу, чернильница подпрыгивает. — Но у нас нет выбора, а значит, придется забыть о гордости. Поклонишься — голова не отломится, как говорят старики. Придется, а куда денешься? — Он трет нос. — Ты иди домой. Мне еще нужно встретиться кое с кем. И, пожалуйста, ничего не говори маме…

Винченцо чувствует, как горят щеки. Он бормочет: «Да, дядя», и, схватив куртку, идет прочь. Беспокойство вытеснило из головы все мысли. Даже мечты о прекрасных черных глазах, при встрече с которыми он вот уже несколько недель краснеет и заикается, как ребенок.

Ситуация складывается сложная.

Дело не только в гордости. Нелегко найти надежного человека. Найти того, кто даст им ссуду и не растрезвонит об этом всему городу.

Когда Винченцо будет столько лет, сколько сейчас его дяде, он поймет, чего стоило Иньяцио это решение.

* * *

Иньяцио возвращается поздно вечером.

Джузеппина помогает ему снять пальто. У него тоже побелели виски, отяжелели веки.

— Хорошо ли ты спишь? — неожиданно спрашивает она.

— У меня впереди целая вечность, чтобы отдохнуть. А сейчас нет времени, особенно после войны с французами. — Он протягивает руку, хочет прикоснуться к ее лицу. — Спасибо за заботу.

Джузеппина уклоняется от ласки.

Иньяцио с горечью опускает руку.

— Винченцо?

— Он у себя в комнате. Я хотела поговорить о нем.

В наступившей тишине повисли немые вопросы.

Они идут на кухню. Марианна готовит тунца, хорошенько вымачивая его: часто меняет воду, чтобы смыть лишнюю соль. Густой запах подливки с картошкой возбуждает аппетит.

Джузеппина знаком просит кухарку уйти и, когда за той закрывается дверь, начинает разговор.

— Он сам не свой в последнее время. Ты тоже заметил?

Иньяцио пробует соус, подцепив его из горшка кусочком хлеба.

— Ух! Ну да. Сегодня он целый день пялился в витрину магазина. По-моему, кого-то ждал. — Он облизывает пальцы. — Соус очень вкусный!

— Кого? — Джузеппина бледнеет.

— Есть у меня одно подозрение. Да не волнуйся ты, не все же ему за твою юбку держаться! — Иньяцио говорит неохотно, не хочет раскрывать секреты племянника.

Но Джузеппина — мать, и ее не проведешь.

— Кто она?

— Дочь баронов Пиллитери. Я заметил, он всегда садится за ней в церкви. А как-то раз вызвался лично обслужить ее в магазине. Он ненавидит стоять за прилавком, но тут вдруг оттолкнул приказчика, чтобы поговорить с ней.

— Изабелла Пиллитери? Худая как щепка, кожа да кости? Дочь дворян, проигравших в карты все состояние?

— А мне она кажется благоразумной девушкой. Говорит тихо, скромная…

— Еще бы! Как подумаю, чего натворили ее отец и брат, —

последнюю рубаху пришлось отдать за долги! Я бы от стыда из дома ни ногой. Ей одна дорога — в монастырь, да и туда не возьмут: никакого приданого не осталось. — Джузеппина нервно расхаживает по кухне. — Ты уверен, что это она?

— Нет, но весьма вероятно. Она живет здесь рядом, на площади Святого Элигия, — Иньяцио умалчивает, что Винченцо, по крайней мере, дважды вызывался сбегать туда с поручением.

— Не лучше ли найти ему девушку в Баньяре и женить, немедленно? — Джузеппина хватается за голову.

— Забудь о Баньяре и свадьбах по сговору, пожалуйста! — говорит Иньяцио. — Винченцо — взрослый мужчина, ты не можешь держать его при себе вечно, он уже не ребенок. Ему скоро восемнадцать! Раз уж мы об этом заговорили, я давно хотел тебе сказать вот что: скоро Винченцо отправится в Англию вместе с Ингэмом и его секретарем. Он давно просит меня об этом, Ингэм согласился взять его с собой. Перемена места пойдет ему на пользу, а там, глядишь, и от фантазий избавится.

— Как? Уедет? В Англию? — Джузеппина опускается на стул, прижав руку к груди. — Мой сын собирается уезжать, а ты ничего не говоришь? Так вот почему он изучает английский язык с секретарем этого торговца!

— Да. Винченцо должен посмотреть мир, узнать как можно больше. Вот увидишь, в Англии он забудет о своей баронессе.

Джузеппина качает головой. То, что *ее* сын, *ее* Винченцо, засмотрелся на такую девушку, расстраивает ее даже больше, чем полное опасностей путешествие.

— Он должен выкинуть ее из головы!

— Ну, хватит! — Иньяцио повышает голос. — Мы даже не знаем, так ли это. А если и так, он сам разберется. И путешествие ему пойдет на пользу. Давай-ка ужинать, у меня еще работа.

*** * ***

Ужин проходит в тишине.

Винченцо озадачен. Посматривает на мать, видит, что она нахмурилась, но не понимает почему.

После ужина они с дядей садятся за конторские книги.

Иньяцио разбирает долговые расписки. Винченцо составляет счета.

— Слишком многие не платят, — говорит Иньяцио. — Хорошо, что у нас магазин, ведь почти все оптовые поставщики разоряются. Войны,

долги, холодная зима — попробуй выжить!

Словно в подтверждение его слов входит горничная, чтобы подбросить уголь в очаг. Год выдался холодный, 1817 год.

Иньяцио, поеживаясь, ждет, пока она выйдет.

— Да и с займом нужно надеяться на чудо, чтобы не понести убытки.

— Мы не одни такие. У всех дела идут плохо, — рассуждает Винченцо. — Сагуто тоже просил отсрочки платежа от имени тестя… если старик еще на что-то влияет. После того как его разбил паралич, всеми делами заведует старший сын.

— Сагуто — прихвостень. Его держат, потому что он женился на дочери старика, сам он — полное ничтожество. Собака, которая лает на бедняков и лижет ноги богатеев.

— Собака, да, но на нас не полаешь! Канцонери тоже в долгах. Им сейчас не до смеха.

— Половина Палермо в долгах, Виченци. А у другой половины — кредиты, которые они не могут погасить.

Винченцо не отвечает. Он продолжает подсчитывать и размышлять. Утром он ходил в бухту Кала. Пустая дорога. Там, где раньше были склады англичан, теперь закрытые витрины и запертые двери. На виа Сан-Себастьяно, где обычно продавали вино, трактирщик подметал пол в пустом зале.

После разгрома Наполеона Средиземное море было очищено от французов, и Сицилия утратила свое значение для англичан: теперь они могли торговать где, как и с кем хотели. Остров стал им не нужен. Порты опустели.

Палермо выглядел мертвым.

Возвращаясь назад, Винченцо прошел мимо лавки Гули. Из любопытства.

Лавка была пуста. Сам Гули стоял за прилавком и отрешенно смотрел в окно. Увидев юношу, он сплюнул на пол.

Поплюй-ка теперь! — думает Винченцо. Он ищет в стопке бумаг вексель, улыбается, вот он: подпись Гули, черным по белому.

Иньяцио приоткрыл окно, чтобы выпустить дым от жаровни.

— Мне не доводилось еще видеть, чтобы столько лавок закрывалось за такое короткое время. Даже Ингэм говорит, что у него гораздо меньше заказов…

— Еще бы! После того как ушли его соотечественники, торговля умерла. Им теперь никто не мешает, а у нас одни неприятности с неаполитанцами. — Винченцо качает головой. Слишком много перемен,

слишком быстро наступили они.

Никто не смог помешать возвращению Бурбонов. Сицилийцы разделились: Палермо ненавидел Мессину; жители Трапани — союзника Мессины — ненавидели Палермо. Катанцы были сами за себя. Они могли сказать, что у них старейший парламент в мире, но совершенно не знали, что с ним делать. Их, сицилийцев, объединяло одно: неприязнь ко всему, что находилось там, «за маяком», за Мессинским проливом.

А потом случилась беда. Бурбоны вернулись в Неаполь.

Начиная с декабря 1816 года на все административные и военные должности на Сицилии назначались неаполитанцы. У Палермо не осталось ни власти, ни независимости. Обременительные пошлины, ограничения торговли окончательно подорвали его экономику.

Она и так в последнее время развивалась плохо, а тут остановилась совсем.

Винченцо закрывает конторскую книгу.

— В этом месяце расход больше, чем приход, но у нас есть векселя. — Он роняет голову на вытянутые руки, громко зевает.

Иньяцио неодобрительно косится на него. Винченцо бормочет извинения, выпрямляет спину. Дядя показывает ему счета, потрясает векселями.

— Мы не благотворительное общество. Хватит с меня отсрочек.

Они продолжают работать. Молча, плечом к плечу. Иногда Иньяцио кажется, что рядом с ним брат, и тогда он обращается к нему на калабрийском диалекте. Винченцо поднимает голову, во взгляде недоумение.

В такие моменты воспоминания сжимают Иньяцио грудь, и щемящая грусть наполняет сердце.

* * *

На следующее утро Винченцо, едва проснувшись, видит, что дядя уже собрался.

Иньяцио рассматривает кольцо матери, любуется, как оно сияет в дневном свете. Переводит взгляд на Винченцо.

Жаль, Розе Беллантони не довелось увидеть внука!

Иньяцио слышит, как Винченцо тихо ругается, склонившись над тазом с мыльной пеной. Салфеткой промокает кровоточащий порез под губой.

— Ну что? С утра пораньше нервничаешь? Дай сюда, я помогу.

Винченцо садится. Дает дяде бритву.

Рука у Иньяцио твердая, быстрая.

— Что с тобой происходит, Винченцо? — Он говорит тихо, чтобы Джузеппина не услышала. Ополаскивает бритву. Металл ударяется о керамику. — Что-то с тобой не то в последнее время. И мама тоже заметила.

— Так, ничего, дядя. — Винченцо отклоняется назад.

— Не шевелись, не то будет больно, — приказывает Иньяцио, придерживая подбородок племянника. — Что-то серьезное? Связанное с деньгами? Ты что-то скрываешь?

— Нет, не это.

Иньяцио проводит бритвой по намыленной коже.

— Женщина?

Винченцо колеблется. Затем едва заметно кивает.

— Понятно.

Парень краснеет.

— Осторожно, Виченци, выбирай, на кого засматриваешься! — Лезвие мягко скользит по подбородку. — И думай, что ты делаешь и с кем. Кровь у тебя молодая, кипит. Но смотри не наделай глупостей!

— Дядя, ты же знаешь, я уже не ребенок. — Винченцо смутился и помрачнел.

— Знаю. Но женщины могут лишить нас рассудка. А разум тебе еще пригодится. — Иньяцио закончил, вложил бритву в руку Винченцо. — Я жду тебя в магазине. Поторопись.

* * *

Изабелле Пиллитери шестнадцать лет, у нее черные волосы, сияющие глаза и лебединая шея. В ней есть грация, утонченность, темперамент, сочетающий в себе скромность послушницы и пылкую чувственность.

Красивая она. Очень.

Не одну голову в Палермо вскружила. Но она из обнищавшей семьи, потому что ее отец — *мир его праху* — был азартный картежник. Усадьба в Багерии, фамильные драгоценности — все забрали кредиторы. Однажды отца нашли в постели мертвым.

Изабелла знает, что он отравился, но про это не говорят. Самоубийц не отпевают в церкви.

Брат таскается к женщинам легкого поведения. С матерью сплошные

ссоры.

Им больше никто ничего не отпускает в кредит. Только этот молодой человек из дрогерии верит их обещаниям.

Изабелла знает, что нравится ему. Не удивляется, когда замечает его по утрам и вечерам под окнами дома на площади Святого Элигия. Дом принадлежит дяде по материнской линии, он пустил их сюда из жалости.

Этот юноша немного старше ее, он очень обходительный, говорят, у его семьи водятся деньги. Но ее не прельщает такая партия. Она — дочь баронов. У них больше нет земель, есть только долги, выплачивать которые придется и внукам. Но они едят из фарфоровых тарелок, и неважно, что в них — только брокколи и лук. Этот молодой человек — всего лишь разбогатевший босяк.

И все же…

А вот и он, как и каждое утро.

Изабелла отступает за занавеску.

— Мама, там опять юноша из лавки, — говорит она.

— Ух, как надоел! — баронесса Пиллитери хочет увести дочь от окна. — Не вздумай заигрывать с ним. Зачем он нам? Твой брак — единственный шанс поправить наше положение. Тебе нужно подыскать хорошую партию, и как можно скорее.

Но Изабелла сопротивляется, бросает взгляд на Винченцо, тот кивает в знак приветствия.

— Бесстыдница! Что ты делаешь? — Мать отталкивает ее, задергивает шторы. — Хочешь все испортить? Он же дикарь, деревенщина, из тех, что пачкают руки работой.

Изабелла повинуется. Она знает, что аристократы всегда выбирают себе ровню и что ее красота — ценный дар. А еще она знает, что красота быстро проходит.

Но она не может забыть взгляд Винченцо Флорио. Другие ухажеры так на нее не смотрят. Его взгляд проникает в самое сердце, заставляет краснеть от смущения, завораживает, причиняет боль.

* * *

В следующее воскресенье на вечерней службе в церкви Сан-Доменико Винченцо садится за Изабеллой Пиллитери.

Он не пошел с Джузеппиной утром в церковь Санта-Мария ла Нова. Присутствие матери его тяготит, вечно она хочет знать, что он делает, куда

идет. Лучше с Иньяцио, тот лишь строго посматривает на него.

Ну и что? Ради кошачьих глаз Изабеллы, ради одного ее взгляда он готов терпеть и назойливость матери, и молчаливое осуждение дяди.

Белая, как мрамор, кожа Изабеллы оттеняется черным цветом волос. Ему кажется, что он чувствует ее тепло, исходящий от нее запах пудры. Он представляет, как под его пальцами бьется синяя жилка на ее шее, скрываемая воротником.

Он мечтает увидеть ее одетой в шелка: роскошное платье, декольте обрисовывает свежую грудь. Представляет, как прикасается к этому шелку, чувствует ее тело совсем рядом. Руки спускаются все ниже…

Он закрывает лицо.

Да, эта девушка сводит его с ума.

После службы Винченцо проходит вперед, чтобы поздороваться с ней.

Изабелла миниатюрна, ей приходится запрокидывать голову. Она слегка выгибает брови в молчаливом вопросе.

Это мгновение длится вечность.

Винченцо покашливает, уступает девушке дорогу.

— Пожалуйста, — говорит он невесть откуда взявшимся скрипучим голосом. Девушка смеется, а ему кажется, что это самый красивый смех на свете.

Изабелла хочет поблагодарить его, но мать толкает ее.

— Ты что? Идем!

Винченцо любуется на уходящую девушку, та продолжает оборачиваться, не замечая презрения во взгляде матери.

Его замечает Иньяцио, стоящий рядом с племянником.

И отвечает на этот взгляд таким же ледяным презрением.

* * *

— Он все еще бегает за ней? — Слова Джузеппины тяжелыми каплями падают на обеденный стол, скатываются на пол.

Иньяцио молчит. Берет ложку, начинает есть. Он очень устал и проголодался, все утро отвечал на вопросы неаполитанских чиновников, которые хотят обложить его налогами по самую макушку.

Джузеппина идет к окну, садится, снова встает. Она даже не притронулась к своей тарелке.

— Почему ты молчишь?

Иньяцио продолжает есть.

— Он сам должен понять, что они — не пара…

— А если что-нибудь случится? Если на нас свалится и она, и ее долги, и ее ублюдок?

— Успокойся. — Иньяцио поднимает брови, указывает ей на место за столом. — Когда случится, тогда и поговорим об этом. Я сам поговорю. Ты — мать, а я мужчина, я знаю, что им движет. И потом, если она ведет себя, как доступная женщина, Винченцо не виноват. Он мужчина, и, естественно… — он прочищает горло, — ему нужно то, что нужно всем мужчинам.

Джузеппина краснеет под тяжелым взглядом Иньяцио. Иногда она забывает, что ее деверь тоже мужчина и у него тоже есть определенные потребности.

Скрипнула входная дверь. Это Винченцо.

— Извините, что опоздал, я…

— Нет, не извиняю. Где ты был?

— Мама, да что…

— Молчи и слушай. Я знать ничего не хочу про эту Пиллитери, понимаешь? Ее брат шляется по борделям, а мать надеется, что найдется богатый глупец, который возьмет ее дочь замуж. Похоже, ты — идеальный кандидат!

— О, ради всего святого! — Иньяцио прикрывает глаза рукой. — Ты не могла подождать, чтобы я поговорил с ним сам?

Винченцо отходит от стола.

— Как вы можете так говорить? Изабелла…

— Изабелла? Ты уже называешь ее по имени?

— Ее зовут Изабелла, черт побери! Да, я был у ее дома. И что? — Винченцо тоже повышает голос. — Почему вы считаете, что она… непорядочная девушка?

— Достаточно посмотреть, как она ходит, чтобы понять, что это за штучка! — Ничто не в силах образумить Джузеппину, когда она в ярости.

Вот когда Иньяцио замечает темную сторону Винченцо, ту, о которой он давно догадывался. Разрушительная, подпитываемая решимостью и гневом, она пылает огнем.

— Винченцо, успокойся! — Он подходит, хочет положить руку ему на плечо, но племянник и слушать ничего не желает, отталкивает его. Он словно не узнает свою мать, не понимает, кто эта ведьма, кидающая ему в лицо оскорбления. Презрение, которое он читает в ее глазах, глубоко ранит его.

— Кто дал вам право считать себя выше ее? Вы осуждаете всех, а сами

не видите ничего дальше своего носа! Вам бы только посплетничать!

— Как ты смеешь так говорить? Я — твоя мать!

— Нет… — Гнев душит его, не дает говорить. Он пятится к двери. — На себя посмотрите, прежде чем оскорблять людей! — И выходит, хлопнув дверью.

Винченцо бежит в лавку. Слава богу, там никого, все еще на обеде.

Пытается успокоиться, повторяя названия пряностей и их назначение.

Гамамелис — успокоительное.

Гвоздика — при тошноте и несварении желудка.

Лапчатка — от кишечных инфекций.

Корень конского каштана — от болезни вен.

Хина — от лихорадки…

* * *

Иньяцио быстро доедает остывший обед, пока Джузеппина ходит из угла в угол.

Он молчит, но знает, что опасения невестки не напрасны: незаконнорожденный ребенок сейчас совсем некстати. Иньяцио встает и уходит, не попрощавшись.

Винченцо сидит в конторе один, склонившись над записями. Иньяцио кладет руку ему на плечо.

— Ты мне доверяешь?

Юноша кивает.

— Что у тебя с баронессой?

— Ничего, дядя. Клянусь.

В его взгляде Иньяцио снова замечает тот сумрак, о котором подозревал и которого всегда боялся. Теперь он проявился, и с ним нужно как-то поладить.

— Все не так, как думает мама: она говорит так потому, что… — Винченцо проводит руками по густым волнистым волосам. — Не знаю почему.

— Ты — ее сын. Она боится потерять тебя. — *И ревнует*, думает он. *Потому что твоя мать любит тебя не как сына, а как часть себя, такая любовь ничему не оставляет места.*

— Мне кажется, она тоже любит меня, Изабелла. — Винченцо ставит локти на стол.

— С чего ты взял?

— Однажды она стояла за занавеской, когда я проходил под ее окнами, она поздоровалась со мной. А еще она улыбается мне, хотя мать ее ругает. Эта старуха ненавидит меня, как зачумленного.

— Ее мать тоже хочет для нее лучшей доли.

— А я чем плох?

Иньяцио не отвечает. Флорио богаты, это правда. Но Винченцо не из благородного рода, а для таких, как Пиллитери, голубая кровь важнее всего.

— Послушай, — Иньяцио гладит племянника по голове, — через месяц ты уедешь в Англию, надолго. Если, когда вернешься, страсть твоя не пройдет, я попробую поговорить с Джузеппиной и убедить ее. Но не раньше. Сейчас, если твоя мать столкнется с юной баронессой, она задушит ее.

Винченцо смеется. Но взгляд у него темнеет.

— Знаешь, дядя, я тоже думал об этой поездке. Сомневаюсь, стоит ли мне уезжать.

— Как? — Иньяцио похолодел.

— Я не уверен, хочу ли ехать.

— Ты должен ехать, Винченцо. — Иньяцио, как всегда, говорит спокойно, но внутри у него все бушует.

— Но если Изабелла… — Винченцо роняет ручку. Капля чернил растекается по бумаге.

— Она — женщина, и, пока она красива, она желанна, но это не вечно, Виченци! У тебя есть твое дело!

— Если мать заставит ее выйти замуж за другого, я…

— Нет. — Дядя повышает голос, трясет его за плечи. — Ты не можешь так поступить со мной! Ты не можешь отплатить мне неблагодарностью за все то, что я сделал ради тебя, ради нашего дела! Ты должен позаботиться об этой лавке, о людях, которые здесь работают. Ты больше не принадлежишь себе, Винченцо.

*** * ***

Ты больше не принадлежишь себе.

Повторяет он про себя, шагая с опущенной головой, сжав в кармане кулаки.

Слова тяжелые, как камни.

Трудно избавиться от чувства вины. Все верно, дядя всю жизнь

работал, работал ради него и его матери. Винченцо чувствует себя несчастным, как зверь в клетке.

Прежде он не ощущал так остро свою принадлежность семье, свои обязательства перед ней.

Вот и бухта Кала.

Еще год назад в порту теснились корабли, вдоль причала разгружали ящики с английскими и колониальными товарами. А сейчас, кажется, бухта стала меньше, окутана густой тишиной, в которой слышен только плеск воды.

Мысль о поездке в Англию вспыхнула в голове у Винченцо с новой силой.

Боже мой, если признаться себе честно, я хочу уехать. Он мечтает об этом с тех пор, как познакомился с Ингэмом. А как же Изабелла? Сердце его тоскует и рвется, он сомневается в обещаниях, которые читались в ее взгляде.

Ноги сами несут его на площадь Святого Элигия.

К черту условности. Он должен знать.

*** * ***

День клонится к вечеру, Изабелла выходит из дома. И сразу замечает Винченцо, прислонившегося к стене напротив.

Он подходит к ней, берет за руку.

— Ну что? — с нетерпением спрашивает он. — Я жду ответа.

Она замирает, хочет ответить, но слова не идут…

— Я…

Удар веера по губам останавливает ее. Подскочившая баронесса оказывается между ними.

— Чего тебе надо? Какого ответа ты ждешь?

— Я хочу поговорить с Изабеллой, не с вами.

— Не смей называть ее по имени! Для тебя она — баронесса Пиллитери. А теперь убирайся, не то мой сын задаст тебе, как ты того заслуживаешь, жалкий босяк.

Девушка за спиной матери бледнеет и молчит. Прижимает к губам сжатые кулачки.

Винченцо чувствует, как волной поднимается гнев.

— Ваш сын, синьора… — нет, он не польстит ей, упоминая титул, — гуляет где-нибудь в борделе, прожигая последние денежки, которые вы ему

дали.

Увядшие щеки женщины вспыхивают. Должно быть, в молодости она была очаровательна, как Изабелла. Но жизнь взяла свое, лишив ее изящества и красоты.

— Ты, пес безродный! Как ты смеешь так со мной разговаривать?

— Я, в отличие от вас, не выказываю вам неуважения.

Люди останавливаются, смотрят на них. Кое-кто выглядывает из окна.

— Мои предки пороли таких, как ты, если они осмеливались поднять глаза или сказать лишнее слово, а ты смеешь так говорить со мной? Возвращайся в трюм, из которого ты вылез, ты и вся твоя семейка голодранцев.

Винченцо пристально осматривает баронессу. Кружева на платье штопаные, а оборка подола настолько изношена, что в нескольких местах порвалась.

— Вы сами выбирали наряд для выхода или ваша горничная?.. Хотя простите, у вас ведь больше нет горничной, не так ли? Тогда вам следует внимательнее осматривать свой туалет, ведь подол юбки у вас порван, синьора.

Пощечина звенит на всю улицу. Винченцо замирает.

Он не помнит, когда мать в последний раз наказывала его.

Терзаясь стыдом, Изабелла отступает к воротам. Винченцо, заметив это, отталкивает баронессу, забыв о пылающей щеке.

— Изабелла! — кричит он.

Но девушка мотает головой и, прежде чем исчезнуть в темноте двора, повторяет несколько раз:

— Нет, нет, нет!

Баронесса подходит к Винченцо и, привстав на цыпочки, шепчет ему прямо в ухо. Слова вонзаются, как острые клинки.

— Я скорее смирюсь с тем, что моя дочь умрет или будет опозорена, лишь бы не видеть, как к ней прикасается такой, как ты, — шипит она. — Лучше ей попасть в бордель. — Баронесса уходит, говорит теперь громко, чтобы все слышали: — Ты можешь заработать несметное богатство, но эти деньги будут пахнуть пóтом. Босяк босяком и останется. Благородное происхождение не купишь.

* * *

Винченцо стоит неподвижно, Палермо вокруг него живет своей

жизнью. Окна закрываются, смех затухает в стуке колес по мостовой. Кто-то смотрит на него с симпатией, кто-то сочувственно. Есть и такие, кто не скрывает презрения.

Благородное происхождение не купишь.

Он уходит с площади. Голова высоко поднята, спина прямая. Но тело словно налилось свинцом.

Кажется, все внутри него разбилось на мелкие осколки. Только унижение не позволяет упасть на мостовую.

Не дам себя в обиду, думает он.

Никогда.

*** * ***

— Что скажете? Как вам Йоркшир?

Бенджамин Ингэм сидит перед ним в кабриолете. Они говорят по-английски. Винченцо прижался носом к окну, рассматривает сельский пейзаж.

— Мне нравится. Но Англия совсем не такая, как я себе представлял, — отвечает он, оторвавшись, наконец, от окна. — Я думал, в вашей стране одни города. И еще удивительно, как часто здесь идет дождь, даже в августе.

— Дождь приносят океанские ветры, — объясняет Ингэм. — Здесь нет гор, которые им препятствуют, как на Сицилии. — Он разглядывает платье юноши и удовлетворенно кивает: — Мой портной отлично поработал. Одежда, которую вы привезли из Палермо, не подходит для местного климата.

Винченцо ощупывает сукно куртки: оно теплое, прочное, не пропускает влагу. Но больше всего его поразил хлопок, из которого сшиты рубашки. Он привык к сорочкам из грубой ткани, а эти — мягкие, ткань изготовлена на механических ткацких станках, которыми так восторгается Ингэм.

За время, что он здесь, Винченцо узнал больше, чем за год учебы. Все в этом путешествии было внове: необъятный пугающий океан, скалы французского побережья, редко радующее своим присутствием солнце. И фабрики. Много фабрик!

— По пути к моему дому в Лидсе заедем на одну из моих фабрик, — пообещал ему Бен по прибытии. — Текстильная фабрика с паровыми машинами. Сами увидите, что это.

Туда они и направляются.

Винченцо выходит из экипажа, и в нос ему сразу ударяет запах угля — терпкий, горький запах, разносимый северным ветром.

Рабочие суетятся вокруг груженых телег и покрытых брезентом ящиков.

Винченцо смотрит на кирпичные стены. Они простые, без штукатурки, без архитектурных излишеств. В центре — здание с большими воротами и трубой на крыше.

Подходит какой-то человек, приветствует Ингэма. Это управляющий, толстяк в куртке, которая, кажется, вот-вот лопнет на животе. Провожая их к воротам, он жалуется на сбои в работе двигателя.

Бенджамин успокаивает его, говорит, что они обсудят это позже. Кивает Винченцо, чтобы следовал за ним.

Входят внутрь.

Свист, стук, шипение и непрерывный скрежет где-то под самой крышей. Оглушительные звуки. Винченцо попадает в полумрак, в пекло.

Улавливает какое-то движение. Тела. Ему вспоминаются первые терцины из «Ада» Данте, которые он учил с доном Сальпьетрой: поэт видит печальные души в преддверии ада, они куда-то бегут, сталкиваются друг с другом, бесцельно мечутся, задыхаясь.

Когда глаза привыкают к темноте, он видит, что вокруг машин мелькают мужчины, женщины, дети всех возрастов. Их лица блестят от пота, на головах платки.

Бенджамин тянет его за руку.

— Здесь работает больше тридцати человек. Весь процесс упорядочен: сначала прядение, затем пряжа поступает туда, — он указывает в ту часть помещения, где светлее.

Винченцо смотрит на детей, которые чешут шерсть.

— Раньше они были обычными пастухами или ткали дома, — теперь у них есть твердое жалованье и крыша над головой.

Справа раздается какой-то шум. Винченцо видит механический челнок, снующий меж нитей утка и основы, как живой. Ему хочется потрогать нити, но он сдерживает себя, посмотрев на руки работницы: на ее пальце нет двух фаланг.

Винченцо чувствует, как по спине меж лопаток течет струйка пота. Он снимает куртку. В помещении очень мало воздуха. Как люди здесь работают?

Ингэм указывает на черные цилиндры, отделенные от рабочей зоны низкой стенкой. Оттуда доносится треск и шипение. Чем ближе к ним, тем

удушливее становится жара. Лица рабочих раскраснелись, многие работают без рубашки. Кажется, они не замечают вошедших, однако в брошенных мельком взглядах Винченцо улавливает смесь насмешки и смирения.

Вот оно, сердце фабрики. Паровая машина — чудовище в черном панцире, лоснящемся от жира. Осторожно, почти благоговейно, Винченцо протягивает руку к одному из движущихся поршней. Он теплый, ладонь ощущает вибрацию. Кажется, это пульсирует его собственная жизнь.

* * *

Ингэм прав, когда утверждает, что на Сицилии ничего подобного не получится. В Англии рабочие не жалуются и не портят оборудование. Воды вдоволь, а главное, вдоволь и предпринимателей.

— Все зависит от того, как человек мыслит, — объясняет он уже в конторе после осмотра фабрики.

Им подают чай, какого Винченцо никогда не пробовал, — он пахнет цветами. Держит чашку, пытаясь следовать английскому этикету, отличному от простых нравов его семьи.

— Мало иметь деньги, чтобы открыть свое дело. Нужно понимать, куда двигаться, брать на себя смелость, развивать производство. Приведу простой пример. Из всех продавцов пряностей в Палермо много ли таких, чьи объемы продаж сравнимы с вашими?

— Немного, — признается Винченцо, — может быть, двое — Канцонери и Гули.

— А почему? Уверен, вы размышляли над этим.

— Они привыкли так работать из поколения в поколение, им достаточно того, что они делают. — Винченцо и сам часто задумывался над этим, и вот теперь его мысли облекаются в слова. — Они не верили, что способны на большее, поэтому…

— Довольствовались тем, что у них есть. Лавочка, *путиеда*.

Странно слышать сицилийское словечко, произнесенное с английским акцентом.

Ингэм потягивает чай, а Винченцо погружается в размышления. На мгновение в его мысли вторгаются воспоминания об Изабелле. Он прогоняет их прочь, вместе с перекошенным от злости лицом баронессы, которое трудно забыть.

— А что, если мы поставим такие машины на Сицилии? Разве мы не

сможем снизить расходы? — настаивает Винченцо.

— И да и нет, — Ингэм ставит чашку на столик. Пора ехать дальше. — Я ведь тоже об этом думал. Придется ввозить станки, запчасти к ним. Не обойтись и без механиков… да и уголь здесь проще найти. В идеале было бы хорошо иметь в Палермо мастерскую, где делали бы подобные машины.

— Но таких не существует, — мрачно заключает Винченцо. — Это будет убыточное предприятие.

Винченцо готов уже сесть в кабриолет, когда Ингэм кладет руку ему на плечо.

— Кстати, я думаю, пора оставить формальности. Зови меня Бен.

* * *

Сирокко — жаркое влажное одеяло, наброшенное на Палермо.

На лето аристократы переселяются в Сан-Лоренцо или в Багерию, на свои виллы, окруженные тенистыми садами. Прочие проводят дни, закрывшись дома, смачивают шторы, чтобы освежить воздух, или укрываются от жары в подвальных помещениях.

В такое время даже дети не хотят играть. Они на море, за бухтой Кала, ныряют в воду, лазают по скалам.

Те, кто вынужден работать, ходят по улицам, опустив голову под палящим солнцем. Иньяцио ненавидит жару: от нее устаешь, невозможно дышать. Он приходит в магазин на рассвете и уходит домой, когда на Палермо опускаются густые сумерки.

Вот когда жители вновь возвращаются в город! Жизнь снова течет на его узких улочках, в переулках, вымощенных туфом и камнями, за опустевшими на лето роскошными дворцами с закрытыми ставнями. С моря дует влажный ветер; кто может, берет экипаж и едет гулять по побережью. Блестящие кареты и расписные деревянные повозки, скромные коляски. Праздник в честь святой Розалии, покровительницы города, прошел совсем недавно, оставив город усталым и пьяным от веселья.

У дверей выставлены стулья и табуреты; женщины болтают, присматривая за детьми; мужчины-работяги засыпают на соломенных тюфяках, постеленных на балконах.

Обычно Джузеппина ждет Иньяцио, сидя у окна. Они ужинают тихо, по-семейному.

Потом выходят на балкон — посмотреть на гуляющий народ. У нее пальмовый веер и стакан с анисовой водой, у него — миска с семечками.

Как-то вечером Джузеппина внезапно мрачнеет.

— Что-то случилось? — Иньяцио спрашивает, скорее, из вежливости.

— Ничего.

— Да что с тобой? — настаивает он.

Джузеппина пожимает плечами. Вид у нее грустный. Помолчав немного, она спрашивает:

— Ты вспоминаешь наш дом в Пьетралише?

Иньяцио ставит миску с семечками на пол.

— Вспоминаю иногда. Почему ты спрашиваешь?

— Я часто о нем думаю. Думаю о том, что хотела бы вернуться туда, там умереть. — Джузеппина запрокидывает голову, как будто смотрит на звезды, но их нет. — Я хочу вернуться в мой дом.

— О чем ты говоришь? — Иньяцио озадачен.

Джузеппина не слушает его.

— У тебя есть твоя работа, — говорит она, обращаясь скорее к себе самой, чем к нему. — А я что здесь делаю? Кроме старой Мариуччи и пары знакомых у меня здесь никого нет. Я могла бы попросить Винченцо поехать со мной, он будет тебе там помогать с торговлей…

Иньяцио не верит своим ушам. Вцепившись в перила, он ищет слова, но не находит.

— О чем ты говоришь? Мы отправляем корабли в Марсель, а ты говоришь мне о Калабрии? Ты хочешь, чтобы Винченцо, который говорит по-английски и по-французски, жил в Баньяре? Он вырос в Палермо, а ты хочешь, чтобы он вернулся в деревню? — запальчиво и даже возмущенно отвечает Иньяцио. — Мы почти восемнадцать лет живем в Палермо. Здесь могила твоего мужа.

— Твой брат — молодец! Все у меня отнял, никакой радости мне не оставил. Забрал все деньги, которые за меня дали, а меня загнал в угол.

— Ты все еще горюешь об этом? Твое приданое принадлежало ему, теперь твой дом здесь. Куда ты хочешь уйти? Одна! А кто позаботится обо мне, о твоем сыне?

— Семья, говоришь! — Лицо Джузеппины искажается в усмешке. — Я должна прислуживать вам до конца своих дней, так? Какая я дура, что спросила тебя, я думала, что ты другой, а ты такой же, как все, эгоист, негодяй! — Она резко встает. — Знаешь, что причиняет мне боль? Мой сын похож на вас, у него каменное сердце, и…

— Да что с тобой сегодня? Почему ты так говоришь о своем сыне?

— Ничего. Зря я завела с тобой этот разговор. Ты тоже забыл обо всем. Для тебя важны только деньги и твое дело. — Она исчезает за занавеской.

Иньяцио стоит на балконе, вцепившись в перила.

Какая неблагодарность, думает он. *Я-то при чем?*

Ему хочется закричать. Джузеппина бросила ему обвинения, жестокие, несправедливые, не вспомнив о том, что он для нее сделал.

И тогда он спрашивает себя, нужно ли так убиваться на работе, не получая за это никакой благодарности? Сейчас он не думает о той заботе, которую Джузеппина всегда проявляла по отношению к нему, а она действительно всегда заботилась о нем.

Он думает о чем-то другом — о том, что тревожит его плоть и не дает спать по ночам вот уже много лет.

Хватит.

Он находит невестку в спальне. Она в ночной рубашке, простой, без излишеств, из ее приданого. Стоит перед зеркалом, вынимает шпильки из волос.

— Почему? — не может сдержаться Иньяцио. — Разве ты не знаешь, что ты значишь для меня? Почему ты всегда вспоминаешь прошлое?

Джузеппина опускает руки.

— Я тебе сказала. Это мой выбор. Для меня оставаться здесь — наказание.

— Не обвиняй меня в этом. Жизнь не стоит на месте, многие перебрались на Сицилию… даже Виктория и Пьетро Сполити живут в Мистретте. Думаешь, в Баньяре было бы лучше?

Она не отвечает. Знает, что Иньяцио прав. Но обида живет в ней так долго, что не может не выплеснуться наружу. Крепко засела где-то между ребрами. Джузеппина бросает шпильки на столик, берет щетку для волос.

— Уходи, пожалуйста! — Удар щеткой о туалетный столик и крик: — Уходи!

Она слышит удаляющиеся шаги.

Но ее обида — нет, не уходит и не становится меньше.

Слова вырываются сами собой, их не сдержать, потому что гнев копился годами, слишком долго копился внутри.

— Вы всегда берете то, что вам нужно! — кричит она. — Сначала твой брат, а теперь ты — вы взяли мою жизнь! Вы растоптали меня, а мой сын вырос мерзавцем!

Снова шаги.

Внезапно его руки обнимают ее сзади так крепко, что причиняют боль. Ночная рубашка распахивается, обнажая грудь.

Иньяцио прижимает Джузеппину к себе. Она дрожит.

Они смотрят на свое отражение в зеркало.

Джузеппина видит незнакомца и боится его. Не может быть, что схвативший ее человек — это кроткий, терпеливый Иньяцио.

— Если бы я был таким, я давно бы уже взял то, что мне нужно, — тихо произносит он. Шепчет в самое ухо, а его руки подтверждают слова.

Джузеппина боится. Она никогда не видела его таким. Она читает желание на его лице, и у нее подкашиваются ноги.

Но и ее лицо полыхает страстью, и от этого перехватывает дыхание.

Осталось сделать один шаг. Они оба это знают.

Она первая переходит границу. Обернувшись, прижимается к нему всем телом. Неважно, что наутро она пожалеет об этом. Неважно, что они оба пожалеют и долго не смогут смотреть друг другу в лицо. Неважно, что их руки знают дорогу, пройденную столько раз глазами и вожделением, но они будут отрицать это всю оставшуюся жизнь.

Они похоронят эту ночь в памяти, потому что слишком сильно будет раскаяние, осознание, что они предали того, кого больше нет. Они никогда не заговорят об этом, как будто и не было ничего.

Неизбывный стыд останется в их душах навечно.

*** * ***

Девятнадцать лет.

В тот солнечный день 3 апреля 1818 года Винченцо исполнилось девятнадцать лет. Почти все эти годы Иньяцио был ему отцом. Девятнадцать лет, как они с Джузеппиной пусть не в обычном смысле, но *семья*.

После закрытия магазина на прилавке появились ликеры и печенье — Иньяцио решил угостить работников. Дома их ждала Джузеппина, ради праздника она приготовила жаркое.

В октябре прошлого года, когда Винченцо вернулся, Иньяцио с Джузеппиной встречали его в порту. Мать обняла его тепло, крепко. Винченцо смущенно искал глазами дядю. Тот стоял в сторонке, кивнул ему. Подошел, они пожали друг другу руки.

Никаких нежностей.

Иньяцио сразу понял, что три месяца в Англии пошли Винченцо на пользу: вместо мальчика с пылким сердцем перед ним предстал молодой человек с гордой осанкой, четко очерченной линией губ, широкими плечами и решительным выражением лица.

Приехав домой, они расположились в гостиной. Носильщики тем

временем заносили наверх багаж.

— Ты не представляешь, дядя, что я видел! Там всю работу делают машины, причем в два раза быстрее, чем люди.

Винченцо принялся рассказывать о паровых двигателях, прядильных машинах, локомотивах. Время от времени к ним заглядывала Джузеппина, гладила сына по голове, слушала его, сияя от гордости.

Иньяцио пристально разглядывал племянника.

— Вот почему англичане предлагают такие выгодные цены, — заключил он.

— Именно! И мы могли бы работать с ними, предложив им то, в чем они нуждаются. — Винченцо достал из кармана пиджака конверт, молча протянул его дяде.

— Названия и адреса фабрик, имена торговых агентов, — прокомментировал Иньяцио, пробегая глазами по листу. — Я доволен. Ингэм — хороший учитель.

Винченцо подпер рукой подбородок, легкая улыбка тронула его губы.

— В конце поездки мы остановились в Лондоне. Он встречался с торговыми агентами, землевладельцами, даже с некоторыми хозяевами фабрик. Они думали, что я при нем на побегушках, поэтому разговаривали с Ингэмом, не обращая на меня внимания. Слушая их, я понял, что им невыгодно иметь разных поставщиков.

Иньяцио заметил, что в глазах племянника вспыхнул огонек.

— Хорошо. А дальше?

— Мы можем быть посредниками на Сицилии. Взять, к примеру, танин: они используют его для обработки кож и фиксации цвета. У нас на Сицилии есть сумах, так? Из него делают танин. Закупим, измельчим, продадим на кожевенные заводы.

Он посмотрел на список имен, потом на племянника. Отросшая бородка делает парня взрослее, конечно. Но дело не только в этом: Винченцо стал другим — серьезным и даже строгим.

— Ингэм уже так работает, — пробормотал Иньяцио.

— Да. Но он англичанин. А мы местные, мы можем сделать цены ниже…

Джузеппина прервала разговор, позвала их к столу.

Винченцо жестом велел ей подождать, вытащил из дорожного саквояжа два свертка.

— Это тебе, дядя. А это для мамы.

Джузеппина радостно, как девочка, приняла подарок — отрез ткани с восточным орнаментом. Развернула его, поднесла к лицу.

— Шелк! — воскликнула она. — Но это очень дорого!

— Точнее, китайский шелк. Я могу себе это позволить. — Он гордо посмотрел на дядю и сказал ему, кивнув на второй сверток: — Открой свой.

Темное сукно для костюма и галстук. Иньяцио оценил качество ткани, ее мягкость.

— Это продукция одного из заводов Бена. Я расскажу тебе за столом.

Они говорили долго и все не могли наговориться.

* * *

Иньяцио сидит за письменным столом, Винченцо изучает реестры за прошлые годы, называет цифры, сравнивает количество купленного и проданного товара. Хина — их основной ресурс. Но и кроме нее есть кое-что.

— По сравнению с прошлым годом у нас увеличились продажи сумаха. — Винченцо листает реестр. — Почти весь сумах ушел на английский рынок. И поставки китайского шелка дали прибыль. Не успели мы привезти, как его буквально расхватали.

— Французы наступают англичанам на пятки. На днях Гули отправил большую партию сумаха в Марсель. — Иньяцио задумчиво кусает губы. — Знаешь, Виченци, я подумал, что, если мы предложим им не только танин, но и шкуры? Англичане выделывают кожу баранов и козлов, а здесь этого добра хватает. Что скажешь?

Винченцо согласно кивает.

— Надо попробовать. Вы с отцом начинали с маленькой лавки, как ты всегда говоришь, а теперь мы получаем товары почти со всей Европы. Подготовим предложения? Ты вот думал о коже, а я хотел поговорить с тобой о французах, которые покупают серу. Слышишь меня? Потому что…

Дядя молча указывает ему на папку с заметками Маурицио Реджо.

— Я уже думал об этом. Поговорил кое с кем, с купцами, управляющими на шахтах, разузнал, на каких условиях продается сера. — Он смотрит на племянника, во взгляде ирония. — Ты что, хочешь учить меня ремеслу?

Смех Винченцо согревает его душу.

* * *

Стоит январь 1820 года, очень холодно. Иньяцио в последнее время мучается ревматическими болями, требует, чтобы в конторе, в подсобке магазина, хорошо топили.

Винченцо чистит апельсин, корки бросает в горящие угли. В воздухе витает приятный цитрусовый запах. За последние два года Винченцо сильно вырос. Иньяцио наблюдает за ним и понимает, что не только тело его изменилось, но и разум. Он становится холодным, расчетливым.

К примеру, он решил импортировать и продавать порошок хины из Англии, прекрасно зная, что аптекарей Палермо эта новость не обрадует. На днях его усилия увенчались успехом: медицинская канцелярия, ведающая лекарственными средствами на Сицилии, выдала ему официальное разрешение, тем самым оградив Флорио от возможных претензий. Покупатели на этот чистый, качественный порошок нашлись сразу.

И все-таки найдутся те, кто будет против, подумал Иньяцио.

Так что когда к ним в кабинет постучался работник и с испуганным видом сказал, что прибыла делегация фармацевтов — «просят объяснений», — дядя и племянник обменялись понимающими взглядами. На пороге стояла небольшая группа мужчин в черных плащах. Впереди — Кармело Сагуто и брат его жены, Венанцио Канцонери.

Иньяцио приглашает всех пройти в кабинет, они садятся за стол. Винченцо же стоит, мрачно поглядывая на гостей.

— Итак, Флорио, скажите-ка нам, в чем дело? — выступает первым Венанцио Канцонери. У него густые рыжеватые волосы и голос человека, привыкшего повелевать. — Разве вы теперь можете продавать лекарства? До нас дошли слухи, но в них верится с трудом. Все это весьма странно.

— Добрый день, дон Канцонери, — говорит Иньяцио, подняв глаза к потолку. — Рад видеть вас в добром здравии.

— Кажется, я знаю, кто вам это сказал. — Винченцо сзади подходит к Сагуто, говорит ему почти в самое ухо: — Вы, как обычно, хуже придворной сплетницы.

— Это еще кто? Что за детский лепет? — Сагуто резко поворачивается, но Винченцо быстро отступает назад и смеется ему в лицо.

Иньяцио жестом просит племянника подойти к столу, и тот нехотя повинуется. Он не хочет, чтобы здесь началась драка. Но и не желает, чтобы его запугивали.

— Могу вам сказать ровно то же, что вам сказал ваш… добрый шурин, дон Венанцио. Кстати, как ваш отец? Знаю, что с ним случился очередной удар и он не может оправиться.

— Он жив, на все воля Божья, — Канцонери скрестил руки на животе. Ему не хочется продолжать разговор об отце, прикованном к постели. Он чувствует себя неловко, хоть и стал теперь полноправным владельцем аптеки. — Вернемся к вам. Так вот, разрешение. Вы знаете, что вам нельзя торговать лекарствами? Ни вы, ни ваш племянник не являетесь фармацевтами, и даже, насколько мне известно, среди ваших работников нет ни одного фармацевта.

— Мы делаем только то, что предусмотрено законом. Медицинская канцелярия дала нам такую возможность, за что мы ей весьма признательны. У нас есть выданное ею разрешение. Что до остального, теперь мое право спросить вас: что вы здесь делаете?

Канцонери сопит, ерзает на стуле. Рядом с ним — Пьетро Гули, старый аптекарь, тот самый, который насмехался над Паоло и Иньяцио, когда они прибыли в Палермо. Он вытирает губы, берет слово.

— Есть Палата ароматариев, у нее свои правила. Вы в нашу гильдию не входите. Вы не спрашивали разрешения, более того, вы не соблюдаете правила, которыми руководствуется наша корпорация в торговле пряностями.

— Потому что существуют не только ваши правила, — вмешивается Винченцо. — Знаете, в чем ваше заблуждение, дон Гули? Вы думаете, что законы созданы специально для вас и вы можете вертеть ими по своему усмотрению.

— Но это так, мой мальчик, — тихо отвечает Венанцио Канцонери, перекрывая возмущенный возглас Гули. — Считайте, что мы вас предупредили.

Винченцо подается вперед. Внутри у него закипает тягучая злость.

— Что это значит?

— Это значит, что вы до сих пор рассуждаете, как чужеземцы, хотя живете в Палермо давно… двадцать лет, так? Вам повезло, да, вы сумели разбогатеть своим трудом. Но вы не можете понять, что здесь перемены происходят не по чьей-то прихоти или разрешению. Они происходят, когда для этого есть условия.

— Согласен. Больше половины торговцев пряностями в Палермо — наши клиенты.

Сагуто разводит руками, это один из его театральных жестов.

— Да-а-а-а. Все это — ваше, ведь к вам текут монеты. А что, если деньги закончатся?

— Сагуто, мне не нравится, как вы говорите. Иногда…

— Виченци… нет. — Иньяцио накрывает своей рукой руку

племянника. Не так должны отвечать Флорио.

Винченцо отступает на шаг, но не спускает глаз с Сагуто, а тот усмехается, довольный.

Иньяцио смотрит на Гули, затем переводит взгляд на одного из визитеров, который держится в стороне. Он хорошо его знает: это Гаспаре Пиццименти, аптекарь из района Трибунали, пожилой человек с некрасивым рябым лицом, — наверное, перенес в детстве оспу.

— Скажите мне, Гули, и вы, Пиццименти, у кого вы закупали кору хинного дерева в последние два года?

— У вас, но… — Пиццименти поперхнулся.

— Вы всегда говорили, что наши товары — лучшие на рынке и что порошок, произведенный в Англии, вы упаковываете, не измельчая. Не бойтесь: здесь вы можете в этом признаться, ведь мы все — люди чести, не так ли? — спрашивает Иньяцио. Вместо ответа на несколько секунд повисает тишина. — Смелее, никто не упрекает вас за это. Вы не единственные, кто так делает. Но сейчас, если послушать ваших коллег, возможно, вам и всем остальным не захочется больше работать с нами. Думаю, что разорвать отношения будет непросто. Наоборот, это будет очень трудно и болезненно. Для вас, я имею в виду.

Винченцо ловит слова на лету, он знает, что и где взять.

Открывает ящик стола, берет бумаги, передает их дяде. В руках у Иньяцио — долговые расписки, на каждой — фамилия и сумма. В этих документах значатся и фамилии всех визитеров.

Иньяцио стоит, скрестив руки на груди, наблюдает за выражением их лиц. Ждет, пока они осознают смысл происходящего.

— Конечно, правила нужно соблюдать, — произносит он наконец. — Дело чести — платить по долгам. Верно?

С лица Сагуто сходит насмешливая улыбка. Пиццименти отступает к двери. Гули опускает голову, разглядывает свои ботинки.

Венанцио Канцонери тяжело вздыхает.

— Верно, — кажется, с облегчением соглашается он.

Визитеры направляются к выходу из магазина. Канцонери идет молча, высоко подняв голову. Сагуто оборачивается, смотрит на стоящих на пороге Иньяцио и Винченцо, покусывая костяшку указательного пальца. Этого он им не простит!

Хина
Июль 1820 — май 1828

Бремя лет нести тяжелее всего.

Сицилийская пословица

Подстрекаемое палермской аристократией и разросшееся благодаря широкой сети тайных обществ, растет противостояние Бурбонам — «виновникам» упразднения сицилийских вольностей и противникам независимости Сицилии. В результате объединения Неаполитанского и Сицилийского королевств и отмены Конституции 1812 года остров находится фактически во власти Бурбонов. 15 июня 1820 года в Палермо вспыхивает восстание, которое вынуждает принца Франциска бежать в Неаполь и приводит к созыву сицилийского парламента, восстановившего конституцию. На континенте тоже бушуют революционные ветра: 7 июля восстание во главе с генералом Гульельмо Пепе вынуждает Фердинанда I принять ту же конституцию, которую провозгласил в марте в Испании Фердинанд VII.

Стремление сицилийского правительства к независимости и воссозданию Королевства Сицилия неизбежно сталкивается с интересами Бурбонов, которые используют раздор между различными сицилийскими городами (особенно между Палермо, Мессиной и Катанией) и умело ведут игру, чтобы потопить восстание в крови.

В ноябре монархия на острове восстанавливается, и Сицилия возвращается под контроль неаполитанского правительства. А в марте 1821 года державы Священного Союза — Пруссия, Россия, Австрия, — к которым обратился король Фердинанд I, окончательно разгромили мятежников: 24 марта австрийцы вошли в Неаполь, вернув короля на трон. Они останутся там до 1827 года, когда Франциск I, король обеих Сицилий, сменивший в 1825 году своего отца Фердинанда, наконец, сумеет изгнать их.

Раненый лев пьет из ручья. Рядом с ним к ручью тянутся корни дерева, отдавая воде свои целебные свойства.

Этот сюжет стал символом семейства Флорио: от вывески на фасаде

их лавки, *ароматерии*, до статуи, выполненной скульптором Бенедетто де Лизи для семейного склепа Флорио на кладбище Санта-Мария-дель-Джезу в Палермо.

Дерево, корни которого спускаются к ручью, — это хинное дерево, его кора спасла миллионы человеческих жизней. О его удивительных свойствах знали индейцы Перу и Боливии, использовали его кору как средство против лихорадки, а в XVII веке иезуиты стали привозить эту кору в Испанию: высушенная и упакованная в мешки, она продавалась во всех европейских портовых городах.

Они назвали ее хина.

В Европе быстро оценили ее лечебные свойства, но было очевидно, что это лекарство для избранных: оно дорогое, потому что его везут издалека, потому что кора измельчается вручную. Кроме того, полученный порошок устраняет симптомы лихорадки, но отнимает у больных силы, что для простых людей страшнее любого недуга.

В XIX веке происходит прорыв: механические жернова позволяют намолоть огромное количество прекрасного мелкого порошка. Цены на него снижаются. В 1817 году французские химики Пьер Жозеф Пеллетье и Жозеф Бьенеме Каванту выделят из этой коры хинин. Но только в конце века связь между малярией и паразитами будет неопровержимо доказана, и только в начале XX века, когда в Италии из-за малярии все еще будут умирать по пятнадцать тысяч человек в год, государство согласится продавать хинин в лавках, торгующих солью и табаком.

*** * ***

— Бегите, бегите, говорят, к нам идут испанские корабли!

— Нет! Это неаполитанцы, они везут сюда короля Фердинанда, потому что в Неаполе вспыхнул пожар, *революция*!

— Короля? Если он приедет сюда, мы тоже сгорим!

— Это все солдаты! Солдаты в Неаполе потребовали конституцию, и король им уступил!

— А нам? Чем мы хуже их?

— Фердинанд должен вернуть нам конституцию, отнятую в шестнадцатом году. Это наше право. Да здравствует Королевство Сицилия!

— Революция, революция грядет!

Люди, повозки, лошади. Со вчерашнего дня, с праздника Святой Розалии, Палермо восстал. Улицы и площади гудят.

До Иньяцио доносятся возгласы толпы, собравшейся на площади Сан-Джакомо.

— Осторожно! — Дядя успевает оттащить Винченцо в сторону, рядом с ними на полном скаку летят лошади, запряженные в экипаж.

Кто может, уезжает из Палермо. Другие, напротив, хотят бунтовать, разжигают народный гнев. Восстание началось, и неизвестно, что будет дальше.

Винченцо убирает с лица прядь волос.

— Надо укрепить ворота складов! Если начнут грабить…

— Если будут жечь и грабить город, две лишних доски им не помеха. Идем!

Они поднимаются к виа Матерассаи, идут против бурлящего людского потока. Иньяцио входит в магазин. Ставни закрыты, открыта только дверь, за ней наблюдает приказчик.

Иньяцио осматривается, а в памяти его всплывают картины далеких времен. Они жили в Баньяре, когда вспыхнуло восстание против Бурбонов, в результате которого появилась Неаполитанская республика. Тогда тоже были беспорядки, повсеместно убивали людей. Многие воспользовались ситуацией, чтобы свести личные счеты, совершить кровную месть. Убийства и грабежи часто не имели ничего общего с политикой: за ними стояло желание отомстить врагу или наказать неугодного родственника, или соседа, который подворовывал, или священника, который зарвался с требованиями десятины.

Нет, на этот раз все по-другому, думает Иньяцио.

В Неаполе восстали войска. Выяснилось, что многие офицеры присоединились к карбонариям, и, следуя за своими командирами, значительная часть солдат перешла на сторону бунтовщиков. Вскоре король Фердинанд оказался в затруднительном положении. Ему пришлось одобрить конституцию, которая признавала права дворян и народа и даже предусматривала созыв парламента.

Сицилийцы тоже не остались в стороне. Они не забыли событий 1816 года, упразднение Королевства Сицилия и отмену Конституции 1812 года. 14 июля 1820 года, когда толпы народа вышли на улицы в честь праздника Святой Розалии, вспыхнуло восстание. Никто не хотел жить, как в плену, в собственном доме, поэтому дворяне, интеллектуалы и народ воспользовались неаполитанским кризисом, чтобы объявить Сицилию независимой.

Однако в действительности огонь разожгли аристократы. В 1799 году Сицилия приютила беглых Бурбонов, а что получила в ответ?

Благодарности не дождалась. Дворяне лишены власти, привилегий, должностей, которые они всегда занимали. А почему? Если так было всегда, так и должно продолжаться. Сицилийцы правят сицилийцами. Дворяне правят крестьянами.

Странная ситуация сложилась на Сицилии: у короля нет союзников среди дворянства. Напротив, сицилийские дворяне соперничают с короной, ибо король — чужак, он пришел к ним в дом навязывать свои порядки. А *они* жили на Сицилии с давних пор, некоторые династии ведут свое начало со времен арабов и норманнов. *Они* создали этот остров своими руками, своими традициями, кровью, браками, замесив его с солью, землей и морской водой. *Они* отлично управляли простым народом, массами бродяг и нищих — так, как им было нужно. *Они* разожгли огонь, бросая в него простой люд, который неизбежно сгорал в этом пламени.

— Идем, — говорит Иньяцио, обращаясь к Винченцо.

— Куда?

— Они хотят реквизировать товар на таможне, хоть я и не понимаю зачем. Теперь ничего не поймешь, черт побери!

— Но тогда наш груз…

— Все стоит, корабли не могут отплыть. Таков приказ, проклятье! — возмущается Иньяцио. — Говорят, что сейчас создадут временное правительство, но пока на таможне хаос, как мне только что сообщил Бен Ингэм. Шевелись, он ждет нас.

Народ бурлит в переулках. Иньяцио шагает решительно, Винченцо за ним, они входят во двор таможни, заполненный торговцами и моряками.

Вход охраняют солдаты, на их лицах написано, что они хотели бы оказаться где угодно, только не здесь и не сейчас. Они никого не пускают, наставив на людей ружья, кричат, что будут стрелять, но, кажется, их никто не слышит.

— Я настаиваю. Вы должны нас пропустить, это наше право!

Винченцо узнал бы голос Бенджамина Ингэма из тысячи.

Иньяцио подходит к нему.

— Синьор Ингэм прав. Наш корабль должен отплыть. Все документы там, — он указывает на белое сооружение за спиной солдата. — Если мы не отправим сейчас товар, мы понесем большие убытки!

— Мы не можем, — говорит один из солдат, — и вам это ни к чему. Все равно выход судов из порта запрещен особым распоряжением.

Гул голосов.

— Как же так? И вообще, кто его принял, это распоряжение?

— Нам нужно поговорить с вашим начальником!

— Покажите нам бумагу!

— Кто это все придумал, а?

Солдаты испуганно переглядываются.

В этот момент несколько чиновников выбегают из конторы писарей. Их встречают криками, кто-то бросает в них навоз. Чиновники хотят укрыться за старыми стенами таможни, но тщетно. Толпа требует ответа.

В итоге один из писарей держит ответ за всех, от него воняет пóтом и страхом.

— Не стойте здесь! — кричит он. — Порт заблокирован. Хорошо еще, по кораблям не палят из пушек!

— Почему? Что случилось?

Винченцо смотрит на Ингэма с искренним изумлением. Удивительно, как он может спокойно говорить в этом шуме, не повышая голоса.

— Так нам сказали! — кричит в ответ писарь. — Идите домой! — И уходит.

— Вы слышали? Уходите! — повторяет солдат, вскидывая ружье.

Некоторые торговцы уходят.

Но Винченцо не отступает. Он бежит за чиновником, хватает его за руку.

— По-моему, вы ерунду говорите. Не было никакого распоряжения, — шипит он.

Теперь они идут вплотную, чувствуют друг в друге усталость и злость.

— Врите кому угодно, но не мне. Здесь никто ничего не решает.

— Отпустите меня, или я позову охрану… — Писарь пытается вырваться.

— Сколько?

— Как? Что? — Глаза писаря округляются.

Винченцо хватает его за воротник.

— Сколько нужно, чтобы отправить корабль?

Ингэм и Иньяцио подходят к ним.

— Я присоединяюсь к просьбе молодого Флорио, — говорит Ингэм, потупив глаза. — Сколько?

— Я… — Чиновник в замешательстве.

— Поскорее, ради Бога! — выдыхает Иньяцио.

Таможенник кивает в сторону складов. В его глазах страх, смешанный с алчностью.

— Подходите туда, к задней двери. — Он смотрит на Винченцо, потом на Ингэма. — Только вы трое.

* * *

В переулке за таможней лишь тонкая полоска тени. Время остановилось, минуты превратились в часы. Проездные ворота разбиты, их охраняет толпа солдат.

Июльское солнце — свирепый зверь. Веснушчатое лицо Ингэма полыхает огнем. Иньяцио вытирает носовым платком лоб.

Вдруг одна из боковых дверей приоткрывается, появляется лицо писаря — белое пятно в темноте.

— Входите.

Иньяцио переглядывается с остальными. Они проходят внутрь, тень накрывает их, как прохладная вода, чувствуется запах сырости.

— Сколько? — спрашивает писарь.

Винченцо вдруг чувствует жалость к этому испуганному, мелкому чиновнику, жалкому писарю.

— Помилуйте, у меня трое малышей, ради вас я рискую своим местом, — шепчет писарь, словно в подтверждение его мыслей. Винченцо встает у дверей, присматривает, чтобы их не потревожили. Ингэм назначает плату. Писарь торгуется. Кошелек переходит из рук Иньяцио в руки чиновника, тот пересчитывает монеты.

Разрешения готовы.

— Документы оформлены задним числом, корабли должны были отправиться еще третьего дня. Передайте капитану, чтоб уходил ночью, не зажигая огни и не поднимая паруса. Бухта открыта, по крайней мере пока. Я прослежу, чтобы в той части порта не было солдат… если, конечно, чего не случится.

Улыбка Ингэма — как лезвие ножа.

— Не сомневаюсь, что вы позаботитесь о том, чтобы ничего не случилось, — говорит он, чеканя слова.

Иньяцио подзывает Винченцо.

— Вот разрешения, наши и Ингэма. Беги к кораблю, передай их капитану и объясни ему все. Только ему.

Винченцо уходит, следом за ним — писарь. Ингэм и Иньяцио идут по коридорам таможни на пустынный двор, по периметру которого — двери складов, арендуемых торговцами. Двери заперты, замки целы.

Кажется, все в порядке. Они облегченно вздыхают.

Палермо лежит в тяжелом оцепенении. Обессиленный, измученный жарой и последними событиями, город дремлет в послеобеденном мареве.

Иньяцио и Ингэм идут вдоль стен к воротам Порта-Феличе, единственным еще открытым воротам.

— Сегодня Винченцо меня порадовал. — Ингэм шагает устало, руки в карманах. — Потрясающее самообладание. Как решительно и твердо он действовал! Парень далеко пойдет.

— Да уж!

— Разве вы не рады? — Англичанин искоса посматривает на Флорио.

— О да. Я горжусь им, он проявил удивительную находчивость. Просто иногда… — Иньяцио замолкает. Он не знает, что сказать. Винченцо порой действует с таким холодным расчетом, что Иньяцио теряется.

Они подходят к бухте Кала. Ветер с моря качает мачты кораблей. Неподалеку от Таможенных ворот заметны следы утренних стычек.

Англичанин обходит перевернутую телегу.

— У Винченцо сильный характер… Он очень решительный.

Иньяцио находит глазами арендованное ими судно. Винченцо разговаривает с матросами на берегу.

— Вы так думаете?

— Да. — Ингэм тоже смотрит на Винченцо. — Знаете, у меня в Англии много племянников, это дети моей сестры, серьезные и неглупые молодые люди. Но ни в ком из них нет такой злости, какая есть в вашем племяннике. Здоровой злости, понимаете? Благодаря ей он способен на многое.

В словах англичанина Иньяцио слышит восхищение, быть может, даже некоторую зависть. Но почему-то его это не радует.

* * *

Винченцо снова уехал в Англию. Он провел там все лето, вернулся недавно, привезя с собой большой деревянный ящик и английского механика, с которым он один может говорить по-английски. Несколько дней они с утра до ночи что-то мастерили на складе на площади Сан-Джакомо. В один из тех вечеров Винченцо пошел к дому Изабеллы Пиллитери. Он убеждал себя, что просто пройдет мимо, что его туда не тянет. Но он знает: это не так.

Дом пуст, окна разбиты. Винченцо слышал, что Изабелле и ее матери пришлось уехать из Палермо. Родственник, предоставивший им этот дом, решил, что не намерен содержать их всю оставшуюся жизнь. Они уехали, погрузив в экипаж свои немудреные пожитки. Брат Изабеллы, по слухам,

пошел в неаполитанскую армию, чтобы немного подзаработать и забыть про бордели.

Глядя на обветшавшие балконы, Винченцо думает, что есть какая-то высшая справедливость. Неписаный закон судьбы: если причинишь кому-то боль, рано или поздно эта боль к тебе вернется.

Он ощущает легкую грусть: где тот юноша с разбитым сердцем, который собирался отправиться в Англию? Тогда он был глупцом, несмышленышем, позволил старой ведьме прилюдно оскорбить его. Теперь он мужчина. Но все еще чувствует злость и сожаление. Злость — потому что Изабелла не захотела его выслушать, ушла, потому что для нее важно благородное происхождение; сожаление — потому что идея построить с ней семью была изначально обречена.

Много воды утекло с тех пор, как говорится. Ему двадцать пять, рано или поздно он найдет себе девушку, родит детей. Не сейчас, потому что сейчас женщины, семья — это лишь помеха. Он должен разбогатеть. Да, разбогатеть так, чтобы никто не посмел смотреть на него с превосходством и отвращением, как баронесса Пиллитери. Разбогатеть так, чтобы за него пошла любая девушка из благородной, но обедневшей семьи.

Дворянка, которая не будет гнушаться таким буржуа, как он.

Деньги не врут, как говорится; товар не умеет притворяться.

Только люди способны лгать. Больше, чем тело женщины, которое он познал в Англии, больше, чем изысканное вино или хорошая еда, ему доставляет удовольствие работа. Его доходы. А что касается признания в обществе, оно придет, в этом он нисколько не сомневается.

* * *

В тот вечер Винченцо вернулся домой довольный, в перепачканной, пропахшей пóтом одежде. Он попросил дядю на следующее утро пойти с ним и взять с собой счетовода Реджо и приказчика, и пусть прихватят с собой мешок с корой хинного дерева.

На все вопросы отвечал: «Увидишь!»

И теперь Иньяцио не верит своим глазам.

Машина — железный кожух, издающий шипение. Внутри, у нее под крышкой, вращается жернов.

Иньяцио кладет руку на крышку, смотрит на Винченцо, ожидающего от дяди ответа. Маурицио Реджо стоит рядом и тоже не скрывает удивления.

Винченцо делает знак механику-англичанину остановить машину. Иньяцио и Маурицио подходят поближе. Осторожно поднимают крышку. В темном чреве машины что-то мерцает, бросая отсвет на их лица. По комнате разносится запах хины. Размолотая кора по консистенции похожа на пепел.

— Ты писал мне, но я не думал, что она работает так быстро, — удивляется Иньяцио. — За полчаса она размалывает больше коры, чем пять рабочих за час. — Иньяцио смотрит на племянника. — В Англии все так работают?

— Да, на таких машинах. Потом англичане везут порошок хины в колонии. Смотри: помол очень чистый, осадок остается на дне, даже не требуется просеивать. Теперь нужно просто насы́пать в стеклянные банки, и он готов к продаже.

Маурицио растирает порошок между пальцами.

— Это невероятно, правда!

Винченцо смеется, закрывает крышку, чтобы сохранялись полезные вещества хины, велит работнику взять банки.

— Запечатай крышкой и поставь нашу сургучную печать. — Потом по-английски благодарит механика и объясняет дяде: — Я попрошу его обучить наших рабочих, прежде чем он вернется домой, в Лидс.

Все выходят на улицу. Стоит осенний денек, один из тех, когда солнце еще теплое, но уже не такое палящее, а в воздухе ощущается прохлада, приносимая морским бризом.

— Англия пошла тебе на пользу. И нам тоже. — Иньяцио берет под руку племянника. Он стал настоящим мужчиной, у него жесткие волосы, как у Паоло, и миндалевидные глаза, как у матери.

Джузеппина.

Она стареет, как и Иньяцио, но взгляд у нее все такой же дерзкий. Этот взгляд сразу очаровал его. Много лет они прожили рядом, Иньяцио заботился о ней.

Это все, что он может для нее сделать.

Иньяцио гладит кольцо матери. Паоло — мир его праху — давно уже нет. Всеми делами заправляют они с Винченцо.

Он мог бы найти себе женщину, которая дала бы ему любовь и нежность, с которой он мог бы, наконец, завести семью. Обрести немного счастья.

Но он остается с ними, с Джузеппиной и Винченцо.

Он сделал свой выбор. Он может спокойно сказать себе, что давно уже свел счеты с прошлым. И это не самообман. Не только чувство долга

движет им.

Его чувства к Джузеппине больше не имеют ничего общего со страстью. При мысли о ней ему вспоминается мягкость и теплота осенних вечеров, когда понимаешь, что лето позади и на пороге зима.

*** * ***

Они приходят в магазин почти в полдень.

— Когда ты написал мне из Лондона, что хочешь купить эту машину, я засомневался, но, увидев, как она работает, все понял. — Иньяцио размышляет вслух: — Если у нас будет расфасованная в банки хина, мы сможем продавать ее не только в Палермо, но по всей Сицилии.

— Вот и я так же подумал, дядя.

Маурицио проходит вперед, открывает перед ними двери магазина. Запах специй смешивается с морской свежестью, приносимой ветром из бухты Кала.

— И все-таки… по-моему, еще не время, Виченци, — говорит Иньяцио. — Люди к этому не готовы. Да и фармацевты будут наверняка недовольны.

Винченцо пожимает плечами.

— Ничего, со временем они поймут свою выгоду. Им придется приноровиться к новым обстоятельствам, — уверенно отвечает он, входя в магазин. — И мы им в этом поможем.

Все, кто находится в магазине, приветствуют их, Иньяцио пожимает протянутые ему руки, останавливается поговорить с приказчиком, а в голове у него вертится одна и та же мысль. Четыре года назад он получил разрешение на торговлю лекарствами. Разъяренных палермских фармацевтов, пришедших тогда к ним, удалось усмирить, помахав у них перед носом векселями… *Неужели настали другие времена? Возможно ли такое?* — задается вопросом Иньяцио, направляясь в кабинет.

Винченцо делает подсчеты, строит планы, сколько хины они смогут продать.

— Дядя, у нас уже есть разрешение на продажу медицинских порошков. Ни фармацевты, ни лекари не посмеют возразить. Мы до сих пор им не воспользовались, но, кажется, настало время…

Иньяцио ерошит поседевшие волосы.

— Ты знаешь, сколько коры хины покупают у нас фармацевты и по какой цене. Можешь себе представить, какую прибыль они получают,

продавая ее у себя в аптеках. Если мы начнем продавать порошок напрямую, это ударит их по карману. Только представь, какие будут последствия…

Племянник лишь пожимает плечами.

Иньяцио о чем-то долго размышляет, а потом говорит:

— Все-таки должно быть какое-то решение… нам нужно обезопасить себя. — Он барабанит пальцами по столу. — Позови Маурицио. Нужно подготовить письмо наместнику короля.

* * *

Проходят дни. Письмо наместнику составляется со всей тщательностью, почва прощупывается в разговорах, неформальных беседах.

Наконец Иньяцио и Винченцо идут на встречу с Пьетро Уго, маркизом Фаваре, вице-королем Сицилии.

Они долго ждут в приемной с высокими потолками, сидя на парчовых диванах вместе с другими просителями. Слуги посматривают на них с любопытством и презрением. Чего хотят эти босяки, разодетые в бархат? Зачем им понадобилось встретиться с наместником лично?

Иньяцио невозмутим. Он стал одним из самых богатых людей на Сицилии благодаря своему труду, в отличие от этих лакеев, чья удача лишь в том, что они родились у отцов, служивших при дворе. Винченцо же нетерпеливо ходит по комнате, заложив руки за спину, и возмущается всякий раз, когда видит, что в кабинет проходит кто-то из тех, кто пришел после них.

Увидев, что приглашают священника, Винченцо недовольно бурчит.

— Виченци… — Иньяцио поднимает на него глаза. — Успокойся.

— Но, дядя…

— Перестань. — Иньяцио указывает ему на свободный стул.

Кусая губы, Винченцо садится рядом.

Они ждут. День в Палермо идет своим чередом.

Маркиз Пьетро Уго принимает их ближе к вечеру.

Лакей в ливрее впускает их, затем возвращается на свое место, сливаясь со стеной.

Человек, сидящий за большим инкрустированным столом, снисходительно оглядывает вошедших. У него живой цепкий взгляд, высокий лоб, который кажется еще больше из-за лысины. Его глаза

останавливаются на Иньяцио. Он изучает его несколько секунд, прежде чем предложить сесть.

Иньяцио держит спину прямо, говорит негромко, перебирая пальцами документы. Он описывает машину, объясняет, что у них уже имеется разрешение на продажу лекарств.

— Но тогда чего вы хотите? Если у вас есть официальная бумага… — внимательно выслушав, спрашивает Пьетро Уго. — Как я понимаю, порошок хины — это лекарство. Разве он не входит в список, утвержденный медицинской канцелярией?

— И да и нет. До сих пор его продажа была прерогативой фармацевтов. — Иньяцио скрестил руки на груди. — Это сложный вопрос, ваше превосходительство. Мы ни на что не претендуем, медицинских навыков у нас нет, речь идет о сугубо экономической инвестиции. Однако мы не хотели бы оказаться в ситуации, не позволяющей нам использовать нашу машину из-за бюрократических преград.

— Понимаю. Значит, вам нужно специальное разрешение. — Маркиз трет подбородок, поросший скудной растительностью, мысли его где-то далеко. — Я попрошу своего секретаря изучить дело…

Винченцо опирается ладонями о край стола, говорит с жаром:

— Мы просим лишь о защите наших прав, ваше превосходительство. Мы хотим спокойно торговать, а эта машина позволит нам работать по-новому. Мы никому не служим и не хотим одолжений. Мы хотим, чтобы нам дали возможность работать.

Маркиз удивлен, словно только что заметил Винченцо.

— А вы кто будете, молодой человек?

— Винченцо Флорио, ваше превосходительство.

— Это мой племянник.

Два Флорио отвечают разом: Винченцо с гордостью, дядя — со смущением.

Маркиз переводит взгляд с одного на другого, в глазах вспыхивает радостный огонек.

— Огонь и вода, — тихо говорит он, откинувшись на спинку стула. — Знаете, сегодня у меня было много людей, они требовали денег, помощи, защиты, приходил даже священник, он хотел перейти в другой приход. Но никто, как вы, не просил у меня, чтобы ему дали возможность работать…

Он встает.

Иньяцио и Винченцо тоже. Аудиенция окончена.

Затем, как ни странно, маркиз протягивает им руку.

Когда они понимают, что протянутая рука — не для поцелуя, а для

рукопожатия, они удивлены еще больше. Лакей провожает их до двери. Уже на пороге они слышат голос маркиза:

— Вам сообщат!

* * *

Действительно в конце 1824 года им сообщают королевское решение.

Незадолго до Рождества в правление, ведающее выдачей разрешений на продажу того или иного товара, приходит бумага с королевской печатью.

Новость мгновенно облетает Палермо, кружит по лавкам продавцов пряностей и аптекам и, наконец, оседает на виа Матерассаи.

В конторе праздник: теперь они могут продавать порошок хины с маркой «Флорио» не только в Палермо, но и в Ликате, Каникатти, Марсале, Алькамо и Агридженто.

У всех в руках наполненные бокалы, а Маурицио Реджо поднимает бутылку:

— За Флорио и за тех, кто на них работает!

Иньяцио смеется, пьет. Это был хороший год: они не только получили лицензию на продажу, но совсем недавно приобрели на паях шхуну «Ассунта».

— Теперь у нас есть «Ассунта», чтобы развозить товар по всей Сицилии, — говорит Иньяцио с бокалом в руке. Пальцем другой руки он водит по карте острова, лежащей на столе. — Хина в склянках, запечатанная нашей сургучной печатью, будет отправляться на продажу каждый месяц.

Винченцо произносит еще один тост.

В это время в магазине слышится звук разбитого стекла, а следом — крики.

— Что происходит? — Иньяцио бросается туда, следом за ним Маурицио и Винченцо. Два перепуганных клиента бегут к дверям, оставив на прилавке уже упакованные заказы.

— Воры вы, воры! Негодяи! Кому вы заплатили, чтобы получить это разрешение?

Это Кармело Сагуто устроил погром у них в магазине. Франческо, старший приказчик, хватает его за грудки и пытается вытолкать прочь.

Под ногами Иньяцио хрустит разбитое стекло, на котором осела золотистая пыль: в банке была корица.

— В наш огород лезете? Хотите у нас последние крохи отобрать?

Негодяи! — кричит Сагуто. — Что, вмиг учеными стали? Лекарства разрешено продавать только тем, кто учился на фармацевта. Продавать порошок хины вздумали, неучи? Признавайтесь, кому вы заплатили за разрешение?

Иньяцио осторожно подходит ближе.

— Мы получили разрешение на продажу лекарственных порошков еще четыре года назад, — тихо говорит он. — Вы помните? У нас все бумаги в порядке. Почему вас это удивляет?

— Хина в порошке! Что еще за машина? Племянничек ваш из Англии притащил?

— Что вы имеете против? — Винченцо рванулся было вперед, но дядя его останавливает.

— А, вот и щенок затявкал! — смеется Сагуто, вытирая рот рукавом. Смотрит на всех злобно, свирепо. — Конечно, я помню. У вас же есть векселя?

Иньяцио молчит. Он чувствует, как Винченцо рядом дрожит от гнева, и говорит, стараясь сохранять спокойствие.

— Это механические жернова, дон Сагуто. Они делают то же, что и работники, растирающие кору в ступке, но быстрее и лучше. — Иньяцио хочет, чтобы этот человек поскорее ушел.

— Объясняйте это глупцам, которым вы собираетесь продавать свой порошок. У машины нет глаз, она все перемелет. Знаете, что? Пожалуйста! Продавайте! Это вас же и погубит, ведь, как только станет понятно, что вы мошенники, никто больше не захочет покупать эту дрянь. — Он сплевывает на пол. — Делайте свое черное дело, вы прекрасно это умеете!

Руки Иньяцио невольно сжимаются в кулаки.

— А вот так с нами не надо, — говорит он ледяным тоном, указывая на дверь. — Убирайтесь!

Сагуто презрительно смеется. Франческо подталкивает его к выходу.

— Идите, идите…

— Не трогай меня, деревенщина! — кричит Сагуто. Поправляет развязавшийся галстук, хочет щегольнуть элегантностью, которой в нем нет.

Взгляд Кармело Сагуто скользит мимо Иньяцио и упирается в Винченцо.

— Я уйду, конечно! Заработайте вы хоть все деньги на свете, все равно останетесь тем, кем вы были! Я в этом еще раз убедился.

— Убирайтесь, вы слышали?!

Винченцо стоит рядом с дядей, уперев руки в бока.

— Нет, нет, подожди. Пусть он скажет. Так кем мы были?

— Вошь разбогатевшая! — шипит Сагуто. — Босяками родились, босяками и помрете.

Повисла напряженная тишина.

Кулак Винченцо взлетает так быстро и неожиданно, что Сагуто не успевает уклониться. Удар приходится прямо промеж глаз, в переносицу. Он падает на пол.

Винченцо хватает его за шиворот, волочет к дверям и выталкивает из магазина на улицу. Сцепив зубы, избивает Сагуто прямо на виа Матерассаи, методично, жестоко.

Франческо, Иньяцио и Маурицио Реджо не могут их растащить. Сагуто сопротивляется, бьет Винченцо кулаком в глаз.

Но Винченцо молод, проворен. Удар головой в живот — и Сагуто летит в придорожную пыль.

— А ну, хватит! — кричит Иньяцио и встает между дерущимися, а Маурицио и Франческо теснят Винченцо к дверям магазина. — Быстро, заходи! — приказывает он племяннику, который тяжело дышит и весь дрожит от гнева. Затем поворачивается к лежащему на земле Сагуто. Брюки у того перепачканы, куртка порвалась. Винченцо порядком изметелил его. — Я вас не трону, Сагуто, только из уважения к себе. Вы трус, Сагуто. Всю жизнь вы и Канцонери плюете ядом в нас, Флорио. Вы оскорбляете нас, изводите насмешками. Но довольно! Слышите? Хватит! Вам конец. Вы — пустое место. Если мы босяки, то и вы тоже. Я и моя семья, мы поднялись из низов, мы своими руками сделали это, — он кивает на магазин. — А что сделали вы? Кем были, тем и остались. Жалкий прихвостень Канцонери — вот вы кто! А теперь убирайтесь и не вздумайте приходить сюда никогда, даже с извинениями.

Иньяцио заходит в магазин, не удостоив взглядом ни Сагуто, ни собравшихся зевак. Он шумно дышит, у него гулко колотится сердце, дрожат руки.

Его встречают испуганные лица приказчиков и Франческо.

— Возвращайтесь к работе, — говорит им Иньяцио. Идет в кабинет, оттуда доносятся ругательства. Маурицио усадил Винченцо, приложил к его скуле мокрую тряпку.

— Я послал мальчика за льдом на виа Аллоро, — говорит Маурицио. Он снимает тряпку, кладет вместо нее другую, холодную. — Каков негодяй! Приходит сюда и оскорбляет честных людей!

Иньяцио смотрит на племянника, сидящего у стола.

— Покажи, — говорит он. Под глазом у Винченцо багровеет

кровоподтек.

Винченцо не жалуется. Молчит и смотрит прямо перед собой. На помрачневшем лице не злость и не ярость. Что-то другое — темное и непонятное.

— Ступай, Маурицио. Я побуду здесь, — говорит Иньяцио.

Реджо вздрагивает, услышав ледяной металлический тон.

Прежде Иньяцио так не говорил с ним.

Дядя остается с племянником наедине.

Иньяцио подходит к Винченцо. Его рука дрожит. Он хотел бы ударить его, чего в жизни не делал, но вместо этого говорит тихим, сдавленным от гнева голосом:

— Никогда не распускайся, слышишь? Никогда не показывай, что уязвим. Не реагируй на оскорбления. Никогда.

Тяжелое угрюмое выражение на лице Винченцо сменяется горечью.

— Это было невыносимо. Меня охватила ярость, я ничего не мог с этим поделать.

— Думаешь, я не знаю, как нас называют? Что для них мы были и остаемся босяками? — Иньяцио пожимает плечами, повышая голос. Он всегда умел себя контролировать, всегда был скуп на эмоции, на жесты. — Двадцать лет они смеются за моей спиной, усложняют мне жизнь при любом удобном случае. Что ты знаешь о товаре, который тебе подсовывают в последнюю минуту, о чиновниках, которые заставляют тебя ждать, а другие в это время проходят без очереди? Сначала они поступали так потому, что положение у нас с твоим отцом было отчаянное; потом — потому, что мы встали на ноги, у нас не гнушались покупать товар даже дворяне. Они думали, что нам просто везет, не представляли, как мы горбатились. Думаешь, я не знаю? Они считают, что мы поднялись из грязи. Но я не такой, как они, и ты тоже. Теперь все изменилось. Они сплетничают про нас, потому что… Слушай внимательно, Виченци: они нам завидуют. Они испытывают злобу и страх, злоба их выжигает. Только деньги, которые ты заработаешь, ты сможешь им предъявить, потому что этими деньгами измеряется их провал. Не кулаки — кулаками как раз решают спор босяки. Факты должны говорить вместо тебя. Запомни.

Винченцо рывком встает. От внезапного головокружения снова садится. Дядя Иньяцио никогда не говорил с ним на эту тему откровенно.

— Но тогда не… Ты…

— Спокойствие, Виченци. Нужно уметь держать себя в руках. Я всегда помнил об этом. — Он стучит себя по лбу. — Все записано здесь. Я не забыл ничего, помню все обиды. Никогда не показывай им, что злишься,

потому что ярость может сыграть с тобой злую шутку. Эти люди думают своим нутром. Мы — нет. Кожа у тебя должна огрубеть. Не слушай никого, всегда иди своим путем.

Они смотрят друг на друга.

— Ты меня понял?

Винченцо кивает.

— Тогда вернемся к работе.

Иньяцио садится за стол. Не обращает внимания на боль в груди и одышку. Берет бумагу, перо, потом откладывает его в сторону. Он смотрит на племянника, тот сидит, уронив голову на руки.

Винченцо не его сын только потому, что не его семя породило его. Что до остального, Иньяцио отдал ему всю душу. Отцу всегда хочется избавить сына от страданий и разочарований, даже если он понимает, что трудности помогут ему вырасти, стать сильнее. *Опериться*, как говорят старики в Палермо.

Он смотрит на Винченцо и чувствует, как сжимается сердце. Он хотел бы взять себе его боль, но это невозможно. Таков закон природы, тот же самый, что определяет смену дня и ночи, времен года: каждый должен вынести в жизни свои страдания.

* * *

Винченцо лежит на кровати, смотрит на освещенный луной потолок. Скула болезненно пульсирует.

За окном полощутся на ветру развешанные простыни.

Винченцо ворочается в постели.

Его назвали босяком.

В памяти всплывает образ Изабеллы Пиллитери.

Ее мать, эта мегера, тоже назвала его босяком, деревенщиной. Вот почему он не выдержал, набросился на Сагуто. Если бы его не оттащили, Сагуто настал бы конец.

Изабелла.

Воспоминание о ней больше не причиняет боль. Остался лишь стыд, да, и желание отомстить. Но ее больше нет. Она — тень, призрак, затерявшийся в юности. Недавно он прочитал в газете о ее браке с маркизом на двадцать лет старше ее.

Этого не случилось, потому что не могло и не должно было случиться.

Голос Иньяцио звучит у него в ушах. Он морщится, и тень от белья, колыхаемого ветром, кажется, отвечает ему.

У Винченцо свои отношения с гневом.

Он сидит у него в груди много лет. Растет, как ребенок.

Молния разрезает ночь. Собирается дождь.

Он не похож на дядю, у того есть терпение, самообладание, мужество.

Мужество, да, кажется, у него тоже есть. А терпение? Самообладание? Он ощупывает вспухшую скулу. Над этим придется поработать.

Ему двадцать пять. Он мужчина. Он все еще спит в своей детской на кровати с расписным изголовьем.

Он много учился, путешествовал. Он носит одежду хорошего покроя. Он всегда считал, что его семья пользуется уважением, — вероятно, так и есть, но далеко не у всех имя Флорио в почете.

И это его возмущает. Он вдруг осознал: что бы он ни делал, как бы ни старался, он несет на себе первородный грех своего происхождения, в котором не виноват.

На виа Матерассаи, в переулках района Кастелламмаре, они — Флорио: купцы, посредники, торговцы колониальными товарами оптом и в розницу, люди уважаемые, когда речь идет о том, чтобы посоветовать партию товара или написать рекомендательное письмо.

Но портовый район Палермо — это город в городе, он имеет мало общего с тем, что находится за пределами виа Кассаро, широкой улицы, которая, пересекаясь у площади Кватро-Канти, жемчужины барокко, с виа Македа, прорубленной испанским вице-королем, делит город на четыре района: древний Кальсу, теперь — район Трибунали; Альбергерию, где находится королевский дворец; Монте-ди-Пьета с рынком Капо и, наконец, Кастелламаре, где живет он, старый квартал Ла-Лоджия.

Он бьет рукой по кровати. На улице дождь хлещет по стеклам.

Он снова видит эти надменные лица, бросающие ему вызов, ждущие, что он опустит голову, уступит.

Обычно он отворачивается от них. Но нет, хватит! Он будет держать голову прямо, как дядя, который превратился в камень и больше не смотрит никому в лицо.

Пусть они подавятся своим высокомерием — и такие, как Сагуто, и аристократы, как Пиллитери. Все.

Он клянется себе, скрепляет обещание печатью гнева.

Нужно только запастись терпением.

* * *

В соседней комнате стоит Иньяцио. Смотрит в окно на грозу.

Он слышит стук. Оборачивается и видит на пороге Джузеппину. Волосы у нее распущены, глаза опухли от слез.

— Если бы не ты, неизвестно, как все обернулось бы. Сколько раз ты выручал его из беды… — Она говорит тихо, голос ее заглушают раскаты грома. — Ты воспитал его, как собственного сына. — Она глотает гордыню и слезы. — Паоло вел себя совсем по-другому.

Иньяцио озадачен. Ему кажется, Джузеппина все еще злится на то, как сложилась ее жизнь, что муж — и судьба — не дали ей возможности выбора, и, возможно, так будет всегда.

И все же.

— Я люблю Винченцо. — *И тебя,* говорят его глаза. *Я здесь, всегда рядом.*

Джузеппина кивает. Она хотела бы сказать ему многое, но не решается. Потому что обида — это каменная стена между горлом и душой. Это ее защита, оправдание ее несчастья.

* * *

Весенний воздух теплый. Пахнет морем и кровью. Стоит май 1828 года.

Иньяцио смотрит на тунцов, их выгружают один за другим. Глаза у рыб большие, блестящие, как будто изумленные. Серебристая кожа разорвана гарпунами.

На дне черной лодки ждут выгрузки огромные рыбины. Их затащат внутрь тоннары — фабрики по переработке тунца, где перед тем как разделать туши, их подвесят за хвост, чтобы стекла кровь и прочая жидкость.

Иньяцио оборачивается, ищет глазами Иньяцио Мессину. Тот разговаривает с распорядителем на тоннаре, на местном языке эта должность называется *раис*.

Иньяцио Мессина — их новый секретарь, его наняли после того, как ушел Маурицио Реджо. В последние годы работы прибавилось, и Маурицио уже не справлялся с делами, но Иньяцио не хотел выставлять его за дверь после стольких лет добросовестной службы. В конце концов он

решил уйти сам — к всеобщему облегчению, ведь торговому дому «Флорио» нужны люди энергичные и знающие.

Иньяцио Мессина — человек бывалый, он сразу понравился Иньяцио Флорио. Он не молод, но полон сил и энергии. Его спокойный взгляд, кажется, проникает в самую суть вещей.

Секретарь догоняет Иньяцио, вид у него довольный.

— Все прошло прекрасно. Я велел дону Алессио зайти завтра в контору и забрать деньги для него и для экипажа.

— Хорошо, — отвечает Иньяцио. Он подносит руку ко лбу козырьком, прикрывая глаза от солнца. Рыбаки заканчивают разгрузку. Кто-то идет с ведрами за водой, чтобы смыть с пристани кровь, кто-то убирает мусор.

Берег отсюда виден почти до Мадоние.

Можно разглядеть бухту Кала и Палермо, его купола из майолики и охру стен. Иньяцио вспоминает, какое волнение охватило его, когда они приплыли в этот шумный, многообещающий город много лет назад.

Менялась жизнь, росло их дело, и вместе с ним рос Винченцо. Теперь даже боль от потери Паоло перестала ощущаться так остро. Только грусть, застрявшая в груди, время от времени дает о себе знать, и тогда становится трудно дышать.

Иногда он скучает по брату, это правда, но куда сильнее он сожалеет о прошлом, о том, чего не вернуть. Он вспоминает сильное тело Паоло, надежду, вдохновение, даже страсть безнадежной любви, которая позволяла ему чувствовать себя живым.

Он скучает по тому, кем он был.

Скучает по морю.

Острая боль в подреберье напоминает ему об утратах. Смутная грусть от потери чего-то важного охватывает и тогда, когда он чувствует крен лодки под ногами или вспоминает, каким свободным он ощущал себя на баркасе тридцать лет назал.

Он так любил море и ветер, но пришлось полюбить землю и дело.

Внезапно боль, душевная боль, перерастает в физическую, дышать становится тяжело. Все плывет перед глазами. Прикрыв веки, он опирается на плечо Иньяцио Мессины.

Такое с ним уже случалось.

— Что с вами, дон Иньяцио?

Боль ослабевает, головокружение проходит.

— Усталость, — небрежно машет он рукой.

— Вы слишком много работаете. Всего себя отдаете. Вам бы отдохнуть! — Секретарь искренне обеспокоен. — Ваш племянник хорошо

ладит с клиентами. Вы могли бы…

— Сам знаю, — перебивает его Иньяцио неожиданно резко.

Секретарь замолкает.

Они медленно идут вдоль стены тоннары.

— Мне всегда нравилось это место, — тихо говорит Иньяцио, и ветер уносит его слова. — Еще недавно, когда я взялся управлять этой тоннарой, она была убыточной. Рыбы ловили мало, англичане ушли, денег не было. Прошло несколько лет… — он щелкает пальцами, — и все изменилось.

— Время пришло. В этом году море было щедрым. — Секретарь кивает головой в сторону здания, откуда доносятся голоса, мерные удары, скрип цепей. — Можем засолить тунца, чтобы продавать на континенте.

— Ну да.

Иньяцио прислоняется к стене. У его ног — черная вода и камни; впереди — солнечные блики.

Чередование светлых и темных времен, к которым ему приходилось приспосабливаться, — вот что такое его жизнь. У него все получилось, быть может, потому, что он стал тем, кем не был.

— Нужно вернуться на виа Матерассаи. У меня еще дела. — Он отрывается от стены.

— Но, дон Иньяцио, уже полдень. Мы доберемся до города только к вечеру!

— Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня! Меня ждет Винченцо, нужно закончить одно дело.

Он садится в экипаж. В последний раз смотрит на море у тоннары в Аренелле, смотрит с тяжелым сердцем, с тоской и сожалением.

* * *

18 мая 1828 года Иньяцио открывает глаза. Солнечный луч пробивается сквозь закрытые ставни окна, выходящего на виа Матерассаи: яркая полоска света — предвестник лета, как и ласточки, что щебечут под крышей.

Он устал. Ночь была ужасной. Так и не удалось заснуть. Уже долгое время его мучают боли в желудке. Бывает, он не ест ничего, кроме хлеба и фруктов.

Вставать не хочется, но надо. Опираясь на матрас, он пытается подняться, чувствует головокружение, откидывается на подушки. Левая рука болит, но это нормально, ведь он часто спит на левом боку.

Отдышись, подожди.

Незаметно он впадает в дремоту.

Просыпается через час. Зовет прислугу. Шаркая тапками, приходит горничная Олимпия.

— Здесь я!

Олимпия распахивает ставни. Солнце врывается в комнату, освещает скомканную постель.

— Дон Иньяцио, что с вами? Матерь Божья, вы бледный, как полотно!

Иньяцио душит приступ кашля, он с трудом садится.

— Ничего страшного, живот немного болит. Приготовь мне отвар лаврового листа с лимоном. — Он растирает грудь. Желудок, кажется, закипает.

Олимпия собирает разбросанную одежду: накануне у него не было сил ее повесить. Горничная аккуратно складывает брюки и продолжает болтать:

— Ваш племянник приходил проведать вас. Волновался, бедняжка. Увидел, что вы спите, решил дать вам отдохнуть. Он сейчас в магазине. А теперь обождите минутку, я сделаю вам отвар с лавровым листом.

Олимпия уходит. Иньяцио опирается о стул, чтобы встать. Стоя дышится лучше.

Пьет отвар, бреется, одевается. Руки не слушаются.

Вот и прошла молодость, думает он, глядя в зеркало. У него опухшие веки, седые волосы, ослабевшие руки. Время — кредитор, который не принимает долговые расписки.

Из кухни доносится голос Джузеппины. Должно быть, ходила на рынок. Она говорит, что любит сама ходить за покупками. Но Иньяцио-то знает, что на самом деле она не доверяет горничным.

Он завязывает галстук, на пороге появляется Джузеппина.

— Олимпия сказала, что тебе плохо. Мы с Винченцо подумали…

— Я в порядке, — перебивает он слабым голосом. Надевает куртку, но движение руки причиняет невыносимую боль в левом предплечье. Он теряет равновесие.

Она пытается его поддержать, они вместе оседают на пол. Впервые за много лет Иньяцио и Джузеппина так близко. Он чувствует ее запах; она чувствует, как ему плохо.

Сердце стучит громко-громко. Боль в груди вспыхивает внезапно.

Иньяцио падает, увлекая за собой Джузеппину, керамический таз с водой тоже летит на пол. Кругом вода и осколки.

— Олимпия! — кричит Джузеппина. — Олимпия!

— Дон Иньяцио, пресвятая Мадонна! Как же так? — Горничная

хватается за голову.

— Помоги мне уложить его в постель.

Иньяцио без сознания, его тело сотрясается в конвульсиях.

— Зови Винченцо! Беги в магазин, скажи, чтобы мигом сюда!

— Беда, беда! — причитает Олимпия. — Ой, что же будет! — Ее плач — как предвестник неминуемой катастрофы.

И Джузеппина плачет. Лицо Иньяцио становится восковым. Она прижимает его к груди, убирает волосы со лба. Расстегивает воротник, срывает галстук.

Что же это? Он не может умереть, он всегда был, он…

— Иньяцио! — зовет она и плачет. — Мой Иньяцио!

Джузеппина не может сдержать рыданий.

Чувствует, как дрогнула его рука в ее руке.

Иньяцио открывает глаза, их взгляды встречаются. Он разжимает пальцы, касается ее щеки.

И Джузеппина вдруг все понимает. Понимает, что теряет самое дорогое. Понимает, что была сказочно богата, хоть и не осознавала этого.

— Дядя! — Винченцо бросается в комнату, опускается на пол рядом с Иньяцио. — Дядя, что с тобой?.. — Он кладет руку ему на грудь, а Джузеппина продолжает крепко держать его в объятиях, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Дядя! Нет! Нет, нет! — кричит Винченцо. Дядя не может умереть вот так, оставить его одного. Как он будет жить дальше?

Иньяцио смотрит на Винченцо, по губам пробегает тень улыбки.

В этот момент сердце его перестает биться.

*** * ***

Иньяцио Мессина официально сообщил нотариусу Серретте о смерти Иньяцио Флорио. Нотариус приехал на виа Матрассаи на следующий день после похорон, чтобы огласить завещание.

В гостиной, где собралось множество родственников из Баньяры и служащих дома Флорио, нотариуса принимает Винченцо. В углу, в траурных одеждах, сидит Джузеппина. Она постарела в одночасье. Где теперь ее боевой дух и суровость? Лицо потемнело от слез. Она часто заходит в комнату Иньяцио, проводит рукой по кровати, тяжело вздыхает и выходит.

Вместе с нотариусом Серреттой родственники и служащие

усаживаются за стол. Все, кроме Винченцо, — тот остается стоять у окна, смотрит на улицу. Руки скрещены на груди, лицо непроницаемо.

Майское солнце пляшет на стенах, на старых фламандских гобеленах, на коврах, купленных у капитанов кораблей, приплывших с востока, на мебели из черного дерева и ореха. *Все это выбирал Иньяцио*, думает Винченцо.

Благодаря ему за тридцать лет многое изменилось: их маленькая лавка превратилась в большой торговый дом. Они стали теми, кем стали.

Флорио из Палермо.

И его, Винченцо, он воспитал мужчиной.

Нотариус называет цифры, доли в наследстве, завещанные племянникам из Баньяры, содержание для сестры Маттии и ее детей.

Винченцо как будто застыл.

— Вы слышали, что я сказал, дон Винченцо?

Дон Винченцо. Все глаза устремлены на него. Теперь он глава семьи.

Нотариус Серретта ждет.

— Да, — отвечает Винченцо.

Он знает завещание дяди наизусть. Несколько лет назад они составили два похожих документа, в которых один передавал наследство другому. Но есть один пункт, который Иньяцио добавил недавно. Это знак, послание. Когда нотариус зачитывает этот пункт, Винченцо, кажется, чувствует, что Иньяцио где-то здесь, рядом.

— Компания должна работать под тем же именем — Иньяцио и Винченцо Флорио.

Он молча подписывает вступление в права наследства. Пожимает нотариусу руку. Целует в лоб плачущую мать. Подходит к Иньяцио Мессине.

— Займись документами. Увидимся в магазине.

И выходит из дома.

Ноги сами несут его.

Опустив голову, он решительным шагом направляется в бухту Кала. Доходит до конца пирса.

Садится на камни, как тогда, когда умер его отец.

Теперь *мы* одни, сказал он тогда дяде Иньяцио.

Теперь *я* один, думает Винченцо.

Слеза течет по щеке.

Сера
Апрель 1830 — февраль 1837

Нет муки сильнее, чем желать и не получить.

Сицилийская пословица

В 1830 году на престол Королевства обеих Сицилий вступает двадцатилетний Фердинанд II, который благосклонно относится к проведению социальных и экономических реформ. Введены налоговые послабления, начато восстановление инфраструктуры. Королевство Бурбонов поощряет развитие наук и технологий: набирает силу металлообрабатывающая промышленность, строительство железных дорог и современных военных кораблей. Создается первая в Италии пенсионная система и первая электрическая сеть для уличного освещения. Кроме того, регулируется добыча и сбыт серной руды, что приводит к открытому столкновению между французами и англичанами, решительно настроенными покупать серу по цене ниже рыночной.

В 1830–1831 годах революционные волнения потрясают Францию (на троне утверждается Луи-Филипп Орлеанский, конституционный монарх) и Бельгию (она добивается независимости). В июле 1831 года в Марселе Джузеппе Мадзини создает подпольную организацию «Молодая Италия», которая борется за независимость Италии от иностранных государств, объединение нации, учреждение республики. Однако все восстания, организованные сторонниками Мадзини в 1833-м и в 1834 году, потоплены в крови.

Сера. По-сицилийски — *сурфару*.

Золото дьявола.

Камни, высекающие огонь.

Про́клятое богатство торговцев.

Сокровище, которое оказалось прямо под ногами у латифундистов и которым они веками пренебрегали. Из-за него ничего не росло, почва была непригодной даже под пастбища из-за исходящих от земли испарений.

Теперь под землей прорыты извилистые коридоры. Дети и мужчины, один за другим, как муравьи, выползают из-под земли с тяжелыми

корзинами, полными желтых комьев, срывают себе спины.

Серная руда, собранная в мешки, взвешивается и готова для продажи.

Ее грузят на корабли и отправляют в другие страны Европы: главным образом во Францию и в Англию, где ее перерабатывают. Отправляется она в том числе и в Северную Италию.

Серу плавят в специальных печах, где под действием тепла и пара она превращается в купоросное масло — ценную серную кислоту, необходимую для производства красителей, поэтому она пользуется большим спросом на химических заводах, растущих по всей Европе.

Дьявольское золото способствует обогащению. Обеспечивает достаток, дает работу. Везде. Только не на Сицилии.

Но сицилийцы этого не понимают.

Не все, разумеется.

* * *

Солнце уже взошло. Свет его теплый, мягкий, как обычно бывает весенним утром. Стоит апрель 1830 года.

На виа Матерассаи жизнь уже вовсю кипит.

Джузеппина берет печенье *трикотто* и макает его в молоко. В чашке плавают крошки.

— Вернешься к обеду, сынок?

Винченцо не отвечает. Серьезный, в темном сюртуке, начищенных сапогах, он погружен в чтение сообщения, которое ему доставил посыльный.

— Ты слышал, что я спросила?

Жестом он просит мать помолчать. Потом, вдруг скомкав письмо, швыряет его на пол.

— Проклятье!

— Что такое? — Джузеппина подходит к нему. — Что стряслось?

— Так, ничего. Не берите в голову.

Улучив момент, Олимпия заходит в гостиную.

— Ну что, могу я убрать чашки? — спрашивает она монотонным певучим голосом. Видит, что хозяин не в настроении, хозяйка чем-то обеспокоена, и улыбка сходит с ее губ. Она собирает посуду и бесшумно исчезает.

Джузеппина проявляет настойчивость:

— Что было в письме?

Винченцо преследует тревога в ее голосе. Черное платье шуршит, словно рассыпанный по полу песок.

— Ничего, я же вам сказал. — Он берет пальто и целует мать.

— Но…

— Успокойтесь, займитесь своими делами.

Джузеппина остается стоять, прижав руки к груди. Винченцо, плоть от плоти ее, давно ей не принадлежит. Для нее нет места в его мужском мире, где только деньги, товары, сделки. Единственный человек, который заботился о ней, умер почти два года назад. А она состарилась.

Джузеппина медленно опускается на стул. На сердце у нее тоскливо.

* * *

Винченцо открывает магазин, как делал и его дядя. Вскоре приходят работники. Чуть позже появляется Иньяцио Мессина, он уже побывал в бухте Кала и узнал последние новости.

Винченцо приветствует каждого невнятным бурчанием. Зовет секретаря. Тот внимательно смотрит на него и все понимает:

— Что-то случилось, дон Винченцо?

Винченцо садится за стол, за которым когда-то работал дядя Иньяцио.

— «Анна» пропала.

— Пресвятая Мадонна! Как? — Секретарь бьет себя по лбу рукой. — Как это случилось?

— Пираты. Из Бразилии корабль вышел дня три назад. Вероятно, за ним следили уже давно, и, едва он взял курс на Европу, его тут же атаковали.

— Боже праведный! — восклицает Мессина. — Эти мерзавцы будут требовать выкуп. Убитые есть? Кого-нибудь ранили?

— Кажется, нет. По крайней мере, если верить тому, что написано в утренней депеше. — Винченцо откинулся на стуле. — Канальи! Европейский корабль без сопровождения впервые оказался в тех краях — конечно, его заприметили.

— Да, возможно… Только этого еще не хватало, вот беда! Но давайте посмотрим на ситуацию с другой стороны. Вы правильно сделали, что наняли капитана Милоро: он один из тех, кто знает, как действовать в сложных ситуациях, и за него надо крепко держаться. — Секретарь кладет локти на стол. — Мы доплыли до Бразилии сами, не зная путей американских клиперов, без помощи англичан. Вот что важно. Нет худа без

добра, дон Винченцо.

— Милоро знаком с морским делом, он прошел хорошую подготовку. Не юнга. — Винченцо барабанит пальцами по столу, на котором разостлана географическая карта Атлантического океана. — За груз я не беспокоюсь. Да, это огромная потеря, но он был застрахован. Важно, что теперь мы можем покупать кофе и сахар в колониях без посредничества англичан и французов. А значит, и наши продукты, оливковое масло и вино например, могут продаваться в Америке.

Винченцо улыбается, но это горькая улыбка. Даже если случилось несчастье, путь в Америку открыт. Теперь он может торговать с американцами и не только. Может доплыть до Америки на своих кораблях, со своими товарами, как давно делает Бен Ингэм, который даже вложился в строительство железных дорог, тянущихся с восточного побережья Соединенных Штатов на запад.

Мессина бросает взгляд в сторону коридора, как будто видит там Палермо, что только и ждет пищи для сплетен и пересудов.

— Но как только об этом узнают…

Винченцо встает. Потирает дядино кольцо, которое он снял с его руки перед похоронами. Он думает о том, что дядя Иньяцио был бы доволен, узнав, что их замысел — отправить корабль в Америку — удался, хоть и старался бы скрыть восторг под маской бесстрастия.

— Как только всем станет известно об этом, глупцы обрадуются, что мы остались без товара. А умные захотят последовать за нами. — Он идет к выходу. — Потом подадите заявление в страховую компанию. А сейчас поедете со мной.

— Куда?

Секретарь торопливо подхватывает папку с документами. Бежит за Винченцо по коридору. Иногда он не поспевает за этим человеком.

— На тоннару.

* * *

Торговый дом Иньяцио и Винченцо Флорио богаче всех в Палермо. Солидный доход приносит торговля специями и колониальными товарами, участие в деятельности страховой компании, основанной палермскими и иностранными коммерсантами, и долевая собственность на различные морские суда, в том числе торговые. Он управляет тунцовыми фабриками в Сан-Никола-д’Арена и Верджине-Мария, что недалеко от Палермо, а с

недавнего времени и тоннарой в Изола-делле-Феммине. Вложения стали приносить прибыль спустя несколько лет бездоходной работы.

Но самая важная для Винченцо тоннара находится в районе Аренелла, на окраине Палермо. Это предприятие — единственная, настоящая, безграничная страсть Иньяцио, арендовавшего его еще тогда, когда ловля тунца была делом убыточным.

«Ничего не поделаешь — любовь», — говорил дядя.

В это место безрассудно влюбился и Винченцо, захотев обладать им, как стремятся обладать телом женщины. Так бывает, когда любовь живет, разрастается, пока не заполнит тебя целиком, — такая любовь длится потом всю жизнь.

Иньяцио Мессина выходит из экипажа, за ним Винченцо. Он идет быстрым шагом, обгоняя опирающегося на палку секретаря. Проходит *марфараджу*[7] через ворота, — зданию, выкрашенному в черный цвет, как и рыболовные суда.

Заходит в помещение для хранения лодок, где кипит работа. Слышны мужские голоса, крепкий запах моря и водорослей. Рыбаки готовятся выйти в море на забой тунца.

— Дон Флорио! — Босой рыбак идет ему навстречу. — У меня для вас записка от его светлости. Он ждет вас внизу, где навес из парусины.

— Спасибо. — Винченцо делает знак Иньяцио Мессине, чтобы тот шел следом.

— Барон? — удивляется секретарь.

— Да. Меркурио Наска ди Монтемаджоре. — Винченцо идет мимо группы рыбаков, которые чинят сети для предстоящей ловли: тунец заходит в Средиземное море на нерест. — Он владеет тоннарой на паях с монастырем в Сан-Мартино-делле-Скале.

— Да, знаю, что он — один из владельцев… Но почему он хочет встретиться с вами здесь? Я имею в виду, странно, что дворянин просит вас о встрече на фабрике.

Они проходят мимо рыбаков, конопатящих лодки. Винченцо, который выше низкорослого Мессины, оборачивается, смотрит на него. В воздухе — запах смолы и дегтя.

— Попробуйте угадать, что нужно барону от меня, торговца?

— Только одного.

— Точно. — Винченцо наклоняется к секретарю. — Несколько дней назад Наска ди Монтемаджоре прислал мне свою визитную карточку, попросил о встрече. Подальше от чужих глаз.

— Так значит, слухи о нем…

— Верные. Он идет ко дну. Я погасил часть его векселей, и он узнал об этом. Поэтому и хочет встретиться: думаю, ищет, кто из нас, простых смертных, мог бы ссудить его деньгами.

На мощенном булыжником причале белый навес ярким пятном выделяется на синеве моря.

Барон сидит за простым столом. Он уже не молод, одет в изрядно поношенный старомодный фрак с вышитыми лацканами, из-под которого выглядывает рубашка, отороченная кружевом. За его спиной стоит слуга в ливрее, а рядом — представительный господин, возможно, его поверенный. На берегу у навеса — обрывки сетей и старые ржавые якоря.

— Синьор Флорио… — В голосе снисхождение, как у монарха, дающего аудиенцию. Так и есть, барон подает руку, ожидая, что простолюдин почтительно припадет к ней. Винченцо с силой пожимает ее. Барон недоуменно сжимает руку в кулак, кладет ее на живот.

Винченцо садится, не дожидаясь приглашения. Обращается к лакею:

— Еще один стул для моего секретаря, пожалуйста.

Лакей приносит.

Лоб у барона покрылся бисером пота. Странно, ведь в апреле еще не жарко.

— Итак… — барон делает паузу.

— Итак, — повторяет Винченцо с бесстрастным выражением лица.

Поверенный что-то шепчет на ухо барону, тот кивает с видимым облегчением и жестом просит его продолжать.

— Его светлость хочет просить вас о помощи. — Поверенный произносит слова, глотая гласные, так говорят в центральных областях Сицилии. — Барон понес непредвиденные расходы из-за неблагоприятного стечения обстоятельств, и ситуацию усугубляет предстоящее благоустройство палаццо Монтемаджоре. В данный момент он находится в весьма затруднительном финансовом положении и испытывает временные трудности с наличностью…

— Одним словом, у него закончились деньги, — Винченцо обращается напрямую к барону, который не отрывает взгляда от моря. — Прекрасно вас понимаю. Моя предпринимательская деятельность также сопряжена с немалым риском. Я очень хорошо представляю себе, о чем вы говорите, *синьор*.

Барон прокашливается. Хрипло произносит:

— Буду с вами начистоту, синьор Флорио. Я нуждаюсь в деньгах, да. Поэтому и попросил вас о встрече здесь. Мне показалось неуместным обсуждать дела в моем палаццо.

Винченцо не отвечает.

Молчание становится соленым. Сухим и горьким.

— Сколько? — спрашивает Мессина.

Поверенный колеблется.

— Как минимум, восемьсот унций. Его светлость готов предложить в качестве гарантии свою долю собственности в тоннаре.

Он вытаскивает из кожаного портфеля документы и протягивает их Иньяцио Мессине, который тут же принимается их читать.

— Нам нужно несколько дней, чтобы оценить соотношение займа и предложенной гарантии, — выдает, наконец, Мессина.

В голосе барона слышится страх и стыд:

— Я… У нас огромные траты и… Обстоятельства вынуждают меня просить вас принять решение не позднее, чем завтра.

— Завтра? Не думал, что вы в таком плачевном положении. — Удивление Винченцо кажется искренним. Он поворачивается к Мессине, но тот качает головой, кивая на бумаги: слишком мало времени. — Видите? Мой секретарь тоже считает, что это невозможно. Нужна как минимум неделя, чтобы оценить ваши гарантии.

Винченцо первым встает и прощается:

— Вы узнаете ответ через неделю. Доброго дня, синьоры.

Барон тянет к нему руку:

— Подождите! — Хватает за рукав поверенного, теребит его. — Нет! Ради всего святого, нет! — Он почти кричит: — Будет слишком поздно, скажите ему!

Поверенный пытается успокоить барона, пока Мессина в растерянности собирает документы, кивает в знак прощания и уходит.

Он догоняет Винченцо у экипажа. Старается не замечать радости в его глазах.

— Но, дон Винченцо, вы не думаете, что… Вы были слишком… — Тяжело дышит.

— Нет. Ему нужны деньги, он на все пойдет, лишь бы получить их. И он их получит, но на моих условиях.

* * *

— В качестве гарантии займа предложены: корабельный и береговой инвентарь, такелаж, якоря, бочки, прибрежная акватория и склады тоннары…

Нотариус Микеле Томайо читает монотонно, как псаломщик на похоронной мессе.

Винченцо, в темном костюме, погружен в свои мысли. Не обращает внимания на жужжание мухи, залетевшей в комнату, шелест страниц, поскрипывание стульев.

Барон Меркурио Наска ди Монтемаджоре сидит далеко от Винченцо, сверлит его ненавидящим взглядом. У него красные щеки и тяжелые веки. Если бы взглядом можно было убить, Винченцо Флорио умер бы в страшных мучениях.

— Это все, — нотариус обращается к барону. — Вы уверены, что хотите подписать?

Барон смотрит прямо на Винченцо:

— Он не оставил мне выбора, этот… ростовщик. — Голос наполнен ненавистью и злобой.

Винченцо, кажется, только сейчас заметил его.

— Ростовщик? Я? Барон, здесь вам не благотворительное общество.

— Вы пользуетесь тем, что я попал в тяжелое положение! — Барон кривит рот. — Вы вынуждаете меня распродавать за бесценок мое имущество.

— Нет, синьор, не надо лукавить. Я попросил неделю, чтобы оценить ваши гарантии, и правильно сделал. Выяснилось, что оборудование фабрики находится в жалком состоянии. Тогда я пошел вам навстречу и согласился приобрести вашу долю тоннары. В ответ вы попросили меня заплатить наличными, чтобы закрыть рот кредиторам. Вы их получили. А теперь смеете меня упрекать, что я не оставил вам выбора?

— В вас нет дворянской крови, сразу видно! Вы ничтожный заносчивый тип, — в голосе появляются визгливые ноты. — *Vous êtes un parvenu insolent!*[8]

Винченцо, взявший было гусиное перо, чтобы подписать договор, замирает. Не важно, что прошло уже много лет или что вместо сицилийского звучит французский. Это оскорбление все еще обжигает, и так будет всегда.

— Можете отказаться от сделки, если желаете, — говорит он холодно.

В комнате повисает тяжелая тишина, нарушаемая лишь жужжанием мухи. Капля чернил падает на лист бумаги.

Всем известно, и нотариусу Тамайо в том числе: барон разорен. Все также знают, что он гордец, каких мало.

— Вам слово, синьор барон, — вмешивается тогда нотариус, чтобы продолжить процедуру. — Что вы решите?

Напряжение сильное. Барон, вероятно, раздумывает, сможет ли он еще немного продержаться, продав последние украшения жены или уступив свою долю тоннары монахам из Сан-Мартино-делле-Скале, которые уже владеют частью предприятия. Но он отлично знает, что монахи за грош удавятся, а драгоценности жены оценят немногим больше, чем залежалый товар. Он сдерживает слезы унижения.

— Подписывайте же, ради Бога, — шипит он. — Подписывайте и исчезайте из моей жизни.

Винченцо ставит подпись одним росчерком под чернильным пятном… Уступая место Иньяцио Мессине и помощнику барона, чтобы те завершили бюрократическую процедуру, отходит в сторону; скрещенные руки на груди, нахмуренные брови придают ему вид хищника.

Сделка завершена, к Винченцо подходит Мессина.

— Я мог бы и сам с вашей доверенностью. Не пришлось бы присутствовать при этой сцене.

Но Винченцо вперился взглядом в Наска ди Монтемаджоре.

— Может, в следующий раз. Не сегодня.

Протягивает руку.

— Дайте мне сумку.

— Но…

Его взгляд непреклонен.

Винченцо подходит к барону, понуро сидящему на стуле, бросает сумку ему на колени. Барон не успевает поймать ее, и монеты падают на пол, катятся по ковру.

Винченцо Флорио выходит из комнаты, а барон Наска ди Монтемаджоре, ползая на коленях, собирает деньги с пола.

* * *

— Осторожно, аккуратнее… Святая Мадонна, да что вы делаете, не можете бережно относиться к чужим вещам?

Джузеппина нервничает, пытается руководить носильщиками в коридоре нового дома.

Большой одноэтажный особняк. Тоже на виа Матерассаи, но под номером 53.

Винченцо купил его у соседа по магазину, Джузеппе Калабрезе. Точнее, речь шла о долговом обязательстве, которое Калабрезе не успел добросовестно исполнить в срок. Но деньги счет любят, так что совесть тут

ни при чем.

В действительности, здесь было две квартиры, которые он соединил, снеся несколько стен. С крыши открывается вид на бухту Кала до самого горизонта, а с другой стороны — на город и горы. И поскольку ему нравится панорама, он пристроит небольшую террасу, где будет проводить летние дни.

Джузеппина от усталости опустилась на стул и только и может что распоряжаться, куда ставить мебель. Наведением порядка займутся горничные.

На пороге появляется Винченцо.

— Ну что, мама, вам нравится?

— Еще бы. Такой просторный… Столько света!

Мысль украдкой возвращается к домишку на площади Сан-Джакомо, потом к другому, уже на виа Матерассаи, где умер Иньяцио, — арендованное жилье, что годится для скромных тружеников.

— Красивый, — кивает Джузеппина и обводит глазами дом. Сын отремонтировал его. Заменил оконные рамы, заново заказал расписать стены и потолки изображениями цветов и голубого неба. В доме даже есть водопровод и помещение для экипажей.

— Конечно, здешний воздух не то, что в Баньяре, но…

— Опять? — сын закатывает глаза. — И как вам не надоело постоянно твердить об этом городишке! Вот наш дом. Хватит вспоминать наемное жилье и лачуги в Калабрии. Отныне и впредь мы живем здесь.

И Джузеппина в который раз вынуждена покориться. У нее никогда не было права выбирать, где она хочет жить.

Мало того, когда она спросила, могут ли они позволить себе такую роскошную квартиру, Винченцо, подняв голову от бумаг, посмотрел на нее с плохо скрываемым раздражением.

— С каких пор вы считаете деньги в моем кармане, мама? — спросил он. — Конечно, можем. Мы больше не *лавочники*. Не далее как вчера мы получили груз с судна «Санта-Розалия», и только мы разгрузили товар, как весь хлопок ушел с молотка. — С годами смех Винченцо стал сиплым. Ему уже тридцать три. — Нам нужен дом, достойный нашего имени. Пока я жив, вы ни в чем не будете нуждаться.

Рабочий зовет Винченцо, и он уходит.

Джузеппина встает со стула, смотрит в окно: ей видна почти вся виа Матерассаи и кусочек площади Сан-Джакомо.

Немалый они проделали путь.

И ее обида поугасла с годами, пока совсем не исчезла со смертью

Иньяцио.

Только она сама и ее воспоминания — больше у нее ничего не осталось. Сын — ее создание, смысл ее жизни — как одинокий остров, какой была она долгое время. И теперь ей надо набраться решимости, потому что в голову лезут беспокойные мысли и мешают заснуть по ночам. Ей пятьдесят четыре года, она состарилась и боится, что Винченцо останется один. Каждый мужчина нуждается в женщине, которая составит ему компанию, согреет в постели и будет заботиться о нем, терпеть его плохое настроение. Которая подарит ему детей, наследников, потому что они нужны сейчас дому Флорио.

То, что создали Иньяцио и Винченцо, нельзя пустить по ветру. Их дело нужно сохранить и передать, и для этого требуется сильная кровь. Нужна благородная женщина, воспитанная как синьора. Сын должен построить семью. Она думает об этом, стиснув зубы. Надо поговорить с ним.

А ей придется отойти в сторону. Скоро.

С ней остается лишь осознание собственного одиночества, и еще одна более горькая, неотступная, болезненная мысль о том, что она отвергла любовь всей своей жизни.

* * *

Вечером мать и сын, как случалось и в старом доме, ужинают вдвоем, сидя друг против друга. На скатерть, столовые приборы и руки падает свет от свечи. Вместо горничной Олимпии, слишком нерасторопной и слишком старой для службы в доме Флорио, появились девушка с веснушчатым лицом и ее мать, которая занимается кухней и тяжелыми работами.

Джузеппина осторожно начинает:

— Хотела поговорить с тобой, Виченци.

Он поднимает голову от тарелки. Морщина меж бровей делается глубже.

— Что-то случилось?

— Ничего. Но может случиться, и хорошо бы подумать об этом загодя. — Ей страшно, но надо собраться с силами. Это важно для жизни ее сына, значит, придется перебороть себя. — Тебе за тридцать. — Она делает паузу. — Пора подумать о будущем, не только своем.

Винченцо кладет ложку в тарелку.

— Вы хотите сказать, мне надо жениться? — спрашивает он, не поднимая глаз.

— Да.

Джузеппина глубоко дышит. Женщина, которая будет жить в одном с ней доме, сидеть за одним столом, спать в постели с ее сыном…

Будет нелегко.

Винченцо хватает бокал с вином, отпивает глоток. На мгновение в памяти всплывает шея Изабеллы Пиллитери.

— Знаете, было время, когда я надеялся, что вы об этом заговорите. Но оно прошло. — Светлые глаза впились в темные глаза матери. Но только на миг. Он встает, целует ее. — Позаботьтесь вы об этом. Найдите невесту, которая бы мне подходила и нравилась вам, из хорошей семьи и с достойным приданым. Потом скажите мне. — Уходя, добавляет: — Не ждите меня, ложитесь. У меня встреча.

— С кем?

— Узнаете. Это сюрприз.

* * *

На ступенях церкви Сан-Джованни деи Наполетани собрались несколько мужчин. Торговцы, преимущественно калабрийцы и неаполитанцы, и их сыновья. У них одно происхождение и ремесло, общая земля, на которой они живут. Вечерняя месса — хорошая возможность встретиться, поболтать о делах, посплетничать.

Они бросают друг на друга неприветливые взгляды. Не видно, чтобы месса что-то изменила в них.

Пономарь ворчит:

— Делать им нечего! — И шумно закрывает ворота церкви, от удара которых остается гулкое эхо.

Винченцо и мужчина с волевым подбородком и сильным калабрийским выговором оживленно беседуют в стороне. Похоже, у них доверительные отношения, что не может не вызывать любопытства у других торговцев. В отличие от дяди Иньяцио — *мир его праху*, — который всегда был обходителен с людьми, у Винченцо Флорио строптивый характер. Никого не подпускает к себе близко.

Надо же, черт побери, какой ушлый, думают про него все.

Винченцо слышит их голоса, они для него все равно что посторонний шум, отголоски зависти вперемешку с восхищением. Он занят беседой с человеком, который стоит перед ним.

— Как видишь, и выходцев из Баньяры, и неаполитанцев, торгующих

сомнительным товаром, полно. Но они меня не интересуют. Я смотрю дальше.

Тот, другой, чуть пониже и покрепче, оглядывается вокруг.

— Ты что-то писал мне об этом в одном из писем. Так о чем…

Если присмотреться получше, можно заметить, что они чем-то похожи. Высокий лоб, широкие сильные ладони, смуглая кожа. Однако крой одежды и неуверенность в жестах указывают на то, что новоприбывший не такой благополучный человек, как Флорио.

Винченцо берет его под локоть, ведет к палаццо Стери.

— Это таможня, — объясняет он. — Но так было не всегда. Первоначально этот дворец принадлежал дворянину, потом стал судом, еще позже тюрьмой для еретиков, убийц и воров. — Останавливается. Палаццо, черная каменная тень, нависает над ними. — Мне не нужен Каин в доме. Ты злишься на меня за то, что произошло, когда мы были детьми?

— Нет, все в прошлом, — искренне отвечает тот. — Из детства я помню отчаяние матери, голод и унижение, оттого что ей пришлось выпрашивать деньги у родственников. Мы продали дом и уехали жить в Марсалу… Да, я злился на твоего отца и дядю еще и потому, что всякие доброхоты твердили нам, что у вас все получилось.

— Но позже стали приходить небольшие суммы, так? — Винченцо говорит вполголоса. — Это дядя Иньяцио их посылал, втайне от всех. Я нашел записи в реестрах прошлых лет. Помню еще, когда ты и тетя Маттия приезжали в Палермо. Отец умирал. Странно было узнать, что у меня есть родственники. Потом часто думал о том, что бы произошло, будь мы ближе. Но что есть, то есть.

Собеседник кивает в знак согласия, он все понимает.

— Мать вас любила. Она о вас всегда думала, всегда молилась за твоего отца и дядю.

Винченцо чувствует волнение, оно застряло у него где-то между горлом и желудком. Отгоняет его.

— Я — не дядя Иньяцио, запомни это. Я не собираюсь останавливаться на достигнутом.

— Я тоже.

И эта фраза, сказанная решительным тоном, дает Винченцо уверенность, которую он в себе искал.

— Завтра приходи ко мне на виа Матерассаи. Я познакомлю тебя с Иньяцио Мессиной, он тебе все разъяснит. Он пожилой человек, с опытом, будешь помогать ему. — Протягивает руку для рукопожатия. — Потом придешь ко мне домой. Мать еще ничего не знает, но она будет

счастлива снова увидеть сына Маттии.

Рафаэле Барбаро, сын Паоло Барбаро и Маттии Флорио, наконец улыбается.

* * *

Улочка, хотя и находится невдалеке от городских стен и таможни, — тихая и спокойная. Здесь, на виа Дзекка-Реджа, стоят узкие дома, часть которых смотрит на виа Аллоро, — обычные жилища мелких торговцев. Нечего и сравнивать с аристократическими палаццо, которые ее окружают.

Закатный свет, освещающий кабинет квартиры на втором этаже, сменяется сумерками. Осень 1832 года продвигается семимильными шагами и укорачивает дни, неся с собой порывы трамонтаны.

Четверо мужчин.

— Представьте себе пустыню черной Африки. Иссохшая, безлюдная, обреченная. Изредка встречается оазис с колодцем и двумя жалкими пальмами. Так вот, здесь то же самое: когда начинаешь новое дело, оно кажется чудом. — Винченцо загибает пальцы. — Здесь несколько текстильных мануфактур, пара оружейных мастерских, одно производство латуни, и одно — железа. В остальном — лавки с хозяином и работниками, по человек пятнадцать в лучшем случае. Что касается моей деятельности, у Дома Флорио нет производства, мы торгуем. Мы — посредники между производителями и покупателями или другими перекупщиками.

По другую сторону стола его внимательно слушает Томмазо Порталупи, торговец из Милана, прибывший в Палермо несколько месяцев назад. На висках редкие волосы, глаза, как орех, и большой нос, изуродованный темными венами. Рядом с ним — его сын Джованни, точная копия, только моложе.

Порталупи кладет локти на стол.

— Синьор Флорио, я тоже перекупщик, и обратился к вам, потому что выяснил, кто лучший поставщик на рынке Палермо. Моя цель — найти сырье для обработки его в Ломбардии. Меня интересуют вино, масло, соленый тунец, сумах и сера. Не хочу обращаться к английским торговцам: во-первых, у них свое производство, во-вторых, не хочу покупать товары низкого качества, которые мне уже пытались всучить. Что из перечисленного вы можете нам предложить и на каких условиях?

Винченцо переглядывается с Рафаэле, сидящим рядом. Откидывается на спинку стула.

— Что угодно. Я могу предложить вам всё, что производится на Сицилии. Всё.

Звякание стекла о металл перебивает их. Дверь открывается.

— Можно?

Входит молодая особа в коричневом платье с тарелкой печенья. Мягкий аромат ванили распространяется по комнате.

— Мама просила принести вам. Только что испеклись.

Девушка отступает на шаг, рассматривая гостей. Задерживает взгляд на Винченцо.

Винченцо, которому в это время Джованни передавал бокал ликера, оборачивается. И видит ее.

Наверное, родственница Порталупи, думает он, быть может, племянница или дочь. Та же светлая кожа, манера речи и тот же большой нос. Двигается сдержанно, без лишних жестов. Не в его привычках поддаваться женскому очарованию, но все же эта девушка производит на него впечатление: ровная спина, нежное лицо.

У женщин Палермо нет такого прямого, смелого взгляда.

Томмазо Порталупи ласково прикасается к ней.

— Спасибо, дочь моя. Можешь идти.

Он ждет, пока закроется дверь, и возвращается к разговору.

— Сера, синьор Флорио. Вино и сера.

Винченцо закидывает ногу на ногу, обхватывает колено сцепленными руками.

— Разумеется. Серы какое количество и в какие сроки?

* * *

Тем вечером Винченцо отмечает, что мать особенно внимательна к нему. За ужином она лично подает ему блюда, поглаживает по голове, интересуется его делами.

Он смотрит на нее с подозрением.

Устал. Снял сюртук и шейный платок. Жилет нараспашку, волосы в беспорядке. После суматошного дня он наконец-то может побыть самим собой.

В конце ужина Джузеппина отодвигает тарелку.

— Послушай, сын мой. Я нашла девушку, которая могла бы нам подойти.

Винченцо режет слух это ее «нам». Можно подумать, мать тоже

выходит замуж. Но ему не нужна ни спутница, ни хозяйка дома: он хочет женщину, которая подарила бы ему здоровых и сильных наследников. Об остальном, как всегда, позаботится Джузеппина.

— Я вас слушаю, мама.

— Это молодая девушка из хорошей семьи. Ей семнадцать лет, она серьезная и учтивая, ее воспитали монахини. Это они мне ее посоветовали.

Винченцо подпирает голову кулаками.

— Тогда что вас беспокоит? Вы чем-то огорчены, я вижу.

Джузеппина нервно поглаживает скатерть.

— Ее семья в дальнем родстве с князем ди Торребруна. Мог бы состояться выгодный брак. Мне дали понять, что они были бы рады отдать ее за тебя. Конечно, есть проблема с приданым: у них почти ничего нет, кроме титула, постоялого двора вблизи Энна и дома здесь, в городе.

Джузеппина осторожно подбирает слова.

— Все можно решить. Но…

Чувство тревоги в Винченцо нарастает от этого «но», повисшего между ними.

— Они ставят условие. Хотят, чтобы ты взял управляющего и перестал бы заниматься магазином. Не пристало это их титулу.

Джузеппина замолкает в ожидании какого-нибудь знака, слова.

В первую секунду лицо Винченцо остается непроницаемым, потом, сжав руками виски, он говорит тихо, словно не веря тому, что только что услышал:

— Вы хотите, чтобы я бросил свою работу… из-за женщины?

— Какой женщины? Она еще ребенок. — В голосе Джузеппины умоляющие нотки, она хочет его успокоить. — Женишься, а там видно будет. Как войдешь в их семью, они не посмеют тебе ни в чем указывать. Ты будешь главным.

Винченцо вскидывает голову. Громко хохочет, стучит кулаком по столу.

— Теперь! Теперь вы мне это говорите!

В его голосе слышится горькая обида, и от этого матери становится не по себе.

— Вы помните, что случилось, когда мне еще и двадцати не было? — Он смотрит на мать, в глазах раскаленная лава. — Помните Изабеллу Пиллитери? Когда вы сказали, что мне надо забыть ее, потому что она нищая? Вы помните это, нет?

Джузеппина ожидала чего угодно, только не этого. Она вскакивает.

— При чем здесь она, эта дочь и сестра греховодников, которым нужны были только деньги?

— А этим нужно что-то другое? — Он сверлит глазами мать, которая принялась убирать со стола. — Они не только хотят заполучить мое богатство, но еще и указывать, что мне делать!

— Кто тебе что может сказать? Она праведная душа, сущий ребенок, только вышла из-под опеки монахинь. Она будет слушаться тебя, что бы ты ей ни сказал: ты мужчина в доме и ты командуешь. Это твои деньги!

Винченцо тычет в нее пальцем.

— Мой ответ — «нет», им и вам! Я просил вас найти мне жену, а не родственников-голодранцев, чувствующих себя богатыми из-за того только, что у них есть титул, да еще диктующих мне условия!

Джузеппина в бешенстве. Она думала, дело сделано, а получается… Она отодвигает в сторону тарелки и, подбоченившись, нападает на него:

— Не можешь простить мне того, что случилось пятнадцать лет назад, да? Да я тебе глаза открыла! И вместо того чтобы благодарить меня за это… Оказывается, я во всем виновата. А в чем, спрашивается? Ты помнишь, как с тобой обошлась ее мать? О да, сын мой, я все знаю. Мне рассказали об этой постыдной сцене посреди улицы! Правда в том, что ты мстительный и бессердечный, как и твой отец. Да что говорить, такая у вас порода, у Флорио. — Ее губы кривятся в презрительной гримасе. — Продолжай в том же духе — и останешься один как собака.

Винченцо делает над собой усилие, чтобы удержаться и что-нибудь не разбить. Джузеппина читает это в его глазах, отступает, но он хватает ее за руки и говорит ей в лицо:

— Лучше быть паршивой собакой, чем всю жизнь бегать за женщиной, которая тебя не хочет.

Винченцо отпускает ее. Мать шатается, хватается за стул.

Смотрит на сына и не узнает его. Моргает, чтобы сдержать подступившие слезы. Не двигается с места даже после того, как он вышел из комнаты. Как никогда желает, чтобы Иньяцио был рядом.

От мысли о том, как она была с ним жестока, ломит в груди.

Она всю жизнь невольно причиняла своему мужу страдания, думала, что ненависть, которую она питала к Флорио, отгораживает ее от них. Она надеялась, что у нее есть союзник в лице сына. Но сегодня вечером она вдруг поняла, что смешанное с ненавистью материнское молоко, которым она его кормила, оказалось отравой. Ненависть опухолью разрослась внутри сына.

* * *

Рукопожатия.

Звон бокалов.

Горничная подает ликеры и печенье.

— У вашей серы самая хорошая цена на рынке и отменное качество, — с воодушевлением в голосе говорит Джованни Порталупи, стучит пальцами по договору. — Говорят, вы владелец карьера.

— Я взял на себя управление копями барона Морилло, — Винченцо делает глоток порто. Ему нравится беседовать с этим прямолинейным человеком. — Синьор барон не желает пачкать руки работой, но деньги от аренды для него не обуза, так что…

Джованни пожимает плечами:

— Pecunia non olet. Деньги не пахнут, говорили еще древние римляне. К сере это особенно подходит.

Смеются.

Порталупи собирается что-то добавить, как входит женщина средних лет, подходит к нему и что-то шепчет на ухо. У нее резкие черты лица и теплый взгляд — странное сочетание мужского и женского.

— Мама, — говорит ей Джованни, — позвольте представить вам дона Винченцо Флорио. Мы только что подписали контракт на поставку серы. Это моя матушка, Антония.

— Синьора, — Винченцо почтительно приветствует ее. Переводит взгляд в сторону, туда, где мелькнула тень. Вежливо указывает на нее: — А она кем вам приходится?

Джованни, кажется, сначала не понимает, о ком его спрашивают. Потом видит сестру в отдалении. Никто обычно не обращает на нее внимания.

— А, Джулия.

Услышав свое имя, девушка оборачивается. Она привыкла, что в доме часто собираются деловые люди и разговаривают о товарах и сделках. Она понимает свое место.

— Да, ты. Иди сюда!

Джованни протягивает к ней руку. Она подходит, встает рядом.

— Моя старшая сестра, Джулия, — говорит Джованни и кивком указывает на Винченцо: — Дон Винченцо Флорио.

Винченцо переводит взгляд с него на нее.

— Правда? Никогда бы не подумал, что вы — старшая.

— Всего на два года. Слишком маленькая разница, чтобы быть ему нянькой, но достаточная, чтобы не переносить его на дух как мальчишку, который к тому же младше меня.

Джованни смеется.

— Просто мама любит меня больше.

— У меня нет любимчиков. — Антония берет дочь под руку, деликатно отводя ее от мужчин. — Джулия всегда была упрямицей, а ее брат — сорвиголовой. Растить таких детей было ох как непросто.

Винченцо задерживает взгляд на Джулии.

— Но весело, должно быть.

Девушка несколько секунд разглядывает кончики пальцев рук.

— Мы были счастливы, и этого нам хватило. — Она поднимает голову, смотрит на него в упор глубоким взглядом. — Воспоминания о безмятежном детстве — самый лучший подарок, какой только может сделать родитель своему ребенку.

* * *

Когда они выходят из комнаты, Джулия испытывает облегчение. Она оглядывается, пропуская мать вперед себя на кухню.

— Странный человек этот Флорио, не находишь? — замечает Антония. — Такой молодой и уже такой богатый. Твой отец сказал как-то, что о нем ходит слава бунтовщика. Говорят, он за несколько лет сколотил состояние, скупая задешево земли у разорившихся дворян. Болтают даже, будто он ссужает деньги под большие проценты.

— *Mon père*[9] не вел бы дела с непорядочным человеком, вы не думаете?

— Дела — это прерогатива мужчин, дочь моя. Нам не дано понять их правил…

Сильный приступ кашля прерывает ее, вынуждает присесть. Зима — хоть сицилийская и не слишком суровая — самое трудное время для тех, кто, как Антония, страдает от грудной болезни.

В мгновение ока Джулия оказывается рядом:

— Как вы себя чувствуете?

Из гостиной, запыхавшись, появляется отец.

— Антония…

Женщина, массируя себе грудную клетку, успокаивает их:

— Все хорошо. — Гладит по лицу мужа. — С тех пор как мы здесь, в Палермо, мне лучше. Доктор был прав, мягкий климат пошел мне на пользу.

Томмазо Порталупи вздыхает.

— Я пригласил дона Винченцо остаться на ужин, — голос переходит в шепот. — У него много торговых связей, он богат, и его хорошо знают в городе. Нам нужна его благосклонность. Но если ты плохо себя чувствуешь…

Джулия накрывает его руку своей:

— Я позабочусь об этом, мне поможет Антониетта. Она ведь еще не ушла?

На лице отца отразилось огорчение.

— Мне жаль, но, боюсь, ушла. Тебе придется приготовить все самой. — Он целует ее в лоб. — Я знаю, ты умеешь творить чудеса. Придумай что-нибудь!

Джулия вздыхает. Когда она научится держать язык за зубами? Она всегда старалась быть обходительной со всеми. Однако ее обходительность зачастую оборачивается хлопотами и беспокойством.

Мать перестала кашлять и, опираясь на руку Джулии, снова встает. Женщины направляются на кухню. Антония со стоном опускается на стул.

Джулия повязывает фартук, открывает деревянный шкаф. Что бы такого приготовить на ужин под стать их гостю?

Что могло бы ему понравиться? Какое-нибудь непривычное, новое блюдо? Но какое?

Она быстро перебирает горшки и миски в кладовке. Натыкается на кастрюльку с вареным мясом, оставшимся со вчерашнего вечера.

И только тогда ее руки останавливаются.

Ну вот. Мясо, тертые сухари, яйцо: есть. Специи… да. Листы белокочанной капусты вместо савойской… сойдет. Печеночной колбасы тоже нет, но здесь, в Палермо, ее и не найти, они даже не знают, что это. Тонко нарежу копченую колбасу…

Антония смотрит, как дочь готовит *мондегили*, круглые котлетки по-милански в сухарях. Какая же умница ее Джулия. И грудь заполняет смутное чувство вины перед дочерью, которой уже за двадцать, а она еще не обзавелась собственной семьей. Последний год из-за воспаления легких Антонии требовались лечение и постоянная забота.

Им всем было непросто покинуть Милан, лишиться привычного уклада жизни и красивого дома недалеко от Навильи. И все из-за нее. Болезнь обострилась до такой степени, что невозможно стало дальше оставаться в холоде и тумане. Чтобы выжить, Антонии нужны были свет и солнце.

Она чувствует себя виноватой, ведь из-за нее семья перечеркнула прошлую жизнь и переехала в этот город, который хоть и красивый, но

очень сложный. Здесь нищета уживается с аристократической роскошью, не уступающей европейскому королевскому двору. Антонии тоже не хватает размеренного ритма Милана, его улиц с бесчисленными лавочками, величественными палаццо. Она скучает по запахам и еде, скучает даже по густым утренним туманам, что стирают контуры пейзажа и приглушают звуки. Привыкшей к сдержанному великолепию, к размытым очертаниям Милана, ей казалась избыточной пышная, нарочитая красота Палермо.

Но так уж вышло, и ее детям пришлось приспосабливаться к новым обстоятельствам. Пока Джованни работает с отцом, Джулия вынуждена находиться с ней дома, не имея даже редкой возможности развеяться. Что ж, разве не случается такого с незамужними дочерьми, оставшимися в семье? Разве не их долг взять на себя заботу о пожилых родителях?

В Палермо трудно начать свое дело: непросто завести связи, к чужим здесь относятся подозрительно. Это закрытый рынок, сосредоточенный в руках тех, кто его хорошо знает. Вот почему муж пригласил на ужин того синьора.

За столом Флорио показывает себя гостем любезным, но не слишком красноречивым. Говорит в основном о делах с Томмазо и Джованни. Потом неожиданно обращается к Джулии:

— Значит, это вы приготовили?

Девушка удивлена его прямым вопросом.

— Да. Надеюсь, вам понравилось…

— Все очень вкусно. Должно быть, нелегко организовать ужин за столь короткое время. Других женщин это привело бы в крайнее затруднение. — Он посмеивается. — Мою матушку, например. Слава Богу, у нас есть повариха, на которую возложена эта обязанность.

Джулия опускает голову, благодарит улыбкой.

* * *

Джулия продолжает улыбаться. Но уже другой улыбкой, в которой затаилась тревога.

Этот Флорио наблюдал за ней весь вечер. Быстрые взгляды, украдкой, ни разу не переступая границы приличия, но именно так: на грани пристойности.

Она всегда жила в мире мужчин и с подросткового возраста научилась держаться на расстоянии от знакомых отца или друзей брата.

А сейчас смутилась, потому что никто еще не смотрел на нее

подобным образом.

Этой ночью Джулия долго ворочается в постели.

* * *

У себя в спальне, что по соседству с комнатой Джованни, Антонии Порталупи тоже не спится.

Мысли невольно возвращаются к гостю: он вел себя благородно, был обходителен, и все же она чувствовала себя неловко в его присутствии. Даже сейчас, когда сон не идет, она не может понять, что на самом деле смущает ее в этом мужчине. Она поверила свои страхи мужу, но Томмазо только пожал плечами:

— Ничего странного. В конце концов, Джулия — привлекательная девушка. И что такого, если мужчина одарит ее вниманием? А если начнет ухаживать, тем лучше для нас: благодаря ей у нас будут самые лучшие поставки. В любом случае, Джулия понимает, что должна присматривать за тобой.

* * *

Дыхание моря горячим ветерком веет по переулкам. Накатывает медленными волнами, просачиваясь в дома сквозь щели оконных рам и дверей.

Светает, но Винченцо уже в своей конторе на виа Матерассаи. Это помещение становится слишком тесным, надо бы арендовать квартиру и открыть в ней представительство компании, по примеру Бена Ингэма.

Мысль о переезде тянет за собой другие, все они стекаются к карте серных копий барона Морилло, сидящего напротив.

Винченцо вспоминает себя у этого же самого стола, за которым тогда сидел дядя Иньяцио. И удрученного человека перед ними, положившего шляпу на колени.

— Дон Флорио, как ни крути, я не могу заплатить по векселю, который я подписал.

Иньяцио вздохнул.

— Дон Саверио, что будем делать? Я уже давал вам отсрочку. Так не может дальше продолжаться, вы же знаете.

Тот кивнул.

— Потому-то я и приехал из Агридженто. У меня есть большая партия серы, которую не могу продать, потому что ее надо доставить к морю, а я не знаю никого, кто бы это сделал.

— Как так?

— Всем известно, что у меня нет денег заплатить за перевозку.

— Откуда она у вас? Я имею в виду, сера на дороге не валяется.

Тот развел руками.

— Земля моей жены. Любой ковырнет носком башмака — и вот она, пожалуйста. Коз и то пасти нельзя. Травятся и падают замертво.

— А качество?

— Чистая и прозрачная. По правде сказать, будто только что изверглась из ада. — Он сложил руки в мольбе. — Если вексель ляжет на стол судьи, я окажусь в тюрьме. Умоляю вас.

Дядя и племянник обменялись взглядами. И сразу подумали о своих французских компаньонах.

— Я сам съезжу посмотреть на вашу серу, — сказал Винченцо. — Если она такая хорошая, как вы говорите, я лично разорву вексель на ваших глазах.

Вот как это было.

Они продали груз в Марсель по цене в три раза выше стоимости векселя. После смерти дяди Винченцо выкупил ту землю.

Отныне сера стала важной статьей бюджета дома Флорио.

Мысли путаются, ускользают.

Винченцо хмурится, покручивает кольцо дяди Иньяцио.

Дядя. Мать. Кто знает, что бы сказал дядя о настойчивом желании Джузеппины найти ему жену среди этих благородных девиц — практически девочек, — рожденных в семьях, где кузены женятся на кузинах, а дядья на племянницах. Которые зачастую не блистают ни умом, ни красотой. *Их кровь прогнила, как прогнила и обшивка кресел, на которых они сидят*…

— Винченцо?

Заблудившийся в своих мыслях, он не заметил, как пришли приказчики и что Рафаэле уже здесь, стоит у стола.

Винченцо вздрагивает и смотрит на двоюродного брата. В его взгляде вопрос, ведь тот пришел с новостями о покупке земли, на которой он хочет построить винодельню.

Рафаэле молча расстилает на рабочем столе поверх карты серных шахт карту побережья Марсалы. Винченцо долго рассматривает ее.

— Мне нужен прямой выход к морю, потому что там не дороги, а

узкие тропинки, и большим подводам по ним не проехать, — произносит он наконец. — Перевозить вино в тачках и тележках — только деньги зря тратить. Хочу, чтобы из погребов бочки доставляли прямиком в трюмы кораблей. — Он ткнул пальцем в карту. — Вот здесь, между винодельнями Ингэма и Вудхауса… Самое подходящее место.

Рафаэле листает свои записи.

— Значит, городок Инферно. Два туммина[10] земли рядом с насыпью. Ее продают за шестьдесят унций, но некий барон Спано положил на него глаз…

— Черт побери! Закрепи ее за нами срочно, внеси задаток, если надо. На марсалу сейчас растет спрос, нам надо открыть там свое производство, нельзя упускать шанс. Вот увидишь, придет день — и цены на землю взлетят до небес.

Приказчик докладывает о приходе гостя.

Джованни Порталупи.

Рафаэле приветствует его рукопожатием. Винченцо ограничивается кивком. Указывает гостю на стул.

— Ну, Порталупи, что у вас?

Джованни кладет шляпу на колени.

— Ваша сера имеет огромный успех у наших покупателей. Мы с отцом хотели бы купить еще.

Винченцо подпирает щеку рукой.

— Скажите, сколько и по какой цене, и обсудим сделку.

Джованни называет условия, Винченцо просит Рафаэле ответить за него. Джованни быстро соглашается.

— Значит, через неделю вы сообщите, сможете ли найти необходимое количество? — спрашивает наконец Джованни, глядя в глаза Винченцо.

— Ну да. Конечно, — Винченцо встает. — Послушайте, вы человек новый в городе… хотел кое-что предложить вам. Вы были когда-нибудь в театре Каролино? Он недалеко от церквей Сан-Катальдо и Санта-Катерина, рядом с площадью Кватро-Канти…

Джованни растерянно смотрит на него.

— По правде сказать, еще нет…

— Через несколько дней там дают спектакль. У меня своя ложа, и я буду рад, если вы примете мое предложение. Приглашаю вас и вашу сестру, разумеется.

Джованни удивлен, но голова быстро соображает, что к чему.

— Думаю, Джулия будет рада. Я отвечу вам в самое ближайшее время.

Едва за Джованни закрывается дверь, Рафаэле восклицает:

— Меня ты никогда не приглашал в театр! — Но произносит это с лукавством, посмеиваясь.

— Когда захочешь, уступлю тебе ложу. Что поделать, у тебя же нет сисек, Рафаэле. Нам пора, надо ехать в Торговую палату.

* * *

Спокойное с виду море, таящее в своих глубинах бурные течения, — такова Джулия Порталупи.

После спектакля в театре Каролино Винченцо еще несколько раз нашел повод встретиться с ней. Это было нетрудно благодаря ее брату Джованни, человеку практичного склада ума и любителю светских приемов. Винченцо представил его членам Торговой палаты в Палермо и помог ему выбрать капитана для корабля, на котором отправится их товар, корабля, совладельцем которого, что немаловажно, был Винченцо.

На званые ужины в дома торговцев Джованни приходил с Джулией — дескать, он не женат, а у сестры, кроме собственной семьи, в городе нет знакомств, а потому и возможности выйти в свет. Несчастная старая дева, как он вежливо, но недвусмысленно обрисовывал ее положение.

Однако у Винченцо сложилось совершенно иное впечатление.

Порой ему кажется, что Джованни чуть ли не толкает ее в его объятия. Так или иначе, но этот молодой человек с нездешним акцентом постоянно пытается посадить их рядом. И Джулия этим явно раздражена.

Так он думает, и эта мысль будоражит сознание Винченцо, вызывая злорадный смех. Джованни считает себя хитроумным, но он всего лишь мальчишка, слепо подражающий взрослым. Использовать сестру, чтобы завлечь его на орбиту Порталупи, — стратегия дураков: он не собирается волочиться за Джулией.

И все-таки она удивительная девушка.

Не опускает глаз, когда кто-нибудь с ней заговаривает, не бормочет себе под нос молитвы по поводу и без повода, не уходит, когда мужчины обсуждают дела, как обычно делала его мать. Наоборот, внимательно следит за их разговорами, что любопытно. Знает цену деньгам и хочет понять, как деньги зарабатываются. Винченцо заметил, что Джулия морщит лоб, когда хочет принять участие в разговоре, но вынуждена молчать.

И еще он заметил: он вгоняет ее в краску.

Тем лучше.

После Изабеллы в его жизни не было женщин, сколь-нибудь значимых для него, кроме тех, к кому он испытывал влечение или кому платил. Тела без лиц, образы без воспоминаний. И даже сейчас, когда мать хлопочет, чтобы найти ему жену, Винченцо не задумывается, какой должна быть его избранница. Мысленно представляет только себя самого: как он входит в дворянский дом с высоко поднятой головой. И неважно, что это произойдет благодаря титулу, который он купит себе вместе со знатной женой.

И все же.

И все же Джулия Порталупи волнует его, и дело не в красоте. Скорее, наоборот. Джулия не красива. Она привлекает его своими узкими надменными губами, руками, сжатыми в кулак, и неизменно горящими глазами, выражающими презрение, недоверие, осуждение, удивление или просто интерес, когда она смотрит на тебя. Она такая естественная в отличие от своего тупицы брата, который строит из себя умника.

Винченцо жонглирует этими мыслями по дороге домой — руки в карманах, глаза ищут первые вечерние звезды.

В прихожей горничная забирает у него сюртук и шляпу, сообщает, что скоро будет подан ужин. В гостиной мать штопает вещи.

— Шьете, мама? — спрашивает он, поцеловав ее.

— Не будешь же ты носить дырявые рубашки? Да и эти девицы, которых ты нанял, совсем не умеют чинить одежду.

Джузеппина отводит руку с тканью подальше от лица. Зрение пошаливает, она уже не видит так хорошо, как раньше.

— Эти горничные служили прислугой в домах у дворян, мама. Они прекрасно штопают. Это вы всегда или хотите сделать все сами, или наговариваете на других.

— Да, как же! Теперь девушки не справляются с домашними делами. Не умеют как следует обслуживать семью. В свои пятнадцать я полировала латунную кровать песком и, уж конечно, не жаловалась, как они, что трескается кожа на руках.

Винченцо оставляет за ней последнее слово. Устраивается в кресле, расслабляет тело, закрывает глаза.

И представляет маленькие ловкие руки, которые лепят миланские котлетки со странным названием и пряным вкусом.

*** * ***

Джованни Порталупи остановился в проходе партера театра Каролино.

Рядом с ним сестра обмахивается веером.

Театр переполнен, все — и аристократы, и простолюдины на галерке — разговаривают в полный голос. Кто-то ест, цыганка предлагает погадать по руке, какой-то человек даже продает воду.

— Тебе не следовало принимать приглашение, не спросив сначала у меня. Ты всегда так делаешь, я это ненавижу. — Джулия прикрывает нос платком. — Надо же, какая здесь жара. И вонь ужасная! В это время года находиться в закрытом помещении — невыносимо!

— Черт возьми, сегодня тебя все раздражает! Когда ты впервые сюда пришла со мной и доном Флорио, ты была гораздо любезнее. — Джованни продолжает разглядывать толпу. — Кстати, интересно, куда он запропастился? Спектакль вот-вот начнется.

Джулия зажимает веер в кулаке. Не только жара или противный запах пота досаждают ей.

— Флорио странно на меня смотрит…

— Радуйся! Он богатый, а ты далеко не первой молодости. Тебе двадцать четыре года, и любая девушка твоего возраста почтет за честь привлечь внимание такого мужчины. Следует быть благодарной. Раз уж ему хочется за тобой приударить, не артачься. Не так чтобы совсем, конечно… в рамках приличия. Он превосходный торговец, и папе очень нравится вести с ним дела.

Гнев и унижение смешиваются в груди. Джулия с раздражением отвечает:

— Мне стыдно за тебя. Я не партия серы, Джованни, и не собираюсь участвовать в твоей игре. Если бы папа знал о нашем разговоре, он пришел бы в ярость. А я, я забочусь о маме, или ты забыл? И вообще, этот твой новый друг мне не нравится. Торгаш и… скряга. Смотрит на людей, как на товар, но мы не продаемся. Мы люди.

— Ты в этом уверена?

Джованни указывает на женщину в платье из китайского шелка и с траурным медальоном на шее, сидящую в соседней ложе.

— Посмотри на нее. Это графиня Алессандра Спадафора, вдова. Родственники ее покойного мужа оставили ее без гроша. Ингэм забрал ее семейные драгоценности за долги, и она согласилась стать его любовницей, лишь бы выкупить их.

— Но… как это так?

Джованни, похоже, развеселил ее возмущенный вид.

— У каждого есть своя цена, дорогая сестренка. У каждого. И у тебя, если хочешь все время читать свои французские книжки… у тебя тоже есть

цена.

— Прошу прощения за опоздание.

Они оборачиваются.

Винченцо стоял сзади уже какое-то время, слушая их разговор.

— О, как раз вовремя. — Ехидная улыбка Джованни едва заметна в полутьме зрительного зала. — Я уж решил, ты передумал. Было бы неудобно, учитывая, что ты пригласил нас в свою ложу.

— Дела в магазине задержали. Пойдемте. — Он поднимается впереди по лестнице, доходит до ложи, которую тоже получил *aliud pro alio*[11], даже если он никогда открыто в этом не признается, в уплату долга. Указывает им места. Потом подходит к балюстраде.

— Сегодня здесь и правда весь Палермо.

— Да уж. И представление задерживают. В гримерных перессорились артисты, и теперь одному из певцов придется пожизненно исполнять женские партии.

Они смеются. Джулия нехотя опускается в кресло, ничего не говорит. Да, в одном Джованни прав: она хотела бы сейчас сидеть дома с книжкой, а не здесь, в этом месте, больше похожем на скотный рынок, чем на театр.

Джованни занимает место слева от сестры, Винченцо садится справа, слегка касается запястья ее руки в перчатке, лежащей на подлокотнике. Джулия убирает руку.

Со сцены доносится голос, кулисы вздрогнули. Спектакль начался.

* * *

Оперу публика не слишком ценит. Галдеж в зале столь громкий, что перекрывает голоса певцов.

— Слишко жарко, слишком много вина и слишком много зрителей. — Джованни кивком указывает на коридор. — Уйдем отсюда?

Винченцо, похоже, согласен.

— Можем прогуляться, если, конечно, твоя сестра не очень устала. Меня ожидает экипаж на площади у церкви Марторана.

Джулия пробует отказаться:

— По правде говоря, я бы предпочла…

Но Джованни не слушает ее или не обращает внимания на ее слова.

— Прекрасная идея! Да, поехали. Здесь нечем дышать. — И выходит из ложи.

Она не заметила взгляда, которым обменялись оба мужчины.

Многозначительного взгляда двух сообщников.

— Джованни, подожди… — пытается она остановить его, но брат уже исчез.

Винченцо предлагает ей руку.

— Позвольте мне проводить вас.

Джулия в ярости. Оттого что Джованни бросил ее и оттого что не хочет оставаться наедине с малознакомым мужчиной, тем более с таким, как Флорио.

— Не понимаю, зачем брат решил оставить меня здесь одну. Экипаж ваш, и велеть подать его должны были вы.

— Я не лакей, даже если многие продолжают так думать.

— Как и мой брат.

Джулия встает и обходит кресло. Она уже на пороге ложи, когда руки Винченцо останавливают ее. Грубые пальцы ложатся на ее обнаженные плечи.

Она ошеломлена, не может произнести ни слова. Ей бы следовало повернуться и дать пощечину, закричать. Следовало бы, но она не в силах, и не только потому, что боится его.

Винченцо увлекает ее в глубину ложи, чтобы укрыться от бесцеремонных взглядов.

Что испытывает Джулия, когда губы Винченцо касаются ее затылка? Когда своевольно впиваются в ее губы, когда его зубы кусают их?

— Нет, — просит она. — Нет, — умоляет.

Он держит ее руки, чтобы усмирить сопротивление. Но ее «нет» довольно слабое. Ей не хочется кричать, Джулия осознает это, но не может понять почему. Или понимает, но стыдится этой мысли, потому что сейчас уже отвечает на его поцелуи, на его ласки.

Винченцо — главный, он решает, когда отпустить ее. Наконец он ослабляет объятия, и, вырвавшись, она выбегает из ложи.

— Позвольте? — Винченцо обгоняет Джулию на лестнице, пока та, разгоряченная, спускается по ступеням, опираясь на перила.

Вместе они подходят к экипажу, где их ждет Джованни.

Она идет, опустив голову. Словно нагая, выставленная на всеобщее обозрение.

И опять не замечает улыбку брата.

* * *

Трамонтана метет дорогу вдоль морского побережья. Напротив береговой линии Марсалы Эгадские острова — как куски железа, накрытые небом. Солоновато-горькие брызги оседают на стеклах экипажа.

Винченцо видит, как рабочие воздвигают стены, стоя на строительных лесах, дрожащих от каждого порыва ветра.

Он точно знает, что хочет, может даже представить это: не *бальо*, усадебный дом с внутренним двором, каких много в сицилийских деревнях, а хозяйство наподобие английского — с большим центральным двором и хранилищами вокруг.

— Склады готовы?

Рафаэле обгоняет его во дворе.

— Пойдем, увидишь сам.

Повсюду кирпичи, куски черепицы и лесоматериалы. Каменщики замешивают строительный раствор. Винченцо с Рафаэле приходится обходить штабеля из деревянных брусьев и кучи камней. Наконец перед ними появляется хозяйский дом, где будет работать управляющий винодельней.

Винченцо уверенно заходит в один из боковых корпусов. Здесь плотники устанавливают подпорки для бочек, в которых будет выдерживаться вино. Работники встают, стягивают с голов шапки. Он знаком просит их продолжать и направляется к центру зала.

Солнечный свет проникает через двери и слуховые окна. Над ним — высоченный сводчатый потолок, отделанный туфом. Воздух пропитан морем и солью.

Это сердце будущей винодельни.

Рафаэле догоняет Винченцо. Ему, как и остальным, тоже непросто за ним поспеть.

— Закупка винограда идет лучше, чем можно было ожидать. Конечно, большая часть марсалы уже выкуплена Вудхаусом и Ингэмом, но мне удалось найти на Алькамо мезгу сортов инзолия, грилло и дамаскино. Да, и еще партию сорта катарратто. Готовое вино перевезут сюда на следующей неделе.

— Все как мы рассчитали, значит.

— Да, мы хорошо распланировали. И ты был прав: цены на землю здесь страшно выросли. И крестьяне начали выкапывать зерновые, чтобы посадить виноградники. Поняли, что так они смогут хоть немного заработать на этих каменистых землях.

— Рафаэле, деньги еще никому не помешали. Кстати, на следующей неделе привезут бочки с шерри, будем начинать фильтрацию. И вот еще, я

просил подготовить для тебя список бочкарей из Палермо. Один из них готов перенести сюда свою мастерскую.

Винченцо щупает свежеоштукатуренную стену. Да, работа выполнена хорошо. Он отряхивает ладони, затем жестом просит Рафаэле следовать за ним. Как всегда, бегом.

— Ты потрудился на славу. К сентябрю оформим официально наше товарищество.

— Товарищество? — Удивленный вопрос Рафаэле тут же подхвачен и унесен ветром.

— Да. Компания Рафаэле Барбаро и Иньяцио и Винченцо Флорио.

Рафаэле застывает на месте: слишком сильно изумление.

Винченцо вынужден остановиться и подойти к нему.

— Мне не нужен человек, который занимался бы моими делами и наплевал на все остальное. Мне нужен кто-то, кто помогал бы мне своими деньгами. Тем более ты уже вложил часть денег в покупку этой земли. Можно пойти тем же путем дальше: одна треть — ты, две трети — дом Флорио. Справишься?

Рафаэле теребит острую бородку, которую отрастил за последние месяцы. Он научился понимать этого заносчивого человека и именно поэтому боится принимать его предложение. Впрочем, предложение столь же ценное, сколь и редкое, и он мог бы стать важным человеком в маленьком мирке Марсалы. В Палермо он всего лишь кузен дона Флорио, один из его помощников.

— Согласен.

— Я знал, что ты скажешь «да». — Винченцо хлопает его по плечу. — Нелегко будет управлять винодельней. Ты же знаешь, верно?

— Среди англичан, которые ведут себя здесь, в Марсале, так, будто они хозяева мира? Знаю. — Он убирает волосы от лица. — Не ожидал, что ты предоставишь мне такую возможность, Виченци.

— Я поступаю так, потому что в это верю.

Они направляются к хозяйскому дому.

Винченцо здесь, в поместье, но мыслями он уже в будущем: двор заполнен тележками, башнями из бочек, бутылками с этикетками «Флорио». Он в деталях представляет каждую вещь, каждую мелочь и чувствует, что да, все здесь будет устроено именно так, как он решил.

— Мы будем отличаться качеством, — объясняет он. — Они производят вино для продажи военным. И всего несколько баррелей высокого качества. Мы же сделаем ставку на первосортный продукт и будем осваивать другие рынки: Францию, Пьемонт… — Он

останавливается у входа возле груды наваленного облицовочного камня. — И последнее, Рафаэле: работники. Поговори с ними, прояви к ним внимание. Это не просто винодельня, как все остальные: работать у нас почетно, и они должны это понимать.

*** * ***

На следующий день Винченцо возвращается в Палермо.

Сидя один в экипаже, он вытаскивает из кармана письмо. Ему его передал Джованни незадолго до отъезда в Марсалу. Узнает тонкий почерк, едва заметную подпись. Спокойно читает.

Я не могу принимать такие письма, как то, что вы мне написали, читает он и будто слышит ее голос — возмущенный, дрожащий от стыда. *Не могу, потому что между нами нет никаких взаимных обязательств. Вы партнер в делах отца и не имеете ни малейшего права на меня. Я не должна даже читать то, что вы пишете мне, однако читаю. И ваше отношение и внимание, объектом которого я стала, слишком часто переходят границы приличий. Что касается меня, на мне лежит часть вины, потому как я не сумела уклониться от ваших притязаний, которые, признаю это неохотно, мне небезразличны. Я не слыву девушкой легкомысленной — и, заверяю вас, таковой не являюсь! — посему ваша близость для меня — источник тревоги.*

Прошу вас, умоляю: если вы действительно что-то ко мне испытываете, не пишите более тех слов, что написали в последнем письме. Не ищите больше встреч со мной, если не имеете честных намерений. Не пользуйтесь моей добротой, или же я буду вынуждена разговаривать об этом с отцом, а я бы этого не хотела. Если вы желаете продолжить искреннюю и преданную дружбу, ведите себя благоразумно — на этом месте Винченцо громко смеется, — *не переступайте границ дозволенного, или мне придется рассказать о нашей переписке.* Далее подпись: *Джулия.*

Опершись локтем на окошко экипажа, Винченцо размышляет. Он давно понял, что Джулия запуталась, что она хочет его и боится, и это письмо лишнее тому подтверждение. Впрочем, много ли мужчин удостаивали ее своим вниманием? Кто-нибудь когда-нибудь пытался понять, что скрывается за этим строгим поведением, этими руками, сжатыми в кулак?

До сих пор Джулии было неведомо чувственное возбуждение, и

прежде она никогда не вызывала вожделения у мужчины. Поэтому, решил Винченцо, в своем ответе он ее не пощадит. Он расскажет ей об одержимости, растущей у него внутри. О том, как ночью он не может заснуть, думая о ней. Как он хотел бы касаться ее, как хотел бы видеть ее распущенные волосы на обнаженных плечах. Он напишет так, потому что прекрасно знает: она никому не передаст его слова, тем более отцу. Он напишет так, потому что Джулии не с чем сравнить то головокружительное чувство, которое, он уверен, охватило ее. Хорошо знакомое Винченцо чувство: он испытывает его, когда ему удается урвать ценный товар или когда удачно завершается сложная сделка. Но Джулия — не сумах и не винодельня… Товар продается и переходит в другие руки, сделка совершается и переходит в другие руки. А эта женщина ни к кому не переходит — она сводит его с ума, опьяняет.

О Боже, он умирает от желания лечь с ней в постель!

Они виделись несколько раз то в доме Порталупи, то на виа Кассаро. Проходя мимо вместе с матерью или братом, она бросала на него смущенные, томные взгляды. В ту зиму 1833 года случилось не много других настоящих встреч, подобных той, в театре.

Как-то днем, ближе к вечеру, под предлогом, что ему срочно требуются бухгалтерские документы, Винченцо появился в доме Порталупи. Томмазо удивился, если не сказать большего, увидев его в дверях, но проводил в гостиную и пошел в кабинет за платежными квитанциями на отгрузку серы. Поскольку Антониетта уже ушла, подать гостю лимонад послали Джулию.

Когда она увидела его, сидящего на диване в комнате, погруженной в полумрак, стакан и графин на подносе зазвенели. Джулия застыла на пороге в своем строгом коричневом платье, с нахмуренными бровями, с немым вопросом на полуоткрытых губах. Винченцо взял у нее поднос и поставил его на столик. Притворил дверь, потом, обхватив ее за плечи, провел руками вдоль ее рук. Затем тихо сказал:

— Я искал вас.

На этот раз Джулия не опустила глаза. В них читалось желание, да, и еще что-то вроде готовности дать отпор, потому что она хотела, вероятно, оттолкнуть его, но не могла. Потом Винченцо поднял руку. Большим пальцем провел по ее губам, коснулся подбородка и спустился к шее. Взялся пальцами за верхнюю пуговицу воротничка. Расстегнул ее.

Перешел ко второй.

Но тут Джулия остановила его. Сжала его запястье, отвела ладонь, нервно сглотнула.

— Нет, — сказала она решительно.

Мгновение спустя вернулся Томмазо Порталупи и отослал дочь из комнаты. Она посмотрела на Винченцо долгим взглядом и ушла, прикрыв рукой расстегнутую пуговицу.

Вспоминая ту сцену, Винченцо чувствует, как пылает тело. Встряхивает головой, в который раз пытаясь найти причину неотступного желания, говорит себе, что эта женщина — *самка*, сама не осознающая этого, одаренная чувственностью, которую мало кому дано в ней разглядеть. И значит, она опасна, так как не понимает, что́ она может сделать с мужчиной. И точно не понимает, что делает с ним.

Скоро, думает он, Джулия чаще будет выходить одна, ведь весна уже на пороге, день в Палермо становится длиннее, и солнечный свет заполняет теплом улочки района Кастелламмаре.

Джулия его боится, сопротивляется ему, но проходит время — и она сдается: больше не отвергает его страстные послания. Ответные письма от нее наполнены словами, говорящими одно и подразумевающими другое. Джулия в этих письмах — девушка из хорошей семьи, которая, потупив взгляд, уверяет, что ей неприятны его слишком настойчивые ухаживания, но за этими словами прячется и другая Джулия, которая прямо смотрит ему в глаза и вздыхает, отчего в нем закипает кровь. Винченцо чувствует, что она его хочет, чувствует, что ее мучает совесть, — он чутьем угадывает в ней желание и страх во время их мимолетных встреч.

Меж тем Джованни Порталупи не замечает, что сестра его стала больше чем наживкой. Винченцо ухмыляется про себя. Испытывает что-то вроде отвращения к этому молодому человеку, который решил использовать сестру, чтобы расположить его к себе. Ни его, ни Джулию невозможно использовать в своих интересах. Напротив. Это он, Винченцо, пользуется ситуацией, ведя дальше игру, которая впервые в жизни пробуждает в нем душу, а не ярость или ум. С Джулией происходит то же самое. Он это знает.

Они хотят этого оба.

* * *

На следующий день по его возвращении из Марсалы Томмазо Порталупи оказывает Винченцо радушный прием. Он лично приносит ему бокал мадеры, просит располагаться и сам садится за стол.

— Итак, ваше предложение по новой партии серы?

— Для вас отложена четверть всей продукции, — Винченцо закидывает ногу на ногу. — У меня хорошо налажен сбыт в Неаполе и Марселе. Однако я заинтересован в постоянных посредниках и на северном рынке. В Пьемонте и в Ломбардии.

— На этом рынке уже много конкурентов, и не только по продаже серы. Ваша деятельность весьма… обширная. До меня дошли слухи, что вы намереваетесь производить вина.

— Так и есть. — Винченцо не смутился.

Порталупи потирает кожаный бювар на столе. Подбирает слова.

— Позвольте говорить с вами начистоту, дон Флорио. Меня удивляет ваш выбор: начинать торговать марсалой в такой период мне представляется рискованным предприятием. Англичане практически монополизировали как производство, так и продажу вина.

— Вы не один так думаете. — Винченцо встает, ходит по комнате. — Но я делаю ставку на другой рынок, в отличие от моих уважаемых коллег Ингэма и Вудхауса. Мои вина предназначены для стола дворян. Скорее даже, для высшей знати. — Он подходит к окну, смотрит на городские стены и чуть дальше, на синеву бухты Кала. — Сера, которую я вам поставляю, полностью удовлетворяет ваших клиентов. Несколько самых крупных кожевенных производств в Англии покупают сумах исключительно у нас. Так же произойдет и с вином.

— Поживем — увидим, — произносит Порталупи мрачным тоном. — Деньги ваши — вам и решать.

Они прощаются. Стоят в дверях, когда подходят Джулия с матерью.

Винченцо приветствует обеих с вежливой сдержанностью. Антония бледна, она все еще в домашнем платье. Джулия в перчатках и туфлях — очевидно, собралась прогуляться.

Винченцо выходит из дома Порталупи, но не слишком торопится. Надо растаможить товар, а палаццо Стери отсюда недалеко. Он мог бы послать туда приказчика или своего секретаря, так как речь идет о пряностях, но нет: сегодня он пойдет на таможню сам.

Смеется. Потому что знает настоящую причину такого решения. Не первый раз он подобным образом отступает от правил.

В отличие от многих молодых девушек Палермо, Джулия ходит по городу одна: мать часто остается дома из-за боли в груди, и дочь берет на себя хлопоты по хозяйству. Завидев ее, жители Палермо неодобрительно поднимают брови: выйти на улицу даже без горничной… Так делают только нездешние.

Значит, если ему повезет, он встретит ее по дороге.

* * *

На таможню у Винченцо уходит всего несколько минут.

Один жест — и служащий спешит его обслужить. Винченцо проходит без очереди, не обращая внимания на недовольное ворчание тех, кто уже долго ждет — среди них и сын Сагуто, — и показывает на мешки с табаком, которые надо перенести на площадь Сан-Джакомо.

Затем Винченцо выходит на виа Кассаро, где точно должен встретить Джулию, идущую быстрым шагом в своей голубой шляпке.

Джулия первая замечает его. Она возвращается домой с корзинкой в руках. Хочет поскорее пройти мимо, и вместе с тем ее ноги замедляют шаг.

— Добрый день, — говорит Винченцо.

— Синьор… — опустив глаза, она пытается обойти его сбоку.

Он хватается за ручку корзинки.

— Позвольте?

Джулия вынуждена поднять голову.

— Позвольте? Да вы вырываете ее у меня! — восклицает она, но корзинку не отпускает.

Они смотрят на корзинку и тянут ее каждый на себя.

Фыркнув, Джулия уступает.

— Вот и славно, — бормочет Винченцо.

Они идут рядом.

— Вы слишком много позволяете себе. Я уже говорила вам, мне кажется, что совместное ведение дел с отцом не дает вам права так себя со мной вести.

— Что я вам сделал? Я принудил вас сделать что-то против вашей воли? — Он приветствует кивком головы знакомого. — Заставил писать письма и передавать их мне через вашего брата?

Джулия вспыхивает. Он прав. Он волнует ее, из-за него она теряет покой. Она допустила слабость.

— Вы… опасный человек. Опасный и несправедливый, дон Винченцо. Если у вас нет честных намерений, вы не должны больше поступать так, как на прошлой неделе, когда…

— Когда вернулся ваш отец и помешал нам?

Униженная, Джулия ускоряет шаг. Виа Дзекка-Реджа недалеко. Еще немного, и она будет в безопасности. Он не осмелится войти с ней в ворота.

— Нет нужды сопровождать меня до дома, не имея на то оснований. — Она пытается держаться от него на расстоянии.

— Никто не обратит на нас внимания. И потом, вы со мной.

— Из-за того, что я с вами, я и боюсь.

Позади них неожиданно поднимается какая-то суета, крики.

По улице в опасной близости от них летит экипаж. Винченцо толкает Джулию к ограде ближайшего дома.

Экипаж проносится мимо, а он все сжимает ее руку.

— Пойдемте со мной, — шипит он ей в ухо.

— Дон Флорио, вы делаете мне больно, — протестует она. Они уже недалеко от виа Кьяветтьери. — Пожалуйста! — умоляет она его.

— Нет. — Он устремляется вперед, чуть ли не тащит ее.

Джулия испытывает стыд и страх. Накрывает его руку своей.

— Винченцо! Прошу тебя!

И тогда он останавливается. Смотрит на нее, будто впервые видит. Открытый взгляд, голос такой тихий и злой, что Джулия потрясена.

— Я терпеть этого не могу. Ты не будешь указывать мне, что можно делать, а что нельзя. Не надо умолять меня. Я не мраморная статуя и не святой, — говорит он ей. — Эта история… то, что есть между нами, должно кончиться.

Торопливым шагом они доходят до дома Порталупи. Винченцо толкает полуприкрытую калитку. Тень от арки окутывает их.

Он роняет на землю корзинку, срывает с Джулии шляпу. Обхватывает ее лицо руками, целует, она пробует оттолкнуть его, но лишь затем, чтобы уступить. Уступить этому властному и чувственному поцелую.

Он первый отрывается от нее, смотрит на нее как на врага.

Потерявшая голову Джулия делает шаг к лестнице, но он толкает ее к стене.

— Куда ты? — И снова прижимается к ней у стены, говорит ей в ухо: — На мое несчастье, мысли о тебе не дают мне покоя. Это сильнее меня, ничего не могу с этим поделать: хочу тебя. Нет муки сильнее, чем желать и не получить. — Он не отрывает от нее глаз, потому что хочет, чтобы она правильно поняла его, между ними не должно быть неясности. — Я не женюсь на тебе. Мне этот брак невыгоден: ты слишком старая и ты не дворянка, думаю, ты это тоже понимаешь. Но я хочу тебя, хочу.

— Что ты имеешь в виду? Что ты такое говоришь? — Джулия тяжело дышит. Неужели он об *этом*? — Ты хочешь, чтобы я… — Брат рассказывал ей, что бывают женщины, которые живут с мужчинами без замужества, женщины, которые мало чем отличаются от проституток, но… — Ты предлагаешь мне стать… — спрашивает и ищет ответа в его глазах. И то,

что написано в них, рассеивает любое сомнение.

— Лучше так, чем остаться старой девой, ведь верно? Чем была твоя жизнь до сих пор? Ты только и делала, что ухаживала за матерью, ничего другого. Ничего. Даже брат твой тебя использует и, если б мог, уложил бы ко мне в постель, лишь бы подписать еще один договор. Ты девушка серьезная, я сам вижу, не надо мне это повторять. Но ты хочешь меня, не отпирайся, и боишься в этом признаться. Я чувствую это, потому что тело… — Он кладет руку ей на грудь. — Тело не лжет.

— Но тогда… — Джулия царапает пальцами стену. — Ты хочешь, чтобы я… — Гнев, разочарование, боль, желание. — Неужели ты смеешь думать, что…

— Только не строй из себя оскорбленную святошу. Я знаю, что ты меня хочешь.

Она заносит руку для пощечины, но Винченцо хватает ее за запястье.

— Отпусти! — Джулия тяжело дышит, пытается оттолкнуть его.

Но он слишком тяжелый, ей не удается, да и к тому же, нет, она не хочет, чтобы он прекращал, вот в чем правда. Сама эта мысль — уже грех. Но она прижимается к нему.

И снова он целует ее, на этот раз в шею, срывая кружевной воротничок с платья. Нет, кусает. Джулия не может бороться, потому что так оно и есть, Винченцо прав: тело предало ее.

Она хочет его всем своим существом.

* * *

Винченцо ушел, а она осталась во дворике перед домом. Так и стоит у стены, но теперь, чтобы отдышаться.

Следует пойти к отцу, рассказать, что Винченцо Флорио неуважительно обошелся с ней.

Нет. Даже в мыслях она не может так поступить. Она умерла бы от стыда. Да она и не хочет. Потому что его слова засели у нее в голове.

Джованни использует ее. Родители всегда рассчитывали на нее и никогда не интересовались ее желаниями. Хватит того, что она всегда рядом, безмолвная как мебель.

В доме тишина. Из коридора доносится голос матери:

— Это ты, Джулия? Я в постели. Отец твой и брат недавно ушли, посидишь со мной?

— Иду!

Она поймала свое отражение в зеркале. Покрасневшие глаза и щеки. На шее, в ямке между ключицами, проступает синяк.

Быстрее.

Платок, чтобы прикрыть шею, чтобы никто не увидел странное темное пятно, потом к матери — подбодрить ее, потом на кухню — помочь Антониетте с ужином. Когда позже Джулия садится со всеми за стол, у нее нет сил, чтобы поесть.

Перед сном кончиками пальцев она гладит ямку между ключицами. След, который он оставил, никуда не делся. Клеймо владельца, черный кровоподтек, как оттиск печати.

*** * ***

Неделю спустя закутанная в плащ темная фигура быстрыми шагами идет по улицам Палермо. Часто оглядывается. Лавки закрыты, лавочники запирают замки.

Призрак сворачивает с виа Кассаро и углубляется в район Кастелламаре, петляет по узким переулкам. Замедляет шаг, дойдя до площади Сан-Джакомо. Останавливается.

Наконец решительно направляется к виа Матерассаи. Сквозь оконные стекла магазина Флорио просачивается свет.

Рука в перчатке настойчиво стучит в дверь.

Винченцо один. Отрывает голову от счетов, которые просматривал при слабом свете свечи.

Кто бы это мог быть? Магазин закрыт, поздно. Кто бы ни был, стук настойчивый.

Он подходит к двери, видит силуэт в плаще. Открывает.

— Ты? — спрашивает он спустя несколько мгновений.

— Я.

Он отступает в сторону, затем закрывает дверь на ключ. Возвращается в кабинет, сопровождаемый шуршанием юбок. Капюшон плаща падает, бледное лицо Джулии Порталупи вырисовывается в полумраке.

— Зачем ты пришла?

— Маме нужно лекарство. От холода у нее случился приступ сильного кашля с кровью. — Протягивает ему лист бумаги. — Вот. Эти травы.

— Тебе нельзя ходить по улицам в такое время. Должен был прийти твой брат.

Она смотрит в пол.

— Я сама хотела прийти. Джованни знал, но не остановил меня.

Что-то похожее на злорадный смех звучит в кабинете.

— Ага, наш дорогой добренький Джованни… Я говорил тебе, помнишь?

— Да. — Она так и стоит, протянув руку, словно ее записка — прошение.

Винченцо берет листок. Не смотря в него, кладет на стол.

— Но ты сама захотела прийти.

Она поднимает на него глаза.

— Да… Да, — повторяет громче. Ненавидит себя за это произнесенное слово.

Он обнимает ее. Закрыв глаза, она прижимается к нему.

Боится. Боится и сгорает от стыда.

— Что со мной будет? Я погибну, — шепчет Джулия. Она хотела бы заплакать, но не может, потому что тело взяло верх, сейчас оно само за себя решает, что и как ему делать. — Потеряю честь. Кто захочет меня после этого?

— Никто, — Винченцо снимает с нее накидку. — Никто не захочет. Ты — моя, — шепчет он ей на ухо и расстегивает пуговицы платья. Затем расшнуровывает корсет, стягивает с нее юбки.

Они опускаются на пол и занимаются любовью.

Потому что так и есть, Винченцо прав: тело не лжет. Жар в крови иначе не унять.

* * *

Проходят недели. Месяцы.

Потом, однажды вечером, все летит в тартарары.

Джулия, Джованни и Винченцо выехали прогуляться за городскими стенами, в районе палаццо Бутера. В экипаже мужчины разговаривают о делах и общих знакомых. Джулия, сидя рядом с Джованни, не смотрит на Винченцо, но чувствует, как его нога касается ее лодыжки, скрытой под юбками, отчего по телу пробегает дрожь.

Вдруг, повернувшись, Джованни замечает двуколку.

— О черт! — восклицает он. — Спиталери, торговец шерстью с площади Маджоне. Мне надо с ним кое-что уладить.

Джованни высовывается из окошка, окликает. Тот замедляет скорость, знаком подзывает его.

— Иди поговори, мы тебя подождем, — предложение Винченцо звучит как приказ.

Джулия беспокойно ерзает на сиденье, а Джованни выходит из экипажа и идет к торговцу.

Когда он исчезает из их поля зрения, Винченцо наклоняется вперед, привлекает ее к себе.

— Наконец-то! Иди ко мне…

Она закрывает глаза, прижимается к нему. Огонь и солома. И ясно, кто — огонь, кто — солома.

Такими их застает неожиданно вернувшийся Джованни: Джулию с ослабленным корсетом и юбкой, перекрученной на бедрах, и тяжело дышащего Винченцо.

Джованни смотрит на сестру, которая судорожно оглаживает платье, видит пряди волос, выбившиеся из шиньона, ее красные от стыда щеки. И с ужасом отмечает, что Винченцо не испытывает ни малейшего смущения.

В бешенстве он хватается за голову. Хочет закричать, оскорбить их, ударить.

— Ты… — медленно произносит он, обращаясь к сестре. — Ты позволила ему… Что вы наделали?

Она закрывает лицо руками.

— Не кричи, прошу тебя, — шепчет. — Прекрати, — умоляет.

Тут вступает Винченцо:

— Успокойся и уходи. Завтра днем я приду поговорить с твоим отцом.

Дома на Джулию сразу обрушиваются обвинения в беспутстве. Она сознается в отношениях с Винченцо, признается, что уступила ему. Брат неистовствует, повторяя, что считал ее девушкой честной и достойной уважения, а она отдалась первому встречному.

Сквозь слезы она находит силы защищаться и упрекает в случившемся Джованни, но он закрывает ей рот рукой.

— Не говори ерунды. Он взял то, что ты дала ему.

— Бесстыжая! — шипит наконец мать. Потом подходит, дает ей пощечину и тут же без сил падает на диван, задыхаясь и кашляя. Томмазо расхаживает взад-вперед, не обращая внимания на слезы дочери и тяжелое дыхание жены. Потом останавливается перед Джулией и тихим грозным голосом говорит ей, что подумает, отослать ли ее в Милан или закрыть в монастыре.

Она убегает в свою комнату, бросается на кровать, накрывает подушкой голову, заглушая рыдания.

На все. Она на все согласна, лишь бы они не разлучили ее с Винченцо.

На следующий день Винченцо приходит в дом Порталупи на встречу с обоими мужчинами. Они закрываются в кабинете.

Джулия и Антония, ожидая в гостиной, молча смотрят друг на друга.

Но Джулия не выдерживает: трое мужчин решают ее судьбу, даже не поинтересовавшись, чего бы хотела она. Ей *надо* знать, что происходит там, куда ей вход закрыт. Тогда она встает, подходит к кабинету и впивается взглядом в дверь, так что в ее памяти навсегда запечатлевается дверной узор с облупившейся краской.

Прислушивается.

Винченцо объясняет, как обстоят дела. Спокойным и самоуверенным тоном заявляет, что не женится на ней, потому что у него на сей счет другие планы. При этом он желает взять ее под свое *покровительство* и рассчитывает на их *здравый смысл*.

— Говорю как есть. Ваша дочь нравится мне, и я признаю, что соблазнил ее. Принимаю на себя всю ответственность, если вы это хотите услышать. Поскольку ничего уже не поправишь, — произносит он не без чувства удовлетворения, — я попросил вас о встрече, чтобы сообщить вам мои условия. Я не брошу Джулию на произвол судьбы и не хочу, чтобы вы выставили ее за дверь.

Потрясенный услышанным, Томмазо Порталупи гневно кричит:

— Где ваша совесть? Вынудили ее уступить вам и сейчас хотите сделать ее вашей девкой?

Джованни в ярости подается вперед, обещая поквитаться с ним за поруганную честь сестры.

Винченцо охлаждает его пыл одним сухим ответом:

— Не будь лицемером. Ты все знал.

— Я думал, ты будешь обходительным, потому что она моя сестра, старая дева…

Смех Винченцо звенит как пощечина.

— А я считаю, что ты — расчетливый сводник. Ты думал, что, подсунув ее мне, станешь привилегированным покупателем моих товаров, разве не так? Не будь ребенком. Сколько раз ты оставлял нас наедине? Сколько раз отворачивался в другую сторону? Джулия могла не заметить твоих уловок, но не я. И если я сделал ее своей любовницей, то только потому, что мне нужна была она, а не ваши деньги.

— Ты позволил, чтобы…

От горького тона отца у Джулии все внутри сжимается.

И снова Винченцо спокойно продолжает:

— Подумайте, синьор Порталупи: не знаю, с вашего ли согласия или

без, меня это мало интересует, но ваш сын часто оставлял меня наедине с Джулией. Он всегда находил способ посадить меня рядом с ней, хотя я его об этом никогда не просил. Знаете, как здесь говорят? Не подкладывай к огню соломы, так и не сгорит.

Стул падает на пол.

Джулия отступает на шаг.

Джованни кричит:

— Хватит! Не важно, как все произошло. Сейчас ты должен защитить ее честное имя!

Джулия не верит, что брат искренне переживает за нее. Скорее всего, он просто чувствует себя униженным и злится на Винченцо, который разоблачил его постыдный умысел перед отцом.

— Нет, — сухо отвечает Винченцо.

— Тогда я опозорю тебя перед всеми. Тебе не может сойти это с рук: мы сделаем все, чтобы извалять твое имя в грязи. Все узнают, что ты пользуешься невинными девушками без намерения жениться! Все должны знать, что ты за пройдоха!

Винченцо отвечает таким тихим голосом, что Джулия еле слышит его.

— Ты угрожаешь… мне?

— Да. Веди себя как мужчина, черт возьми!

Долгая пауза.

Джулия представляет, как Винченцо смотрит в упор на Джованни до тех пор, пока тот не отводит взгляд.

— Добрая половина торговцев Палермо — мои должники, векселя остальных под моим обеспечением, — говорит он наконец. — Я управляющий по банкротству, член Торговой палаты. В моих руках доли крупных кораблей, причаленных в порту Палермо. Одного моего слова кому надо достаточно, чтобы поставить вас на колени.

— Вздор. У тебя нет власти над людьми, — возражает Джованни, теперь уже дрогнувшим голосом.

— Ошибаешься. Мне ее дали деньги. Ни ты, ни твой отец ничего здесь не добьетесь. Вы здесь чужие. Одно неверное слово — и никто больше не будет иметь с вами дело в Палермо и во всей Сицилии.

В кабинете повисла тишина.

Джулия за дверью не знает, что думать.

Наконец Томмазо Порталупи произносит уверенным, ледяным тоном.

— Я хорошо понял, что вы имеете в виду, синьор. Значит, правда все то, что я слышал о вас: вы пройдете даже по трупам родственников ради достижения своих целей. У вас нет ни малейшего представления о морали,

нет уважения ни к чему и ни к кому. Своим поступком вы загнали нас в угол… Что ж, вы сказали свое слово, теперь позвольте сказать мне. Вы проникли в наш дом, как змея. Вы навсегда сломали жизнь моей Джулии, потому что ни один мужчина никогда не сядет за стол, за которым поел другой. Будьте хотя бы искренни, скажите: вы позаботитесь о ней? Мне невыносима мысль, что однажды вы бросите ее в нищете. Она и так уже лишена чести, единственного богатства, которым обладает женщина.

— Полагаю, для вас мое слово ничего не стоит, — отвечает Винченцо тоном, в котором Джулии слышится сожаление. — Тем не менее — да, я позабочусь о ней.

Дверь распахивается. Перед Джулией появляется Винченцо.

Он обхватывает ее лицо руками.

— Собери свои вещи, — тихо говорит он. — Через неделю ты уйдешь из этого дома.

Это будет худшая неделя в ее жизни. Мать почти не разговаривает с ней, отец не замечает ее, если не считать коротких взглядов, исполненных глубочайшего разочарования. Джованни открыто пренебрегает ею.

Она ест одна в своей комнате, глотая еду вместе со слезами.

Только когда Винченцо приходит за ней, наступает конец мучениям.

Он нашел для нее мезонин, невысокий полуэтаж, окнами выходящий в тот же двор, что и дом Порталупи. По распоряжению Винченцо комнаты освободили от старой мебели, побелили и обставили заново.

Через неделю Джулия входит туда хозяйкой, с ней — горничная, нанятая Винченцо.

В этом доме она ощущает себя странно. Виноватой и в то же время мучительно счастливой.

Винченцо выразился ясно: он никогда не женится на ней. И все равно она его любит. Любит упрямо, страстной первой любовью, глупой и слепой, зная, что у нее нет надежды. И этой любви, превратившей ее в женщину, которой приходится скрываться, в дочь, опозорившую семью, она благодарна. Эта любовь делает ее счастливой.

Раньше она была молодой порядочной девушкой, тенью, живущей лишь для того, чтобы услуживать матери и семье. Теперь она — содержанка одного из самых богатых людей в городе. Не дворянина, которому не зазорно иметь любовницу, а простого торговца.

В глазах общества она немногим лучше куртизанки, а Винченцо — разбогатевший лавочник. Даже если люди боятся его и власти его денег, от их презрения не защититься.

Но все это ничто по сравнению с тем, что ее ждет.

* * *

Весенним утром 1835 года жизнь Джулии снова разделилась на «до» и «после».

Молодая девушка разглядывает себя в зеркале. Она одна в доме. Доме содержанки. Любовницы дона Флорио.

Лицо осунулось, темные круги под глазами — подарок бессонных ночей.

Она стягивает ночную рубашку. Стоит обнаженная. Дрожит, но не от холода.

Фигура изменилась.

* * *

Тем же утром в доме номер 53 на виа Матерассаи горничные открывают окна. Прохладный воздух и утренний свет врываются в столовую.

В брюках и расстегнутой рубашке Винченцо за простым завтраком бегло просматривает документы совета Торговой палаты, членом которой он является. Лоб, обычно нахмуренный, сейчас гладкий.

Запах Джулии все еще с ним.

В тот момент, когда он встает из-за стола, в комнату входит Джузеппина со словами:

— Нам нужно поговорить.

Он хватает печенье трикотто и, хрустя им, направляется к двери.

— Нет времени.

— И все же постой. Ты знаешь, что я иду к монахиням из монастыря Санта-Катерина? Они хотят познакомить меня еще с одной девушкой, сестрой одной из послушниц. Говорят, очень хорошенькая *девочка*. И я не знаю, что мне делать. Пойти сказать им, что у моего сына есть содержанка?

— Узнайте, что хотят ее родственники, и сообщите потом мне!

Мать преграждает ему путь.

— Ты опять ночь провел с этой!

Винченцо запускает руку в волосы, призывая всех святых, чтобы они помогли ему сдержаться и не вступать в очередную перебранку с матерью.

— Не ваше дело.

— Нет, мое. Пока ты живешь под этой крышей, это и мое дело. Говорю

тебе, ты должен забыть ее! А если — не дай Бог! — она родит ребенка? А? С ублюдком-то ты будешь никому не нужен, нечего и думать о девушках из благородных семей!

— Мама… — Он вздыхает. *Успокойся*, говорит сам себе. — Я мужчина, а не монах. И это, прежде всего, мой дом.

— Ты меня этим попрекаешь? Вспомни, что ты наделал!

Нет, никакие святые не помогут избежать ссоры, которую Джузеппина собралась затеять.

— Опять эта история с Баньярой? Когда уже вы прекратите?

— Никогда! Ты не должен был так поступать: это мой дом, а ты продал его, не сказав мне ни слова! — Голос Джузеппины, в котором звучит обида, преследует его по коридору и в спальне. — Ты и твой отец отняли все, что у меня было. И я еще должна терпеть, что ты спишь с этой своей миланской потаскухой?!

От этой фразы Винченцо замирает на месте.

— Прекратите сейчас же, — шипит он. Глаза — две щелки. Сорванная с тела рубашка летит на кровать.

— Ну уж нет, я не буду молчать! Ты не знаешь, как это ужасно — приходить на службу в Сан-Джакомо и чувствовать, что на тебя все смотрят!

Винченцо раздевается догола.

— Какое мне дело, что думают люди?!

— Ты что делаешь? Срам какой! У своей бесстыжей научился? — Джузеппина отворачивается, краснеет.

— Вы меня родили. Чего стесняться?

Мать слышит плеск воды в тазу, которым пользовался еще Иньяцио.

— Если бы твой дядя был жив, ты бы так не поступил. Завести содержанку на глазах у всех… Это же грех смертный!

Шум воды прекращается. Винченцо берет свежую рубашку. Продевая жемчужные пуговицы в петли, отвечает, не глядя на нее:

— Это будет последний из грехов, с которым я предстану перед Богом. Хорошо, если вас это так беспокоит, найдите мне жену, и я буду спать дома с ней. Берет сюртук, надевает его, резкие движения выдают нервозность. — Но знайте: женатый или нет, я не откажусь от Джулии. Никогда.

*** * ***

Почти ночь, когда Винченцо входит во двор на виа Дзекка-Реджа.

Бросает взгляд на окна квартиры Порталупи и идет в мезонин. Туда, где, по словам матери, Винченцо и Джулия совершают «грех смертный».

Бредни старух и священников.

Как минимум половина мужчин, которых он знает, имеют любовниц, если не еще одну семью, помимо официальной, — Бен Ингэм, например, который относится к сыновьями графини Спадафора, как к своим собственным. Но редко когда любовная связь по расчету превращается в историю любви.

Он не задерживается на этой мысли. Не хочет.

Звонит. Никто не отзывается. Открывает дверь своим ключом, снимает сюртук, проходит в гостиную.

Ее нет. Возможно, ушла к родителям.

После ссоры с ними из-за того, что она решила открыто жить как его содержанка, Джулия долго испытывала чувство вины. Только недавно она снова начала навещать родных. Ее отец, как прагматичный человек, быстро простил ее. Мать — нет, продолжает попрекать, заставляя мучиться угрызениями совести.

Винченцо наливает себе лимонад из графина. Поработает немного до ее возвращения.

Он не замечает времени, пока пламя свечи не начинает колыхаться от дуновения вечернего ветерка.

Встает, вглядывается в окна дома Порталупи. Различает тень, потом другую: кажется, это Джованни и Джулия. Они спорят.

Спустя какое-то время Джулия выходит, пересекает двор, опустив голову. Он открывает ей дверь, волнуясь сильнее, чем мог бы себе в этом признаться.

Джулия стоит перед ним на пороге. Такая бледная, словно вылеплена из алебастра. Она молча проводит ладонью по его лицу. Видно, что она чем-то сильно огорчена.

Целует его.

— Но что… — бормочет он.

Она прикладывает палец к его губам, запрещая ему спрашивать.

— Пойдем со мной.

Берет его за руку, и он идет за ней в спальню, зачарованный тихой просьбой.

*** * ***

Первые лучи солнца будят его.

Он обводит взглядом белый потолок, занавески, защищающие комнату от бесцеремонных глаз, шифоньер из красного дерева.

За окнами шум города, который снова оживает.

Он ощущает дыхание Джулии, щекочущее ему висок. Редкий момент покоя, и потому ценный. Теплая нежность ее тела, как дом, дарит ему умиротворение. С ней ему не надо опасаться нападок. Не надо доказывать, что он лучше других.

Она — Джулия, он — Винченцо. Больше ничего.

Когда он переворачивается на бок, то видит, что она не спит. Смотрит на него своими большими темными глазами, серьезными, но спокойными. Одна рука под подушкой.

— Я жду ребенка от тебя.

Только через мгновение Винченцо понимает смысл этих слов.

Ребенка.

Значит, внутри нее, в ее теле, что-то растет.

Ребенок. Сын. Мой.

Он срывает с нее простынь, жадно осматривает ее. Груди налились, бедра полные. Живот округлился.

Господи, как он раньше не заметил!

Джулия испугалась: закусила нижнюю губу, и рука, сжимающая подушку, дрожит.

Вопрос срывается с его губ, прежде чем он успевает подумать:

— Ты уверена, что он мой?

Джулия переворачивается на спину. Еле заметно улыбается. Похоже, она готова к этому вопросу.

— Ты был первый и единственный.

Она права, и он это знает.

Вдруг Винченцо замечает, что он голый. Хватает простынь, прикрывает бедра. Джулия рядом лежит неподвижно, дрожит от холода, сердце ее сжалось.

— Сколько уже?

— Кровь не идет три месяца. — Она кладет руку себе на живот. — Еще немного, и будет заметно.

Винченцо проводит руками по волосам. Когда они его зачали? Он старался быть осторожным, но не всегда получалось. Они жили вместе, занимались любовью целый год.

На свет появится его незаконнорожденный ребенок, как мать и предполагала.

— Я не женюсь на тебе. Не могу. Ты помнишь, да? — произносит он безотчетно, и, говоря так, подавлен, раздражен и растерян. — Ты не подходишь для… Мать продолжает искать мне жену, — добавляет.

Чтобы у нее ни одной мысли не закралось, чтобы не думала, что если у нее *живот* и будет *ребенок*, значит, она может крепко привязать его к себе.

— Посоветуйся срочно со своим братом или отцом. Если можно еще…

— Я так и знала. — Джулия усаживается на середину кровати. Нагая, гордая. Кажется, будто она сияет в лучах света. — Перед тем как ты произнесешь это, потому что я ждала, что ты и про это скажешь, знай, я не пойду ни к кому избавляться от него. Я хочу этого ребенка.

Винченцо отодвигается на край кровати.

Она хватает его за запястье, обнаруживая необычную для женщины силу.

— Послушай. Придет день, когда ты найдешь женщину, которую вы с твоей матерью с таким рвением ищете, и женишься на ней. Или я надоем тебе, и ты больше не придешь. Тогда у меня останется что-то, что будет напоминать мне о тебе, о нас.

Винченцо высвобождает руку.

— Тебе что, мало этого дома и денег, которые я тебе даю? Зачем тебе незаконнорожденный? Ты надеешься получить с меня еще больше? Я же сказал, ты не будешь нуждаться, даже если я уйду от тебя.

Он и вправду хотел бы сбежать, забыть все: это утро, чувство страха, от которого у него перехватило дыхание, это маленькое существо, что растет внутри его женщины и отбирает ее у него.

Он не представляет себе, что значит иметь ребенка. Он никогда не видел себя в роли отца.

Джулия плачет навзрыд. Ищет одеяло, укрывается. Сжимается в комок посреди кровати.

Винченцо не остается ничего, как одеться и уйти. Рыдание Джулии преследует его до двери.

* * *

— Бесстыжая! Теперь еще и это! — кричит Антония в промежутках между приступами кашля. Она качается в кресле, смотрит на дочь круглыми глазами без слез, которые могли бы принести облегчение. — Незаконнорожденный ребенок! Что нам теперь делать? Только этого не хватало! Мало нам горя!

Джулия, в темном платье, застегнутом под самое горло, теребит носовой платок, так что распускаются края. Она одинока, во всяком случае, так она себя чувствует. Пришла к матери, чтобы услышать слова утешения, обняться. Сейчас, когда ей нужна помощь, она нигде ее не находит.

Мать — тот человек, который должен защищать тебя даже от тебя самой. Только не ее мать, эта слабая женщина, думающая единственно о своей болезни.

Антония плачет, и слезы ее, кажется, не кончатся никогда.

* * *

Однако вечером Антония уже спокойна. Сидит на диване рядом с Джулией, смотрит на недавно вернувшихся Томмазо и Джованни, и знает, что придется ей, матери, сказать вслух о том, о чем оба подумали, услышав новость. Поэтому она ждет, когда муж перестанет ходить взад-вперед по ковру в гостиной, заложив руки за спину и опустив голову, и когда сын изольет душу, исчерпав все оскорбления в адрес Винченцо.

Когда наконец наступает тишина, она прокашливается и бормочет, что выход найти можно… Заплатить акушерке, умеющей держать язык за зубами, полдня помучиться, и от позора не останется и следа.

Потом переводит взгляд на Джулию.

— Ты уверена, что не хочешь…

— Нет, — говорит она твердо, опустив глаза.

— Тогда ты уедешь. — Антония встает, закашливается, снова опускается на диван. — Вернешься в Милан. Поедешь к тете Лорене, сестре моей матери, за город. Разрешишься там, потом посмотрим.

Но Джулия мотает головой.

— Я не хочу уезжать.

Как объяснить им, что ей безразличны люди, которые ее оскорбляют и считают шлюхой? Она прекрасно знает, на что пошла. Она хочет быть с Винченцо, и ничего не поделаешь, если ей приходится довольствоваться крохами в своей жизни. Если ей этого достаточно. Она всегда так жила: крепко держалась за то малое, что другие позволяли ей взять. Но как, как объяснить это матери и Джованни?

Она хочет остаться в Палермо, чего бы ей это ни стоило.

— Ты уедешь, — настаивает мать. Решительно.

— Нет!

Джулия разражается рыданиями. С тех пор как она забеременела, она

часто плачет, слезы стали привычкой.

Антония с Джованни переглядываются.

— Джулия… послушай меня. — Джованни опускается перед ней на колени, берет за руки. — Если Флорио женится, что, по-твоему, у тебя останется? Никаких воспоминаний, потому что его жена пожелает, чтобы ты исчезла из его жизни. И уже не будет места для…

Джулия помнит слова Винченцо. Знает, что мать продолжает искать ему жену.

— Не хочу, — твердит упрямо. — Нет.

Она повторяет это и в последующие дни, когда мать заставляет ее втайне собрать вещи в дорогу. Антония нашептывает ей, что все равно Винченцо ее разлюбит, потому что теперь, когда она беременна, ее тело с каждым днем теряет прелесть, а ему только и нужно, что развлекаться с красивой женщиной.

— Я всегда говорила, что он проходимец. А ты веришь ему, наивная дурочка.

Она повторяет это и когда Джованни объясняет ей свой план. Джулия слушает его с отсутствующим видом. Он найдет им обоим места на корабле, идущем в Геную. Он проследит, чтобы все прошло хорошо до самого их приезда в Милан. Потом вернется в Палермо.

Между тем Винченцо исчез. Ни письма, ни визита. От него, который раньше проводил ночи, крепко обнимая ее.

Вместо Винченцо теперь невыносимая пустота, она убивает ее.

Джулия перестает сопротивляться. Падает духом, всецело покоряется тому, что с ней происходит. Позволяет другим решать за нее.

Как будто ее никогда и не существовало, а может, так оно и было на самом деле.

Однако…

Странно, но найти место на корабле оказывается сложно. У знакомых Порталупи капитанов и судовладельцев нет свободных мест на кораблях. Одни утверждают, что не возят пассажиров. Другие говорят, что все места распроданы. Говорят вполголоса, отводя глаза или хитро посмеиваясь.

Один раз — случайность, два — неудача… но три отказа — совпадение странное. Томмазо начинает догадываться, в чем дело.

Однажды вечером раздается стук в дверь.

Порталупи удивленно переглядываются. Они никого не ждут.

Джулия, бледная, сидит за столом. Кажется, она далеко отсюда: жертва охватившего ее оцепенения, она уже несколько дней не замечает ничего вокруг.

Все из-за беременности, говорит мать, но Джулия знает, что это не так.

Горничная открывает.

И голос, его голос вырывает Джулию из пустоты, в которую она провалилась.

— Добрый вечер.

Винченцо Флорио переводит взгляд с одного на другого. Старается не смотреть на Джулию.

— Зачем ты пришел? — Джованни первым набрасывается на него. — Мы тебя не звали. Уходи!

— Несколько слов — и уйду. — Он хватает стул, садится между Антонией и Джулией, забрасывает ногу на ногу. — Несколько дней назад мой добрый друг Ингэм сообщил мне, что вы, синьор Порталупи, искали корабль до Генуи. Я не особенно удивился: подумал, вам надо поехать по делам. — Он пристально смотрит в глаза Томмазо. — Пока не узнал, что вам нужно два места.

Порталупи вытаскивает салфетку из-за воротничка, отодвигает тарелку.

— Мы не должны отчитываться перед вами, синьор.

— А я считаю, должны. Я обещал вам, что возьму Джулию под свое покровительство, и это значит, что она должна оставаться здесь, в Палермо. Со мной.

Она поднимает голову. Кажется, к ней начал возвращаться румянец.

— Мы должны заботиться о нашей дочери. Джулия не понимает, что лучше для нее, особенно в том состоянии, в котором она находится, — вмешивается Антония. — Она не может жить здесь незамужней, с ребенком без отца.

— Насчет этого вы ошибаетесь, синьора. У вашей дочери светлая и умная голова. Кольцо и священник не изменят наших отношений. — Винченцо говорит без тени улыбки, в его ровном голосе ни намека на триумф или самодовольство. — С вашей стороны глупо не понимать, что я не позволил бы увезти ее от меня. Если, конечно, она… — Только сейчас он поворачивается к Джулии. — Если, конечно, она сама не хочет уехать. В таком случае я с уважением отнесусь к ее решению. Не к вашему, синьоры. Джулии. — Он протягивает к ней руку ладонью вверх.

Останься, хочет сказать он. Но не знает как.

Джулия читает это по его лицу. Он нервничает и злится на себя за то, что пережил: одиночество, отчаяние этих дней, разлуку, ночи в холодной постели. За то, что не умеет и не может выразить в словах. За то, что все же решается сказать.

* * *

Пробило полночь.

Джулия спит, Винченцо лежит рядом.

Снова. Наконец.

Ее тело стало сливочным, округлилось. И запах ее изменился: медвяный, крепкий, она пахнет молоком и лимоном.

Винченцо не спит. Прислушивается к мыслям Палермо, города, что питается из своих недр, которые его жители из века в век опустошают и наполняют. Думает о делах, о сборе винограда, о заседаниях Торговой палаты. О проблемах с тоннарой в Верджине-Мария, которая еще не в его собственности, но желание выкупить ее все сильнее, и план действий почти созрел. Он любит это место и хочет превратить его в свое королевство.

Вспоминает, как кричала мать, угрожая выгнать его из дома, если он вернется к Джулии, особенно сейчас, когда все, абсолютно все знают, что она забеременела от него.

Счастье быть здесь. Ощущение покоя.

Он прислушивается к дыханию своей женщины. Слышит, представляет, что слышит в нем еще чье-то дыхание.

Ребенок.

От груди рука спускается к животу. Сейчас он ощущает ребенка. Она помогла ему его ощутить.

Вместе с любовью — он, отец! — переживает новые чувства.

Над всем этим преобладает недоверие, от которого сложно избавиться. Это что-то, этот еще не родившийся ребенок украдет у него Джулию. Она не будет больше принадлежать только ему.

Ревность, которую он никогда в жизни не испытывал, раздражает его.

И в то же время забрезжила надежда.

Мальчик. Наследник.

Он переворачивается на бок. Джулия обнимает его сзади, грудью давит в лопатки, живот упирается в поясницу. Вот мой дом, говорит он себе на границе сна и яви. И засыпает, не замечая легких толчков ребенка, который стучится в дверь жизни.

* * *

Январь в Палермо может быть мягким и дарить свет, который словно

говорит на языке весны. Но вот с севера приходит ветер и напоминает всем, что у зимы есть право повластвовать и она его никому не уступит.

Море ей вторит. Здесь, в Аренелле, море весной прозрачное и глубокое. Но зимой вода мутнеет, бурлит и морщится. В один из ясных и обманчивых январских дней 1837 года двое мужчин проходят у стен тоннары, уклоняясь от морских брызг.

— Значит, суд не вынес решение?

— Князь Кастельфорте снова выразил свое несогласие. Не хочет сдаваться, каналья!

Винченцо засовывает руки в карманы, ежится от стылого ветра, пробравшегося под пальто.

— Не хватает его доли собственности, чтобы тоннара стала моей. Даже настоятель монастыря Сан-Мартино-делле-Скале заверил меня, что продаст свою вместе со складами. И только этот проклятый Патернó не уступает.

С ним рядом идет, возможно, единственный человек, которому он доверяет, который больше чем простой служащий. Кудрявые волосы, пышные усы. Карло Джакери разводит руками, говоря:

— Как обычно, басня о наследстве для дражайшей супруги, подозреваю?

— Супруги, до которой ему никогда не было дела. Правда в том, что он не хочет унижаться перед таким торговцем, как я.

— Босяком, если быть точным. — Джакери может позволить себе подобную вольность.

— Да уж.

Они познакомились около двух лет назад, незадолго до рождения Анджелины, дочери Винченцо. Встретились во время ужина в доме герцога ди Серрадифалько. На вечере, когда немногочисленные аристократы и многочисленные буржуа оказались в тесной компании с артистами и учеными.

В Джакери его поразила стройная речь и римский акцент.

— Сегодня с появлением новых кладбищ в Риме архитектурное искусство переживает настоящий расцвет. В общем и целом мы должны благодарить Бонапарта за его идею перенести кладбища за городские стены.

— Бонапарта следует поблагодарить за многое, и прежде всего за то, что он познакомил нас с грандиозным величием античных Египта и Греции, — добавил герцог, любитель истории. — Пусть он положил целые армии, но какие культуры открыл!

Винченцо посмотрел на молодого архитектора, с воодушевлением рассуждающего о предпринимательстве и искусстве, которые могут и должны приспосабливаться к повседневной жизни, как показывает производственный опыт англичан и французов.

— Значит, вы знакомы с последними тенденциями английской и французской архитектуры, согласно которым фабрика должна быть не только производительной, но и разумно организованной? — спросил он его.

Карло Джакери энергично кивнул.

— Конечно. Я провел свою молодость между Парижем и Венецией. Много путешествовал и знаю, о чем говорю. Выстроить четыре стены, установить там оборудование, как требуют некоторые владельцы промышленных предприятий, — не значит достичь практической цели. Если строить прядильную фабрику за городом, может, сойдет и так, но в городе! Тут надо понимать, где и как она будет расположена и кто там будет работать. Фабрики становятся частью нашей жизни, и хорошо, что мы начинаем задумываться о том, как они впишутся в окружающее пространство. Для нас с братом Луиджи промышленное предприятие — здание, сочетающее в себе красоту и функциональность, и оно должно вписываться в ландшафт. Именно этим мы руководствуемся в работе.

В следующую встречу они перешли на «ты». И с тех пор продолжают дискутировать и соревноваться в остроумии. Уже месяц, как Карло, профессор гражданской архитектуры в университете Палермо, сотрудничает с Винченцо. В делах Винченцо доверяет этому человеку больше, чем кому бы то ни было, может, потому что и он родом не из Палермо. У Джакери есть доверенность, он занимается покупкой недвижимости и некоторыми другими вопросами. Но самое главное — он его друг.

Винченцо запрокидывает голову, охватывает здания жадным взглядом. Как же он любит эту тоннару?

— Хочешь знать, зачем я привел тебя сюда? — спрашивает он на ходу.

— Честно говоря, я задавался этим вопросом. Мы гуляем тут уже около получаса.

— Хочу построить виллу. — Винченцо оборачивается, показывает на стены. — Здесь.

Разъеденная солью штукатурка фасадов, склады, сооруженные из туфа, несколько кустов тамарикса, погнутых ветром, каменные стены.

Карло переводит взгляд с Винченцо на здание и обратно на Винченцо.

— Сомневаюсь, правильно ли я понял?

Тот знаком просит следовать за ним. Ведет друга по тоннаре и объясняет, в чем его задумка.

— Винченцо, прости, но я так и не понял. Почему здесь? Это же тоннара! Ты можешь позволить себе виллу в любом месте. Я хочу сказать… самая лучшая недвижимость в Багерии, в Сан-Лоренцо. И, помнится, около месяца назад ты сказал, что хочешь купить дом нотариуса Авеллоне. Передумал?

— Нет, конечно. Но то — инвестиция. — Винченцо хватает Карло за руки, словно хочет, чтобы тот увидел будущую виллу в точности такой, какой она видится ему. — Мне не нужна обычная вилла с колоннами, балконами и статуями. Я хочу что-то такое, что никто никогда и не мечтал построить, и нужна она мне именно здесь, и чтобы в ней отражалась моя жизнь. Она должна быть *другой*. Я не хочу виллу, я хочу дом, который был бы мне домом.

И только тогда Джакери *видит*.

Горизонты — и метафорические, и реальные — раздвигаются.

— Море…

— Море. Вот именно. И земля вокруг, и богатство, проистекающее из всего этого. Я хочу, чтобы все видели и понимали. — Винченцо останавливается. — Ты, в отличие от меня, не родился здесь. Ты путешествовал по Европе, жил в Риме, но захотел приехать именно сюда, потому что знаешь, что Палермо — твой город. Теперь ты понял, что мне надо. Так дай мне это!

И в этой фразе заключено все.

* * *

В экипаже о будущем строительстве уже ни слова, теперь они говорят о хлопковых прядильных фабриках в Марсале: «Пока ничего, все еще не могу найти землю»; о Рафаэле Барбаро, управляющем винодельней: «Можно было бы получать больший доход, но ему не хватает предприимчивости»; о совете Торговой палаты.

— Думаю, это единственное место, где отдельные люди согласны иметь дело со мной как с торговцем, — говорит Винченцо со смесью равнодушия и гордости. — Их мало, но кое-кто, как, например, князь Торребруна или барон Баттифора, понял, что придется запачкать руки, если не хочешь лишиться всего, включая титул. В конце концов, торговцев, заправляющих большими деньгами, в Палермо немного, а аристократов,

согласившихся вести с нами дела, еще меньше.

— Умные люди — редкость, — вздыхает Карло. — Не у всех есть голова, чтобы понять, что мир меняется. — Он достает записную книжку из кармана, читает запись. — Так мне продолжать вести переговоры с герцогом Кумиа о покупке виллы в Сан-Лоренцо? Там большой участок земли, выгодное приобретение.

Винченцо не отрывает глаз от дороги. На лбу собрались морщины, что старит его. Только когда Джакери повторяет свой вопрос, он выходит из задумчивости.

— Что ты сказал?

Карло кладет свою руку на руку Винченцо.

— Сегодня вечером, да? — спрашивает он, прекрасно зная, что Винченцо не терпит вторжения в личную жизнь. — Почему бы тебе не пойти? Твоя дочь все-таки.

— Не знаю, — Винченцо терзают сомнения, хотя он и не показывает виду. — Я не дам ей свое имя, — произносит он с трудом, в голосе звучит сожаление. — Девочка. Еще одна. Просто досада берет. Какая-то насмешка судьбы. — Указывает на лист в руках Джакери: — С Кумиа продолжаем. Авеллоне не продает свою усадьбу мне напрямую, но ему не откажет.

Карло поддерживает:

— Тем более он начальник полиции. Никто не посмеет отказать ищейке.

* * *

Почему бы тебе не пойти?

Вопрос Карло разбудил совесть, мучает его. Мучает весь день и в магазине, куда он заходит, чтобы подписать бумаги, и в конторе дома Флорио.

Виа Матерассаи уже поделена между Ингэмом и Винченцо. Денег и власти у него гораздо больше, чем было в первое время после смерти дяди.

Но для чего они ему, если он не может распоряжаться своей личной жизнью?

* * *

Когда Джулия сообщила о второй беременности, он воспринял новость

с безропотным смирением. После рождения первой дочери, Анджелы — Анджелины, как все ее зовут, — их связь перестали обсуждать: череда других, более ярких скандалов оживила салоны города. Их сожительство вызывает сейчас лишь молчаливое неодобрение.

Сложнее было матери переварить известие. Нелегко было объяснить ей, что она не может запретить ему жениться, даже если законом предусмотрено, что она должна давать разрешение на женитьбу сына. Ему почти сорок… но Джузеппина и слышать ничего не хочет.

Однажды она явилась к нему в контору — лицо серое, как платье на ней в тот день.

— Ты что, снова обрюхатил ее?

Секретарь на пороге в отчаянии развел руками, как бы говоря: «Разве можно было ее остановить?», потом закрыл дверь.

— Доброго дня и вам, мама. Да. Джулия снова беременна.

Она закрыла лицо руками.

— Какое горе! Эта что, всегда вынашивает всех своих детей? Только со мной такое могло случиться? — Джузеппина раскачивалась взад-вперед на стуле, на который уселась. — Она еще не поняла, что ты на ней не женишься? Ты тоже хорош, не знаешь, что надо делать, чтобы не…

— Мама! Даже не вздумайте договаривать фразу, ясно? — говорил он, уперев руки в бока. — К тому же, если в этот раз будет мальчик, я женюсь. Так и знайте.

— Болван! — Разъяренная, она аж подскочила. — Жениться на этой кухарке? Ты не сошел ли, часом, с ума?

— Я здравомыслящий человек. Мне тридцать семь и мне ничего больше не остается. И, если уж начистоту, я не хочу такой жены, как та вдова с уродливым лицом, что вы посватали мне три месяца назад.

Джузеппина в ту минуту — живой портрет оскорбленной матери.

— Ты на ней не женишься. Разрешение жениться могу дать тебе только я, запомни это! Пока еще я тут командую. Эта твоя ни разу ко мне не пришла, ни разу меня не уважила, а теперь собралась переехать в мой дом хозяйкой?

— А ты приглашала ее?

— Ни за что на свете!

— Ну вот, значит, вы квиты.

На Винченцо вдруг навалилась усталость, безропотная покорность, которые одолевали его, только когда он спорил с матерью о Джулии, и наоборот. Для него не было большей душевной муки, чем чувствовать себя загнанным в угол, оказаться перед страшным выбором.

Винченцо переносится мыслями в недавнее прошлое. Вспоминает момент, когда до него дошла горькая весть. Он ждал весь день сообщения, что снова стал отцом.

Девочки.

Сразу после родов Джулия просила его жениться на ней. Сначала просила, потом требовала. Он отказал.

И был выставлен за дверь.

При этом воспоминании душевная боль усиливается. Его любовница — жесткая и непреклонная.

Хочет вернуть себе честь, достоинство. Винченцо думает о Джулии и понимает, что, совершая самую важную сделку в своей жизни, он умудрился заполучить себе женщину, которая оказалась еще большей гордячкой, чем он сам.

Он продолжает крутить на пальце дядино кольцо. Как никогда он нуждается сейчас в его совете.

Достает часы из кармана. Хватает сюртук и пальто, выходит на улицу.

Дом Джулии неподалеку.

* * *

В небольшой гостиной своего дома Джулия Порталупи держит на руках новорожденную, стоя перед священником, пришедшим крестить малышку. Рядом ее брат Джованни, в нескольких шагах позади — служанка с Анджелой. Прошла неделя с рождения, нехорошо более медлить с обрядом крещения.

Уже неделя, как они с Винченцо поссорились.

Священник ходит по комнате. Ему неловко, кажется, он не знает, с чего начать. Кладет на стол миро, зажигает свечи и спустя какое-то время начинает бормотать молитвы. Джулия в своих мыслях, едва следит за его жестами.

Так было с Анджелиной. Так же происходит и со второй ее дочерью. Только ее, больше ничьей. Винченцо не захотел признать детей. Джулия с трудом терпит эту ситуацию. Одиночество, всеобщее презрение — тяжелая ноша.

И сейчас вторая тайная церемония со священником, быстрым шагом вошедшим в дом без сопровождения служки. Своего рода подпольный ритуал, совершаемый дома, вдали от посторонних глаз, — только так, если дети внебрачные. Даже родители Джулии не захотели прийти на крещение.

— Мама-а-а-а, — беспокойно зовет малышка.

Джованни подходит, берет ее на руки, чтобы не шумела.

— Ну же! Ты хорошая девочка! Маме надо покрестить твою сестренку. А бабушка напекла сладостей, пойдем к ней потом?

При этих словах Джулия вздыхает. Она предпочла бы, чтобы ее мать была здесь, с ней, а не сидела дома, приготовив печенье по случаю крестин, которые никто, кажется, не считает за торжество.

Священник начинает петь псалмы на латыни. Трескучий голос отражается от мебели и потолка.

— Какое имя дадите ребенку?

Джулия открывает личико малышки.

— Джузеппина. Как у ее бабушки.

Священник косится на нее. Он знает, что мать Джулии зовут Антония, и знает, кто отец обеих девочек. Вторую незаконнорожденную приносит она этому безбожнику Винченцо Флорио. С разницей чуть менее двух лет. Ведет себя бесстыже, будто жена, а тот не хочет брать на себя ни капли ответственности.

Вдруг слышится звук отпираемого замка, потом скрип входной двери и шумный хлопок. На пороге гостиной появляется тень в темном пальто.

Винченцо.

В комнате наступает тишина. Джулия замирает. Хочет подозвать его, чтобы встал рядом с ней.

Потом переводит взгляд на священника. Жестом просит продолжать.

Джованни тоже замечает его.

— Хочешь, скажу, чтобы он ушел? — шепчет он ей.

— Нет.

Он здесь. И это своего рода поступок, которого она от него не ожидала.

Священник помазывает грудь девочки миром, мочит лоб святой водой. Малышка плачет, извивается. В конце ритуала заносит имя девочки в свидетельство о крещении.

Джузеппина Порталупи, рожденная от Джулии Порталупи. Крестный: Джованни Порталупи. Крестная: служанка Лучия.

Никого другого, кто мог бы взять на себя эту ответственную роль, нет.

Священник тушит свечи и собирает свои вещи, когда Винченцо входит в гостиную.

Джованни встает у него на пути.

— Куда идешь?

— Хочу видеть свою дочь.

— Она не носит твою фамилию, как и Анджелина. Ты отказался признать обеих, забыл?

— Не перед тобой я буду оправдываться.

Оттолкнув, обходит его.

Джулия сидит на диване, переодевает Джузеппину. Малышка изворачивается, хнычет от холода.

Джулия приветствует Винченцо едва заметной улыбкой.

Он опускается на колено рядом с ней.

— Я слышал, какое ты выбрала имя. Спасибо.

Протягивает руку, чтобы прикоснуться к малютке, которая, продолжая сучить ножками, суетится в поисках материнской груди. Наконец находит и успокаивается.

— Я бы хотела, чтобы оно хоть как-нибудь помогло. — Джулия заворачивает ребенка в шаль. — Но и оно не поможет, верно?

— Нет. — Он нетерпеливо вздыхает. Сзади него Джованни и Анджелина. Он чувствует их взгляды спиной. — Я хочу поговорить с тобой. Наедине.

В этот момент Анджела вырывается, подбегает к матери. Прячется под ее рукой и из своего укрытия недоверчиво смотрит на Винченцо. Для нее отец — призрачная фигура.

— Хорошо. — Джулия встает, прижимает Джузеппину к груди. — Даже если уверена, что пожалею об этом.

Она провожает священника до двери. Джованни подает священнику щедрое пожертвование «для сирот прихода».

Священник кивает с серьезным видом, зажимает монеты в руке и выскальзывает наружу.

Опершись рукой на дверной косяк, Джулия сверлит брата взглядом.

— Мне надо поговорить с Винченцо. Наедине.

— Ты сумасшедшая. Сумасшедшая или глупая, не знаю. Что, ты думаешь, он тебе скажет? — Джованни указательным пальцем тычет в сторону гостиной. — Почему ты себя ни во что не ставишь? С таким человеком, как он, никогда не будет ничего хорошего, ни семьи, ни уважения. Так и будешь всегда… как сейчас.

Джулия знает, что это так. Брат прав. Надо было бежать в Милан, как только она забеременела Анджелиной. И тем не менее распахивает дверь, кивком указывает ему на лестницу.

— Пожалуйста. — И эта ее настойчивая просьба не допускает возражений.

Джованни разводит руками.

— Хуже, чем есть сейчас, твоя жизнь уже не будет.

Зовет Анджелину.

— Не хочу, чтобы она слушала как вы ругаетесь, бедная девочка, — бормочет.

Джулия сжимает губы.

Девочка, которая по-прежнему искоса наблюдает за отцом, бежит к дяде и хохочет, когда он берет ее на руки. Винченцо следит за ней, смотрит как она исчезает за порогом комнаты. Немного погодя слышит, как закрывается дверь. Джованни и ребенок хохочут.

С ним Анджелина никогда не смеется.

* * *

Джулия возвращается в гостиную в домашнем платье, ребенок жадно сосет грудь.

— Другая твоя дочь даже не взглянула на меня.

— Спорю, что ты даже не спросил себя почему. А надо бы, — отвечает она ехидно, потом жестом просит его следовать за ней. Заходит в спальню, садится на постель, чтобы удобно было кормить малышку. Винченцо робко смотрит на нее. Долго разглядывает в тишине. Он еще не видел, как материнство смягчило ее силуэт.

— Ты уверена, что не хочешь кормилицу? У тебя грудь обвиснет, — негромко говорит он.

Она мотает головой.

— Зачем ты вернулся? Я сказала тебе, чтобы ты не возвращался, пока не поговоришь с матерью.

Винченцо расстегивает сюртук, чтобы присесть на край постели.

— Она не хочет. Не хочет, и все.

— А ты не хочешь сделать выбор между ней и мной. Нет. Не надо больше ничего говорить, — ее голос становится резким. — Любопытно, как это дон Флорио, беспринципный торговец, известный своей жесткостью, превращается в испуганного дитятку перед своей мамочкой.

— Она моя мать. Старая и одинокая.

— А я Цирцея, обольстившая тебя. Ты рассказывал ей, как было на самом деле, как ты преследовал меня, пока я не уступила?

— Ты сама согласилась.

Она закрывает рот рукой, словно сдерживая слова.

— Конечно. Теперь я виновата, — произносит она наконец со злостью

и ненавистью. — Я не могла поступить иначе, будь проклято мое сердце.

Винченцо нервничает: встает, снова садится.

— Не так все просто.

— И для меня тоже. — Джулия перекладывает малышку повыше к плечу. — Я могла не обращать внимания на сплетни или терпеть презрение из любви к тебе. Но сейчас у нас две дочери, Винченцо. Два человечка, которым нужен отец. Твоей матери пора согласиться с этим, так же как и тебе, и перестать лелеять несбыточные надежды.

— Это спорный вопрос. Если расчет верен, люди способны пройти через что угодно, — хмыкает он. Его раздражает, что Джулии удалось припереть его к стене. — Все равно мать никогда не даст согласия на свадьбу, а без ее благословения я не могу жениться. Это закон.

— Закон гласит, что ты *уведомляешь* ее о своем желании, так как тебе больше тридцати лет. — Джулия чувствует, как слезы щиплют ей веки. Но она не должна плакать и не будет. Она кладет Джузеппину в корзинку, и малышка гулит, засыпая. — Если не собираешься жениться на мне, признай хотя бы детей. Не лишай их законного отца.

Винченцо кусает губы. И она понимает, что он не даст ей даже этого.

— Ты трус! — Джулия встает, указывая на дверь. — Не хочу тебя больше видеть!

Но он остается сидеть на месте. Хватает ее за руку.

— Не проси меня выбирать между тобой и матерью.

И тут яркой вспышкой в ее голове проносится мысль. Настолько горькая, что она не может удержаться, чтобы не закричать:

— Потому что они девочки! Поэтому ты не хочешь признать их, не так ли? Потому что они не могут стать твоими наследниками. — Она хватается за голову. — Как я была слепа! Вот почему твоя мать против, а ты не противишься ей! А я, глупая, прошу признать девочек! — Джулия швыряет ему пальто. — Убирайся!

Винченцо ловит пальто, потемнев лицом.

— С тех пор как ты забеременела другой, ты стала невыносимой. Мне казалось, я ясно выразился два года назад.

Он надеялся, что Джулия будет более сговорчивой, но…

— *Та, другая,* тоже твоя дочь, и у нее есть имя: Джузеппина. — Джулия распахивает дверь дома. — Ты предпочел мать, поэтому уходи и больше не возвращайся, — произносит она хриплым голосом, сжав кулаки.

Винченцо смотрит на нее и загорается желанием. Да, у Джулии уставшее после родов лицо, и живот еще не опал, но, помимо плоти, в ней есть что-то такое, теперь он знает, что не дает ему уйти. Он хочет остаться,

войти в нее, но не может, потому что слишком мало времени прошло после родов, а роженицу трогать нельзя.

Он сжимает руку, ударяет кулаком по двери. Дерево трескается, костяшки пальцев содраны в кровь.

Джулия вздрагивает, отступает. Винченцо — вспыльчивый, но он никогда не был жесток с ней. Она испугалась.

— Это еще не конец, — сиплым, напряженным от ярости голосом произносит Винченцо. — Ты моя.

И выбегает.

Джулия остается одна. В бессилии прислоняется спиной к закрытой двери, хватается руками за голову. Плачет. Физическая слабость примешивается к чувству одиночества и беспомощности от мысли, как трудно растить двоих дочерей без отца и без имени. Сколько бы денег Винченцо ни оставлял в комоде спальни, они никогда не заменят поддержки, которую мужчина должен оказывать своей семье.

Когда она сделала выбор — вернее, решила быть с ним, — она не представляла, что может произойти. Не думала о детях. Существовал только Винченцо.

А теперь есть ее девочки.

И что он сейчас будет делать? — задается она вопросом. Искать другую женщину? Которая будет согревать его по ночам, заберет себе и не станет претендовать на уважение, которого требует она? Или мать найдет ему девушку, на которой он женится?

Внезапный страх потерять его захлестывает ее волной.

*** * ***

Проходят дни, за ними недели. Джулия тяжело восстанавливается после родов, поэтому Анджелина проводит много времени с бабушкой Антонией. Джованни же коротает вечера у нее и, чтобы отвлечь, рассказывает ей, что происходит в городе. Как-то вечером он останавливается на пороге в растерянности. Смотрит на нее, потом подает ей кошелек.

— Это тебе послал он. Я сказал ему, что о тебе заботится твоя семья, но он так красноречиво выразился… Ты ведь его знаешь!

Джулия вздыхает. Винченцо не знает другого способа выражать свои чувства. Берет монеты.

— Скажи ему, чтобы он пришел хотя бы повидаться с детьми, —

несмело произносит она, перед тем как закрыть дверь.

На следующий вечер, когда малышки уже спят и она тоже собирается ложиться, раздается стук в дверь. Удары настолько легкие, что она думает, ей послышалось.

Джулия запахивает пеньюар и идет открывать.

За дверью Винченцо.

— У тебя же свои ключи есть, — говорит она, открывая.

— Ты меня прогнала.

Она фыркает, отворяет дверь.

— Это твой дом. Ты платишь по счетам.

Ничего не говоря, Винченцо направляется в спальню, где, как он знает, стоит деревянная колыбель. Отодвигает кисею, разглядывает Джузеппину под балдахином.

— Ты и дальше собираешься кормить ее?

— Да, — Джулия стоит, скрестив руки, смотрит на него. — Анджелина спит в другой комнате с Лучией. К ней нельзя.

Винченцо отходит от младенца.

— Они хорошо себя чувствуют?

Джулия кивает.

Он подходит, убирает прядь волос с ее лба. Раздумывает, перед тем как заговорить.

— Зато ты бледная как смерть. Ты высыпаешься? Ешь мясо?

Джулия отводит его руку, переходит в гостиную.

— Дело не в еде. Я подолгу не могу заснуть по ночам от тревожных мыслей, — говорит она и сжимает кулаки. — Единственное, что может улучшить мое самочувствие, — уверенность, что ты позаботишься обо мне и о девочках. А ты…

— Я передал тебе деньги с этим балбесом, твоим братом. — Первые признаки раздражения проступают в его голосе.

— Потому что для тебя все начинается и заканчивается деньгами, правда? У тебя теперь есть семья.

— У меня есть любовница, которая родила мне двух незаконных дочерей. Это другое.

На эти слова Джулия не отвечает. Застыла. У нее перехватило дыхание.

Вот, значит, кто она. Так он к ней относится.

— Ты могла бы все изменить, если бы захотела, — в его шепоте слышатся жалобные ноты. Он тянет на себя ее скрещенные на груди руки. — Я могу дать тебе только это.

— Ты не *хочешь* давать мне ничего другого, потому что ты трус. —

Она закрывает лицо сжатыми в кулак руками. — Не хочешь из-за того, что не можешь выкинуть из головы свои проклятые мысли. Для тебя главное — не перечить матери, которая ведет себя с тобой как с пятнадцатилетним. И все-таки рано или поздно тебе придется сделать выбор.

Он подходит к ней ближе. Хватает ее за горло, не сдавливая пальцев, но достаточно сильно, чтобы у нее перехватило дыхание.

— Нет никакого выбора.

Несколько секунд, но их хватает.

С горла рука перемещается на затылок, и грубость сменяется лаской. Они целуются, хотят друг друга. Слишком много времени прошло с тех пор, как они были вместе. А они не могут долго друг без друга.

Обнимаясь с ним, Джулия ненавидит себя. Потому что она его вечно прощает, потому что любит и принимает обратно после каждой ссоры, ведь жизнь без Винченцо невыносима. С тех пор как они встретились, ей уже мало только самой себя.

Винченцо не открывает глаза. Потому что это его дом. И если весь мир — это шаткая земля, то Джулия — его море.

* * *

Винченцо выскальзывает из дома, когда она, утомившись, заснула. Уходит молча, потому что не знает, что ей сказать.

Скорее всего, она права, когда называет его трусом.

Но Джулия не спит. Последнее, что она слышит, это стук закрывшейся двери.

Она перекладывает Джузеппину к себе. После любви кровать ей кажется гораздо шире и холоднее, чем в те ночи, что она провела в одиночестве. Слез от злости больше, чем от тоски, ярость сильнее, чем сожаление.

Наступает воскресенье.

Джулия прихорашивается, надевает одно из самых своих лучших платьев. Оно все еще ей тесновато, ну да ладно.

Одевает Джузеппину, просит мать посидеть с Анджелой, говорит, что скоро вернется.

Утреннюю мессу в Сан-Джакомо посещают в основном женщины и мужчины из народа, у которых днем нет времени ходить на богослужение. Среди них, больше по привычке, чем по необходимости, — Джузеппина Саффьотти Флорио.

Джулия видит, как она входит в церковь. Строгое лицо, седые волосы собраны под чепцом. После службы идет вслед за ней. Выжидает, пока она дойдет до дома на виа Матерассаи.

— Донна Флорио! Донна Флорио! — окликает она ее.

Джузеппина непроизвольно оборачивается. Щурит глаза, не сразу узнает ее. Но при виде ребенка вспыхивает. Поворачивается к ней спиной, решительно направляется к дому.

— Смотрите-ка, какая бесстыжая…

— Постойте! — Джулия догоняет ее.

Кто-то высовывается в окно. Извозчик наблюдает за ними. Некоторые женщины, только вышедшие из церкви, замедляют шаг.

Джулия обгоняет Джузеппину, преграждает ей путь.

Той ничего не остается, как остановиться.

Голос сейчас у Джулии громкий — чтобы все слышали и знали:

— Донна Флорио, не хотите взглянуть на свою внучку?

Люди вокруг смотрят и слушают.

В ответ — скрежет пилы по дереву:

— У меня нет внуков.

— Вы уверены? У этого ребенка ваше имя.

— Ну и что? Джузеппин много разных.

— У этой глаза вашего сына.

Джузеппина, к своему несчастью, бросает на нее взгляд. Малышка очень похожа на Винченцо: его нос, высокая линия бровей. Она резко отстраняется.

Так нельзя, это неправильно.

— Сука никогда не знает, от кого у нее щенки. Невозможно запомнить всех кобелей, что спаривались с ней.

Джулия прижимает дочь к груди, будто защищая.

— Только суки, у которых нет хозяина, так делают. Жаль, что мой крепко держит поводок. И не я его добивалась: это он увел меня из моей семьи.

— Бывает, поводки становятся удавками. — В голосе Джузеппины ненависть. — Если вы думаете, что вам удастся втереться в нашу семью, то не рассчитывайте. В нашем доме для вас нет места.

Джулия не знает, что возразить.

Джузеппина обходит ее. *Поставила мерзавку на место*, говорит она себе удовлетворенно. Чего она собиралась добиться, *кухарка* и есть *кухарка*. Наконец-то проявила свою сущность.

Ответ Джулии догоняет ее уже на пороге дома.

— Этот поводок я выбрала не из-за денег. Вы-то что можете об этом знать? Вы, которая никогда никого не любила?

* * *

Из окна столовой Винченцо — босиком, в халате — все видел. Он провожает удаляющуюся Джулию взглядом, пока та не исчезает за поворотом.

Слышит приближающиеся нервные шаги Джузеппины.

— Ты видел, а? Ну что за женщина! Вот дрянь! Но я поставила ее на место. Чего захотела? Закатить скандал в этом доме? Ишь какая!

Он не оборачивается.

Очень долго, когда отношения их стали уже серьезными, его мучил вопрос, почему он так привязался к ней. Почему продолжает добиваться ее, возвращаться после каждой ссоры.

Сегодня, наконец, понял.

Мать спрашивает, почему он ей не отвечает. Видит, как он идет в спальню, быстро одевается.

— Да что такое? Что ты делаешь?

— Мама, идите, штопайте свои носки!

Вот что он ей говорит — штопать носки, будто она выжившая из ума старуха, которой надо держаться от него подальше. Уязвленная гордость и возмущение написаны на ее лице.

— К ней побежал? К этой черной язве? К дьяволу во плоти? А меня? Меня одну оставляешь? — кричит она уже из окна вслед Винченцо, который уходит все дальше по виа Матерассаи под взглядами женщин, наслаждающихся сценой.

Винченцо почти бежит по переулкам, проходит мимо закрытых лавок. Догоняет Джулию на виа Кассаро. Она медленно бредет среди празднично одетых людей, наклонив голову к ребенку. Он, который хорошо ее знает, понимает, что она держится из последних сил, чтобы не разрыдаться. Такое унижение стоило ей многого.

Винченцо подходит к ней сбоку, на глазах у всех берет ее под руку.

Джулия вздрагивает.

— Но…

— Пойдем домой. К нам домой.

Кружево
Июль 1837 — май 1849

Чаша весов опускается под тяжестью груза.

Сицилийская пословица

В июне 1837 года эпидемия холеры, уже несколько лет терзающая Европу, достигла Сицилии. Плохие гигиенические условия, в которых жила большая часть населения, способствовали распространению болезни, и только в начале октября эпидемия была остановлена. Документальное свидетельства той эпохи говорят о двадцати трех тысячах смертельных случаев в одном Палермо.

1838–1847 годы относительно спокойные, но уже с сентября 1847 года на Сицилии поднимается волна протестов, вызванная бедностью, постоянным ростом числа сторонников независимости и социальных конфликтов. Репрессивные действия Фердинанда II разжигают народное недовольство, и 12 января 1848 года Джузеппе Ла Маза и Розолино Пило организовывают в Палермо восстание против Бурбонов. Палермо — первый сицилийский город, который провозглашает независимость от Неаполя. Главой революционного правительства становится адмирал Руджеро Сеттимо. Поддерживаемый аристократией и буржуазией, он рьяно призывает народ к решительной борьбе. Фердинанд утверждает Конституцию, и почти все итальянские государства следуют его примеру. 4 марта 1848 года король Карл Альберт провозглашает Альбертинский статут. 17 марта восстает Венеция, на следующий день — Милан. Очень скоро всю Европу, включая Папскую область, захлестывает революционная волна: 24 ноября 1848 года папа Пий IX вынужден бежать в город-крепость Гаэта. 9 февраля 1849 года провозглашается Римская республика под руководством триумвирата (Карло Армеллини, Джузеппе Мадзини, Аурелио Саффи).

Однако революционное движение в очередной раз подавлено. Довольно скоро становится ясно, что остров Сицилия политически разрознен (Мессина и Палермо, например, злейшие враги) и что интересы революционных сторон не совпадают: дворяне и буржуазия стремятся к обогащению (желая прибрать к рукам церковное имущество), а народ

рассчитывает на перераспределение земель. В мае 1849 года преследуемое бурбонскими войсками ослабленное революционное правительство решает сложить оружие. Фердинанд II проявляет милосердие: смертную казнь для руководителей восстания заменяет ссылкой. И объявляет королевское помилование тем, кто поддерживал революцию.

Хлопковая пряжа, иглы, коклюшки, подушки для плетения кружев.

Кружевоплетение — это искусство.

Чтобы сплести несколько сантиметров кружев, чтобы, переплетая одну нить с другой, создать узор из тонких линий, нужны уверенные руки, терпение и острое зрение.

Это хорошо знают кружевницы с небольшого острова Бурано, который веками кормился за счет их трудов. Екатерина Медичи, убедив нескольких женщин поделиться своими умениями, отправила их во Францию преподавать в монастырях это секретное искусство. Кружево Центральной Европы отличает *зубчик*, геометрический орнамент, украшающий одежды самых богатых в королевстве мужчин и женщин. Лучшие школы кружевоплетения перемещаются из Италии на север Европы: в Валансьен, Кале, затем в Брюссель и Брюгге.

Столь любимое Наполеоном кружево становится обязательным атрибутом придворных нарядов.

В Англии, на родине промышленной революции, для плетения кружева на тончайших тканях начинают использовать вязальные машины. Даже королева Виктория выходит замуж в вуали из гипюра, произведенного механизированным способом, и кажется, что нет больше будущего у этого изящного искусства.

И все-таки ручное кружевоплетение не умирает. Появляются коклюшки, позволяющие работать быстрее благодаря наматыванию на них нитей. Входит в обычай использование крашеного шелка. Девушки из бедных семей дерзают осваивать ремесло.

Лишь годы спустя это старинное искусство вновь расцветет в Венеции и оттуда распространится по всей Италии.

Кружево ручной работы становится достоянием немногих богатейших семей. Оно ценится наравне с ювелирными украшениями.

Сокровище.

*** * ***

Стоит невыносимая жара, палит беспощадное солнце.

Палермо умирает. По виа Кассаро проезжают телеги, запряженные изнуренными клячами. В телегах — трупы. Извозчики кричат:

— Кому мертвых похоронить?

Кто-то дает знак и спустя минуту выбрасывает тело из окна.

Каждый день город платит дань жертвами холеры, добравшейся до острова с континента в июне 1837 года. И то, что не удалось сделать заразе, довершают люди. Вслед за эпидемией пришел народный бунт, подстрекаемый теми, кто обвиняет короля в распространении инфекции: вода и еда, кричат они, нарочно были заражены, чтобы умерло больше людей.

Фасады барочных дворцов из туфа, крепко запертых на засовы, напоминают раскаленные на солнце черепа. Брошенные дворянами жилища обшаривают в поисках еды или денег. Магазины и лавки поджигают. Вымаливая кусок хлеба, люди умирают прямо на улицах. Зерно из деревень больше не привозят. Дезинфекция хлором не защищает от заразы, лишь заполняет переулки вонючим дымом, который смешивается с заплесневелым запахом костров, разводимых на площадях для сожжения простыней и мебели. Только два-три доктора, оставшихся в городе вместе с несколькими монахами, ходят из дома в дом для соборования. Или помолиться за упокой души усопших.

Даже море, виднеющееся за Порта-Феличе, кажется нереальным, почти недостижимым. В бухте Кала всего несколько судов. Многие из них стоят на якоре из-за карантина.

Винченцо проходит вдоль стены по виа Арджентьери. Он пока не уехал из города, но сделает это совсем скоро. Пинком отшвыривает бродячую собаку, копающуюся в мусоре. Закрывает лицо носовым платком, чтобы не дышать вредными испарениями, поднимающимися от сточных вод канализации. Повсюду тяжелый запах смерти, от которого некуда деться.

В начале виа Дзекка-Реджа в окружении вооруженных мужчин — экипаж с зашторенными окошками. Джулия, в шляпе с вуалью, стоит рядом. Она ищет Винченцо глазами, вглядывается вдаль. Увидев его, прижимает руки к груди и бежит навстречу.

— Поехали с нами, — с ходу говорит она, без приветствия.

Он мотает головой, настойчиво повторяет, что пока не может.

— Дом недалеко от Монреале[12] и очень хорошо защищен. Джованни и твои родители присоединятся к тебе сегодня вечером. Не выходи никуда и как можно меньше общайся с незнакомыми людьми, — велит он ей.

Из экипажа доносится плач Джузеппины и жалобный голосок Анджелы. Джулия, охваченная тревогой, берет его за руки.

— Ты скоро приедешь?

— Да, да. Будьте осторожны, пусть вам кипятят белье и…

Она целует его так крепко, как будто прощается с ним навсегда.

— Я не хочу уезжать, — говорит она и хватает его за запястье. — Отправим девочек. Я останусь… Если ты заболеешь, кто будет ухаживать за тобой? — умоляет она.

Но Винченцо мотает головой, нет, не согласен, ей тоже нужно поберечься. Он чуть ли не подталкивает ее к экипажу, и тогда Джулия садится, Анджелина забирается к ней на колени.

Приезжай быстрее, кажется, просят ее глаза под вуалью. *Не оставляй меня одну.*

И Винченцо вынужден отвести взгляд. Ему тяжело смотреть, как она уезжает, понимая, что болезнь может унести ее за одни сутки. Возможно, они видятся в последний раз. Дети — слишком легкая добыча для этой заразы.

Накануне он посадил в такой же экипаж мать с горничными, проводив их до самого выезда из города. Он отправил их в бальо, дом в Марсале, где они будут в безопасности.

Но сам — нет, он пока не может уехать. Надо проверить склады, запасы, связаться с французскими поставщиками, предупредить, чтобы не присылали новых товаров, так как их нельзя растаможить: в городе все вверх дном, и на таможне никого нет.

Неожиданно из переулка перед палаццо Стери появляется Франческо Ди Джорджо, торговый управляющий по городам Сицилии, и громко окликает его.

— Дон Флорио! Вот вы где, идите сюда! Какое несчастье!

Беспокойство сменяется тревогой.

— Складские запасы?

— Валерьяновый краситель, перец, кардамон и ментоловое эфирное масло… Ничего нет! Все закончилось! Мелочь, что оставалась, и ту конфисковали. Когда я уходил, перед магазином толпились люди, и мне это совсем не понравилось… Все в отчаянии. Говорят, около суда разгромили и сожгли аптеку. В деревнях даже священников убивают: думают, что они переносят заразу… Люди сходят с ума!

— Проклятье!

Они бегут в магазин. На площади Гарраффелло фонтаны разбиты. На цоколе одного нарисован черный крест. Временами до них доносится запах

хлорной извести, используемый для дезинфекции, который смешивается со зловонием отхожих мест.

На виа Матерассаи люди выстроились стеной. Кармело Каратоццоло, приказчик магазина, стоит перед дверью с поднятыми руками.

— У нас все закончилось, клянусь вам! Всё! Корабли не приходят, поставок нет! Совсем ничего не осталось!

— Как так? И даже настойки опия? А что мне жене сказать? Она корчится от боли в постели… — Перед ним стоит человек и умоляет, сложив руки.

Другой, молодой, мужчина спрашивает в отчаянии:

— Ни одного пузырька валерьяны? Для моей дочки, моей малышки!

Толпа мужчин и женщин проклинает, упрашивает, напирает, чтобы войти.

Винченцо пробирается вперед, расталкивая людей локтями. Ужас, исказивший их лица, хуже холеры: он чувствует его на себе, не может от него избавиться, опутан им по рукам и ногам.

— Я вам не верю! — кричит какой-то старик. Хватает камень, кидает в витрину.

— Вы припрятали лекарства для ваших друзей!

Винченцо вздрагивает, бросается вперед. Он не позволит разгромить магазин. В нем вся его жизнь: он начал свой путь здесь и закончит его здесь, среди этих стен, облицованных деревом. В одиннадцать лет он вошел сюда с дядей, который показал ему вывеску с раненым львом, и, можно сказать, никогда уже отсюда не выходил. Больше всего на свете он хотел бы, чтобы дядя Иньяцио был сейчас рядом, хотел бы услышать его уверенный голос.

— Нет! — кричит он, но гул толпы заглушает его голос.

— Давайте заберем всё! — раздается чей-то призыв.

Винченцо встает между рассерженной толпой и Каратоццоло.

— Стой! — кричит он во всю мощь, какая только у него есть.

Люди останавливаются. Смотрят на него со смесью ненависти и надежды.

— Дон Флорио, ради всего святого, — умоляет парень, бросаясь ему в ноги. — Помогите нам! Вы же можете!

Винченцо поворачивается к Каратоццоло, но тот продолжает качать головой. Со слезами в глазах, потому что, ей-богу, хотел бы помочь этим бедным людям.

— Дон Флорио, я сам видел. У нас правда все закончилось. Поверьте мне.

Винченцо раскрывает руки и показывает всем ладони.

— Это правда, клянусь вам! Я знаю многих из вас: ты — Вито, торговец рыбой на рынке, сын Бьяджо, корабельного плотника, у тебя есть малышка одного возраста с моей дочерью, — говорит он парню. — А ты — Беттина, жена Джованни, полотера. Там дальше — Пьетро, каменщик. Я знаю вас и ваши семьи, потому что живу здесь, как и вы. И раз уж я клянусь вам, что у меня ничего не осталось, значит, так оно и есть.

— Вранье! Вы спрятали лекарства! Давайте их сюда, или мы силой заберем! — доносится голос из глубины площади.

Толпа гудит, колышется, напирает.

Винченцо распахивает сюртук, расстегивает жилет, рубашку. Выставляет напоказ голую грудь, на которой появились первые седые волоски.

— Хотите убить меня? Вот он я, здесь! И я не отступлюсь. Но, если говорю вам, что у меня больше ничего нет, поверьте мне! Все закончилось, даже моей семье ничего не осталось.

Каменщик гневно взрывается:

— Вы говорите так, потому что вы всё продали своим друзьям!

Винченцо смеется злобно и отчаянно. Разводит руками.

— Что ты такое говоришь? Какие друзья? Вы видите тут экипажи? Или солдат? Нет! — Он хватает Каратоццоло за руку. — В магазине остались только я да этот горемыка. Я здесь, так же как и вы, и если меня одолеет холера, я умру собачьей смертью, так же как и вы. Если говорю вам, все кончилось, значит, все кончилось. Все запасы в палаццо Стери тоже исчерпаны. Пока карантин не снимут, ничего не поступит.

Женщина, Беттина, выходит вперед, берет его за рукав. На лице такое скорбное недоверие, что Винченцо с трудом выдерживает ее взгляд.

— Если уж у вас, самого важного торговца Палермо, больше ничего нет. Если это действительно так…

Винченцо показывает на магазин:

— Хотите проверить? Заходите.

Над площадью повисает тишина. Некоторое время никто не двигается. Потом медленно, с рыданиями и криками отчаяния, толпа редеет, рассеивается.

Только один парень остается сидеть на земле. Винченцо склоняется над ним, кладет руку ему на затылок, говорит на ухо:

— Иди домой, сынок, и моли Господа. Только Бог может помочь Палермо.

Вито рыдает. У Винченцо от его всхлипов мурашки бегут по коже,

потому что плач отца для него теперь не пустой звук. Потому что он представляет себя здесь, на брусчатке, повергнутым ниц, в грязи, убитым горем, отчаявшимся найти лекарства для Анджелины, или Джузеппины, или, еще хуже, для Джулии.

Этот плач, кажется, преследует его и на следующий день, когда он приезжает, наконец, в Монреале, к Джулии с девочками. Он погружается в угрюмое молчание: не хочет рассказывать, что видел и слышал. А ночью не может заснуть, идет в комнату дочерей. Они крепко спят, волосики раскиданы по подушке, рты приоткрыты. Садится рядом, прислушивается к их дыханию. Здоровы, живы.

Он не уверен, можно ли сказать то же самое про дочку Вито…

* * *

Винченцо Флорио, коммерсант и промышленник из Палермо, владелец шхун, серных копей, виноделен и тоннар, член городской Торговой палаты, финансовый страховщик и посредник, сидит в расстегнутой рубашке и домашней обуви на скромной кухне в мезонине на виа Дзекка-Реджа.

На дворе октябрь 1837 года, эпидемия холеры наконец-то закончилась. Болезнь унесла более двадцати тысяч жителей Палермо. Нередко — целыми семьями.

А им, можно сказать, повезло. Они все живы.

Винченцо поужинал с Джулией и ее дочерьми — со своей незаконной семьей. Завтра он отправится на виа Матерассаи, к матери. Наконец жизнь возвращается в свое русло.

Девочки уже спят под присмотром няни. Они милы и хорошо воспитаны. Джулия разговаривает с ними на французском, на языке, который выучила в детстве в Милане. Читает им сказки перед сном.

Она такая же простая и практичная, как в самом начале знакомства.

Винченцо наблюдает, как она наводит порядок в комнате, подсыпает угля в камин. Моет овощи, потом пытается открыть консервную банку, но не может. Обращается к нему:

— Не поможешь?

Показывает на банку: соленый тунец. С тоннары Аренелла, которой он владеет совместно с Аугусто Мерле, наполовину французом, его компаньоном, переехавшим в Палермо.

Он берет банку, открывает крышку ножом. Металлический щелчок. И по комнате распространяется запах рассола, уносящий его в детство.

Он видит кухню на площади Сан-Джакомо и силуэт человека, обращенного к нему спиной, вытаскивающего куски рыбы из глиняного кувшина, запечатанного воском.

Кто это? Паоло, его отец, или дядя Иньяцио?

Человек поворачивается.

Отец.

Он снова видит густые усы, бороду, суровый взгляд. Смотрит, как отец окунает рыбу в теплую воду, чтобы смыть с нее соль, говорит что-то матери о том, что они замаринуют ее в оливковом масле, чтобы дольше хранилась.

Какая-то мысль проносится в голове, что-то *щелкает*, как в часах.

Масло. Тунец.

Он возвращается в настоящее, воспоминания растворяются в полумраке. Джулия благодарит его. Протирает руки лимоном, чтобы не пахли рыбой.

— Может, прислать тебе повариху? — неожиданно говорит он.

Она отрицательно качает головой.

— Твоя мать скажет, что я выбрасываю деньги на ветер. У меня уже есть горничная и няня для Анджелы и Джузеппины. И к тому же мне нравится готовить.

Но он настаивает.

— У моей экономки есть дочь. Очень хорошая девушка, она управляется со всем хозяйством. Я пошлю ее к тебе.

В ответ нетерпеливый вздох.

— Иногда мне кажется, что я и в самом деле твоя жена. Я говорю, а ты меня не слышишь.

Винченцо обхватывает ее за талию. Она обнимает его, поднимается на цыпочки и целует, слегка касаясь бородки, подстриженной на английский манер. Кивком просит его пойти с ней.

— Возьми свечу, — чувственно шепчет она ему, словно они любовники, которые хотят друг друга.

Они спят вместе, как муж и жена. Однако за стенами этого дома, за двором дома на виа Дзекка-Реджа — город. Палермо, который тоже может быть властной любовницей, и Винченцо знает — какой: ревнивой, переменчивой и капризной, способной расцвести или стать ничем за одну ночь.

Но под красивой личиной она скрывает темную душу.

Винченцо несет в себе частицу этой тьмы. И он обязан быть начеку, ведь то, что его женщина ему прощает, город не сбросит со счетов. Палермо будет любить Винченцо и семью Флорио, пока они приносят

деньги и способствуют его процветанию. Сейчас город совершает таинство преображения: раскрашивается в разные цвета, заполняется стройками и новыми зданиями. И его деньги, деньги дома Флорио, Палермо необходимы.

* * *

Карло Джакери, в начищенных ботинках и льняной куртке, наблюдает за Винченцо. Тот, как это часто бывает, сосредоточенно обдумывает что-то, а потому уже несколько минут молчит и не слушает его.

— Виченци?

— А?

— Я говорю — ты не слушаешь. Не понимаю, это мой голос ввел тебя в такую задумчивость, или ты хочешь что-то сказать мне?

Винченцо проводит в воздухе рукой, мол, извини.

— И то, и другое, по правде говоря. Так о чем мы?

— О том, что монахини из монастыря Бадиа-Нуова жалуются на шум ткацких станков прядильной фабрики. Хотя жаловаться должны были бы монахи, ведь они ближе. Но их можно понять, этих богомолок.

Винченцо подпирает подбородок кулаками.

— Вот что такое Сицилия. Только задумаешь что-то новое, вечно кто-то жалуется. Или ему, видите ли, мешают, или не угодили, или его возмутили до глубины души, и каждый норовит указывать, что мне следует делать…

— Я понял, — Карло посмеивается в усы. — Я думал облицевать стены пробковыми панелями, чтобы заглушить шум, но не уверен, поможет ли это уладить конфликт. Благочестивые женщины жалуются еще и на пар от машин.

— Это же прядильные фабрики. А пар — горячая вода! В Англии они появились еще двадцать лет назад, и никто не смел возражать. Пусть прочитают на пару-тройку молитв больше и закроют окна. Послушай меня лучше… — Винченцо ищет листок, перечитывает его. Складка меж бровей делается глубже. — Читай.

Джакери поправляет очки, сосредотачивается.

— Продажи тунца уменьшились… На всех тоннарах, не только на Сицилии. Спрос снижается и на сардины, и на потроха.

— Угу, — Винченцо жестом просит его читать дальше.

— Как думаешь, почему? Потому что, говорят, они вызывают цингу?

— Да. С англичан берут пример и другие судовладельцы. Но я-то знаю, что это не так. Моя семья не только торговала соленой рыбой годами, но и ела ее, и все наши зубы целы.

— Поди угадай, в чем истинная причина. Конечно, подобное снижение… пока не очень заметное, но оно может продолжиться.

Винченцо недовольно отмахивается.

— Мясо можно долго хранить на льду с гор Мадоние. Но тунца всегда солили!

— Нужен другой метод… — Карло задумался. — Что-то вроде копчения… не знаю, можно ли коптить тунца. Или…

Щелк.

Винченцо поднимает голову.

Щелк.

Отец маринует рыбу в масле, после того как промыл ее от соли, потому что…

Щелк.

Он роется в бумагах, ищет календарь.

— Следующий забой тунца… Ближайшая *маттанца* в Аренелле — через десять дней. Поэтому…

Джакери наблюдает за ним. Винченцо, кажется, воодушевился и как будто сразу помолодел.

— Почему мясо гниет, Карло? — спрашивает он его, вставая. Не дожидаясь ответа, продолжает: — Потому что его пожирают черви. Но если мясо вареное, оно хранится дольше. И как его сохранить, чтобы оно не гнило? — Он подходит, наклоняется к нему. — Если я хочу, чтобы оно хранилось шесть месяцев или год, предположим, во время путешествия по океану, или даже дольше, что мне делать?

И он шепотом излагает ему свою идею.

*** * ***

В мае с приходом весеннего тепла начинается забой тунца. Рыбы много, моряки благодарят святого Петра и святого Франческо ди Паола за такое изобилие.

В мае банки с тунцом в масле, жестяные и стеклянные, определены в погреб дома Джакери, под присмотр удивленной, но бдительной Каролины, жены Карло.

Должно пройти определенное время.

Год.

Год, чтобы проверить. Чтобы понять, может ли вареный тунец, замаринованный в оливковом масле и плотно закрытый в банках, выдержать путешествие по океану или — для начала — долгосрочную консервацию. Винченцо весь отдался эксперименту, одержимый навязчивой идеей, что, если не пробовать ничего нового, ничего не изменится.

А он хочет быть хозяином своей жизни.

В июне, когда солнце слепит глаза, а белье сушится от одного дуновения знойного ветра сирокко, Джулия берет за руку Винченцо и объявляет ему о новой беременности.

* * *

На рассвете 18 декабря 1838 года кто-то стучит в дверь дома Флорио на виа Матерассаи. Сначала стучит, а затем изо всех сил молотит кулаком.

Джузеппина слышит шум, встает, идет открывать вместо служанки, направившейся было к двери.

— Что такое?

Видит перед собой запыхавшуюся горничную, торопливо переступающую порог.

— Я к дону Винченцо, — говорит она, склоняясь в едва заметном реверансе. — Важное сообщение. У моей хозяйки… пришли боли.

Джузеппина выталкивает ее.

— Ну и что? Иди отсюда, и она пусть катится…

В прихожую входит Винченцо. Глаза все еще заспанные, но при виде горничной взгляд оживляется.

— Что-то случилось, Нинетта?

— Меня послала синьора Джулия. Пришло время, дон Флорио.

— Именно сегодня, Боже правый! — Он проводит рукой по волосам. — У меня важная встреча по поводу винодельни, я не могу ее отменить, она знает. Скажи ей, что приду позже. Сейчас не могу.

Горничная проворно убегает по лестнице.

Джузеппина закрывает дверь, взрывается гневом.

— Она уже и сюда посылает за тобой?

— Это я распорядился.

— Она тебе не жена. Чего ей надо, еще денег?

Винченцо спешно одевается, перенесясь мыслями в комнату на виа

Дзекка-Реджа, где, он в этом уверен, Джулия кричит от боли.

И вместе с тем задается вопросом: когда его мать успела стать такой бессердечной? За последние годы она похудела, не следит за собой. Лицо, которое со старостью должно бы смягчиться, кажется, навсегда застыло в гримасе злобы на весь мир.

Он тоже стареет: в волосах появились седые пряди. Веки потяжелели, лицо покрылось морщинами.

Давно уже Винченцо распрощался с мыслью жениться на дворянке. Да и трудно найти нежный бутон, девушку, которая захотела бы выйти замуж за сорокалетнего мужчину, который к тому же содержит незаконнорожденных детей.

И вообще — но ему сложно признаться в этом — Джулия для него гораздо больше, чем просто жена. Она друг и помощник. Только ей под силу справиться с тьмой, что стала его частью. Джулия всегда вторая после дома Флорио, она знает это, и любит его, несмотря ни на что. Она уживается с его честолюбивыми устремлениями, злостью, терпит общественное презрение.

Она дала ему все.

За исключением…

Он не осмеливается продолжать дальше.

Полоска света освещает кольцо Иньяцио. Пальцы задерживаются на узле, пока он завязывает галстук.

Перед тем как отправиться в контору, он заходит в церковь Сант-Агостино — помолиться Мадонне Рожениц. Впервые за много лет читает про себя молитву.

Просит о чуде.

Заглядывает в магазин, оставляет сообщение для Лоренцо Лугаро, бухгалтера, затем встречается с Франческо Ди Джорджо на складе на площади Сан-Джакомо, чтобы обсудить соглашение о поставке сумаха.

Наконец, встречается с собственником виноградников, расположенных между Трапани и Пачеко, согласившегося продать ему раннеспелые сорта инзолия, катарратто и дамаскино. У него есть большое количество этого лучшего для производства вина винограда, по крайней мере, по сведениям Рафаэле, который продолжает заниматься винодельней.

— Нам сказали, что вы достойный человек, и после знакомства с вами мы это подтверждаем. Ваш кузен — толковый управляющий, но у вас правильное понимание ситуации. Вы знаете, чего хотите, поэтому я и хотел разговаривать только с вами, потому что вы хозяин.

Бородатый мужчина высокого роста, с мозолистыми руками, но в

роскошном костюме — знак того, что недавно разбогател. Винченцо благодарит его, провожая до дверей конторы, и размышляет над его словами.

С недавних пор он постоянно думает о винодельне в Марсале с тревогой; она с трудом набирает обороты. Рафаэле не умеет управляться с делами как следует. В нем недостаточно предприимчивости, смелости. Надо бы как можно скорее поговорить с ним.

К полудню он готов, наконец, отправиться на виа Дзекка-Реджа. Его сопровождает Лугаро, чтобы пересказать слухи из Торговой палаты и бухты Кала.

— У французов и англичан эксклюзивные права на перевозку многих товаров, и они никогда не уступят их пароходной компании из Неаполя. Никто не пойдет против них.

— Это мы еще посмотрим.

Но не о кораблях он сейчас думает. Под маской безразличия он все утро скрывает беспокойство за Джулию, представляя, как она, бедная, мучается и кричит от боли.

Он надеется, что чудо, то чудо, ради которого ноги привели его в церковь молить о милости, — произойдет.

Винченцо проходит в дверь. Лугаро с трудом успевает за ним.

На лестнице какая-то суматоха. Поднявшись в мезонин, видит на пороге Джованни и Томмазо с общими знакомыми.

Слова застревают в горле. Его встретили тяжелыми взглядами, которые, казалось, способны ударить и причинить боль.

— Что случилось? — спрашивает. — С Джулией все хорошо?

Они молчат.

Паника.

Винченцо распахивает входную дверь, проходит через комнаты, врывается в спальню Джулии. Она, бледная, полулежит в кровати, девочки щебечут рядом.

Ее мать и повитуха убирают белье и ведра с красноватой водой.

Он хватается за спинку кровати.

— Как ты себя чувствуешь?

Антония набрасывается на него:

— Что вы здесь делаете? Идите вниз к остальным мужчинам. Джулия пока не готова.

Но она приподнимается повыше на подушках.

— Все хорошо, мама. Можете выйти? Мне нужно поговорить с Винченцо.

Повитуха и Антония обмениваются удивленными взглядами. Еще рано. Роженица должна отдыхать. Повитуха поводит плечами, словно говоря: «Всякому свое счастье», и выходит. Антония медлит, потом хватает в охапку грязные полотенца и подталкивает к двери Анджелу и Джузеппину.

— Пойдемте с бабушкой, давайте, отнесем в стирку вещи.

Лугаро закрывает дверь.

Теперь они с Джулией одни.

Язык не поворачивается спросить. Не слушается. В этой комнате его власть, деньги, специи, корабли, вино, сера, тунец ему не помогут. Наконец он спрашивает едва слышно:

— Как ты? Ты…

— Да.

Говорят одновременно. Замолкают.

Вдруг раздается плач новорожденного.

Джулия показывает на колыбель из ивовых прутьев.

— Посмотри.

Винченцо подходит к корзинке. Видит сморщенное личико, ротик, складывающийся в странные гримасы. Склоняется над запеленутым тельцем, рассматривает его с любопытством и страхом одновременно.

Джулия молчит. Хочет запечатлеть этот момент и навсегда сохранить его в памяти.

Он в восхищении прикасается к младенцу под одеяльцем.

— Мальчик?

Джулия кивает.

Винченцо прикрывает рот рукой, сдерживает слезы.

— Боже, благодарю Тебя, — произносит он. И повторяет тихо-тихо, чтобы никто не услышал: — Благодарю, благодарю.

Его дело, вся его жизнь теперь обретают смысл. Видимо, то же, глядя на маленького Винченцо, когда-то чувствовали и дядя Иньяцио, и отец, воспоминания о котором уже поблекли. Будущее перестало представляться далекой туманной дымкой. У будущего теперь есть руки, ноги и голова — оно обрело плоть и кровь.

Он хотел бы обнять своего сына, но боится. Он никогда не брал на руки дочерей сразу после их рождения. Затем, под влиянием внезапного порыва, приподнимает его, одной рукой придерживает ему головку, на другой держит тельце.

— Кровинка моя, — говорит он ему. — Жизнь моя, сердце мое.

Совсем невесомый. В декабрьском свете кожа младенца кажется

прозрачной. Железисто-сладковатый запах молока, крахмала, лаванды.

Джулия пытается не поддаваться расслабляющему чувству нежности при виде отца и сына, даже если сердце замерло от счастья и ей хотелось бы обнять обоих. Сейчас ей нужно сделать над собой усилие и заявить о своих притязаниях. Сейчас или никогда больше, она знает, что это так.

— Я родила тебе сына. Теперь хочу восстановить свою честь. Ты должен признать не только его, но и девочек. Ты у меня в долгу.

Винченцо рассматривает новорожденного, его личико с резкими чертами: высокий лоб, сильный подбородок. Это Флорио.

Но миндалевидные глаза — от Джулии.

Он садится на край кровати, все еще держа малыша на руках. Находит ее ладонь.

— Я дам им свое имя. И ты будешь носить мое имя. Клянусь тебе перед Господом Богом.

Джулия вздохнула с облегчением, и силы покинули ее. Она опускается на подушки, не отрывая взгляда от отца и сына, от их объятия, похожего на чудо.

Чувствует, как слезы радости катятся по ее щекам. От слов Винченцо, от того, что у нее начнется, наконец, нормальная жизнь и больше не нужно будет прятаться и стыдиться.

Потребовалось четыре года, чтобы дождаться его предложения. Четыре года одиночества, презрения, упреков семьи, которая, как бы там ни было, все равно была рядом.

Она вспоминает их с Винченцо ссоры, расставания, примирения, оскорбления Джузеппины, злобное молчание своей матери. Сколько надо было стерпеть, чтобы дожить до этого момента!

Джулия все еще сжимает его руку.

— Ты назовешь его Паоло, как отца?

Отца? Который меня зачал или который меня вырастил? Кто по-настоящему повлиял на меня, и я стал тем, кто я есть? Винченцо отпускает руку Джулии.

— Нет. — Он гладит личико сына, в глазах его грусть. — Нет. Его будут звать Иньяцио.

Она кивает и повторяет за ним:

— Иньяцио.

И воспоминание о том, о чем они говорят друг с другом без слов, они пронесут с собой через всю жизнь. До того самого дня, когда Джулия будет держать руку Винченцо и он найдет в себе смелость признаться, как сильно он любил ее, даже если не говорил ей об этом.

* * *

Свет переливается через окна, заливает лестницы, поднимается к потолку и падает на сервированный стол. Отражается в муранском стекле, осторожно ложится на фарфор «Каподимонте». Дом, кажется, взрывается от света.

Джулия в вечернем платье ждет прихода гостей. Следит за тем, чтобы все стояло на своих местах, чтобы прислуга выглядела опрятно и шампанского было в достатке. Проверяет, чистые ли скатерти и салфетки, блестит ли столовое серебро и не остыли ли закуски на подносах. Сигары и ликеры ждут своей очереди на этажерке.

Джулия впервые организует званый ужин. Повод — важный. Учреждение компании по инициативе Винченцо, «ее мужа», как бы странно это ни звучало.

И пусть это ужин с деловыми компаньонами, так сказать, сугубо мужской вечер, среди гостей будут не только одни из самых влиятельных торговцев Палермо, но и аристократы, люди с высокими титулами. Она не должна допустить ни малейшей оплошности.

Организовывать приемы входит в ее обязанности теперь, когда она — Флорио.

Нелегко к этому привыкнуть. Для нее «домом» навсегда останется мезонин на виа Дзекка-Реджа. А этот дом, в который она вошла как жена лишь в 1840 году, через год с небольшим после рождения Иньяцио, принадлежит Винченцо и его матери.

Сначала Винченцо признал Иньяцио, Анджелину и Джузеппину своими детьми. Затем, спустя несколько недель, 15 января 1840 года, заключил официальный брак с Джулией, заверенный муниципальным чиновником. В церковь они пошли в тот же день поздно вечером, как принято в случае вынужденного брака.

Кроме семей с обеих сторон и свидетелей — работников дома Флорио, никто больше не присутствовал на церемонии венчания, проведенной тем же священником церкви Санта-Мария делла Пьета алла Кальса, который крестил их детей.

Священник — теперь уже старый, усталый человек, — вздохнул с облегчением, когда Винченцо подписал брачный акт. И даже тихо, но со значением проговорил:

— И чего было ждать?

При этих словах Джулия улыбнулась. Нужно было дождаться сына,

чтобы стать донной Джулией Флорио.

Она крутит браслет с жемчугами и бриллиантами. Сложно справиться с тревогой.

В конце концов Джулия решает сходить к детям. Тихонько заглядывает в каждую комнату. Иньяцио спит, Джузеппина тоже. Анджелина сидит рядом с няней француженкой, мадемуазель Брижит, которая читает ей сказку. Она целует дочку и бесшумно закрывает за собой дверь. Эта сторона ее жизни тоже изменилась. Теперь не она укладывает спать своих детей.

Она вздрагивает от неожиданности, не заметив экономку, которая подошла к ней.

— Простите, не хотела пугать вас, — извиняется та.

— Ничего, не беспокойтесь. Что вы хотели?

Экономку зовут Луиза, это женщина средних лет, некогда бывшая в услужении в аристократической неаполитанской семье.

— Ваша свекровь, синьора, — начинает она нерешительно, — всем недовольна, говорит, что плохо себя чувствует и не спустится встречать гостей. Даже не притронулась к ужину, который вы велели ей подать.

Джулия трет лоб.

— Пойду поговорю с ней.

Разумеется, донна Джузеппина не может обойтись без капризов, тем более сегодня вечером.

Джулия идет на лестницу, которая отделяет половину, занимаемую Джузеппиной, от остальных комнат. Незадолго до бракосочетания, пытаясь облегчить совместное проживание матери и жены, Винченцо разделил квартиру на две части, так чтобы две женщины не спорили за главенство в доме.

Это не решило проблемы.

Джулия заходит в комнату, свекровь сидит за секретером. На ней домашняя одежда: кружевной чепец и серое поношенное хлопковое платье.

— Донна Джузеппина… — начинает она, поклонившись. Никогда Джузеппина не скажет, что она неуважительно к ней относится. — Синьора Луиза сказала, что вы плохо себя чувствуете.

— Так и есть. Мне трудно дышать, я не могу спуститься. Вы и без меня обойдетесь. — Она придирчиво разглядывает платье Джулии. Задерживает взгляд на вырезе. — Все эти кружева… должно быть, стоили целое состояние. Да и декольте чересчур глубокое. Слишком элегантное. Будто в театр собралась.

— Муж посоветовал мне его надеть.

Джузеппина недовольно отмахивается.

— Он рассуждает как мужчина. Они любят такое. — *А ты никогда ему в этом не отказывала*, кажется, говорят ее глаза. — Ну что ж…

Джулия прокашливается. Сдерживает обиду. Для свекрови она чужая, и придется все от нее терпеть. Боже мой, как эта женщина ее ненавидит!

— Вы не хотите выходить? Может, спуститесь только, чтобы встретить гостей, а потом вернетесь к себе? Будут князь ди Тригона и князь ди Трабиа, барон Кьярамонте Бордонаро. Придет Ингэм и синьор Джакери. Если вы не выйдете, ваш сын очень расстроится.

Приняв кроткий вид, она подходит ближе. Чувствует, как от унижения у нее сжимается желудок.

— Вы же знаете, как много Винченцо работал, чтобы подписать этот договор, сколько сил потратил, чтобы убедить компаньонов купить пароход. Ну же, потерпите чуть-чуть ради любви к сыну.

Она указывает на шкаф.

— Я помогу вам быстро переодеться…

— Перестань, не упрашивай. Я не могу. Принеси-ка мне лучше чашку куриного бульона, — говорит она своим безжизненным, трескучим голосом. — Лучше подумай о себе. Ты готова, или тебе надо еще подправить прическу? Все мелочи учла? Непросто организовать званый вечер, не имея опыта в таких делах.

Джулия машинально ощупывает шиньон, смотрит на нее в упор с досадой.

— По-моему, не так уж и много торжественных вечеров или ужинов вы устраивали для своего сына.

— Устраивала, и, конечно, побольше тебя. Не так-то легко быть Флорио, поверь мне. — Она смотрит на свои морщинистые пальцы. — Флорио люди взыскательные. Не остановятся ни перед чем. Если уж чего захотят, обязательно добьются. Они не признают поражений.

Джулия не может достойно ответить, опускает голову. Она ненавидит себя, когда ответ не приходит ей в голову. *Я не подведу*, говорит она себе. *Мужу не будет стыдно, он будет мной гордиться*.

— Мясной рулет фальсомагро приготовила? — строго спрашивает Джузеппина. — Достала серебро, надеюсь? Которое Винченцо привез из Англии…

— Да. Еще конфитюры и холодные соусы для жаркого. И тунец на противне по-трапански.

Джузеппина разворачивается на стуле, снимает чепец с волос.

— И французское вино? Эту вашу страсть ко всему иностранному я

никогда не понимала. Ну… у вас такие привычки, у вас, северян. Я про это ничего не знаю и знать не хочу. — Седые густые пряди падают на плечи. — Иди посмотри, все ли на месте: слуги делают, что им вздумается, дай им только волю. И скажи, чтобы мне принесли бульон. Потом пусть ко мне поднимется горничная, поможет подготовиться ко сну.

Когда Джулия возвращается в гостиную, у нее горят щеки. Трясутся руки.

Она останавливает горничную, просит ее отнести наверх бульон. *Пусть эта женщина делает, что хочет*, думает она, дрожа от унижения. Джузеппина решила не выходить, и понятно почему: если что-то пойдет не так, во всем будет виновата Джулия.

Она открывает окно, свежий воздух успокаивает ее. Жаркий июль насыщен влагой. Боль в желудке ослабевает. Джулия смотрит на себя в зеркало: голубое платье из шелка, нить жемчуга. На вырезе косынка: кружевную французскую кисею для нее купил Винченцо в Марселе, куда недавно ездил с Аугусто Мерле. Королевский подарок.

И все-таки чего-то не хватает. После трех беременностей ее фигура уже не та, что раньше. Зато у нее красивая походка, ей присуще природное изящество. *А что, если я все-таки не подхожу Винченцо? Если Джузеппина права и я опозорю его?*

Это правда, быть женой Винченцо непросто. Неожиданно оказалось, что она живет с мужчиной, у которого напряженная публичная жизнь, который на «ты» с самыми влиятельными людьми королевства. И она, всегда остававшаяся в тени, боится ошибиться.

С улицы доносится шум подъезжающих экипажей, щелканье открывающихся дверок, мужские голоса. Для тревог больше не остается времени.

*** * ***

Бен Ингэм с Винченцо поднимаются по лестнице. Оба разгоряченные, но лица у них очень довольные.

— Это исторический день, дорогой мой друг. Наконец-то прогресс дошел и до Сицилии! На это ушло несколько лет, но в итоге…

Джулия стоит в дверях.

— Добро пожаловать. Надеюсь, ваша встреча прошла успешно.

Ингэм не удивляется такой прямоте, свойственной далеко не всем женщинам.

— Все заверено и подписано. Каждый внес свою долю. Сицилийское пароходное общество уже действует. — Радостный, он приветствует ее, целуя руку. — Дорогая моя, вы восхитительны!

Позади него женщина-скульптура с длинными черными с проседью волосами и в колье из бриллиантов — Алессандра Спадафора, герцогиня ди Санта Розалиа, которую Джулия впервые увидела в театре Каролино много лет назад. С 1837 года — его жена: Ингэм женился на ней, получив титул дворянина.

Герцогиня приветствует их искренней улыбкой. С Винченцо она ведет себя душевно, с Джулией — любезно. Обе жили со своими нынешними мужьями на положении любовниц, что их некоторым образом сближает. В остальном они ничем не похожи друг на друга: Джулия всегда останется дочерью перекупщика, а она — герцогиней, дворянкой по рождению. Первый муж Алессандры, от которого она родила двух детей, прежде чем он оставил ее вдовой без средств к существованию, был землевладельцем.

Джулия благодарит за комплимент. Винченцо встает рядом с ней.

— Где мать? — спрашивает он тихо. — Она должна быть здесь.

— Закрылась в своей комнате. Говорит, нет сил спуститься. Попросила принести ей чашку бульона.

Оба продолжают улыбаться, принимать гостей, приехавших сразу после встречи у нотариуса Кальдара, где был подписан акт, учреждающий новую компанию.

— Ты пробовала уговорить ее?

В ответ Джулия удивленно вскинула брови.

И вот уже слышны шаги гостей, громкие голоса.

— Флорио, ваш дом невероятно красивый. Мне следовало раньше нанести вам визит! — Габриеле Кьярамонте Бордонаро входит, и его внимание тотчас привлекает резная мебель из черного дерева. — Восхитительно! Это китайская, не так ли? Старинная?

— С Цейлона. Могу я вам представить мою жену, барон?

Кьярамонте Бордонаро оборачивается. Он не заметил Джулию.

— А, добрый вечер, донна Флорио! — И проходит в центр зала.

Джулия и Винченцо остаются у дверей в ожидании следующих гостей.

— Он — барон? — спрашивает она удивленно.

— Купил себе имение вместе с полным титулом. До этого был управляющим той усадьбой и сколотил состояние, ссужая деньги. — Винченцо кашляет в кулак. — Если люди называют меня безродным псом, представь себе, что говорят про него. Но у него герб на двери, так что…

Вошли гости, и разговор прервался.

Джулию охватывает волнение.

— Дон Флорио… А вы, должно быть, донна Джулия.

Поклон, поцелуй руки. Джузеппе Ланца ди Трабиа, следом — Ромуальдо Тригона, князь ди Сант-Элия.

Жены, как положено по этикету, на шаг позади, приветствуют их вежливым кивком. Винченцо целует каждой руку, представляет Джулию.

— Донна Джулия, еще раз спасибо за приглашение по случаю такого исключительного события.

Ланца ди Трабиа, князь просвещенный, открытых взглядов, владелец одного из самых роскошных дворцов Палермо, кажется, с одного взгляда оценил богатство дома хозяев вечера. А по-другому и не могло быть. Его жена — из старинного дворянского рода Бранчифорте, которому принадлежит почетное место в ряду основателей города. Джулия чувствует на себе ее холодный, оценивающий взгляд, пытается улыбнуться в ответ, снять возникшую вдруг напряженность.

Стефания Бранчифорте — воистину матрона. Немолодая дама в платье амарантового цвета, в старинных драгоценностях, принадлежавших, вероятно, ее далеким предкам. Надменный взгляд, руки скрещены на животе. Она оглядывается вокруг, словно боится коснуться стен или мебели, и укоризненные взгляды супруга никак на нее не действуют.

Внезапно Джулия чувствует себя бедной, жалкой. Кружево ее косынки, кажется, вмиг утратило всякую ценность, а платье стало простым. Она инстинктивно поворачивается к жене князя ди Тригона, Лауре Назелли, которая моложе княгини ди Трабиа. Ее длинные волосы уложены в великолепную прическу. В ее глазах Джулия читает ту же неприязнь.

Обе дамы смотрят как будто сквозь нее, словно она прозрачная.

Вот содержанка, ставшая женой, говорят они без слов. *Как была мещанкой, которая раздвинула ноги за деньги… так ею и останется*.

Она кланяется, как положено по этикету: они — княгини, она — дочь непонятно кого, прошлое Джулии нельзя назвать безупречным. Две княгини смотрят поверх ее головы и кивают в ответ, как полагается, затем входят в зал, осматриваясь.

— Здесь чувствуется претензия на роскошь, не находите? Платья, обстановка… — произносит княгиня Лаура.

Другая дама встряхивает рукой, раскрывая веер.

— Претензия, вы правильно подметили.

Джулия чувствует ком в горле. Лицо зарделось, и ручеек пота стекает между грудей. *Значит, все ее старания напрасны?* Конечно, этого недостаточно, думает она, как и недостаточно всех денег Винченцо, чтобы

эти господа приняли их в свое общество.

Она подходит к мужу, глотая и злость, и унижение.

Тригона, в свою очередь, почтительно приветствует ее по-французски:

— Очень рад, мадам. — Затем, с ленивым видом рассматривая потолок, добавляет: — У вас роскошный дом, как ни посмотри, дон Флорио. — Обменивается взглядом с князем ди Трабиа, тот выдавливает из себя улыбочку. — Времена меняются, друг мой. Времена и люди.

Винченцо указывает на гостей.

— Наши компаньоны уже собрались. Проходите в зал, господа.

Жены, оживленно беседуя, подходят к мужьям. Не дают Джулии ни малейшей возможности заговорить с ними.

От Винченцо не ускользнул ни единый жест, ни единый взгляд.

Только Джулия замечает, какой напряженной вдруг стала его спина. Он тоже все понял.

* * *

Под сводами декорированного потолка блестят канделябры. Фарфоровая посуда «Каподимонте» расставлена на льняной кружевной скатерти из Фландрии. Хрустальные бокалы с острова Мурано ждут, чтобы их наполнили французскими винами, которые пока охлаждаются в серебряных ведерках.

Джулия идет в сопровождении Винченцо, приостанавливается обменяться несколькими словами с гостями. Чувство неуверенности не покидает ее. Вдруг она в чем-нибудь ошибется? Вовремя ли распорядится, чтобы несли блюда? Джулия волнуется, глазами просит помощи у мужа, но он погружен в разговор с Ингэмом.

Мысль о тех дамах, столь же благородных, сколь и высокомерных, придает ей решимости. Распрямив плечи, она смотрит на прислугу. Ей тут же подвигают стул, она садится. Винченцо с другой стороны стола делает то же самое. Это сигнал к началу ужина.

Гости рассаживаются. Джулия кивком просит слуг представить меню, чтобы каждый мог себе выбрать блюдо по вкусу. Для начала — *антре*: мясо в желе и супы; затем первые и вторые блюда и с мясом, и с рыбой.

Один лакей подает вино, другой разливает воду из хрустального графина. Слуги подходят к гостям. Один за другим появляются серебряные подносы, на которых стоят лотки из жаропрочного стекла с фальсомагро, с тушеным тунцом, с картошкой, овощами, ягненком.

Княгиня ди Трабиа на секунду задерживает взгляд на Джулии, сжимая в руке вилку с насаженным на нее кусочком ягненка. Кажется, она удивлена, возможно, даже раздражена. Алессандра Спадафора, наоборот, ловит ее взгляд и заговорщически поднимает бокал, чокаясь с ней на расстоянии.

Джулия благодарит улыбкой, прикрыв салфеткой рот.

У входа в зал стоит экономка и внимательно следит за действиями прислуги. На кухне две судомойки уже наполнили водой глубокие лохани и закатали рукава по локоть, готовые к мытью тарелок и приборов, чтобы у гостей всегда была чистая посуда.

Джулия напряжена, почти не притрагивается к еде. С трудом выпивает глоток воды. А если что-то все-таки пробует, то убеждается, что блюда хорошо приготовлены и правильной температуры.

Она так нервничает, что не замечает участливых взглядов мужа, сидящего напротив.

Позволяет себе чуть расслабиться, только когда слуги триумфально выносят свежие фрукты, цукаты и домашнее мороженое. Гости, по-видимому, остались довольны угощением, и, главное, княгини, сидевшие за столом с мрачным видом, не без удовольствия отведали все предложенные блюда.

Джулия велит, чтобы подавали ликеры и сигары, на английский манер, и собирается было перейти с гостьями в соседний зал, как вдруг замечает некое замешательство среди благородных дам. Все происходит мгновенно: экономка подходит к ней, что-то сообщает; она встает, подходит к Винченцо, шепчет ему несколько слов; он сжимает ей запястье; она кивает и отходит в сторону, закрыв дверь зала.

Издалека, не двигаясь, она наблюдает за происходящим: обе княгини прощаются с хозяином вечера. С сожалением вздыхают, мол, устали, ужин был долгим и утомительным. Как только приедут домой, они дадут распоряжение кучерам вернуться и ждать князей.

Но Джулия ни на мгновение не верит в эту комедию. Две дамы сопровождали мужей, так как речь шла о делах, о *деньгах*. А теперь им придется вести беседы с *ней*. И одна только мысль об этом приводит их в ужас.

Ну хорошо, уходите, думает она. *И сплетничайте сколько угодно. Все равно Винченцо будет гордиться мной. Те, кто пришел сегодня вечером, будут говорить лишь то, что стол у Флорио не уступает столам князей и королей.*

Алессандра Спадафора касается ее руки.

— Я тоже пойду, моя дорогая. Уже поздно, а я уже более не та двадцатилетняя барышня, которая ночами напролет могла предаваться веселью. И, разумеется, примите мои самые восторженные комплименты за сегодняшний вечер. — Придвигается к ней ближе. — Вы же придете навестить меня, не так ли? Тем более что мы — соседи и у нас много общего.

Джулия кладет руку на ее ладонь.

— Приду с радостью, — со всей искренностью отвечает она.

Княгиня ди Трабиа прощается, по-королевски склонив голову. Но жена князя ди Тригона пожимает ей руку.

— Очень приятный вечер, — говорит она шепотом, не в силах произнести вслух этот комплимент.

У Джулии заблестели глаза. Она чувствует, что прошла экзамен и, что гораздо важнее, не разочаровала мужа. Она справилась со своей ролью. И сейчас с облегчением может покинуть комнату, оставив мужчин за их разговорами и ликерами.

* * *

Только дамы ушли, как явились нотариус Кальдара и Карло Джакери.

— Я что-то пропустил? — спрашивает Карло у Винченцо, который встречает его на пороге.

— Кроме ужина, ты имеешь в виду? Ничего особенного, разве что нудные речи Кьярамонте Бордонаро. Он подверг тяжелому испытанию терпение князя ди Трабиа и его благородную сдержанность, рассказывая ему о своей коллекции антиквариата.

Винченцо ведет его к столику с алкогольными напитками, просит у слуги бренди для себя.

— Ничего не поделаешь, это сильнее его. — Карло берет бокал мадеры. — Однако жаль, что барон Ризо не с нами. Неплохо было бы видеть его среди компаньонов.

— Думаю, этот старый авантюрист занят подсчетом своих грехов, чтобы подробно отчитаться перед Создателем. Говорят, он одной ногой уже на том свете.

Подходит Ингэм, показывает лакею на бутылку порто. Ему тут же наливают бокал.

— Бедняга. Не могу представить его чахнущим в постели. Все эти несчастья наслали на него еще турки во времена, когда он разбойничал в

море. Будь он лет на десять моложе, то управлял бы кораблем во славу купленного баронства. Попрошу пастора помолиться за него.

— Не корабля — парохода. «Палермо».

— О чем беседуете? О паре? — в разговор вклинивается Габриеле Кьярамонте Бордонаро. Хватает бутылку и наливает себе марсалы. — Дело в том, как я совсем недавно объяснял милостивейшему князю ди Трабиа, что неизвестно, каким образом мы его починим, если сломается. Я вам это говорю не только как компаньон, а как казначей. У вас, Ингэм, есть английские механики, которые понимают в таких моторах? Вы их выпишете сюда вместе с пароходом? Потому что здесь у нас только корабельные плотники.

— Конечно, у меня они есть, — Ингэм невозмутим. — Приедут и научат местных мастеров, как починить такие моторы и даже как их изготовить. Если не рискнуть и не ввязаться в бой, на Сицилии никогда ничего не изменится. И потом, если мы с доном Флорио не волнуемся, а у нас самые большие доли в компании, почему вас это должно беспокоить?

— Мы, деловые люди, заинтересованы в этом предприятии. У нас нет могущественных покровителей, за чьими спинами мы могли бы спрятаться, — Кьярамонте делает глоток марсалы.

Винченцо, не отрывая глаз от бокала, кивает.

В этот момент подходит князь ди Тригона.

— Так-так, Кьярамонте. В ваших словах есть правда, — говорит он бодрым голосом, но с озабоченным выражением на лице. — Если мы и ввязались в это дело, то лишь потому, что знаем: будущее не заставит себя ждать. Традиции — это хорошо, быть осторожным — необходимо, но мы должны научиться думать о сегодняшнем дне.

— И о будущем! — Винченцо поднимает бокал. — Тост, господа. За наше предприятие!

Бокалы звенят, мужчины обмениваются рукопожатиями. Слова запечатлеваются в памяти Винченцо, перед тем как затеряться в глубинах сознания. *Моторы. Мастерская. Механики.*

Вот оно, зерно, которое прорастет и даст плоды.

*** * ***

Когда, наконец, голоса становятся тише и гости начинают ощущать усталость, на столе появляются чуть запыленные темные бутылки. Винченцо с гордостью откупоривает одну. Это марсала из его винодельни.

Гран резерва, выдержанное вино высшего качества, которое он хранил для такого торжественного случая, как этот, объясняет он. Гости подходят взять наполненные рюмочки в форме тюльпана.

Хорошее вино: с мягким, округлым вкусом, но не приторным. С запахом моря, меда и мезги. Чувствуется в нем и терпкая нотка, обязанная близости солеварни.

Бен Ингэм, с сигарой в зубах, ждет, когда гости отойдут от стола.

— Позволь сказать тебе кое-что без обиняков.

Винченцо прикрывает веки. Не в привычках Ингэма просить позволения высказаться. Необычно и это участливое выражение, появившееся на его лице. Он делает ему знак продолжать.

— Когда я узнал, что ты женился на Джулии, то удивился. Хочу сказать, она долго была…

— Тем, кем была для тебя графиня Спадафора?

Тот смеется.

— *Touché!*[13] Только, в отличие от графини, твоя жена не вращалась в светском обществе. Согласись, это так.

— Согласен, — сухо и резко говорит Винченцо.

Бен склоняет голову набок. На суровом лице, отмеченном печатью времени, проступает снисходительная улыбка.

— Я считаю, ты сделал идеальный выбор. Помню твое маниакальное стремление найти титулованную жену… в то время как рядом с тобой было сокровище. Эта женщина — настоящая жемчужина, Винченцо.

Тот кивает, не отрывая глаз от марсалы, делает глоток.

Выбор вынужденный оказался идеальным.

— Да! И вот еще что… — Англичанин громко смеется, что тоже не свойственно ему, всегда контролирующему свои эмоции. Должно быть, дело в алкоголе или в эйфории от только что подписанного соглашения. — Знаешь, когда ты начинал строительство винодельни в Марсале, я думал, ты никогда не обойдешь нас с Вудхаусом. — Отпивает глоток, посмеивается. — Я ошибся и на этот счет. Бог свидетель, ты — самая большая моя ошибка в расчетах.

Привалившись к его плечу, Винченцо тихо отвечает:

— Когда мы начинали, я, ты, мой дядя… здесь ничего не было. Ни одного промышленного предприятия, компании и страхового общества. У нас не было препятствий и конкурентов, и что бы мы ни делали, все казалось безумием. — Он обводит рукой зал с гостями. — А сейчас…

— Сейчас все переменилось.

— Кое-что. Не все.

Ингэм тоже смотрит на мужчин в комнате: аристократы из старинных родов Сицилии и аристократы, купившие земли и титулы на аукционах по банкротству.

— Старое и новое, — говорит он чуть слышно. — Я тебе этого никогда не рассказывал. Но много лет назад, когда я купил имение барона ди Скалы, мне сказали, что в придачу к нему я могу получить титул. Барон?! Я?! — Он смеется, но смех его грубый, резкий. — Твой дядя Иньяцио был еще жив. Однажды я встретил его, и он поприветствовал меня, добавив титул к имени. И я сказал ему, что если я барон, то он князь, потому что, судя по его поступкам, из нас двоих он точно благороднее меня.

— Мой дядя был дворянином по духу, — говорит Винченцо с болью в голосе.

— Воистину так. Чего не скажешь о некоторых присутствующих здесь в зале. — Тон Ингэма смягчился, но только на мгновение. — Не забуду, как я приехал в Палермо. Еще молодым человеком я попал сюда с другими англичанами по воле моей семьи, торговавшей тканями и потерявшей все в кораблекрушении. Я сделал ставку на эту землю и остался, даже когда все мои соотечественники вернулись на родину. На плаву меня удерживала одна только мысль, что на следующий день меня снова ждет работа. Спасибо Богу за это и за то, что я до сих пор жив… я и правда благодарю его каждый вечер, прежде чем положить голову на подушку. Я врос в эту землю, узнал ваш народ, я научился одинаково и любить его, и презирать. Мне не нужно поместье, чтобы быть Беном Ингэмом, который в Америке инвестирует в железные дороги нового мира.

Винченцо не отвечает. Потому что понимает: дело не в деньгах и власти, нет, какое-то другое, тонкое чувство побуждает людей всегда отступить на шаг перед аристократом, преклонить голову в знак почтения.

Винченцо не произносит вслух мысль о том, что преклонение перед высшей знатью у сицилийцев в крови. Ни богатства, ни тем более опыта недостаточно, чтобы добиться их расположения.

Недостаточно, если у тебя нет титула, дворца.

Если ты не благородной крови.

* * *

— Она. Она прекрасна.

Винченцо склонился над чертежом виллы, которую для него проектирует Карло Джакери. Светлой, необычной, окруженной зеленью.

Архитектор вздыхает с облегчением. Нелегко угодить уважаемому дону Флорио. Он закуривает сигару, предлагает и Винченцо, но тот отказывается. Потом садится в кресло у рабочего стола.

— Значит, тебе все нравится?

Винченцо подсаживается к нему.

— Вполне. Хотя я пришел сюда не только по поводу виллы.

Джакери вытягивает ноги.

— Но и по поводу тоннары в Фавиньяне, верно? В прошлом году, когда ты взял ее в аренду у Паллавичини из Генуи, я подумал, не прыгаешь ли ты выше головы? Ведь у тебя были уже Аренелла, Сант-Элия и Соланто…

— В Фавиньяне и в Формике улов, как у всех трех, вместе взятых. Поэтому я их и выбрал.

Они смотрят друг на друга. Винченцо кивает.

— Я заказал оливковое масло и бочки. Они уже плывут на Эгадские острова. Я тоже собираюсь туда. И хочу, чтобы ты поехал со мной.

* * *

На следующий день они уже в море. Никто не знает, куда они направляются. Плывут вдоль залива Кастелламмаре, проплывают мыс Сан-Вито. Сразу за ним на горизонте показываются Эгадские острова.

Как только они причаливают, на пристани собирается толпа рыбаков — посмотреть на пароход с металлическим корпусом, занявший весь порт. Черные от солнца и морской соли лица, одежда болтается на худых телах. Немного поодаль — женщины с полураздетыми и босыми детьми. Остров безжизненный, дома́ — полуразвалившиеся халупы. Бедность здесь осязаемая.

От группы отделяется человек: его тело похоже на ствол дуба, волосы кудрявые, а борода доходит до середины груди.

— Я — Вито Кордова, раис. — Он опускает голову. — *Ассаббинирика*, Господь в помощь.

Винченцо рассматривает его. Протягивает руку и отвечает на диалекте:

— Дон Винченцо Флорио. Я новый арендатор тоннары.

— Вы?

— Я.

Рыбак щурит и без того узкие в сетке морщин глаза. Вытирает мозолистую руку, всю в рубцах, о штаны, неуверенно отвечает на

рукопожатие.

— Сюда из Генуи никто никогда не приезжал. А вы откуда будете?

— Я из Палермо. Паллавичини сдали мне в аренду тоннару на девять лет.

На древесном лице Кордовы блеснуло удивление. Генуэзские хозяева всегда посылали управляющих и никогда не приезжали сами.

— И что вы хотите посмотреть? Марфараджу и лодки?

— Ммм. Вы с чего посоветуете начать?

Кордова указывает на обветшалые постройки и идет на несколько шагов впереди Винченцо и Карло. За ними шествует все селение, как в крестном ходе. Шаги вздымают песок и пыль, а ветер порывисто прочесывает тучи сухой морской травы посидонии.

Тоннара стоит в самом тихом уголке бухты. Камышовые крыши, проломы в стенах и мотки веревок, брошенных на солнце, свидетельствуют о сильном запустении.

Винченцо закусывает губу, затем вполголоса обращается к Карло:

— Паллавичини берет с нас более трех тысяч унций за одну из самых богатых рыбой тоннар на Сицилии… а посмотри, в каком состоянии он ее содержит.

— Ничего не хотят делать. — До Винченцо долетает голос старика, притулившегося на табурете у входа в строение. — Им только монеты подавай.

Они обмениваются взглядами: смиренным и горьким — старик; любопытным — Винченцо.

Вместе с Карло они входят в тоннару. Везде песок и пыль: туф раскрошился, кирпичи разъела морская соль. Здесь стоит запах моря и водорослей вперемешку с едким запахом сухой соли. Собаки крутятся возле лодочного спуска, ребятишки гурьбой бегают рядом с ними, норовя скрыться от материных глаз.

Как только они выходят во двор, в нос ударяет невыносимая вонь, напомнившая Винченцо ту, что стояла в Палермо во времена холеры.

— А это что, кладбище?

— Вроде того. Там дальше, в «лесу», «рыба», чтобы кровь стекала, — объясняет Кордова. — А перед «лесом» лежат *мучари*.

— Знаю, мучари — это лодки для забоя тунца. У меня отец и дядя были моряками. А там что?

Карло, не знающий диалекта, с удивлением наблюдает за ними:

— О чем вы говорите?

— Он объясняет мне, почему здесь такая ужасная вонь: в той стороне,

которую они называют «лесом», они подвешивают тунцов, чтобы из них вытекала кровь, и сваливают там скелеты, а здесь, впереди, сложены лодки для ловли — мучари…

В этот момент из постройки выходит мужчина. На нем помятая одежда и соломенная шляпа в красных пятнах спереди.

— Что вы здесь делаете? Давайте, давайте отсюда!

Кучка людей отступает назад, но не расходится. Расталкивая их, человек останавливается напротив Кордовы и грубо отчитывает его:

— Дон Вито, почему вы не позвали меня? Я сам встретил бы нашего гостя.

Взгляд рыбака тускнеет.

— Мы не знали, что они приедут. Они как с неба свалились.

Винченцо медленно поворачивается. Карло знает эту его манеру и наблюдает, скрестив руки на груди, что будет дальше.

— Он прав, никто не знал о моем приезде. А вы кто?

— Саро Эрнандес к вашим услугам. Я бухгалтер. А вы, должно быть, дон Флорио. Мое почтение, — бухгалтер учтиво кланяется. — Вы приехали вот так? Я хочу сказать… с вами никого нет, кроме секретаря?

— А что вам не нравится? И он не секретарь. Это синьор Карло Джакери, архитектор.

Эрнандес смутился.

— Нет… Но я, признаться, не ожидал вашего визита так скоро. Нам сказали, что… Я ждал вас через несколько дней. И к тому же я не думал, что вы приедете один.

— А я приехал сейчас. Пойдемте, нам надо поговорить.

Кабинет — комната, наполненная солнечным светом, без тошнотворного смрада, который стоит во дворе. Эрнандес показывает конторские книги.

— Значит, за этот забой пока что у нас три тысячи тонн тунца, — подсчитывает Винченцо. — Сейчас май, лов только начался, значит, будет еще…

— Да, ожидается гораздо больше. Уже видели косяки, которые…

Винченцо не дает ему закончить, оборачивается и смотрит на раиса, стоящего в дверях.

— Вы, мастер Кордова, что об этом думаете?

Тот кивает.

— Будет еще больше. Вдобавок много сардин.

Бухгалтер волнуется, берет несколько счетов.

— У нас еще осталась соль вашего компаньона Д’Али. Соль из

солевых копей Трапани отличного качества, и…

— Это меня не интересует, — сухо обрывает Винченцо. — С этого момента все будет по-другому.

Он подходит к раису, останавливается перед ним. Они почти одного роста, может, одного возраста, хотя рыбак кажется намного старше.

— Мы всё здесь переменим.

Саро Эрнандес сжимает в руках листы.

— Всё переменим? Что это значит? Не понимаю.

— Помимо соленого тунца мы будем производить другой, — объясняет Винченцо, не глядя на него. — Вы слышали про цингу, да? Из-за нее продажи уменьшились, потому что судоходные компании и моряки друг другу больше не доверяют. А посему мы поступим по-другому.

Он пристально смотрит на раиса, прямо в его светлые глаза, и наконец замечает в них проблеск любопытства.

— С парохода, который привез меня сюда, прямо сейчас выгружают несколько кафизов[14] оливкового масла. Тунца, разделанного на куски, надо будет сварить, замариновать в масле и плотно закрыть в бочках.

— Но… он сгниет! А если не сгниет, то все равно надолго не сохранится!

— Ничего подобного. Мы с синьором Джакери несколько последних лет испытывали этот способ консервирования на тунце из Аренеллы и Сан-Никола-Арена.

Эрнандес бормочет какие-то возражения, но Винченцо прожигает его взглядом.

— Уже больше трех лет мы используем этот способ. Он самый верный. Мы перестроим марфараджу, создадим цех с разными типами котлов для варки рыбы и построим жилье для сезонных работников. Работать будут не только рыбаки, но и их семьи.

— Но так никто никогда не делал! — последняя попытка протеста. — И людей, которые могли бы это сделать, тоже нет! Одни несчастные горемыки.

— Хорошо. Мы покажем, и они научатся. Все семьи. Сообща. — Винченцо поворачивается, смотрит на раиса. — Кроме того, будем работать, как работали в старину: из жира тунца производить масло для ламп, а кости сушить на земле.

Наконец на потрескавшихся губах моряка появляется тень улыбки.

— Семьями?

— Да. Будут работать все…

* * *

Крик чаек, шепот ветра, тепло солнца.

Как только экипаж останавливается, Винченцо слышит плеск моря у Аренеллы. Его тоннары. Зов предков, призыв, который он загадочным образом слышит внутри себя.

Джулия — она вместе с ним — в нетерпении:

— Мы приехали?

Он подает ей руку, помогая спуститься. За ними еще один экипаж: с детьми, Джузеппиной, которой уже шестьдесят пять, и няней.

Винченцо оборачивается. Вволю наполняет морским воздухом легкие и душу. Перед ним вилла, которую Джакери спроектировал рядом с тоннарой в Аренелле, месте, укравшем его сердце.

Я всегда тебя любил, думает он. *Я полюбил тебя с первого взгляда*.

Стены терракотового цвета. Деревянная входная дверь раскрывается перед ним, и на пороге появляется Карло Джакери. Вручает ему связку ключей.

— Добро пожаловать домой.

Он входит, за ним Джулия с детьми.

В бывшем дворе тоннары появилась беседка, деревья. Растения в горшках разбавляют серый цвет мостовой. Невысокое здание надстроено и переделано в жилое помещение с большими окнами и террасой, с видом на лодочный спуск.

На море смотрит и квадратная башня.

Кажется, что она пикейная, словно одета в кружево.

Четыре верхушки, четыре пилястры, четыре пика. Готические линии под стать английскому замку, арочные окна, уходящие в небо. Резная инкрустация из туфа, замысловатые узоры, высеченные в камне.

Винченцо чувствует восторг Джулии.

— Но она…

— Восхитительная. Я знаю. Поэтому не хотел привозить тебя сюда раньше времени, — говорит он и берет ее за руку. — Пойдем.

Оборачивается к няне и матери.

— Вы подождите здесь.

Карло смотрит, как они входят в дом. Остается внизу, понимая, что их надо оставить наедине: Джулия еще не знает про зал в башне, о котором Винченцо мечтал с того самого момента, как понял, что станет его единственным хозяином.

* * *

Шаги отзываются эхом в пустых комнатах. Горничная идет впереди, открывает окна. Впускает солнце, свет ложится на квадратики майолики, устилающие пол. Шум моря заглушает шорох юбок и негромкие голоса хозяев.

Мебель из красного дерева и ореха — столы, шкафы, диваны, консоли — оживает под мягким светом. Не хватает декоративных салфеток, но о них позаботится Джулия. Когда он говорит ей об этом, она светится от счастья.

Винченцо пересекает коридор с окнами, выходящими на море, останавливается у двери. Берется за круглую ручку.

— Смотри.

Джулия входит.

Над головой — крестовый свод, высокий, изящный, как в церкви. Ребра, покрашенные в красные и золотые цвета, скользят вниз, чтобы плавно перейти в оконные рамы.

Золото, охра и — море. Залив Аренеллы и весь Палермо.

У нее захватывает дух. Она кружится на месте, запрокинув голову, и смеется, как ребенок.

— Тебе нравится? — он обнимает ее сзади. — Ни у кого в Палермо нет ничего подобного.

Она настолько счастлива, что не может сказать ни слова.

Внезапно в комнату врываются дети. Визжат от восторга, любуются сводом, смеются.

Джулия берет на руки четырехлетнего Иньяцио и показывает фрески на стенах. Даже Джузеппина, вошедшая в комнату последней, озирается вокруг, удивленная и радостная.

Винченцо со стороны наблюдает за ними. Теперь у него есть то, о чем он мечтал, — дом под стать его имени и его семье. Он выходит из комнаты и идет в небольшую гостиную. Там Карло Джакери закуривает сигару.

— Они восхищены.

— Ну, ты этого и хотел, так ведь? Поразить всех, — отвечает Карло, облокачиваясь на подоконник. Он показывает на лодочные склады. — Ты сумасшедший, и я вместе с тобой, раз послушал тебя. Никогда не думал, что построю нечто подобное рядом с тоннарой. Только ты мог меня на такое уговорить. Да еще в Палермо.

— Если бы не я, многого бы не было. Увидишь, когда вырастут

продажи тунца в оливковом масле. Уже несколько лет мы закатываем его в банки и продаем, и спрос продолжает расти, — говорит Винченцо без тени высокомерия, со знанием дела. — Вот так я отвечу тем, кто называет меня фантазером. Фактами. Как и с литейным цехом «Оретеа», который я купил у братьев Сгрои. Все мне сказали, что в Палермо у цеха нет будущего, что здесь могут выжить только лавки. Но я-то знаю, что это не так. Если никто не начнет думать по-крупному, этот остров так и будет плестись позади всего мира. Знаешь, как говорят в Палермо? Дай мне время, сказала мышь ореху, и я прогрызу в тебе дырку.

— Опять ты со своими пословицами. — Карло смеется. — В тебе больше палермского, чем в самих жителях Палермо в седьмом поколении.

— Я один из тех, кто не сдается, Карло. Ты знаешь. Кстати, по поводу литейного цеха, я хочу, чтобы ты съездил на стройку рядом с Порта-Сан-Джорджо. Мне не нравится, что работы по строительству новой конторы продвигаются так медленно. Сегодня меня называют безумцем, но, вот увидишь, когда все корабли будут железными и с паровым двигателем, собственный литейный цех для ремонта только своих пароходов позволит снизить цены на запчасти и на многое другое.

И Винченцо вспоминает мельницу для коры хинного дерева, и оскорбления, сказанные в адрес Флорио, когда они собирались торговать хинным порошком, изменив правила.

— Безумец, да. Не забудь про *босяка*.

— Я воспринимаю это как шутку. — Но на лице Винченцо лишь подобие улыбки. Не все можно изменить. — Особенно когда вспоминаю тех, кто первый начал так меня называть и из-за чего…

— Думаю, тебя так и будут называть до самой смерти. — Карло сейчас серьезен. — Ты должен был бы привыкнуть.

— Да вроде уже. — Винченцо меряет шагами комнату, заложив руки за спину. — Но я не могу смириться, у меня не получается. Абсурдно, когда такие люди, как Филанджери, называют меня босяком и при этом посылают своего посредника просить у меня денег в долг. Их наглость и беспринципность — вот что меня раздражает! — Винченцо снова вытаскивает на свет злобу, которую всегда держит при себе, нянча ее, словно дитя.

Карло Филанджери, князь Сатриано, испытывает серьезные денежные затруднения. Неправильные инвестиции, говорят одни, роскошество и мотовство, говорят другие. Кредиторы давно ждут его банкротства. Вода подступает к горлу. Или плыть, или идти ко дну.

И спасательный круг для князя — в руках у Винченцо.

* * *

Наступает вечер. Они все вместе ужинают в новом доме. Как обычно, на столе спагетти с соусом, жареная рыба. Свежие овощи и картошка — с краю, для домовых, чтобы были благосклонны, оберегали очаг. Джулия следует этому обычаю, но про себя удивляется: ей, северянке, скептику по натуре, кажется довольно смешным подобное подношение духам, но такова традиция.

Поздним вечером они вдвоем отводят детей в их комнаты. У девочек общая, у Иньяцио своя. Рядом комната Джузеппины. В конце коридора, с окном на залив — Джулии и Винченцо.

Никто не спит: все слишком возбуждены. Даже горничные продолжают ходить по дому — на цыпочках, бесшумно закрывая двери. Анджелина и Джузеппина прыгают на кровати, им восемь и шесть лет соответственно, совсем еще дети. Иньяцио бегает, прячется, и мадемуазель Брижит никак не может его успокоить. И только окрик Винченцо заставляет всех забраться под одеяла, откуда все равно доносится приглушенный смех.

Позже Винченцо заглядывает в комнату матери: она сидит на краю постели с закрытыми глазами, с четками в руках и в чепце, который еще не сняла.

— Вы не ложитесь, мама?

— После молитвы.

В последнее время донна Джузеппина стала как никогда набожной. Что стало причиной такой перемены в ней — старость или страх того, что ждет по ту сторону жизни, скупой на радости, — неизвестно.

Винченцо склоняется к ней.

— Вам нравится дом?

Она кивает, бормочет молитву на латыни вперемешку с калабрийским. Потом наклоняет голову набок.

— Это место украло сердце у Иньяцио, а сейчас забрало твое. — Она проводит рукой по одеялу. — Ты хочешь переехать сюда насовсем? Мне бы хотелось. Такой простор здесь. Напоминает Баньяру.

О Калабрии его мать теперь редко вспоминает. Прошла та злобная горечь: Баньяра заняла место в памяти, где соединяются мечты и желания, потерянные навсегда.

— Нет. Будем жить здесь только весной и летом, остальное время — в Палермо. Все равно мне надо будет часто туда ездить по делам. Хотя у

меня и здесь кабинет, но работа там.

— Знаю.

Винченцо прощается с матерью и выходит.

Джулия ждет его в спальне. Одна, с распущенными волосами, в радостном предвкушении. Он обнимает жену.

Целует ее в губы, с жаром, с нежностью.

— Мне не спится. Пройдусь по двору, — говорит он ей.

— Буду ждать тебя, — отвечает она и забирается под одеяло.

Проходя по коридору, Винченцо украдкой заглядывает в комнаты наконец-то заснувших детей, проходит через зал, спускается по лестнице.

Двор. Он доходит до ворот. Выходит.

Тишина. Над ним звездное небо. Перед ним залив. Дальше — огни Палермо.

Кончиками пальцев он пробует воду. Необычно теплую для апреля. Идет, засунув руки в карманы, с пустой головой. Тихая волна набегает на ботинок.

Сколько времени он уже не плавал?

Что за странные мысли? Как у мальчишки! Смех прерывается, натыкаясь на ком в горле.

Он вспоминает, как впервые нырнул в воду: с открытыми глазами, их щипало от соли, в ушах гудела тишина. Ощущение ледяной воды. Желание выплыть и набрать воздуха схлестнулось с желанием остаться внизу, в невесомости, среди водорослей.

Свобода. Бог мой! Какое чудесное чувство.

Все бы отдал сейчас, лишь бы почувствовать эту свободу.

Желание перерастает в решение. Винченцо должен снова окунуться в то ощущение хотя бы на несколько мгновений.

Пальцы пробегают по пуговицам. Долой жилет, долой штаны, долой рубашку, долой ботинки. Ветер прохладный, но он почти не чувствует его.

Ощупывает свою крепкую грудь; ему немногим за сорок, у него вырос небольшой живот, и руки уже не такие сильные, как в молодости, зато все зубы на месте и нет одышки при подъеме по лестнице.

Сначала одной ногой, потом другой вступает в воду. Море заключает его в свои объятия, принимает. Кожа покрывается мурашками, когда он входит в воду.

Вдруг в памяти всплывает образ дядя Иньяцио. Кажется, он даже слышит его голос, видит его сильные, мягкие руки. Дядя молодой, с едва заметной щетиной и грустной улыбкой, которая после смерти Паоло не бывает другой. Дядя говорит ему: «Тише, Виченци, не торопись: море как

мать. Оно всегда тебя поддержит».

Воспоминание оживает, расцвечивается.

Мальта. Прошел год после смерти отца. Иньяцио повез его с собой показать остров, познакомить с рынком, дать понюхать неизвестные ему пряности.

Это тогда дядя узнал, что племянник не умеет плавать — какой стыд, он, сын моряка! — и взялся научить его.

Они нашли пляж, зашли в воду: Винченцо — нагишом, Иньяцио — с тряпицей на бедрах. Винченцо помнит, как они плескались в море ослепительно-синего цвета. Вспоминает их смех, руки Иньяцио, готовые тут же подхватить, соленую воду, попадавшую в нос, так что приходилось все время откашливаться.

Так он учился: захлебываясь, задыхаясь, смеясь, не сдаваясь. И в конце концов научился.

Но он никогда не плавал ночью. Никогда.

Хорошо. Пришло время попробовать и это.

Он ныряет. Вода мочит волосы, ласкает руки. Так и есть, море поддерживает.

Выныривает. Дышит. Снаружи холодно, но разве это важно? Он чувствует себя свободным, легким и хотел бы закричать, потому что на мгновение тьма, которую он всю жизнь носит внутри, исчезла. Или, по крайней мере, отступила за границы сознания.

Момент легкости, неведомой радости, которая взрывается изнутри и заставляет его плакать и смеяться.

Странно, если это — счастье, он не думал, что оно может быть настолько прекрасным и вместе с тем причинять столько боли.

Он снова погружается под воду, выныривает, кричит: от счастья, от свободы, от жизни. Он чувствует, что он там, где должен быть, что все случившееся с ним в жизни нужно было, чтобы привести его сюда, теперь это ясно; и оскорбления, и зависть ничего не значат, потому что он сам выбрал свой путь. Это его путь.

Винченцо делает несколько гребков, переворачивается на спину. Теперь он видит тоннару со стороны моря, огни дома отражаются в заливе. Вернее, свет одного окна.

Окна спальни, где его ждет Джулия.

Дом Флорио. Джулия. Его дом. Его жизнь.

Он растягивается на ровной глади моря, выплевывает соленую воду. Смеется.

Как давно он не чувствовал себя таким свободным? Чувствовал ли он

себя *когда-нибудь* таким свободным?

*** * ***

Солнце в этом октябре мягкое. В нем блики топаза, пастель меди. Оно освещает дома из туфа в Аренелле, ложится на море, которое, растеряв сверкающие летние цвета, облеклось в осенние. Даже песок пожух, лишился блеска, и теперь можно не щурить глаза.

Иньяцио, ему скоро шесть лет, опирается на дверной косяк, раздумывая: идти на пляж или вернуться на двор. Море, кажется, тихо призывает его к себе, но его бормотания он до конца разобрать не может. Знает только, что оно заглушает шумную трескотню сестер, Джузеппины и Анджелины, которые вышивают, сидя в беседке с няней и мамой.

Он делает шаг вперед. Море зовет его.

Джулия поднимает голову, ищет его глазами.

— Иньяцио! Ты далеко? — кричит она с мягким упреком.

Не в силах сопротивляться этому голосу, он возвращается.

Джулия кладет пяльцы на колени и обнимает его.

— Ты все сделал, что тебе задал учитель?

Он кивает.

— Да. И рисунок нарисовал. Корабль.

Ну конечно. Что же еще? — думает Джулия. Она поправляет ему волосы, и ребенок ложится щекой на ее руку.

Иньяцио уверен, что не существует женщины красивее его матери. И мадемуазель Брижит, со своей странной «р» и светлыми волосами, с ней не сравнится.

Джулия знает, что ни один мужчина никогда не смотрел и не посмотрит на нее теми же глазами, полными любви, как ее сын.

Бубенцы, фырканье лошадей. Они поворачивают головы к воротам. Смотритель распахивает их, впуская темный экипаж, который направляется к дому мимо беседки. Повозка еще не остановилась, а Винченцо уже соскакивает с подножки и нервными шагами направляется к входу в дом.

Джулия идет вслед за ним.

— Виченци, — зовет она его, но он останавливает ее коротким жестом, чтобы не подходила или, может, чтобы молчала. — Мы не ждали тебя так рано, — продолжает она, пока девочки и няня встают и, опустив голову, тихо приветствуют его.

— Не сейчас, Джулия. Только тебя здесь не хватает.

Он исчезает за дверью, ведущей на лестницу, слышен стук каблуков по каменным ступеням.

Иньяцио смотрит на мать, которая скрестив на груди руки, опустила голову.

Сколько раз он наблюдал подобные сцены? Сколько раз он испытывал злость по отношению к отцу, злость, которая даже сильнее, чем внушаемый отцом страх. У него всегда нахмурены брови, лицо серьезное. С матерью он часто резок, ведет себя как чужой. Почему? Иньяцио не понимает.

Он осторожно подходит к матери, смотрит ей в глаза нежным взглядом. Тогда Джулия шепчет ему:

— Твой отец — важный человек, Иньяцио. Он не плохой. Он так устроен. У него такой характер.

— Но ты плачешь из-за него. — Он протягивает ручонку, как если бы хотел поймать слезу, застывшую меж ее ресниц.

Сверху доносится сначала разъяренный голос Винченцо, потом хлопок двери. Странно, но Джулия улыбается:

— Я пролила столько слез из-за него, что одной больше, другой меньше — нет разницы. Я знаю, кто твой отец, правда знаю. — Она укутывается в шаль, смотрит на квадратную башню. — Пойду выясню, что случилось. А ты побудь в саду с сестрами.

Гневные выкрики Винченцо продолжаются, в то время как Джулия, шурша юбками, исчезает в темноте коридора.

Иньяцио оглядывается. Сестры и няня снова сели за вышивку. Слышны приглушенные голоса родителей.

И тут до него снова доносится шепот моря, принесенный легким северо-восточным ветерком.

Незаметно от няни ребенок идет к воротам. Выходит. Впереди море Аренеллы.

Никто не обращает на него внимания.

Он колеблется. Несколько дней назад родители запретили ему залезать на скалу рядом с башней и ходить по камням. Там слишком скользко, сказали они ему. А он все лето прыгал по ним и ни разу не упал. Пару раз даже искупался там. Хотя последовать примеру рыбацких детей и нырнуть с большой скалы-острова Балата на другой стороне залива у него так и не хватило смелости. Но отец обещал ему, что следующим летом научит нырять оттуда, потому что Флорио должны уметь плавать, так как в их венах вместе в кровью течет морская вода.

Иньяцио оставляет позади подпорную стену цвета охры, пересекает пляж и забирается на камни. Из-под черного волнореза, покрытого сухими

водорослями, высовывается краб. Он видит его, протягивает руку, чтобы схватить, но тот быстрее — распластавшись, исчезает в расселине.

— Нет! — восклицает Иньяцио и наклоняется вперед. Кожаная подошва скользит по сухой посидонии, он теряет равновесие, качается и падает в лужицу со стоячей водой, собравшейся меж прибрежных камней.

Тихо стонет. Смотрит на руки, на ободранные ладони. С трудом поднимается на ноги.

Пульсирующие ранки жжет от соли, но это не слишком его беспокоит. Ботинки и одежда грязные. Мама будет ругать.

Глупый краб, раздосадованно думает он. Что же теперь делать?

Иньяцио осторожно подбирается к воде. Знает, что в этом месте море глубокое, потому что мальчишки из Аренеллы здесь ныряют и выныривают уже с мешками, полными морских ежей, которых потом едят на пляже.

Он наклоняется и зачерпывает пригоршню воды, чтобы помыть ботинки. Соль щиплет еще сильнее. Закусив от боли губу, Иньяцио подается вперед, желудок сжимается, и по телу бегут мурашки страха. В лицо летят брызги от высоких волн. Он хватается за валун, чтобы удержаться, потом снова пробует зачерпнуть воду обеими руками, качается.

Сердце готово выпрыгнуть из груди, он смотрит на море: похоже, оно все почернело. Нет ни извивающихся рыбок, ни танцующих медуз, ни актинии или водорослей, цепляющихся за скалы. Только волны, все выше и выше, которые теперь окатывают его с ног до головы.

Мама сильно-сильно накричит на меня, говорит он про себя. *И папа…*

Лучше об этом не думать.

Надо идти назад. Он чувствует что-то в груди и не знает, как это называется.

Держась за валун, он пробует повернуться, оторвать ноги, которые, кажется, завязли в воде.

Но ветер подхватывает его и тянет вниз. Он теряет равновесие.

Столкновение с ледяной водой опустошает его легкие, как будто кто-то со всей силы плюхнулся ему на грудь. Он широко открывает глаза, тянет руки вверх, но море держит его в своих стеклянно-пенных объятиях. Он чувствует, как что-то хватает его за ноги, утягивает вниз. Тогда он брыкается, сначала пинает пустую воду, потом ударяется о подводную часть скалы. Удар настолько сильный, что один ботинок слетает.

Ужас ослепляет его. Он открывает рот, чтобы закричать, но соленая вода заполняет трахею.

— Мама! — кричит, выдыхая весь воздух, какой еще остался в груди в ту секунду, когда волна выбрасывает его на поверхность, чтобы спустя миг

забрать обратно.

— Мама! — зовет и снова захлебывается водой, и закашливается.

— Мама! — безнадежно взывает он, и наступает чернота.

* * *

— Вот что случилось, понимаешь? Мы выставляли паровой пресс на Всемирной выставке в прошлом году, первый гидравлический пресс, собранный на Сицилии, Бог ты мой! А потом, когда понадобились ложки и кастрюли, мы за месяц не можем управиться с их производством. А все почему? Потому что не хватает угля, здесь его мало, надо везти из Франции. А корабли, которые должны были доставить его, до сих пор не пришли, и все это время литейный завод платит штрафы.

Папки разбросаны по столу, руки нервно перебирают документы. Винченцо находит нужную папку, открывает, выхватывает лист бумаги, кладет обратно.

Джулия наблюдает за его судорожными движениями.

— Ты знал, что управлять литейным заводом в Палермо нелегко, — вполголоса произносит она. — Даже Бен Ингэм не вошел в дело. — Она подходит, кладет руку ему на плечо.

— В этом городе никогда не бывает легко, но это не значит, что ничего не надо делать. — Винченцо останавливается: прикосновение Джулии обладает успокаивающей силой. Он делает глубокий вздох. — Джакери показал мне взыскания, полагающиеся за неисполнение договора. Я не собираюсь ничего возмещать. И у меня есть документы, которые…

Но Джулия больше не слушает его.

Она морщит лоб, поворачивается к морю. Ей послышалось… Она подбегает к окну, высовывается из него и кричит:

— Анджела! Джузеппина! Где ваш брат?

Обе девочки и няня поднимают глаза.

— Он был здесь, с нами… — отвечает мадемуазель Брижит, поднимаясь, ищет его глазами.

— *Mais oui*[15], он где-то здесь бегал. Он не с вами?

Джулия вздрагивает. Может, она ошиблась… конечно, ошиблась. И все-таки она могла бы поклясться, что слышала, как сын звал ее.

Она выбегает из комнаты, сбегает вниз по лестнице.

— Иньяцио! — зовет она.

Никто не отвечает.

Может, прячется?

— Иньяцио! — повторяет она. Бегает по двору, зовет снова. Волнение нарастает.

Винченцо, оставшись в комнате, пожимает плечами. Джулия слишком мнительная. Когда он сам был маленьким, то убегал в бухту Кала по переулкам, и никто не волновался за него. Иньяцио наверняка болтается у лодок, между лодочным спуском и марфараджу. Или на пляже бросает камни в воду. Что плохого с ним может случиться?

Всю жизнь потом он будет вспоминать этот момент. Но так и не сможет объяснить, что толкнуло его посмотреть в окно на скалы. Инстинкт? Случайность?

Там, в пене, у камней под скалой-островом он замечает сначала руку, потом ногу. Волны швыряют, бьют о камни тело, опутанное водорослями, которые будто тянут его вниз.

Он потом не вспомнит, закричал он или нет.

Но в его памяти навсегда останется мысль, пронзившая сознание в тот миг.

Этого не может с ним случиться! Только не с моим сыном!

Джулия видит, как он мчится во весь дух через двор, срывая с себя сюртук и пластрон. Когда понимает, что он бежит к скалам, бросается за ним, зажав рот руками. У ворот Винченцо уже скидывает ботинки. Спустя мгновение он ныряет в воду.

Глаза впились в море, высекают в памяти образы, как в бронзе.

— Иньяцио! Иньяцио! — неистово кричит она. Забирается на камни, подол платья рвется, она соскальзывает, протягивает руки, опять зовет сына. Винченцо выныривает набрать воздуха, и снова исчезает в темной воде. Видно, как ребенок барахтается в водорослях. Или это волны швыряют его?

Он еще жив, жив?

Позади нее Анджела, Джузеппина и Брижит дрожат, плачут и жмутся друг к другу. Няня рыдает, вопит на французском вперемешку с сицилийским, мол, не знает, как такое могло случиться, но Джулия не слушает ее.

— Винченцо! — кричит она. — Иньяцио!

Иньяцио первым появляется на поверхности. Мертвенно-бледный, с закрытыми глазами, дрожащий, кашляющий… Джулия вздрагивает, рыдает еще сильнее. *Слава Богу, кашляет! Значит, жив!*

Сразу за ним выныривает Винченцо. Он выносит ребенка на берег, сам дрожит от холода, на руках и ногах ссадины. Кладет сына на землю и

отталкивает Джулию, которая бросается к сыну, чтобы взять его на руки.

— Подожди! Нужно положить его на бок! Надо, чтобы вышла вода! — И с силой начинает хлопать сына по спине.

Иньяцио сотрясается под ударами, стонет, изрыгает морскую воду и содержимое желудка. Широко раскрывает глаза и какое-то мгновение видит только материнское лицо, охваченное ужасом.

— Мама… — шепчет он охрипшим от соли и крика голосом. — Мама…

Джулия плачет навзрыд.

— Сынок мой…

Срывает с плеч шаль и накрывает его, он продолжает кашлять и дрожать. Винченцо берет его на руки, идет к башне.

— Вы! Найдите доктора! Шевелитесь! — приказывает он дочерям. Потом переводит взгляд на няню. Не голос, а грозное рычание: — А ты, бестолковая, исчезни с глаз моих! Чтоб сегодня к вечеру здесь духу твоего не было! Мой сын чуть не умер. Убежал у тебя на глазах, а ты и бровью не повела! Этот ребенок — самое ценное, что у меня есть!

Растерянная, все еще в слезах, Брижит пятится и убегает в свою комнату.

Джулия склонилась над Иньяцио и почти не слышит слов Винченцо.

Зато их слышит Анджелина. На ее лице, уже не ребенка и еще не девушки, пролегла морщинка недовольства.

— Пойдем, — толкает она Джузеппину. Потом шипит ей, чтобы она перестала рыдать, потому что с Иньяцио ничего не случилось. Он наделал глупостей, а сейчас придумает, что заболел. Она попрекает его со злостью, которая неизвестно откуда вдруг в ней взялась. Слушая, как затверделый от соли песок скрипит под ботинками, Анджелина запирает глубоко в сердце это неприятное чувство, прячет мысли, о которых никто не должен догадаться. Но она знает, что означают те слова, и запоминает их на долгие годы.

* * *

Эту ночь Джулия проводит в комнате Иньяцио. Доктор заверил ее, что состояние ребенка не вызывает у него опасений, что в худшем случае он простудился, а синяки и ссадины еще, конечно, немного поболят, но в этом нет ничего страшного. Он дал ему сироп на основе меда, солодку от боли в горле и рекомендовал делать припарки на грудь.

Но Джулии не верится, что все обошлось. Не хочет она оставлять его одного. То, что он здесь, живой и что муж вырвал его из рук смерти, — во всем этом Джулия видит знак провидения.

Ее муж, Винченцо, спас его.

На лице мужа в те минуты она не заметила следов страха или отчаяния. Оно выражало только непреклонную волю, решимость, в которой было что-то сверхчеловеческое и тем не менее хорошо ей знакомое.

Однако Винченцо, принеся сына в комнату, больше так и не появился у него. Закрылся в своем кабинете в башне. Джулия все это время сидела с ребенком, меняла ему одежду, поила горячим бульоном.

Потом пришла бабушка Джузеппина с красными глазами и все еще подрагивающими от волнения руками. Она прижала к груди ребенка, целуя его влажные волосы и говоря ему что-то на непонятном Джулии калабрийском. Иньяцио — единственный внук, к которому свекровь, пусть слабо, но проявляет теплые чувства.

Наконец успокоившись, мать и сын начинают засыпать. Их головы лежат на одной подушке, пальцы переплетены. Время от времени Иньяцио ворочается, кашляет, и тогда Джулия прижимает его к себе. Вскоре оба проваливаются в тяжелый, благословенный сон.

Глубокой ночью ребенок внезапно просыпается. Слышен шум, скрип двери: кажется, кто-то вошел в комнату. Он хватается за руку матери, прикрывает глаза, старается разглядеть что-нибудь в темноте.

Отец.

Он сидит в кресле, лицо осунулось от пережитого напряжения, волосы в беспорядке. Закусил кулак, смотрит на сына. Во взгляде читается облегчение, тревога, усталость. Любовь.

Иньяцио удивлен, отец никогда не смотрел на него так.

Отец боится, ребенок сразу понимает это, и ему становится жалко его. Отец боится за него, потому что, наверное, любит.

Ему хочется протянуть ему руку, подозвать, но нет сил. Сон и усталость берут верх. Он снова засыпает, согретый нежным, теплым чувством.

В темноте он не видит, не может видеть слезы в глазах отца.

* * *

После несчастного случая, как упорно называет происшествие Джулия, Иньяцио несколько дней остается в постели: температура

поднялась скорее от пережитого кошмара, чем от холода. Ребенок проводит дни в своей комнате один. Брижит в спешке и гневе уехала, и сестры возобновили учебу под чутким контролем матери.

Уютно свернувшись калачиком под одеялом, Иньяцио листает книгу, взятую с полки у отца. Это не детская книга, но ему неважно. Важно не думать, не вспоминать ужасный момент, когда он умирал в одиночестве, под водой, заполняющей его легкие. Тогда, говорит он себе, он первый раз пережил страх смерти. Это чувство он запомнит на всю жизнь.

Иньяцио с головой погружается в книгу, читает по слогам, рассматривает картинки, перекатывает во рту иностранные слова, как леденцы, пробует их на вкус.

Корабли. Много.

За этим занятием застает его Винченцо, когда возвращается с литейного завода, где он провел весь день, уверяя рабочих, что уголь, железо и олово придут вовремя.

Он открывает дверь, стоит на пороге.

— Чем занимаешься? — спрашивает. — Что рассматриваешь?

Иньяцио поднимает глаза от книги, и Винченцо не может не отметить, как он похож на Джулию. Но есть в нем что-то и от дяди, чье имя он носит, от того Иньяцио, который вырастил его, который всегда готов был подставить ему плечо. Какое-то спокойствие, невозмутимость и в то же время решительность.

Ребенок выскальзывает из-под одеяла, приветствует отца легким поклоном головы. Не говоря ни слова, протягивает ему книгу.

— «Гидрографическая карта, таможенный и статистический справочник по Сицилии» Франческо Аранчо. — Винченцо не может удержаться от смеха. — Ты читаешь эту книгу? — Но в вопросе удивление, а не насмешка.

— Мне нравится рассматривать географические карты и пароходы, — объясняет Иньяцио, пока отец пролистывает книгу. — Смотрите, — добавляет, указывая пальчиком на страницу, — вот бухта Кала. Здесь написано, где за городскими стенами реки впадают в море.

Винченцо кивает, поглядывая искоса на сына, который робко пересказывает ему то, что понял из рисунков и слов.

Сын вырос, а он даже не заметил. Пришло его время позаботиться о нем. Все-таки Джулия — женщина, а Иньяцио не может вечно цепляться за юбку матери.

— Послезавтра возвращаемся в Палермо, — резко говорит он, закрывает книгу и возвращает ее сыну. — Здесь становится холодно.

Но причина не только в этом. Если ребенок читает атлас, значит, ему пора серьезно учиться, и надо приступать немедленно, нельзя терять время.

* * *

В восемь утра 12 января 1848 года мирное течение обычного дня нарушают пушечные залпы.

От грохота дрожат стекла и кричат служанки дома Флорио на виа Матерассаи.

Двенадцатилетняя Анджелина обнимает и успокаивает Джузеппину, Иньяцио же сидит на постели с растерянным, заспанным лицом.

Во время второго залпа Иньяцио соскакивает с кровати и бежит к матери.

— Мама, мама! Что случилось?

Джулия опускается на колени, обхватывает ладонями его лицо.

— Думаю, это как-то связано с днем рождения короля…

Но сама она не верит в то, что говорит, и Иньяцио замечает ее страх и смятение.

— Правда?

К ним подбегают сестры. Рассказывают, перебивая друг друга: они выглянули в окно и увидели, бегущих по улице вооруженных людей.

Еще залп. Крики.

Дети прижимаются к матери, стены дрожат, слуги кричат от ужаса. Грохот пушек стихает, и теперь где-то в отдалении слышна стрельба.

Выстрелы.

На празднование все это не похоже. Вдруг Джулия вспоминает увиденные на днях воззвания, расклеенные на виа Толедо, которые потом сорвали неаполитанские солдаты. Прокламации призывали к восстанию.

Она обсуждала это с братом Джованни, пришедшим навестить ее несколько дней назад и сообщить о матери, у которой поднялся жар. Она тогда спросила, что он думает о прокламациях, расклеенных ночью по всему городу. Есть ли повод для беспокойства?

— Огонь, тлеющий под пеплом. Помнишь восстания в тридцать седьмом году, во время холеры? С тех пор ситуация обострилась. Сначала выслали и приговорили к смертной казни предводителей мятежей. Потом король Фердинанд отдал приказ, чтобы все городские должности занимали неаполитанцы, а сицилийцам это не по нраву. Тебе сложно понять, потому что ты живешь в достатке, — сказал он и обвел руками роскошную

обстановку гостиной дома на виа Матерассаи, — а на улицах неаполитанские солдаты насилуют женщин. А если мужья протестуют, то оказываются за решеткой, в тюрьме «Викариа». Я уже не говорю о двойном налогообложении на зерно. Бурбоны не жалуют собственный народ. И правильно, что люди пытаются изменить ситуацию, пусть и с помощью насилия. Насколько я знаю, в Милане происходит приблизительно то же самое: австрийцы посадили город на цепь, и город их ненавидит.

— Но здесь не Милан. В Палермо и на Сицилии нет философских кружков, как в Милане. Я хочу сказать, здесь… — Джулия энергично размахивает руками, как бы отгоняя мысль, которая ее тревожит. — Дворяне даже не представляют себе, как можно поставить под сомнение свои привилегии или уступить часть своей земли. Здесь каждый защищается как может, и бедняки остаются бедняками, потому что никто не пытается открыть глаза крестьянам или мастеровым на положение вещей…

— Это ты так думаешь. — Джованни наклонился вперед, поглядывая на дверь. Знает, что Винченцо не любит такого рода разговоры, считает их бессмысленными. — В Палермо есть люди, которые хотели бы все изменить. Интеллектуалы есть и среди дворян, и среди буржуазии, они надеются, что сумеют направить людей этой земли, желающих распоряжаться собственной судьбой. Но их мало, слишком мало.

— Но тогда… — Джулия округлила глаза, больше от удивления, чем от страха.

Джованни вздохнул.

— Поверь мне, Джулия. Я не знаю, что будет, но слухов вокруг много, и они только ширятся. Прокламации, расклеенные по городу и призывающие народ вооружаться, — это последнее предупреждение. Да, солдаты Королевской гвардии их срывают, втаптывают в грязь и смеются между собой. Говорят, что, если палермские жители поднимутся, их встретят огнем и повесят на мачтах фрегатов, если не хватит виселиц. Но в этот раз все по-другому, это витает в воздухе. Люди смотрят на солдат без страха, сплевывают, когда те проходят мимо. Палермо устал от налогов и превышения власти. Бурбоны перегнули палку.

Джулия охает, теперь она понимает, что Джованни был прав и час мятежа настал. И что 12 января 1848 года, в день рождения короля…

— Закройте окна! — кричит она. Потом смотрит на детей, и ее страх набирает силу. — Одевайтесь! — приказывает она дрожащим голосом. — Одевайтесь и будьте готовы к отъезду.

* * *

Винченцо с рассвета уже на ногах, в кабинете с видом на площадь Сан-Джакомо. В недавно купленном здании, где разместилось торговое представительство дома Флорио. При первом залпе он поднимает голову от бумаг. Перед ним стоит секретарь Джованни Карузо.

— Что это?

Еще один залп.

— Не знаю, — Карузо разводит руками. — Может, праздник в честь дня рождения короля? Он не сегодня?

— Да, но…

На этот раз взрыв сопровождается ружейной пальбой.

— Со стрельбой из ружей?

Винченцо подходит к окну. Толпа с площади хлынула в направлении ворот Порта-Карбоне, в сторону бухты. Некоторые мужчины вооружены.

— На виа Кассаро недавно висели манифесты с призывом к восстанию… — снова начал Карузо. — Да нет, не может быть! Наверное, опять какие-то сумасшедшие пытаются…

Орудийные залпы. На этот раз стреляет артиллерийская батарея.

— Парочка сумасшедших, говоришь? — Винченцо хлопает руками по столу. Снаружи выстрелы перекрываются криками. — Это батареи из бастиона Кастелламаре. Они стреляют по городу с моря!

Карузо подходит к окну. Да, этот грохот доносится из Калы. Они что, бьют по стенам?

— Черт возьми! Так и есть!

Винченцо хватает пиджак. Нельзя терять ни минуты. Если это мятеж, будут и беспорядки, и грабежи. Лучше спрятать всё в надежное место.

— Заприте всё на замок и расходитесь по домам, вы и все остальные. А я пойду в магазин. Сообщу вам в записке, что делать дальше.

— Дон Флорио, куда вы один? Подождите!

Но он уже на улице. Бежит, решительно входит в магазин. Служащие и приказчики укрылись под прилавками, как улитки в раковине. Винченцо берет у кого-то плащ, чтобы его не узнали, выходит, ныряет в переулки. Ему надо добраться до литейного завода Оретеа, дать указание рабочим запереть металлические ворота и спрятать самое ценное оборудование. Если мятежники или солдаты начнут по нему стрелять, все погибнет. Добравшись до виа Бамбинаи, он, однако, вынужден остановиться. И не только он.

Баррикада. Из-за нее восставшие стреляют в отряды Бурбонов. Рядом — разорванное воззвание, но разобрать можно:

СИЦИЛИЙЦЫ, ВРЕМЯ МОЛИТВ ПРОШЛО
БЕЗВОЗВРАТНО…
К ОРУЖИЮ, СЫНЫ СИЦИЛИИ!
ВМЕСТЕ МЫ ПОБЕДИМ!
УТРО 12 ЯНВАРЯ 1848 ГОДА
ПОЛОЖИТ НАЧАЛО СЛАВНОЙ ЭПОХЕ
НАШЕГО ВСЕОБЩЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ…

— Помогайте нам, если у вас есть оружие и вы хотите защитить вашу землю! — кричит мятежник, размахивая ружьем. — Или же возвращайтесь назад, прячьтесь в домах и… — его призыв тонет в вопле от боли: выстрелом его ранило в руку.

Подавленный, с опущенной головой, Винченцо вынужден повернуть назад. Литейный цех «Оретеа» — *его* литейный цех, *его* победа, бывшая мастерская, но уже работающая как настоящий металлообрабатывающий завод, — недалеко от городских стен, рядом с воротами Сан-Джорджо. Прямо сейчас, когда идет сражение, он мысленно переносится на Мальту. Четыре года назад он построил там новый завод. Туда привезли железо и уголь, и там полно горючих материалов. Он боится даже представить себе…

— Королевский дворец в осаде!

— Казармы жгут! Есть убитые!

Голоса палермцев берут его в кольцо, хлещут по щекам. Все началось на площади Фьеравеккья, говорят, там тоже есть первые убитые.

— Они хотят сжечь дома дворян! Они хотят республику!

— За оружие, Палермо!

Он идет в потоке людей, слушает голоса, собирает известия, пытается понять, что происходит. Протискивается на виа Пантеллериа и добегает до виа Тавола-Тонда. Оттуда до дома рукой подать, идти не дольше, чем прочесть «Отче наш».

Мать сидит в кресле, в центре гостиной, как всегда с четками в руке.

— С тобой все хорошо, сынок? — восклицает Джузеппина, увидев его.

— Да-да. Где дети?

— С ней. Присмотри за ними, особенно за Иньяцио, кровинкой моей.

Джулия одела детей в теплую одежду. Сама в дорожном платье. При виде Винченцо тревога сменяется радостью. Она идет ему навстречу.

— Боже мой, что происходит? Я волновалась за тебя.

Винченцо обнимает Иньяцио, который подбежал первый. Затем очередь дочерей, они испуганно жмутся к нему.

— Город поднялся против Бурбонов. Одни говорят, что гарнизон сложил оружие. Другие, что отряды во главе с генералом Де Майо засели в Королевском дворце. Третьи, что король готов капитулировать. Ничего не понятно… Ясно только, что солдаты не ожидали такого организованного и сплоченного мятежа. Да, в этот раз все серьезно, не похоже на детскую забаву… Приехали мятежники из деревень, возможно, целая рота из Багерии, как я понял по их выговору. И все, или почти все, вооружены. — Он смотрит на свои руки. Он не умеет стрелять и никогда не хотел научиться. Всегда думал, что владеет более сильным оружием — деньгами. Их-то он и будет использовать при необходимости. — Уже есть убитые. Солдаты отходят к казармам, к палаццо Финанце или к площади Новицьято. Отвоевывается улица за улицей, и жители уже захватили несколько городских ворот.

— Так я и думала. Я поняла, что происходит, когда услышала выстрелы. — Джулия подносит руки к губам и шепчет: — Что будем делать?

— Уедем из города. Собери деньги, серебро, самые ценные вещи. Поедем на виллу «Четыре пика». Она за городом, и к ней труднее подобраться.

Джулия дает распоряжения, распахивает шкафы и собирает баулы. Горничные бегают по дому. Дочери послушно выполняют все указания, и Анджелина тоже складывает ценные кружевные шали на дно сумки.

Иньяцио ходит за ней.

— Можно мне взять деревянную лошадку? А книги? — спрашивает он постоянно.

Меж тем экономка велит закрыть окна и ставни.

В этом хаосе единственный неподвижный человек — Джузеппина, которая по-прежнему сидит в кресле и ворчит:

— Нет на них Бога…

Винченцо строчит разные сообщения и отдает посыльному, чтобы тот отнес их его служащим, и в первую очередь Карло Джакери. Забирает из кабинета документы, мешок с монетами. Пригодятся — он уже знает, — чтобы пройти через баррикады и блокировочные посты.

— Экипажи готовы, — сообщает горничная.

Они сбегают по лестнице с сумками и корзинками в руках. Джулия следит, чтобы ничего не забыли. В последний момент забирает самые

ценные украшения, которые ей подарил Винченцо, прячет их в карман нижней юбки.

Муж ждет ее внизу, у экипажей.

Он садится в первый экипаж с матерью и гувернантками. Джулия во второй — с детьми и багажом.

Продвигаться вперед — настоящая пытка: на дорогах столпились телеги, экипажи и повозки, из-за которых им приходится замедлять ход, часто останавливаться. На земле — трупы. С каждой остановкой у Джулии сжимается сердце, она обнимает девочек, вцепившихся в нее.

Иньяцио же украдкой наблюдает за происходящим из-за занавески вмиг повзрослевшими глазами, хотя ему всего девять лет. В его взгляде больше любопытства, чем страха. Но прежде всего — огромное желание понять, что происходит с ним, с семьей, с городом. Опустив занавеску, он пристально смотрит на мать: она, несомненно, встревожена, но не шепчет молитвы и не дает волю слезам. Наоборот, стыдит сестер, если те начинают хныкать. И отец, когда садился в экипаж с бабушкой, тоже был спокоен, и на его лице не промелькнуло ни малейшего намека на волнение.

Если у родителей хватает мужества не выказывать страх, говорит он себе, тогда и он не будет бояться.

* * *

Винченцо молчит. Рядом с ним мать затянула свою жалобную молитву.

Вдруг экипаж резко останавливается, словно наткнувшись на преграду из сотни возбужденных голосов.

Винченцо прислушивается.

— А ну, прочь с дороги! Не подходи!

— Что еще за новости? Предупреждаю, слышь, слезай, и пусть те, кто внутри, выходят ко мне.

Кучер пререкается, снова требует пропустить два их экипажа. Тотчас после — шум драки.

Винченцо открывает окошко. И натыкается на направленное в его лицо дуло револьвера.

— Дон Флорио. Господь в помощь.

Юноша совсем, борода едва начала расти. Судя по одежде, из приличной семьи. Не оборванец, во всяком случае, по нему не скажешь.

Винченцо не двигается. Боится.

— И вам Господь в помощь, — выдавливает он из себя наконец. —

Почему вы не пропускаете нас?

— Потому что нельзя. Дворяне и богачи, как вы, нужны городу.

Винченцо медленно выходит из экипажа и оказывается в окружении небольшого отряда мужчин всех возрастов, заблокировавших дорогу в направлении горы Пеллегрино. На пыльной мостовой валяются узлы и сумки: кто-то побросал свой скарб, лишь бы остаться целым и невредимым.

— Почему мы не можем проехать? Кто это сказал?

— Никто не въедет и не выедет из Палермо, пока город полностью не будет в наших руках.

— Ясно. А вы, простите, кто будете?

— Свободные сицилийцы, борцы за независимость нашей земли.

Из второго экипажа доносятся испуганные голоса. Чья-то рука высовывается из окошка, чей-то тонкий голосок протестует:

— Мама, не надо!

Наконец из экипажа появляется Джулия. Она чинно спускается и подходит к Винченцо.

— Что вам от нас нужно? — говорит она решительно, с таким воинственным настроем, что мятежник невольно опускает револьвер.

— Иди в экипаж, — приказывает ей Винченцо.

Она как будто не слышит.

— На улицах Палермо идут бои. Мы хотим отвезти детей в безопасное место. Позвольте нам проехать, пожалуйста.

— А дети бедняков? Они тоже имеют право на защиту. Мы все — дети этого города и должны держаться вместе. Давайте, мадама, поворачивайте назад.

Возмущенная Джулия собирается ответить в том же тоне. Винченцо берет ее за руку.

— Вам, полагаю, не помешает пожертвование на ваше дело.

Молодой человек смеется презрительно и зло.

— Ну, конечно! Вы, богачи, думаете, что можете ехать куда вам вздумается и командовать кем захотите, только лишь потому, что у вас есть деньги. — Дуло револьвера утыкается в грудь Винченцо. — Езжайте назад, я вам говорю.

Цокот копыт по дороге.

Все оборачиваются. Подъезжают другие вооруженные мужчины. Лица усталые, в пыли. Останавливаются, один из всадников отделяется от группы.

— Микеле, что здесь происходит? — спрашивает. — Так, значит, вы

обращаетесь с людьми? Как разбойники?

— Дон Ла Маза… — Молодой человек, держащий под прицелом Винченцо, засовывает револьвер за пояс. — Он хотел сбежать из города.

— И ты угрожаешь хозяину дома Флорио? — У него густые бакенбарды, узкие глаза, на лбу залысины. Протягивает руку Винченцо. — Дон Флорио. Синьора… Я Джузеппе Ла Маза, патриот. Рад знакомству с вами.

Винченцо раздумывает. Он слышал, что говорят о Ла Мазе, видел его портрет в разных газетах, которые называли его мятежником и подстрекателем народных масс. Знает, что это один из самых известных — и самых разыскиваемых — противников королевства Бурбонов.

Джулия первая отвечает на приветствие.

— Синьор Ла Маза… — говорит она и склоняет голову. — Я слышала о вас. Даже имела возможность прочесть вашу книгу не так давно. Сказать по правде, она больше похожа на воззвание, чем на книгу, но, как видно, оказалась весьма полезной.

Винченцо оборачивается, смотрит на нее с изумлением. Она в самом деле прочитала эту книгу? И как книжонка бунтовщика попала в их дом? Должно быть, тут не обошлось без Джованни Порталупи, ее безмозглого братца.

Джулия отвечает ему жестким взглядом: позже поговорим.

Винченцо следует примеру жены, протягивает руку.

— Если вы патриот, тогда можете объяснить мне, почему нам запрещено проехать в наш дом в Аренелле?

— Он предлагал нам деньги! — восклицает Микеле с отвращением. — Пытался подкупить нас! Хотя чего еще ждать от человека, который собирается сбежать?

Ла Маза прищуривается, его глаза делаются двумя щелочками. Услышанное вызывает у него не возмущение, а интерес.

— Это правда?

— Я лишь хотел пожертвовать на дело, синьор.

— Ага. — Ла Маза смотрит в сторону Палермо. На береговой линии, по другую сторону от дороги, стреляют орудия, поднимаются облака дыма. — Они разбивают городские стены. Ни к чему это. — Снова обращается к Винченцо: — Весь город уже с нами. Людям надоело терпеть притеснения от неаполитанцев, которые только командуют, присваивают наши богатства и ведут себя как хозяева. И если вам плевать, что они нас угнетают и отнимают свободу, я думаю, вам не все равно, как они нас грабят, вы же торговец. — Он поворачивается к Джулии, пристально на нее

смотрит. — Вы, синьора, знаете, сколько девушек было обесчещено солдатами Фердинанда? Очень много, и все чуть старше ваших дочерей. Слишком много их пострадало от гнусной похоти озверелых негодяев. К нам присылают солдатню, король считает нас колонией, а не своими подданными, которыми он правит. — Ла Маза говорит страстно, смело. Снова указывает на город: — Мы имеем право на лучшую жизнь, мы — сицилийцы. И уже не только Палермо восстал, а остров целиком.

Выражение его лица пугает Винченцо. Как бы то ни было, никто не опустил оружие, и экипаж с детьми все еще окружен всадниками.

Ла Маза делает шаг к нему, приблизившись почти вплотную:

— Вы, дон Флорио, светлая голова, предприниматель, каких мало в городе. Хотите сотрудничать с нами? Поможете построить нам новый мир? С вашими возможностями, с вашим умом мы создадим новую Сицилию. Ну что? Вы с нами?

* * *

Майский закат говорит о приближающемся лете. Но угасает быстро, не позволяет собой любоваться, ведь еще не лето: солнце, как изгнанник, сбегает с гор, чтобы нырнуть в море. И мир стремительно проваливается в ночь.

В этот час Палермо окутывается теплым светом, и более явными предстают разрушения от бойни: городские стены, выходящие на море, обстреляны из орудий и разбиты, в переулках громоздятся остатки баррикад, построенные, чтобы остановить продвижение бурбонских солдат. Казармы разорены, включая и ту, что на площади Новицьято. Порта-Феличе завешена огромным полотнищем, чтобы с широкой виа Кассаро не было видно моря, а значит, и сигналов, которыми бурбонские корабли, стоящие вдали, должны были обмениваться с Королевским дворцом.

Много чего произошло в первые четыре месяца 1848 года.

Один в кабинете, где горит камин и приоткрыто окно, Винченцо может перевести дух после кошмарного дня.

За дверью раздается шум.

Дверь отворяется. Перед ним — Джулия в пеньюаре и домашних туфлях.

— Винченцо, уже почти полночь!

Он потирает виски.

— Что такого?

Она входит, закрывает за собой дверь.

— Ты не ешь. Мало спишь. Что случилось?

Винченцо встряхивает головой. На пороге пятидесяти лет он чувствует на себе груз ответственности, да такой тяжелый, что у него подкашиваются ноги.

— Иди спать, Джулия. Не вмешивайся, это не женское дело.

Она не двигается с места. Смотрит на него, сжав губы, с укоризной.

— Так же ты думал и когда узнал, что я прочитала книгу Ла Мазы. Быть женщиной не значит быть глупой, и эта книга помогла мне многое понять, особенно то, почему он и многие другие, как Розолино Пило или Руджеро Сеттимо, например, пытаются построить независимое государство на Сицилии. Конечно, удастся им это или нет — другое дело… Ты можешь не разделять их идей, Виченци, но ты не можешь отрицать, что они страстно желают довести дело до конца. Я не твоя мать и не одна из твоих дочерей, поэтому поговори со мной. Что тебя беспокоит? Проблемы с новым правительством, да?

— Вот именно, — вздыхает Винченцо и начинает ходить по комнате. — Сегодня я сделал кое-что, о чем позже пожалею. Купил для революционного комитета большую партию ружей в Англии. К тому же они провозглашают Королевство Сицилия, но короля, который решился бы надеть корону, не нашли! Ни сын герцога генуэзского Карл Альберт, ни кто другой не решается на это еще и потому, что англичане не хотят, чтобы Сицилия уходила из-под Бурбонов. В марте они разыграли спектакль с выборами в парламент, собрав все ту же кучку дворян и денежных мешков. Снова надеялись восстановить конституцию тысяча восемьсот двенадцатого года… но нам не на кого опереться. Нет ни власти, ни правителя — никого. Понимаешь? Нет никакого короля Сицилии, потому что никто к нам сюда и носа не кажет. Безумие! — Винченцо падает в кресло. — Они реквизировали у меня корабли и принудили давать им ссуды, и им все мало…

— Это революция, Виченци. Кругом беспорядок, и нужно вести себя осторожно. — Она подходит к нему, гладит по лицу, и Винченцо, всегда скупой на чувства, берет ее руку, целует ладонь. — Все должны чем-то жертвовать.

— Знаю. Но мне невыносимо сознавать, что они воюют на мои деньги: я всю жизнь положил на то, чтобы добиться… этого. — Он указывает на документы, разбросанные на столе. — С тех пор как разразилась революция, торговля резко сократилась. Заемный банк, литейный завод,

корабли… «Палермо», корабль пароходной компании, не прекращал возить грузы, пока Руджеро Сеттимо и революционное правительство не забрали его себе для перевозки солдат. Да, ты правильно сказала, когда говорила о страсти. Сеттимо, к примеру, как председатель сицилийского правительства, твердо верит в то, что делает, но в то же время способен мыслить здраво. Он понимает, что Сицилия не готова к республиканскому правительству, что дворяне никогда его не поддержат, и поэтому пытается найти средний путь… А с другой стороны, есть этот умник Паскуале Кальви, самый упрямый из республиканцев. Не знаю уж, сколько убытков они принесли мне со своими прокламациями, требуя, чтобы мы, буржуазия, поддержали революцию. А сейчас…

— Тебе хотя бы заплатили?

Он закатывает глаза.

— О да. Церковной утварью из серебра.

Как на грех, Джулия не может удержаться от смеха.

— Хочешь сказать, чашами, дароносицами и кадилами?

— Ну конечно. И ничего смешного здесь нет: их можно превратить в деньги, только если переплавить, а этого я не могу сделать.

— Если бы твоя мать узнала, что ты хочешь переплавить церковные вещи, она предала бы тебя анафеме.

На лице Винченцо ни тени улыбки. Он нервно теребит ленту пеньюара жены.

— Даже если в Палермо революционное правительство кажется прочным, нельзя забывать, что сторонников короля и неаполитанцев здесь тоже много. Мы на пороге бури, Джулия. Хватит и этого, чтобы все рухнуло.

— Но люди довольны. Новое правительство делает все возможное…

Он фыркает.

— Людям не важно, кто ими правит, если тарелка на столе пустая. Хочешь знать правду? Дворянам выгодно, чтобы ноги неаполитанцев больше не было на Сицилии. Так они сохранят свои привилегии и займут самые значимые посты. В правительстве много людей из солидных семей, понимаешь? Они много учились и путешествовали, и — боже ты мой! — провозглашают великие идеалы. Но идеалами бедняки сыты не будут. Вот о ком власть должна позаботиться, а иначе… А так как у правительства денег нет, то оно обращается ко мне или к Кьярамонте Бордонаро и думает привлечь меня, зачислив в Гражданскую гвардию.

— Но бессонницей и голодовкой этих проблем не решить. — Джулия закрывает папки с документами на письменном столе. — Чаши для службы

могут подождать. Займы никуда не денутся и завтра. — Она наклоняется к мужу, целует его в лоб, шепчет: — Пойдем спать.

Он смотрит на бумаги, потом переводит взгляд на белую грудь жены под муслином. Много лет прошло с тех пор, как они познакомились, но она до сих пор ему желанна.

Развязывает ленты ее пеньюара.

— Иду.

Их негромкие голоса растворяются в тишине дома.

* * *

Рассвет медового цвета окрасил башню виллы «Четыре пика». Ставни на окнах закрыты, ворота заперты. Район Аренелла как будто вымер: никого ни на улице, ни в лодках.

Иньяцио убирает подзорную трубу, которую ему одолжил моряк, сглатывает слюну. Он ощущает новый страх, не тот, как тогда, когда он чуть не умер. Ему пришлось быстро повзрослеть. События последнего года вынудили его семью спешно покинуть сначала дом на виа Матерассаи, затем виллу «Четыре пика». В десять лет он понял, что судьба может забрать все, на что ты прежде не обращал внимания: уверенность, комфорт, благосостояние.

1848-й был очень сложным годом, это он понял. Бурбонов выгнали, пришло новое правительство, в которое включили его отца и других их знакомых. За все это время отец стал еще более нервным и раздражительным, чем обычно. Но 1849-й оказался не намного спокойнее. Иньяцио слышал, что Таормина, Катания, Сиракузы и Ното сдались в начале апреля, и теперь очередь за Палермо. Эти известия сбивали его с толку, но никто не собирался ничего разъяснять ребенку.

Вся семья переселилась на «Независимый» — пароход, который Винченцо купил несколькими месяцами ранее для своей новой навигационной компании «Иньяцио и Винченцо Флорио», а также для «Пароходной компании», нового предприятия, по которому он сам покрывал издержки и получал прибыль. Они сбежали сюда, потому что здесь безопасно. Через тонкую стенку между каютами он слышал прошлой ночью, как отец в очередной раз пытался убедить в этом мать:

— Успокойся, еще раз тебе повторяю, «Независимый» зарегистрирован под французским флагом. Я не сменил его после покупки и правильно сделал… Никто — ни мятежники, ни неаполитанцы не

нападут на него из страха навлечь на себя гнев Франции.

В ночной тишине Иньяцио слышал шорох материного платья. Они, должно быть, обнимались, потому что тишина наступила внезапно. Тревожная тишина, в которой биение собственного сердца смешалось с плеском волн о борт судна.

Потом шепот:

— Будь осторожен завтра. Что бы ни случилось, думай только о своей жизни.

Похожие на молитву слова глубоко взволновали его, он ощутил вдруг отчаянье матери, которое ей всегда так хорошо удавалось скрывать в своих уверенных глазах.

Это завтра наступило сегодня. И вот шлюпка увозит отца на сушу, и по мере ее удаления Иньяцио чувствует, как у него внутри растет страх, где-то между желудком и сердцем.

Матросы проходят мимо по палубе в уважительном молчании. Поглядывают в его сторону, в сторону серьезного мальчика, чья одежда стоит столько, сколько они выручают за год. Смотрят на него и судачат меж собой о том, что он совсем не похож на своего отца. У мальчонки в характере нет ни его твердости, ни его горячности.

Иньяцио чувствует на себе любопытные взгляды, зависть, удивление, но не реагирует. Ищет глазами мать на носовой части корабля. Она похожа на гипсовую статую, обернутую в плащ. В этот момент он впервые замечает темные круги у нее под глазами, морщины вокруг губ и на лбу. Никогда не видел ее такой. Как можно, чтобы она так постарела? Когда это произошло? Что делает жизнь с человеческими созданиями и как у нее это получается — гравировать свой узор на их коже?

Слишком много вопросов для ребенка. Вопросов, на которые есть единственный ответ, просто он до него пока не добрался: лицо матери сейчас — и уже довольно давно — лицо страха.

Предрешив дальнейшую судьбу революции, делегация из представителей палермской знати встретилась в городке Кальтаниссетта с командующим бурбонскими войсками Карло Филанджери, князем Сатриано, и сдала ему город.

Только вот…

Только вот народ не собирался сдаваться. Поднялся на борьбу, возвел баррикады против городской стражи. «Вовек не сдадимся Бурбонам!» — кричал он. Даже голод не мог победить ненависти к неаполитанцам.

Только вот народ бросили на произвол судьбы. Главы правительства бежали — даже Руджеро Сеттимо, даже Джузеппе Ла Маза, — а дворяне

заперлись на своих деревенских виллах и бальо, равнодушные к участи города. Города в разрухе и огне. Города разоренного, опустошенного, голодного.

Иньяцио всего этого не знает — в отличие от матери. Никогда еще она не испытывала такого страха за своего Винченцо, который отправился в Палермо в надежде, что король дарует ему, как обещал Филанджери, полную амнистию.

Он подходит, берет ее за руку.

— Не беспокойтесь. Папа скоро вернется.

Говорит это с наивной храбростью ребенка.

Джулия не сводит глаз со шлюпки, щурится, наблюдает, как та приближается к небольшому порту в Аренелле, где стоит их дом.

— Надеюсь на это, Иньяцио, — произносит она на одном дыхании, сжимает его руку, и ребенок чувствует ее отчаянную силу воли. — Нет, так и будет.

Он обнимает ее.

— Да, мама.

— Ты мой маленький принц, — улыбается Джулия и прижимает его к себе в ответ.

Она любит своего сына, несколько замкнутого ребенка. Винченцо — резкий, грубый, Иньяцио — наоборот, тихий, спокойный. Он многое взял от нее. Терпение. Мягкие глаза. Великодушие. От отца же ему достались решительность и неукротимый ум, который ведет его сначала к тому, чтобы понять, потом захотеть и, наконец, достичь того, что хочет. Без спешки, без капризов. Они ни к чему.

На нижней палубе появляется Джузеппина. Ее волосы забраны в тугой пучок, подчеркивая бледность узкого лица. Она тоже в плаще. Анджелина все еще спит в каюте, свернувшись калачиком у стенки.

— Папа уехал? — спрашивает Джузеппина.

Джулия отвечает утвердительно и жестом подзывает ее к себе. Обнимает обоих детей.

— Мы должны молиться, чтобы король помиловал вашего отца и всех остальных.

Джузеппина смотрит на мать снизу вверх.

— Папа ничего такого не сделал и остальные тоже, — возражает она. Ее гордый взгляд из-под насупленных бровей — точь-в-точь как у матери.

Джулия целует ее в лоб.

— Сокровище мое, я знаю. Но твой отец, как и барон Кьярамонте Бордонаро, барон Ризо и барон Турризи, богат и был… — раздумывает,

подбирает подходящие слова, чтобы объяснить то, что происходит, — был вынужден делиться деньгами с революционным правительством. А сейчас деньги нужны королю. Я не удивлюсь, если, желая наказать их за пособничество революционерам, он попросит возместить ему убытки или, того хуже, отберет часть их имущества, чтобы восполнить свои потери.

Джузеппина ворчит, возмущаясь, а Иньяцио размышляет. Он часто слышал, как его родители разговаривали о делах. Смутно он понимает, что государство, которое все ненавидят, но которому все подчиняются, им не друг.

— Он может ему отказать, да?

— Твой отец лучше умрет, чем позволит запятнать свое имя. Он никому не разрешит посягнуть на честь Флорио. Он сделает то, что должен.

А значит, ему снова предстоит борьба, думает Джулия, не отрывая взгляда от Палермо, выступающего из-за густого тумана над морем. Честь для него — это деньги, заводы, которыми он владеет, пряности, вино и суда. И никто не посмеет отобрать его богатства.

*** * ***

Иньяцио спускается на нижнюю палубу. Анджелина уже встала, укладывает волосы. Он садится на ее застеленную койку.

— Папа уехал.

Она не отвечает. Продолжает закреплять шпильками пучок на макушке. Мальчик встает, подходит к ней, рассматривает предметы на туалетном столике. Берет расписную керамическую щетку, раскачивает ее, держа за ручку из латуни.

Анджелина вырывает ее у него из руки.

— Это моя! — злобно шипит она. — Вечно тебе надо всё потрогать!

Иньяцио в недоумении.

— Что такого? — Отступает на шаг, прижав руки к телу.

— Не понимаешь, что такого? — Анджелина с силой ударяет по столику щеткой. Задняя часть керамического корпуса трескается.

Он вскидывает голову, отходит еще на шаг.

— Из-за тебя мы не можем вернуться домой. Отец беспокоится за тебя, поэтому мы должны сидеть здесь! — На лице Анджелины проступают красные пятнышки — знак того, что внутри у нее поднимается буря возмущения. — Ты все еще не понял? Мы все здесь не потому, что он боится за меня или мать. Он боится за тебя! — Она тыкает его пальцем в

грудь.

Сжатые в кулаки пальцы Анджелины говорят больше, чем слова. Иньяцио смотрит на нее и чувствует в этих кулаках злость, какую он не заслуживает, потому что ничего у родителей не просил и тоже хочет вернуться в Палермо вместе со всеми.

Он прижимает ручки к груди, мотает головой.

— Я тоже хочу вернуться домой. — Слезы щиплют глаза. — Я не виноват. Там же солдаты, а я не…

— Да замолчи ты! — Анджелина вскакивает, хватает его за плечи, трясет. — Ты что, не понимаешь, отец готов умереть за тебя? Мы для него никто! Только тебя, тебя он любит! Тебя, потому что ты будешь носить его имя и вести с ним дела. Ты, потому что ты мальчик. — Она толкает его к стене.

Иньяцио опирается о косяк двери, чтобы не упасть.

— Я, Джузеппина… мы — женщины. А ты — мужчина. — Теперь плачет она. Вытирает тыльной стороной ладони маленькие, гневные слезинки. — Пока ты не родился, он не хотел жениться на нашей матери. Вот так. Он жил с ней, а жениться не хотел. Только после твоего рождения она стала его женой. — Анджелина направляется к двери. — Мы для него никто. Хоть умри. — И выходит.

Иньяцио сползает на пол, садится, подтягивает ноги к груди. Для него многое сейчас прояснилось. Фразы, сказанные слугами. Печаль матери и ее стойкость. Недобрый взгляд Анджелины и грустный — Джузеппины. Строгость отца и покровительственное, даже ревностное, отношение к нему бабушки Джузеппины.

Вслед за этими мыслями приходит прозрение, но лишь на миг.

Он еще слишком мал, чтобы понять, что́, в сущности, все это означает. Словно от прохладного ветерка по сердечку пробегает озноб, от которого на секунду прихватывает и живот, но смутная, тревожная догадка быстро погружается на илистое дно сознания.

Его жизнь ему не принадлежит.

* * *

Винченцо Флорио в кабинете на виа Матерассаи. Никто не знает, что он вернулся всего несколько часов назад.

Он высадился на берег недалеко от города. Секретарь Джованни Карузо приехал за ним в сопровождении небольшой охраны. Они проехали

через деревни, подкупив посты.

На улицах и в переулках — открытые раны опустошения: разграбленные палаццо, снесенные ворота, обломки мебели, сложенные для уличных костров, брошенное оружие, следы крови на мостовой. Жители Палермо убеждены, что их предали, что дворяне и торговцы продали независимость острова королю, чтобы спасти свои богатства.

По сути, народ прав.

Винченцо пробирает дрожь. Джованни Карузо дремлет на козетке. Он остался с ним, тем самым выражая не только служебную, но и человеческую преданность.

Винченцо пятьдесят лет, и он остро чувствует свой возраст. Он пытался держаться как можно дальше от политики, но, в силу обстоятельств, вынужден был согласиться на должность в Национальной гвардии в тот момент, когда революционные вожди сбежали, оставив город во власти хаоса. Не хотел, но не мог поступить иначе. Как только стало возможным, он отмежевался от революционного правительства. И не сделал ни одного неправильного шага в управлении домом Флорио.

По крайней мере, до сих пор.

Он бесшумно ходит по комнате.

Поднимается на верхний этаж, где так и живет мать. Джузеппина не захотела уезжать. Она в гостиной, дремлет, сидя в кресле с четками в руке. Седые волосы выбились из-под чепца. Тощие, в старческих пятнах руки. Он помнит их сильными, красными от щелочи или от ледяной воды, или перепачканными в муке.

Смутные воспоминания сменяются ощущением пустоты. У него могли бы быть брат или сестра…

Винченцо отступает на шаг. Морщины на лице Джузеппины рассказывают историю боли. Он знает, что больше, чем его отца, ей не хватает Иньацио. Его переполняет жалость и нежность к ней, к ее семидесяти годам, полным страдания.

Он проходит через анфиладу комнат. Заходит в спальню, ложится на кровать, ищет запах Джулии. Не находит. Простыни поменяли, и они пахнут мылом.

Закрывает глаза, и ощущение пустоты сменяется усталостью, потом беспокойством.

Что будет? Насколько великодушным окажется король, на какое можно будет рассчитывать снисхождение? Мотает головой по подушке, глаза закрыты. От чувства безысходности — горечь во рту.

Князь Сатриано. Вот кто поможет мне выбраться из затруднений.

Он мой должник.

Шесть лет назад Винченцо избавил Карло Филанджери, князя Сатриано, от постыдного банкротства, предоставив ему ссуду. Сделал это, несмотря на то что Филанджери называл его босяком. Даже так: он одолжил ему денег именно поэтому — чтобы Филанджери помнил, что человек, которого он считает недостойным себя, спас его от разорения.

К тому же, сказал себе тогда Винченцо, *знакомства при дворе всегда полезны*.

Князь через посредника дал ему знать, что он не пострадает за свою «близость» к мятежникам, как и за ту досадную сделку по покупке ружей для революционного правительства. Разумеется, ему пришлось вернуть серебро, отобранное у церквей, но этим, вероятно, все и ограничится.

И тем не менее.

В результате всей этой истории с революцией Винченцо раз и навсегда зарекся доверять политикам. Манипулировать ими, использовать, покупать их при необходимости, так как каждый человек имеет свою цену, — можно и нужно. Но никогда, *никогда* нельзя слепо доверять им.

Напряжение спадает. Солнечный свет оповещает его о начале дня. Он встает, переодевается. Просит слугу позвать Карузо, чтобы тот мог освежиться и позавтракать.

Когда секретарь приходит, Винченцо показывает ему на стол:

— Здесь кофе и печенье. Ешьте, пожалуйста.

Секретарь медленно ест и следит за лицом хозяина. Наконец произносит:

— Должно быть, королевский посыльный уже прибыл. Его ждали еще вчера вечером.

— Да, наверняка. — Пауза, зажатая между словами и напряжением. — Тогда идем в Городской дворец.

*** * ***

Дабы не быть узнанными, Винченцо и Карузо закутываются в старые плащи. Тишину переулков сменяет уличный гвалт, растущий по мере приближения к Городскому дворцу. Видя, что улицы заполняются людьми, они понимают: что-то происходит. За площадью Кватро-Канти, где установлена виселица, ревет народная толпа. Тогда они резко сворачивают в переулок, приютивший церковь и монастырь Санта-Катерина. Однако очень скоро им все же приходится протискиваться сквозь толпу, воняющую

по́том и злобой.

— Идем скорее, — говорит Винченцо секретарю. — Иначе это может плохо кончиться.

Через распахнутые настежь окна большого атриума заливаются свет и голоса. В камине горят документы, брошенные туда приказчиком. На стуле в углу, закрыв руками лицо, тяжело дышит барон Турризи.

Барон Пьетро Ризо в сопровождении Габриеле Кьярамонте Бордонаро идет навстречу Винченцо в явно приподнятом настроении.

— Мы все помилованы, других король отправляет в ссылку. Люди в ярости, не понимают, что все могло кончиться гораздо хуже. Ни одного смертного приговора… хотя, не сомневаюсь, король найдет какой-нибудь способ наказать нас.

Карузо бормочет:

— Слава Богу!

Винченцо ограничивается кивком головы, затем спрашивает:

— Кто в списке на высылку?

Ризо разводит руками.

— Те, кто больше всего высовывался: Руджеро Сеттимо, Розолино Пило, Джузеппе Ла Маза, князь ди Бутера… человек сорок. Легко отделались.

В этот момент в комнату влетает человек с взволнованным лицом и красным с залысинами лбом.

— Вы! — он тычет пальцем в двух аристократов и Флорио. — Вы продали наш остров за миску чечевичной похлебки!

— Дон Паскуале, это конец. Все спасаются как могут. Понимаю, ваши идеалы разрушены, но мы не могли поступить иначе… — пробует утихомирить его барон Турризи.

— Для вас я — *синьор* Паскуале Кальви. Моя политическая вера отвергает дворянские титулы. А с вами однозначно у нас нет никакой надежды на перемены. — Он смотрит на них в упор, в его взгляде ярая злоба. — Я и мои товарищи мечтали о свободной Сицилии, независимой земле, союзнице других итальянских государств. Никто из вас по-настоящему не хотел этого, никто! Мы боролись впустую. А сейчас из-за вашего бездействия мы заплатим за всех. Мое имя в списке сосланных. Я вынужден покинуть свою родину! Вы струсили — и обрекли меня и других сынов этой земли на скитания! Если бы у вас хватило смелости, если бы вы вооружились и боролись, сейчас неаполитанцы не стояли бы у ворот нашего города.

Винченцо не дает ему продолжить.

— Кальви, слишком поздно для воззваний и риторики. Благодарите Бога, что рядом с вашим именем нет креста или что в это самое время вы не сидите в крепости Уччардоне, куда я лично препроводил бы вас. Знайте это.

Mors tua vita mea. Твоя смерть — моя жизнь.

Паскуале Кальви делает шаг в сторону Винченцо. Отчаяние жжет его, как огонь.

— И это говорите вы?! Когда я и Руджеро Сеттимо умоляли вас защитить город, вы пошли на попятную, так же как и все остальные, взять хотя бы этого голодного пса, что рядом с вами, Кьярамонте Бордонаро. Вы сдались Филанджери. Трусы!

— Вы отправляли нас на верную смерть! А мы хотим жить, Кальви, и жить долго. Неужели вы не понимаете, что, сдавшись, мы избежали чудовищного кровопролития?

Но тот не желает ничего понимать. Его глаза наполняются слезами.

— Вы, Флорио, ничтожество, у вас черная душа. Вы все — безродные псы. Вы должны были защищать город, а не поднимать лапки кверху при первой же угрозе, из страха за свои интересы и деньги.

— Да вы хоть знаете, скольким людям я даю работу? — рычит Винченцо, приближаясь к нему. — Знаете, что такое для Палермо дом Флорио?

Кальви отталкивает его.

— Будьте вы прокляты! — кричит. — Чтоб вы прогорели, вы, ваши деньги и ваша гнусная порода! И чтоб пролили столько же слез, сколько я!

Сердце Винченцо погружается во тьму. Он чувствует, как она добирается до головы, заволакивает глаза.

— Вы что, проклинаете нас? — Кулаки сжимаются и разжимаются. — Я тоже могу наслать на вас проклятия! Только мои сразу сбудутся!

— Прекратите! Все кончено, Кальви! — барон Турризи хватает Кальви за руку. — Как бы мы могли выстоять после того, как пали Мессина и Катания? С каким оружием, с какими резервами? Что у вас в голове? Разделенное надвое королевство? Республика внутри разрушенных городских стен? Ничего нельзя было с этим поделать. Помилование короля уже многого стоит.

Кальви смотрит на него с ужасом, с отвращением — словно видит впервые.

— Для вас, быть может.

С улицы доносятся крики, грохот брошенных в стену дворца камней.

— Вы слышите народ? Они не хотят сдачи города!

Камень падает на пол, майолика трескается. Паскуале Кальви разводит руками. На лице — страдание, к которому трудно остаться равнодушным. Страдание того, кто влюблен в свою землю, кто верил в другое будущее, кто преданно, рискуя жизнью, служил своим идеалам. Страдание того, кто отныне вынужден жить в изгнании.

— Вы обрекли нашу землю на рабство. Надеюсь, эта мысль не даст вам покоя ни днем, ни ночью, и однажды ваши дети отвернутся от вас, упрекая вас в трусости.

Он выбегает, а город будто сотрясается от криков и выстрелов.

Турризи в нерешительности, хочет выглянуть в окно. Отходит.

— Лучше уйти. Вернемся, когда все успокоятся.

Они молчаливо кивают в знак прощания и расходятся, пробираясь мимо чиновников и приказчиков. Двери за ними закрываются.

Тунец
Октябрь 1852 — весна 1854

Кто на кого похож, тот с тем и схож, и расхож.

Сицилийская пословица

В то время как в Европе после подавления мятежей 1848 года с трудом поднимает голову национально-освободительное движение, Фердинанд II пытается удержать в своих руках Королевство обеих Сицилий. Однако предпринимает для этого весьма непопулярные меры: обязывает Сицилию выплачивать большой государственный долг и приостанавливает на неопределенный срок действие конституции, утвержденной Сицилийским парламентом в марте 1848 года. Народ и местные власти, уставшие от нестабильности последних лет, подчиняются диктату, и даже дворяне не принимают участия в происходящих время от времени мятежах. Разрозненные крестьянские бунты продолжаются, но не находят широкого отклика в городах.

Давление английского правительства, направленное на ослабление налогового гнета и полицейского режима на Сицилии, не возымело действия. Королевство Бурбонов являет собой образец реакционной власти с ослабленной внутренней и внешней политикой. Потому неудивительно, что сын Фердинанда, Франциск II, взошедший на престол в 1859 году, оказывается окружен в основном ретроградной и ревностно охраняющей свои интересы аристократией. Будучи неспособным свернуть с политического курса отца, Франциск фактически препятствует югу Италии двигаться по пути экономического и социального развития.

Однако патриотический порыв изгнанников 1848 года не иссяк, им охвачены сочинения и выступления многих из них, среди которых Джузеппе Ла Маза, Руджеро Сеттимо и молодой, боевитый адвокат из Риберы, что в провинции Агриджентo, — Франческо Криспи.

«Невод закинут, сети расставлены. Тунец заплывет в них ночью, на полную луну», — пишет Геродот в V веке до нашей эры. Так было на протяжении столетий. Так происходит и сегодня.

Тунцы — мирные рыбины с серебристой кожей, способные

проплывать многие десятки километров стаями в сотни особей. Сонмы тунцов наполняют море брызгами, волнами, шумом. Они приплывают из Атлантического океана в Средиземное море на нерест весной, когда вода теплая. Их мясистые тела готовы к спариванию.

Тогда и начинается тоннара.

Потому что тоннара — это не только цеха, марфараджу.

Это еще и система сетей, разгороженных на так называемые комнаты: способ, придуманный арабами, перенятый испанцами и доведенный до совершенства на Сицилии.

Тоннара — это ритуал.

Тоннара — это место, где целые семьи на протяжении сотен лет жили и делали свое дело: мужчины — в море, женщины — на берегу. Зимой готовили суда и чинили сети. Весной и летом выходили на забой тунца или занимались обработкой рыбы.

«Морской свиньей» называют эту бестию с бессмысленным взглядом, потому что все в ней идет в ход, ничего не пропадает: красное нежное мясо после обработки засаливают и продают в больших бочках; кости и кожу, высушив и размельчив, используют в качестве удобрений; жир заливается в светильники; икру, извлеченную из рыбы, солят, сушат и получают ценную боттаргу.

Тоннара жива, пока есть тунец.

Соль и тунец всегда вместе — даже будучи на суше, тунец не может покинуть море.

* * *

Наместник Королевства Сицилия, Карло Филанджери, князь Сатриано, герцог Таормины в награду за заслуги при подавлении восстания на Сицилии в 1849 году, сидит в своем богатом кабинете, облицованном деревянными панелями, украшенном гербом города Палермо. Конец октября. За окном теплое солнце ложится на крыши города и плетет кружевные тени в зубцах по карнизу собора.

Перед ним несколько писем: огненные слова, фразы, источающие злобу, — бумажная дуэль между Винченцо Флорио и Пьетро Росси.

Два года назад, в 1850 году, по ходатайству самого Филанджери Винченцо Флорио был назначен торговым представителем Королевского банка «Королевское достояние за маяком», то есть на Сицилии. Он был уверен, что Флорио готов шагнуть за границы торговой деятельности.

Человек с его умом мог быть полезен и в королевском ведомстве.

Филанджери массирует виски, приглаживает завитки низких бакенбардов. Неприятное ему предстоит дело.

Пьетро Росси — председатель правления Королевского банка. Человек, близкий к короне, могущественный, уважаемый, педантичный, неуступчивый. Требует от всех максимальной четкости. И человеку подобного склада, цельному по характеру, конечно, не может понравиться такой, как Флорио, который быстро принимает и так же быстро меняет решения, который затевает одно дело и тут же откладывает его ради другого, который только и думает, что о собственном обогащении.

— Пусть этот *разбогатевший босяк* занимается торговлей, — как-то сказал про него Росси. — Пусть гоняет по морю свои корабли, а политику оставит тем, кто действительно хочет служить на благо общества.

Не прошло и недели, как Росси в письменной форме предоставил доказательства того, что Винченцо не исполняет обязанности торгового представителя должным образом: отсутствует без уважительной причины на советах, не участвует в регистрационной деятельности. В конце докладной записки Росси выразил надежду, что Флорио подаст в отставку, дабы избежать позорного увольнения от должности, по его мнению, неизбежного.

Филанджери, однако, не мог передать записку дальше по инстанции, не поставив в известность Винченцо Флорио. Вызвал к себе и рассказал, как обстоят дела. И тем самым подтвердил подозрения, которые недавно зародились у Винченцо.

— Значит, я для этой службы не гожусь? Так получается? — тихо проговорил Винченцо. — Он порочит меня и перед министром королевства, и перед министром финансов здесь, на Сицилии, и перед вами.

— Ну что вы, дон Флорио!.. Вы могли бы более активно участвовать в деятельности Королевского банка. Присутствовать на советах, например. В конце концов, на вас работает много людей, и, полагаю, есть доверенные лица, которые могут вас заменить. А может, и в самом деле, вам отказаться от должности, которая не приносит ни выгоды, ни денег? Зачем усложнять свою жизнь?

— Благодарю за заботу, но я сам знаю, как управляться с моим торговым домом. Дело только тогда успешно, когда сам все контролируешь, — ответил Винченцо с мрачным видом. — Чтоб такой, как Росси, указывал, как мне себя вести, — да это оскорбление чистой воды! Я не сижу на месте и благодаря этому даю заработать десяткам семей в

городе! А послушать его, так мне надо сидеть и ждать, пока придут распорядители и принесут платежные квитанции или накладные на погрузку. Бумажками заниматься! Это исключено, и я объясню почему. Многие предприятия должны управляться… изнутри. Только те, кто работает здесь или у кого есть друзья в таком месте, — он широко расставляет руки, указывая на палаццо, в котором они находятся, — думают о деньгах. Вы — мой друг, и я благодарен вам, но меня меньше всего интересуют деньги за мою службу, — я люблю работать.

Винченцо посмотрел на наместника исподлобья. Усталым, но решительным взглядом.

— Вы *должны* мне помочь, князь.

Филанджери провел языком по губам и вытер потные ладони о штанины. Винченцо не просил его об одолжении — он только что отдал ему приказ.

— Это не так легко, дон Флорио, вы же знаете. Он обвиняет вас и привлек министра. Мне нужно будет подать прошение и…

— Так подайте, — перебил его Винченцо. — Пошлите его министру, как положено. Я не хочу ставить вас в затруднительное положение, ни в коем случае. Но хотел бы напомнить, что я умею быть признательным к друзьям и безжалостным к недругам. И вы прекрасно знаете, сколь большой может быть моя благодарность.

Филанджери промолчал, ограничившись взглядом. Винченцо Флорио всегда был его спасительным якорем. Когда из-за его привычки жить на широкую ногу долги стали непомерными и угрожающей тенью над ним нависло банкротство, рядом оказался Флорио, готовый помочь. Конечно, он тоже его выручил, сразу после революции, но все это ничто в сравнении с тем, что всякий раз делает для него Флорио…

Выбора не было. Он передал докладную Росси министру финансового департамента Сицилийского наместничества, добавив от себя, что подобное предложение по меньшей мере спорное и было бы правильнее найти другой выход из создавшегося положения. Что не следует слишком сурово поступать в данном случае.

Просьба Росси об отставке Флорио была отклонена.

Но Росси не сдался. И Винченцо тоже.

Как бы ни закончилась эта история, она закончится плохо, вздыхает Филанджери. Он встает, собирает письма. Тяжело садится. Он сам поговорит с министром финансов. Это дело слишком затянулось и рискует парализовать деятельность Королевского банка. И добавит, что никому не советует вставлять палки в колеса такому человеку, как Флорио.

* * *

По прибрежной дороге, ведущей в Марсалу, в сопровождении двух охранников на лошадях, подгоняемый хлестким ветром катится экипаж. Доезжает до бальо семьи Флорио, въезжает в ворота, со скрипом останавливается. Лошади храпят от усталости.

Ноябрьское небо как бесцветное покрывало. Море, серое, неспокойное, неразборчиво выражает свое недовольство. Эгадские острова — едва различимые пятна на горизонте. Осень 1852 года вторглась без спроса и принесла с собой дни, пронизанные сухим морозом, иссушающим землю.

— Добро пожаловать.

Джованни Порталупи приветствует зятя рукопожатием.

— Здравствуй, — холодно отвечает Винченцо. — Какой глупый день. Сплошные тучи и ветер. Хоть бы дождь пошел!

Не сказав больше ни слова, он обходит Джованни и идет к хозяйскому дому.

Из экипажа выходит молодой человек. Высокий, чуть полноватый, в плаще, скрывающем тело. Направляется к Порталупи.

— Синьор… — произносит он, пожимая Джованни руку. — Как поживаете?

— Хорошо, спасибо. Как себя чувствует ваш отец?

— Держится, слава Богу. Он остался в Палермо в резиденции торгового дома.

Винченцо Карузо, сын секретаря Джованни Карузо, возится с сумкой, извлекает оттуда письма.

— Это от вашей сестры. Она передает вам привет.

— Спасибо. Как она?

— Добра и сильна духом, как обычно. Девочки не дают ей скучать, и маленький Иньяцио добавляет хлопот.

Винченцо нетерпеливо зовет их с крыльца.

Они переглядываются.

— Плохие известия? — спрашивает Порталупи с тревогой в голосе.

Тот кивает.

— Не будем заставлять его ждать, расскажу позже.

Позже наступает к концу дня, когда проверены конторские книги, фактическое количество купленного винограда и заказы на товар.

В хозяйском доме царит сладковатый запах дерева и вина. Чуть

кисловатый аромат с привкусом меда вызывает в памяти осенние дни, когда бродит сусло и бочки наполовину опустошают, чтобы до краев заполнить молодым вином.

Трое мужчин переходят в гостиную, где уже накрыт стол к ужину.

— У нас не такой большой оборот, как у Ингэма, это верно, но мы практически сравнялись с Вудхаусом. Производство растет, несмотря на английские пошлины.

Карузо садится за стол, кладет салфетку на колени.

— Слава Богу, существует французский рынок, — произносит Джованни Порталупи и наливает вино. — Попробуйте катарратто из последних закупок. Я оставил одну бочку для стола.

Винченцо прищелкивает языком.

— Сладковатое. И ароматное.

— Произведено в Алькамо. Превосходный край для белых вин. — Джованни подпирает кулаками подбородок. — Я же говорил тебе, что у нас будет только самое лучшее. Ну вот! — произносит он гордым тоном, не допускающим возражений.

Зять бросает на него косой взгляд.

— И ты хорошо поработал, отдаю тебе должное. После Рафаэле я не хотел брать родственников в дело. Наконец-то мы начали получать прибыль.

О Джулии они не говорят. После того, что произошло.

И все-таки именно Джулия помирила их. Это она убедила взять на работу брата и упросила Джованни встать во главе предприятия по производству марсалы.

— Итак. Винограда почти на тысячу триста бочек на следующий год, — Карузо продолжает считать. — Постоянных работников… Сколько?

— Семьдесят, как и было, плюс дети. Благодаря паровым прессам мы можем экономить на рабочих руках. Кстати, Вудхаус, который производит почти столько же бочек, нанимает намного больше работников.

Лакей приносит густой рыбный бульон, запах от которого разносится по всей комнате. Мужчины откладывают бумаги и заметки и принимаются за ужин.

— Их производство устарело. Ты с Ингэмом должен сравнивать, с производительностью бальо «Белый дом», с их паровыми станками, — говорит Винченцо, промокнув губы салфеткой. — Ингэм — друг и компаньон, но он без стеснения распускал несправедливые слухи о нашем вине. Значит, он боится конкуренции. Я это точно знаю от нашего посредника в Мессине.

Джованни Порталупи тяжело вздыхает.

— Ингэм — фрегат, Винченцо, а мы — бригантина.

— Да, но бригантины быстрее и стремительнее. По количеству наше производство уступает, но по качеству ему до нас далеко.

Винченцо едва заметно улыбается, впервые за весь день.

Под конец ужина, когда все насытились и расслабились, Джованни Порталупи осмеливается задать вопрос:

— Так что? Как продвигается вопрос с Пьетро Росси?

— Плохо. — Винченцо бросает скомканную салфетку на стол. — Каналья! Он вызвал меня на собрание на следующий день после того, как я уехал в Марсель в прошлом месяце. Хочет вынудить меня уйти в отставку во что бы то ни стало.

Джованни сложил руки домиком:

— Но ты все-таки был на службе? Или нет?

Карузо прочищает горло, блуждая взглядом по комнате.

Винченцо скатал хлебный шарик, потом ответил:

— Они составили расписание так, что присутственные дни в кассе совпадают с отправлениями моих пароходов и шхун. Я не смог прийти, — защищается он, и это звучит почти как признание вины.

— Но у тебя же есть хорошие работники. — Джованни поднимает бокал, указывая на Карузо. Тот благодарит его, приподнимая свой.

— Не в этом дело. Если бы я не доверял тебе, я бы тебя не взял.

— Не можешь иначе, да? Сам должен все контролировать, следить за всем. Это сильнее тебя. — Джованни вскидывает брови. Он говорит о делах, но имеет в виду и его жизнь, и семью, и Винченцо понимает это.

Пожимает плечами.

— Я такой, — произносит он так спокойно, как будто ничего не может с собой поделать.

Джованни наливает себе еще вина. Встряхивает головой и смеется.

— Ты сумасшедший!

— Вовсе нет. Чтобы заставить других уважать тебя и преуспеть в этом, надо вести себя независимо. Росси своими обвинениями думает меня запугать. Но как только они почуют твой страх, считай, они выиграли. — Он делает паузу. — А я не боюсь и дал ему это сегодня понять.

Карузо приподнимает уголок рта, изобразив однобокую улыбку, смягчившую его лицо.

— Ваш зять написал князю Сатриано с просьбой, чтобы Росси заплатил причитающееся ему жалованье, которое тот отказывается платить.

— К тому же я обратил его внимание на то, что вряд ли случайно

собрания назначают на дни прибытия моих пароходов, — добавляет Винченцо. — Что соответствует действительности.

— Да, я представляю, *как* ты обратил его внимание, — усмехнулся Джованни.

Все смеются. Джованни зовет лакея, чтобы тот убрал со стола. Вскоре Карузо прощается. Он устал, ему надо отдохнуть, говорит. Джованни тоже уходит. Знает, что завтра им с Винченцо рано встать.

Винченцо остается один в столовой, погруженный в тишину, которую нарушает только ветер, бьющийся в окно.

Он вспоминает.

Вспоминает, как приехал в Марсалу впервые и увидел эту девственную землю близ моря. Вспоминает самую первую партию вина, трепет, с каким он смотрел на корабль, отплывающий во Францию с его марсалой.

Тогда связь с Рафаэле была крепкой. Они были друзьями, не только кузенами. Сейчас он даже не знает, где живет его брат.

Гордость смешивается с горечью, одиночеством и обидой. Пятнадцать лет назад все было по-другому.

* * *

Они сидели здесь, в этой же комнате. Из обстановки — только столик, диван и кресла. Самый разгар дня.

Рафаэле стоял перед ним.

— Я… почему ты обвиняешь меня, что я не люблю винодельню? Я вкладывал в нее душу, как ты, и даже больше, себя не жалел! Как ты можешь говорить, что я мало работаю? — Он разводит руками. На лице, минуту назад спокойном, сейчас выражение обиды и непонимания. Скуластое лицо побледнело. — Где я ошибся, Винченцо? Скажи мне, потому что я правда считаю, что сделал все возможное. И это… твоя благодарность?

В ответ на его возмущение Винченцо спокойно ответил:

— Дело не в твоем отношении к работе, Рафаэле. Я не сомневаюсь в тебе, знаю, что ты много трудишься, но этого недостаточно, дому Флорио нужно другое. — Он старался быть вежливым. Почему Рафаэле просто не согласится с его решением, и все? Почему он ведет себя так, будто выпрашивает милостыню?

Кузен продолжал настаивать. Печально и несколько по-детски, словно

брат крадет у него что-то, в то время как винодельня принадлежит только Винченцо, и у него нет никакого желания делить ее с кем бы то ни было, а если он и поставил его управляющим, то лишь с целью увеличить доходы дома Флорио, на что Рафаэле оказался неспособен.

Разговор принимал острый характер. Винченцо сдерживался, как мог, но в итоге взорвался:

— Хватит, мне нечего больше добавить! Рафаэле, я принял решение. Я надеялся, ты будешь вести себя бойчее. Я тебя подгонял, писал тебе несколько раз, но безрезультатно — дела по-прежнему идут ни шатко ни валко. Все решено, хватит спорить!

Тогда на лице Рафаэле появилось новое выражение.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он, начиная раздражаться.

— Я просил тебя быть поактивнее, помнишь? Не отрицай этого. Бесполезно твердить мне, что ты не понимаешь. Иногда я даже отчитывал тебя в надежде, что ты прозреешь, покажешь когти. В этом мире никого нельзя пропускать вперед, ты же вечно осторожничал, всегда спрашивал разрешения… — Голос Винченцо теперь звучал обвинительно, зло. — Я терпеть не могу, когда жалуются и умоляют. Я выкуплю у тебя твою треть собственности, и этой суммой ты можешь распоряжаться как хочешь.

Но Рафаэле затряс головой. Лицо побагровело, голос стал резким.

— Нет, правда в другом! — Он схватился за спинку кресла. — Тебе не нужны родственники, на которых можно положиться, потому что я, — он стукнул себя в грудь, — я тебе никогда не врал. Тебе нужны слуги. Рабы.

Винченцо внимательно посмотрел на него, заметив, что его щеки как будто вдруг обвисли, словно Рафаэле начал подтаивать.

— Я верю в эту винодельню. Я вложил в нее душу, жизнь ей отдал, а сейчас ты у меня ее отнимаешь… Я не заслужил такого к себе отношения, — закончил он и вытер заблестевшие глаза.

Этот жест привел Винченцо в бешенство.

— Только не разводи нюни, как ребенок. У нас мужской разговор. О делах. Ты управлял моим предприятием, и мне не понравилось, как ты это делал. Я выкуплю у тебя твою долю, и аминь, все будет как раньше.

Несколько минут в комнате стояло гнетущее молчание, прерываемое тяжелыми вздохами Рафаэле. Потом он поднял голову и сказал.

— Выплати мне мою долю, назначь мне процент от выручки, только оставь меня управляющим. Мне нравится работать в винодельне, меня уважают работники. — Голос тихий, с горечью. — Все-таки правильно люди говорили, чтобы я не доверял тебе. Ты такой же, как твой отец, ни прибавить ни убавить.

— Те, кто тебе это сказал, в работе и торговле ничего не смыслят. Я не могу себе позволить так осторожничать, как ты: Ингэм и Вудхаус преследуют меня, как акулы, и при малейшей возможности заберут назад то, что мне удалось у них отхватить. А ты только и делаешь, что просишь: *извините, пожалуйста*… Так нельзя, дела надо крепко держать в руках, рвать когтями и зубами, не жалеть никого. Когда-то выждать, а когда-то — рисковать, а у тебя на это нет чутья. Я вынужден все время помогать тебе.

— То есть я, который избегал рисков, оказывается, малодушничал? Ты обвиняешь меня в чрезмерной ответственности? Вместо того чтобы поблагодарить меня за то, что я не наделал тебе долгов направо и налево? Хороша награда!

— У тебя кишка тонка для этого ремесла, Рафаэле, понимаешь ты это? — закричал Винченцо ему в лицо. — Ты секретарь, не более того, а мне нужен компаньон! Ты не способен работать так, как мне надо! Не умеешь! Смирись с этим.

Рафаэле отступил на шаг, будто его ударили по лицу.

— Есть люди, которые в свое дело вкладывают душу, не только деньги. Любовь и страсть! Да что ты об этом можешь знать? Настоящий голодный пес! — Он ослабил галстук, медленно качая головой. — Отдай мне мою долю, всю. Немедленно. Не хочу больше иметь ничего общего с тобой.

Рафаэле исчез из его жизни, попросив только то, что ему причиталось. Даже в этом он оказался тюфяком. От знакомых Винченцо узнал, что Рафаэле снова начал торговать как посредник и управлять виноградниками. Захотел остаться в Марсале. Тем лучше для него.

Позже, спустя несколько месяцев, Винченцо вдруг ощутил в груди странную пустоту. Одиночество. В одном Рафаэле оказался прав: надо уметь доверять людям. И Винченцо по-своему доверял кузену. Да, в нем не было предпринимательской жилки, но на него можно было положиться. А друзей, кроме Карло Джакери и, может, как ни странно, Бена Ингэма, у него не было.

Он обнаружил, что становится все более одиноким.

Тетя Маттия и Паоло Барбаро умерли уже много лет назад. Мать несколько раз просила свозить ее на могилу золовки, но он всегда откладывал поездку. Ему не нравятся кладбища. Его родственников, тех, что из Баньяры, больше нет. Никаких корней.

К тому же…

Он поднимает бокал в молчаливом тосте. Люди в конце концов разочаровывают его. Всегда.

Его корни — это его предприятия. Дерево — дом Флорио. Деньги и

влияние увеличились в десятки раз, но ему все мало, недостаточно.

Но…

Есть один человек, который пустил в нем корни. Единственный, которому он по-настоящему доверяет. В горе и в радости, несмотря на то что для всех эта женщина была лишь тенью, а для своей собственной семьи — шлюхой. Когда он отверг ее, она с упорством выстояла. Приняла его, хоть он и не заслуживал прощения. Не бросила. Никогда.

Джулия.

*** * ***

Винченцо возвращается на виа Матерассаи под вечер воскресенья, как раз вовремя, чтобы успеть сходить с семьей в церковь и встретиться с торговцами, с которыми он ведет дела.

Вечером, когда учетные книги закрыты и комнаты конторы опустели, он поднимается в квартиру. Мать перебирает четки, сидя перед камином. За приоткрытым окном, через которое выходит дым, шумит дождь, заполняет грязью сточные каналы.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спрашивает он и целует ее в лоб.

Она кивает.

— А ты? — спрашивает она в ответ, проводя рукой по его щеке, так же как в детстве, когда мыла ему лицо в тазу. — Ты устал. Жена хорошо кормит тебя?

— Ну конечно. У меня много работы. К тому же она не готовит: у нас есть повариха и горничные. Забыли?

Джузеппина досадно отмахивается.

— Жена должна следить за слугами, чтоб не распускались. А не тратить время на чтение книг, тем более на иностранных языках, которые она знает. Лучше проводи-ка меня в мою комнату.

Винченцо не обращает внимания на ядовитую стрелу, посланную в Джулию, помогает матери подняться. Тело, изношенное временем, утратило свою прежнюю внушительность. Но Винченцо продолжает видеть в матери строгую женщину, гнавшуюся за ним по переулкам, и узнавать во взгляде нежность, обожаемую в детстве.

Они заходят в комнату. Коррьола, привезенная из Баньяры, таз с кувшином еще тех времен, когда она жила с Паоло. На стене коралловый крест. На краю кровати шаль — еще одно детское воспоминание Винченцо.

— Она сохранилась до сих пор? — восклицает он, взяв ее в руки.

Шаль гораздо меньше, чем казалась ему в детстве, и совсем обветшалая.

— От некоторых вещей я не смогла отказаться, несмотря на деньги, которые ты и… твой дядя принесли в этот дом. Когда стареешь, хочется замедлить время, но время не остановить. И тогда цепляешься за вещи. Есть они — значит, и ты еще есть. Не замечаешь, не хочешь замечать, как жизнь утекает. — Джузеппина садится на край кровати, прижимает шаль к груди, продолжает едва слышно: — Такие вещи, как эта шаль или твое кольцо, — указывает она на чеканное золотое обручальное кольцо, принадлежащее Иньяцио, — это якоря уходящей жизни.

Когда Винченцо заходит в спальню, Джулия уже спит. Годы великодушны к ней. Она все еще привлекательная, несмотря на то, что в последнее время у нее болят спина и желудок. Винченцо бросает одежду на стул. Сворачивается калачиком, прижавшись к спине жены грудью. Во сне она берет его руку, подносит к сердцу.

* * *

Пароход лениво покачивается в порту Фавиньяны. В солнечном свете дома поселка — маленькие халупы из уложенного без раствора туфа — будто нарисованы рукой ребенка.

От корабля отделяется шлюпка, подходит к пирсу напротив форта Сан-Леонардо, старинного бастиона. Из нее выходят несколько мужчин и мальчик. Проходят по краю поселка, идут направо, туда, где огромные промышленные здания подступают к морю. Ворота — раскрытые пасти, перегороженные решетками, — похожи на зубы, погруженные в воду.

Винченцо шагает быстрым шагом, наслаждаясь солнечным теплом. Рядом с ним — Иньяцио. Его четырнадцатилетний сын.

Он впервые взял его с собой на тоннару в Фавиньяне. Он управляет ею уже более десяти лет и за это время превратил в шедевр. Пришлось нелегко: арендная плата за предприятие была и остается очень высокой. Потребовалось создать товарищество предпринимателей и взять ответственность за риски, связанные с новым методом консервирования. Сегодня тунец в масле продается по всему Средиземноморью.

Он улыбается сам себе. Иньяцио вопросительно смотрит на него.

— Вспомнил кое-что, — отвечает он. — Скоро увидишь.

Иньяцио часто бывает с ним в конторе, а иногда и в винодельне Марсалы, но никогда еще отец не возил его на остров.

Даже если волнуется, Иньяцио не показывает вида. Идет рядом с

отцом длинными пружинистыми шагами и щурится от солнечных бликов.

— Красиво здесь, — говорит он. — Чистый воздух и тишина. Не сравнить с Палермо.

— Потому что ветер сильный. Посмотрю, что ты скажешь, когда мы войдем в здание.

И в самом деле, как только они пересекают форт Сан-Леонардо и сворачивают от поселка к тоннаре, им в нос бьет тошнотворный запах. Гнили, разложения. Смерти. Некоторые, включая Карузо, прикрывают лица платками. Но не Винченцо.

Иньяцио смотрит на него, мучаясь от тошноты. Тот дышит открытым ртом, не обращает внимания на вонь. Если так поступает его отец, чем он хуже? От Винченцо ему досталось телосложение и черты лица. Сейчас, когда он подрос, сходство очевидно. Но глаза все те же — мягкие, как у Джулии.

— Рыбные отходы после переработки сушатся на солнце, поэтому такой запах. — Винченцо показывает ему на широкий участок земли за промышленными строениями.

— Вон там, видишь? Это «лес», кладбище тунцов. Там, внизу, рабочие выгружают остовы на сушку.

Мальчик кивает.

— А лодки где?

— В море, — отвечает подошедший Карузо. — Май на дворе. Маттанца.

Они входят в ворота. Во дворе за деревьями, дающими тень, открывается каменный коридор. На площадке у моря разложены канаты и сети. Там же Иньяцио видит мужчин, которые чинят поврежденные сети.

Карузо вместе с бухгалтером направляются в контору, а Винченцо берет под руку сына, и они идут через двор в *трицциану*, помещение для хранения лодок.

Иньяцио робеет и удивляется. На его памяти отец впервые проявляет такую доверительность в общении с ним.

Внизу шумный плеск моря, волны бьются о камни грота.

— Когда я приехал сюда в первый раз… — Винченцо прерывается, прячет улыбку. — Я был с Карло Джакери. Помню, как здесь было убого. Грязь, нищета. Мы даже не смогли переночевать на острове: ни одного приличного двора. Потом, на следующий день… — Снова улыбается. Оборачивается, оглядываясь на постройку за спиной. — Я послал нарочного в Палермо, чтобы сюда прислали плотников и строителей привести в порядок тоннару. Прошло еще немного времени, и я принялся

объяснять, как мы будем производить тунца в масле. Снял сюртук, засучил рукава…

Иньяцио смотрит, как отец снимает пиджак, жилет, пока не остается в одной рубашке с длинными рукавами.

— Собрал глав семейств вместе с женами, чтобы они видели, что я не боюсь запачкать руки. — Он сжимает плечо Иньяцио, с чувством трясет его. — Каждому, кто работает на тебя, надо дать понять, что он часть чего-то. — Он останавливается, глядя, как в лучах солнца сверкает на пальце кольцо Иньяцио. — Я тебе много раз рассказывал: мой дядя Иньяцио заставлял меня стоять за прилавком в магазине пряностей, что я ужасно ненавидел. Но сейчас понимаю, как это было важно.

— Чтобы научиться разговаривать с людьми.

— Да. Чтобы разбираться в людях. Чтобы, если кто-то зачем-то пришел, ты мог бы понять, что ему на самом деле нужно: хочет ли он купить травяной сбор, чтобы просто укрепить здоровье, или он болеет и хочет выздороветь? Если он пожаловал за вином, то что для него важно — качество или престиж, который кроется за названием? Если пришел за деньгами, то хочет ли он усилить свое влияние или оказался в трудном положении?

Иньяцио понимает. И размышляет. Размышляет и тогда, когда один бродит по поселку, пока отец ведет переговоры с торговцами из Генуи. Маленькие, узкие улочки заполнены белым солнцем. Туф, пропитанный жиром тунца, больше не крошится. На площади перед церковью Матриче появилась брусчатая мостовая. Его отец прислал на остров учителя, чтобы те, кто хочет, смогли научиться читать и писать, — так делают промышленники в Англии. Вокруг поселка — карьеры, которые уходят глубоко в землю.

Фавиньяна — это скала из туфа, думает Иньяцио. Чуть поскребешь — и наткнешься на желтый и плотный слой в крапинках ракушек. Земля здесь каменистая, но местные жители умудряются разбивать садики и огороды даже на дне туфового карьера, где стоит мутная солоноватая вода.

Потом, как только привыкаешь к запаху рыбных потрохов, наконец замечаешь море — буйного синего цвета, живое, суровое.

Море, которое приносит богатство.

Остров тишины и ветра. И Иньяцио думает, что ему бы хотелось жить в таком месте — принадлежать ему, ощущать его внутри себя как свою плоть. Быть одновременно и хозяином, и сыном этого острова.

Он еще не знает, что так и будет.

* * *

Сильный хлопок двери, звуки яростных шагов, крики. Джулия отрывается от вышивания, вскидывает брови.

— Но… что могло случиться?

Джузеппина поводит плечами.

— Полагаю, mon père.

Они переглядываются.

— Не в духе, вдобавок.

Они откладывают работу, направляются к комнатам, откуда доносится шум.

Джузеппина — тростинка шестнадцати лет с огромными темными глазами, единственной красивой чертой неприметного лица, — нрава кроткого и покладистого.

Подходя к столовой Джулия узнает голос Винченцо. Там, нахмурившись, со скрещенными руками, сидит в кресле Анджелина. Над ней нависает отец.

— Что происходит?

Взгляд мужа пригвождает ее к порогу столовой.

— Что происходит? — повторяет Джулия. — Что случилось, Винченцо?

— Мой глубокоуважаемый отец обвиняет меня в том, что я срываю его матримониальные прожекты. Говорит, надо вести себя соответствующе и упрекает в том, что я недостаточно красива. Как будто это не вы меня произвели на свет!

Ответ Анджелы как ядовитая стрела.

— Не смей отвечать в таком тоне! — пресекает ее Джулия.

Анджелина сейчас именно такая: колючая и злая. Она не относится к девушкам, на которых заглядываются, и Джузеппина тоже. Но, с горечью признает Джулия, она права. Природа, к сожалению, не была щедра к ее дочерям, не одарила их красотой и изяществом.

Джузеппина подходит к сестре, крепко обнимает ее, желая утешить.

— У меня была встреча в клубе с Кьярамонте Бордонаро. Я подкинул ему идею союза между нашими семьями. Анджеле уже восемнадцать… — Вена на лбу Винченцо часто пульсирует. — Но нет, кажется, наши дочери не… вызывают интерес. И ничего не делают для того, чтобы обратить на себя внимание.

Анджела смотрит на него с прищуром. Сходство с бабушкой со

стороны отца — бесспорное.

— Ни меня, ни сестру не приглашают на приемы. А почему? Потому что мы сидим в этих четырех стенах и не имеем возможности завести знакомства. Общаемся лишь с несколькими сверстницами. Нас считают служанками, одетыми в господские платья. У нас совсем нет друзей. Но нашего брата, в котором все души не чают, приглашают во все клубы, он ездит на лошадях в парк «Фаворита» с дворянскими детьми. Вы повсюду возите Иньяцио с собой, знакомите его с разными деловыми людьми, представляете его чуть ли не как единственного вашего ребенка, а теперь говорите, что сложно найти мне мужа? Вы никогда не задумывались, чья это вина?

— Успокойся, сестренка моя… — Джузеппина гладит ее по лицу. — Нельзя так говорить с отцом…

— Как же, нельзя!.. Он наш отец! А мы что такое, Пеппина? Кто мы? Никто и ничто, вместе взятые? Или мы не его дочери? Но послушать его, так существует только Иньяцио, Иньяцио, Иньяцио! — В ее нарастающем крике — злость, ревность, горечь.

Джулия видит, как глаза дочери наполняются слезами.

Винченцо нервно сжимает и разжимает кулак. Подходит к ней.

— Что ты имеешь в виду?

— На сегодня хватит!

Джулия редко повышает голос. Но когда делает это, все замолкают.

— Вы обе, в свою комнату! — указывает она на дверь. Затем, уперев руки в бока, разворачивается к мужу: — В кабинет. Сейчас же!

Стремительно уходит, не убедившись, что он идет за ней.

Она не просто злится — в ее шагах, учащенном дыхании есть что-то большее. Когда дверь закрывается, Джулия оборачивается. Кричит:

— Как ты мог поступить так, ничего не сказав мне? — Она не может совладать с гневом, лицо становится пурпурным. — Предложил наших дочерей своим компаньонам по выгодной цене? — Переходит в наступление: — Они что тебе, лыковые торбы?

Винченцо растерян.

— Они уже невесты. Почему бы не подумать о подходящей партии?

Не в первый раз об этом заходит разговор, но сегодня Джулия воспринимает его по-другому. Более категорично. Враждебно. Как будто режут по живому, и она знает: без боли рана уже не заживет.

— Они хорошие девушки. Не Венеры, да, но милые и деликатные. И, конечно, их не приглашают не потому, что они плохо воспитаны. По другой причине.

— И ты туда же? Не устраивай сцену. Они — невесты, за ними дают щедрое приданое, тут нечего больше обсуждать, мужчин сейчас только это интересует, — раздраженно произносит Винченцо. — Я не позволю им выйти замуж за первого встречного, потому что они носят имя Флорио!

— Ты прекрасно знаешь, что имени и денег недостаточно. Даже сейчас.

Это не сомнение. Это утверждение. И Винченцо молчит, потому что жена права.

Он подходит к столу, садится. Утыкается лицом в сжатые кулаки.

Сначала возникло подозрение. Оно зрело внутри него несколько месяцев, с тех пор как он пустил слух о своих дочерях на выданье.

Затем подозрение подтвердилось. Не кто иной, как Габриеле Кьярамонте Бордонаро, только что швырнул ему подтверждение в лицо с отличающей его бесстыжей искренностью:

— Дон Винченцо, вы знаете, я не стесняюсь высказывать вам свое мнение. Прямо вам говорю: мои сыновья не женятся на ваших дочерях, и не потому что они для нас малопривлекательные партии или что я не уважаю вас… иначе я не вел бы с вами дела. Напротив, я был бы рад породниться с вами. Но вы знаете, нет нужды повторять: деньги — одно, а семья — дело совсем другое. А ваши девочки родились в обстоятельствах, скажем так… определенных.

Он долго не мог прийти в себя от услышанного.

Давно он не испытывал подобного стыда. Винченцо встает из-за стола. Возможно, думает он — пока ходит по комнате и пересказывает их разговор жене, — последний раз переживал такое страшное унижение только в молодости.

— Вот так. Я не подхожу, — заключает он тихим голосом, пропитанным ненавистью и горечью. — Наши дочери не подходят. Я, создавший дом Флорио… мы не подходим.

И глядя на Палермо, раскинувшийся под октябрьским солнцем, не замечает, что у Джулии глаза наполнились слезами.

— Брак с дворянской семьей. Он нужен тебе, а не им, — произносит она тихо, опасаясь, что вот-вот разрыдается. Старая боль бушует в ней с новой силой. — Это то, что не получилось у тебя, да?

Джулия видит, что муж задумался. Шагнул в прошлое. Об этом говорят сжатые в кулак пальцы.

Она, с комом в горле, тоже вспоминает. Анджелина и Джузеппина — на которых показывали пальцем, которых крестили тайно, без всякого торжества, даже бокалов не подняли — были признаны только после

рождения Иньяцио, ребенка мужского пола, продолжателя дела торгового дома.

И не важно, что сейчас у них приданое, заставляющее наследников аристократических семей бледнеть, не важно, что они говорят по-французски, носят драгоценности или кружевную вуаль на мессу, — они так и остаются незаконнорожденными. А она — содержанкой. Иные воспоминания лежат на дне памяти, но не умирают, всегда находят силы подняться из глубин и причинить боль.

Потому что бывает боль, которая не проходит.

Но Винченцо сейчас не до ее переживаний: он не может смириться с тем, что получил отказ. Глаза ему застилает пелена гнева, за ней не видно чужих обид.

— Попробуй понять. Я тогда был… — Он делает паузу, просит у нее помощи.

Помощи, которой не будет. Уже нет.

— Ты строил и ломал, Винченцо, не думая ни о ком. Я несколько лет жила с нашими детьми без всяких прав, боясь, что с минуты на минуту ты выставишь меня за дверь, что женишься на дворянке, которую искала тебе мать. — У Джулии сипнет голос, но она делает над собой усилие. Она должна сказать то, что надо сказать, что носит в душе многие годы. — Ты жил своей жизнью, шел своей дорогой… — Она рубит воздух рукой, голос дрожит. — Но с меня хватит, ты должен выслушать меня. Я не позволю, чтобы Анджелина и Джузеппина прошли через то, через что прошла я, не хочу, чтобы они унижались так же, как я. Ни одна из наших дочерей в угоду тебе не выйдет замуж за того, кто ее презирает, только лишь потому, что ты хочешь защитить свои интересы, интересы дома Флорио.

Винченцо тяжело опускается в кресло.

— Я женился на тебе, Джулия.

Он испытующе смотрит на нее снизу вверх в немой просьбе о перемирии.

— Потому что у тебя родился мальчик и тебе надо было узаконить наследника. Если бы родилась еще одна девочка, я все еще жила бы на виа Дзекка-Реджа, а у тебя, вероятно, была бы жена лет на десять моложе, родившая тебе наследника.

В этих словах звучит ее многолетний страх — страх того, что она никогда не подходила ему. Что она — его самое большое разочарование. Провал всей его жизни.

Винченцо встает, кладет руки ей на плечи.

— Нет. — Подходит ближе, почти дышит ей в лицо. — И да. —

Обнимает ее, говорит на ухо: — Потому что даже если б я такую нашел, то не разрешил бы ей разговаривать со мной так, как ты.

Он сильно сжимает ее плечи. Джулия удивлена, почти напугана. Она замирает, но спустя мгновение прислоняется к его груди, пальцами нащупывает биение сердца под жилетом. Чувствует, как он взволнован, нервничает.

— Я хочу самого лучшего для моей семьи, — шепчет он.

Она поднимает голову.

— Ты хочешь самого лучшего для своего торгового дома, Винченцо! — Она не скрывает раздражения. — Самое лучшее для тебя — это титулованный зять, который придал бы вес имени Флорио. Но девочки родились вне брака, и это твои дочери. Никакой дворянин никогда не женится на них.

Джулия наносит болезненный удар — напоминает мужу, что для многих он так и остается босяком, племянником выходца из Баньяры. Она хватает его за левую руку, на безымянном пальце — обручальное кольцо и кольцо дяди Иньяцио.

— Анджелина говорит правду. Их не приглашают на приемы, как других девушек их возраста, и часто на балах они стоят в сторонке. У них хорошее образование, но этого недостаточно.

— У них будет богатое приданое, — упрямо возражает он, высвобождая руку. — Деньги станут их пропуском в дворянские круги.

— Нет. Если хочешь будущего для дома, ты не о них должен печься, а об Иньяцио. Это его нужно будет правильно женить. На него ты должен сделать ставку.

* * *

Винченцо долго думает над ее словами, когда остается один в кабинете.

Джулия права.

Он стоит перед книжными полками: стеклянные створки, кожаные корешки, золотое тиснение. Книги — литература на английском, научные труды, учебники по инженерной механике — рассказывают о его жизни. Потому что создавать для него значит строить.

Неужели мой труд был напрасным, бессмысленным занятием? Своими силами создать промышленную империю из того малого, что мне оставили, экспериментировать, делать то, что никто никогда до меня не

делал на Сицилии — всего этого недостаточно?

Да, оказалось недостаточно.

— Герб они хотят. Дворянскую кровь. Поч-те-ни-я… — Он произносит последнее слово по слогам и смеется про себя. Злым смехом, превращающим улыбку в оскал.

Он забыл, что унижение такое горькое на вкус.

Злость окатывает волной. Винченцо подавляет крик, сбрасывает со стола бумаги, журналы, даже чернильницу. Ореховая поверхность стола принимает на себя яростный удар ладонью.

Чернила разливаются на черновик письма, адресованного Карло Филанджери, князю Сатриано. Теперь можно прочесть только одно имя: Пьетро Росси.

Злость вскипает. Винченцо кажется, что судьба смеется ему в лицо.

— Мерзавец! — восклицает он и комкает лист бумаги. Чернила пачкают пальцы, текут по запястью, как черная кровь, дыхание медленно восстанавливается.

Пьетро Росси, председатель правления Королевского банка, который мучает его бестолковыми претензиями. Который всеми способами пытается дискредитировать его. Который хочет заставить его отказаться от должности. Который не оплачивает его работу торгового представителя. Который пытался пренебречь им. И который уже вывел его из терпения.

*** * ***

Несколько дней назад Винченцо дежурил в Королевском банке: была его очередь собрать деньги с судовладельцев, зарегистрировать их, предъявить документы к платежу и получить следуемые к уплате суммы.

Прошел час. Потом другой. Никто не пришел.

Незадолго до обеда он нетерпеливо схватил пальто и шляпу и направился к лестнице.

И там встретил Пьетро Росси.

— Куда вы направляетесь? — спросил его тот, даже не поздоровавшись.

— На виа Матерассаи. Я потерял уже три часа своего времени и не намерен терять больше ни минуты.

Росси — высокий, тощий, с жесткими усами — перегородил ему путь.

— Ошибаетесь. Ваша должность — ваш долг. Вы останетесь здесь до трех.

— У меня уже пропало утро по вашей прихоти, Росси. Не явился ни один заимодавец. Да хотя бы и вы… вы должны мне платежные ведомости с марта прошлого года. Без них мне не заплатят за службу.

Росси округлил глаза и засмеялся ему в лицо.

— Вы хотите, чтобы вам заплатили?.. За что?

Поднимавшийся по лестнице чиновник замедлил шаг, чтобы не упустить ни одной фразы, которая позже могла бы стать сплетней. Винченцо пронзил его взглядом, и тот посеменил прочь.

— Как представителю Королевского банка, мне положена месячная компенсация в шесть унций за предоставленные услуги и за содействие в операциях по регистрации, — произнес он тоном человека, объясняющего простую вещь дураку. — Я могу получить их, только если вы не откажете в любезности подписать документы. Вам ясно, или лучше нарисовать вам картинку?

Росси, стоявший на две ступени ниже, поднялся и произнес ему в лицо:

— Даже не думай об этом.

Отрезал как бритвой, и Винченцо не нашелся с ответом.

— Ты не знаешь, чем занимается торговый представитель, — громко продолжал Росси. — Пусть у тебя будут хоть все деньги мира, но ты не знаешь, что значит работать на государство, в государственном учреждении. Тебя интересует одна торговля, а государство приносит пользу только тогда, когда не мешает тебе в твоих делах… Я не ставлю тебе это в упрек, но перестань упорно делать то, чего делать не можешь. — Он ткнул в него пальцем. — Объясню тебе кое-что: мир не вертится вокруг виа Матерассаи, твоих пароходов и займов.

— Я занимаюсь тем, чем умею. — Винченцо отстранил его палец. — А ты какого черта указываешь, что мне делать? Думаешь, я не знаю, что ты обязываешь меня являться в присутствие нарочно в те дни, когда приходят мои корабли и мне надо быть в конторе? Или устраиваешь совет, когда я в Марсале?

— Ты годами твердишь одно и то же в свое оправдание. Правду мы оба хорошо знаем. — Росси поднялся еще на одну ступень, встав напротив и как будто собираясь уйти. — У тебя есть защитники благодаря твоим деньгам, но у меня есть гордость и ответственность за то, что я делаю. А тебе даже не известно, что это такое.

— Я свою службу выполняю, и ты мне должен заплатить.

Росси спокойно посмотрел на него.

— Нет. — И ушел.

Впервые за многие годы Винченцо оказывается в полной тишине. Он начал письмо, которое комкает сейчас в кулаке, но не смог найти слов, чтобы закончить его.

Фразы выражали слишком много или слишком мало, выражали возмущение и требовали признания его заслуг, хотя хватило бы одного-единственного верного слова: ненависть. Да, ненависть к тем, кто продолжал считать его разбогатевшим, мелким, неотесанным мужланом. Он, если можно так сказать, наслаждался своим умением быть неприятным и тем самым подтверждать их предвзятое мнение. Все равно они никогда его не изменят.

Мог ли он объяснить постороннему человеку, кем, по сути, был Филанджери, отчего у него так плохо на душе сегодня? Почему вернулась тоска? Мог ли он объяснить, что внутри него сгусток тьмы, который толкает его вперед, постоянно, дальше — накапливать, увеличивать, создавать новые предприятия? Родившемуся богачом Филанджери никогда этого не понять.

Насколько Палермо любил его и считал своим сыном, настолько же обращался с ним как с чужим. Винченцо пытался не замечать этого, прельщал его богатством, обеспечивал работой, упрочивал благосостояние.

Возможно, город не простил ему именно этого: его работы. Силы. Стремления смотреть на мир широко открытыми глазами, меж тем как Палермо привык держать глаза крепко закрытыми.

* * *

Кулаки прижаты к губам, на лице усталость и свирепая злоба — таким его застает Иньяцио за столом в кабинете. Он робко стучит, не решается переступить порог.

— Можно войти?

Отец кивает. Сын неуверенно входит. Смотрит на пол, испачканный чернилами, заваленный бумагами. Наклоняется, чтобы подобрать их, но отец, не поднимая глаз, жестом останавливает.

— Не трогай. Слуги уберут.

Иньяцио складывает бумаги, которые держит в руке, и кладет их на стол. Берет стул, садится напротив. Долго молча изучает отца, прежде чем заговорить.

— Мама спрашивает, выйдете ли вы к ужину?

Винченцо пожимает плечами. Потом вдруг смотрит в упор на

Иньяцио, будто только что заметил его присутствие. Вспоминает слова Джулии.

— Про тебя они ничего дурного не скажут, — говорит он. — Даже если ты мой сын, тебе они не будут перемывать кости. — С каждым произнесенным словом злоба в голосе усмиряется.

Иньяцио слышал, как родители ссорились, знает, почему мама разгневана. Он уже давно понял, что его ровесники ведут себя с ним уважительно и учтиво, как никогда не ведут себя с его сестрами, особенно с Джузеппиной.

— Я мужчина, папа, — говорит он несмело. — Мне никто ничего не говорит.

И в этих словах заключена единственная правда. Он мужчина, наследник дома Флорио.

Уголки губ Винченцо ползут вверх, складываются в победоносную улыбку. Он встает, пересаживается ближе к сыну.

— Как-то раз в детстве ты сидел с географическим атласом, который был больше тебя самого. Читал про порты и корабли, которые в них швартовались…

Иньяцио кивает. Да, после того несчастного случая в Аренелле, когда он чуть не утонул.

— Тогда я послал тебя учиться, чтобы ты не только занимался латынью и прочим, чему учили священники, но и английским и французским. И чтобы ты научился держать себя в обществе. Я воспитывал тебя как сына дворянина, а не как сына торговца.

Иньяцио не может сдержать улыбки. Он помнит уроки верховой езды, совместные с сестрами уроки хороших манер, но главное, занятия танцами с учителем музыки. Как-то раз он закружил в вальсе мать, и та смеялась от счастья. Она никогда не брала уроки танцев.

Отец вырывает его из воспоминаний, сжимает ему плечо.

— У меня не было всего того, что есть у тебя. Да, я учился. Дядя Иньяцио силком усаживал меня за книги, бабушка тебе многое может порассказать. Но ездить верхом и танцевать — нет, никогда, потому что для работы в лавке эти умения не требовались.

Он смотрит на свои ладони в чернилах, уперевшись локтями в колени. Ему почти пятьдесят пять, но у Винченцо все еще сильные, хоть и натруженные, руки. *И все же этого недостаточно*, повторяет он про себя. *Работать без продыху, не щадить ни себя, ни других — оказалось недостаточно для того, чтобы тебя приняли те, кто обладает настоящей властью — политической, имеющей вес.*

— Ты можешь подняться туда, куда не смог подняться я.

Он произносит это так тихо, что Иньяцио боится, что не расслышал. Он наклоняется вперед и чуть не ударяется своим лбом от отцовский лоб.

— Умения ездить верхом и танцевать тебе пригодятся. А еще надо много путешествовать по миру, потому что Сицилии тебе должно быть мало. Именно этим занимаются аристократы, те, у кого герб на воротах… Ты должен встать на одну ступень с ними, понимаешь? Они откроют перед тобой двери, потому что ты можешь купить им любой наряд или палаццо. Деньги у тебя есть, и не такие, что были у меня. Мне пришлось начинать с тем, что оставил дядя. Благодаря тебе в Палермо будут говорить, что семья Флорио — достойнейшая из достойных.

Иньяцио сбит с толку.

— Но Анджелина и Джузеппина тоже…

— Оставь их. — Винченцо взрывается. — Они — женщины.

Вскакивает, сыну приходится сделать то же самое.

— Знаешь, как меня называли? Босяком. Меня!

Он смеется, и по его злому, нервному смеху Иньяцио понимает, что десяток, может даже, сотня ножевых ран до сих пор кровоточат в нем, вот почему отец ведет себя, как раненый зверь. От этой мысли у него сжимается сердце.

— Все, все те, кто меня презирал, пришли ко мне с протянутой рукой так или иначе. — Винченцо берет сына за подбородок, смотрит в глаза. — Ты должен получить то, что мне не дали. Тебе должны это дать, а если не дадут, возьми сам. Потому что власть не только в набитом кошельке, нет, она еще и в том, чтобы показать другим, кто смотрит на тебя свысока, свою силу. Люди будут бояться тебя. Понимаешь?

Иньяцио озадачен. Ему только пятнадцать, и эти слова его сбивают с толку, смущают. Отец никогда с ним так не разговаривал, никогда не делился своими переживаниями, о которых часто свидетельствовал его нахмуренный лоб.

Зачем вы говорите мне все это? — хотел бы спросить он, но произносит совсем другое:

— Но… не лучше ли, чтобы тебя уважали? Человеку, который боится тебя, нельзя верить…

— Люди искренни с теми, чью власть признают, Иньяцио, потому что знают: иначе им несдобровать. И деньги — один из путей к власти. Поэтому я тебе говорю: держи крепко то, что имеешь, и никогда не доверяй, не доверяй никому. Все свое держи при себе. Думай только о спасении своей шкуры любой ценой.

Иньяцио размышляет. Он не хочет, чтобы люди боялись его, как отца. При встрече с Винченцо Флорио у одних в глазах — страх, у других — презрение.

Он хочет, чтобы его уважали за человеческие качества, а не за деньги или земли, пытается объяснить это отцу, но в ответ получает только горький, саркастический смех.

Винченцо встает, направляется к двери.

— А, издержки красивой жизни. Ты говоришь так, потому что ты никогда никому ничего не доказывал, сын мой. Все, что у тебя есть, обеспечил тебе я, и ты не знаешь, даже представить себе не можешь, чего мне это стоило. — Он качает головой, оглядывается. — Если бы только эти стены могли говорить, они бы тебе такого поведали… Ну хватит на сегодня. Пойдем ужинать.

С тревогой Иньяцио замечает, что волосы отца поседели. Он провожает Винченцо взглядом, когда тот исчезает за дверью. Касается рукой поверхности стола.

Ты не знаешь, даже представить себе не можешь, чего мне это стоило.

Он повторяет эту фразу про себя, катает ее на языке, словно хочет распробовать, пока наконец она не проваливается на дно желудка.

Иньяцио не думает о том, каким был его отец до него. Жизнь мужчины до рождения ребенка часто является тайной, которую любой родитель предпочитает хранить глубоко внутри себя. Между до и после пролегает непреодолимая граница.

Иньяцио не может знать, насколько ребенок меняет мужчину.

*** * ***

— Ваше высокопревосходительство, что будем делать? — начинает Винченцо, сидя перед чашкой кофе, принесенной лакеем в ливрее. — Вы знаете, как меня изводит Росси, и не предпринимаете никаких мер.

Министр Винченцо Кассизи, с широкими бакенбардами на угловатом лице, бросает косой взгляд на Карло Филанджери, словно тот несет ответственность за подобное вступление, и позволяет себе ироническую улыбку.

Чтобы разобраться в споре с Росси, Винченцо решил поехать в Неаполь — просить аудиенции у кавалера Кассизи, уже десять лет как министра по делам Сицилии. Благодаря Филанджери аудиенция была

быстро получена.

Министр пожимает плечами.

— А что делаете *вы*, дон Флорио? Если бы вы были более корректны в отношении вашей должности…

Винченцо разражается резким, саркастичным смехом.

— Я? Я… что?

— Ваше высокопревосходительство, мы ведем речь об одном из самых важных деловых людей в королевстве, — вмешивается Филанджери тихим голосом, рассматривая носки своих блестящих сапог. — Требовать, чтобы он бросал свои дела по любому щелчку…

Винченцо перебивает его:

— Именно в этом и заключается проблема, ваше высокопревосходительство. У меня не только должность представителя, я не бездельник какой-нибудь, окруженный интендантами, готовыми на все ради меня. Понимаете, о чем я?

Винченцо наклоняется вперед, чуть ли не касается руки министра. Кассини отстраняется, чувствуя себя неловко.

— Я плачу больше налогов, чем кто-либо во всем государстве, обогащаю город, ввозя иностранные товары, и пополняю запасы армии лекарствами и серой. Вы же приперли меня к стенке. Вы у меня даже серебро конфисковали, которое революционное правительство назначило мне в качестве платежа в сорок восьмом году… — Он делает паузу, переводит дыхание, отпивает глоток кофе.

На лицах обоих мужчин отражается глубокое смятение. Но оба молчат.

— Государство мне *много* должно, — заканчивает Винченцо. — Вы оба мне много должны.

Министр резко вскакивает, давая понять, что не желает терпеть общество такого бесстыдного человека.

— Это, знаете ли, уже слишком… Вы снабжали деньгами мятежников, а теперь смеете просить вознаграждение за службу, и таким тоном! Росси прав, требуя вашей отставки.

Винченцо и бровью не повел.

— Да, смею просить, потому что имею на это право. — Он откидывается на спинку кресла, скрестив руки на груди. — Чем было бы королевство Бурбонов без дома Флорио? Подумайте только о моих кораблях, об услугах, которые я оказываю короне, и о тех случаях, когда мне пришлось быть посредником между вами, чиновниками, и крупными банками, когда король оказался в затруднительном положении и вам нужен был кредит. Ну же, давайте, скажите мне, что сделал для вас Росси?

Министр Кассизи отступает еще на шаг.

Лицо Филанджери искажено гримасой.

Кассизи возвращается за стол. Прокашливается, но молчит.

Винченцо использует молчание как отмычку, чтобы слова проскользнули в головы двух мужчин, приведя их к полезному для него умозаключению.

В конце концов министр произносит:

— И что вы хотите?

— Я прошу три вещи.

Винченцо отгибает пальцы.

— Прежде всего, хочу, чтобы Росси оставил меня в покое. Дальше, чтобы он отдал мне служебные ведомости и, наконец, чтобы заплатил. Не потому что мне нужны эти мизерные деньги, которые я получаю как представитель. А потому, что я — это я, а он — всего лишь клерк. Он для меня не существует, и я для него не должен существовать.

Все требования Флорио будут выполнены.

* * *

— Да здравствуют жених и невеста!

— Поздравляем!

Небольшой оркестр играет вступление к вальсу, аплодисменты заглушают музыку.

Жених и невеста идут рядом. Жених, Луиджи Де Паче, сын богатого палермского судовладельца и компаньона Флорио, приветствует всех, смеется над шутками, отвечает на них. Невеста, Анджелина, тоненькая, скромная, кажется спокойной. На ней атласное платье и длинная кружевная фата, которые ее отец заказал пошить в Валансьене. Рядом с ней — сестра Джузеппина, которая обнимает ее и поправляет фату.

Джулия наблюдает за старшей дочерью. Она счастлива за нее, испытывает гордость и легкую грусть. У Анджелины есть то, чего не было у нее: настоящая брачная церемония. Торжество. Приданое. Для Винченцо она пожертвовала всем. И даже после того, как они поженились, он ничего не записал на нее, даже булавки. Но не важно. Сейчас главное — счастье ее дочери.

— Какая элегантная!

— Свадебная фата не хуже, чем у королевы!

Джулия, радостная и грустная одновременно, приняла этот

комплимент и на свой счет.

Нелегко было убедить Винченцо согласиться на этот брак. Мать Луиджи сама попросила ее о встрече. После чая и обмена шутками синьора Де Паче — крепкая, с густыми бровями и крупными руками — серьезно посмотрела на нее.

— Донна Джулия, позвольте откровенный вопрос?

— Пожалуйста.

— Мой муж слышал, что ваш муж, дон Винченцо, хочет выдать замуж дочерей. Это правда?

Джулия мгновенно насторожилась.

— Да.

Синьора Де Паче скрестила руки на животе и внимательно смотрела на нее, чуть нахмурив брови, следя за реакцией собеседницы.

— Наш сын мог бы подойти вам. Луиджи. Хороший парень, почтительный, серьезный, работящий. Он будет относиться к ней как к баронессе. Не желаете поговорить об этом с вашим мужем?

И она поговорила. Убеждала, однако не слишком долго.

Винченцо, конечно, упрямый, но и прагматичный: Де Паче были судовладельцами и имели развитую торговую сеть. Не такие богатые, как Флорио, не дворяне, но в них присутствовал свободный дух предпринимательства, который Винченцо ценил превыше всего. Так что они споро договорились о приданом и назначили дату свадьбы.

Джулия рада. Анджела, ее Анджелина нашла мужчину, который будет о ней заботиться. Луиджи чуть меньше тридцати, с виду он добрый и терпеливый. Подарил ей свадебный гарнитур из золота и изумрудов.

На свадьбе Джулия все же грустит.

Несколько дней назад, когда Анджелина при помощи горничной и портнихи после последней примерки снимала свадебное платье, Джулия с любовью наблюдала за ее движениями в зеркале, как будто хотела сохранить их в памяти. Ее старшая дочь, такая любимая и желанная, совсем скоро покинет родительский дом.

Анджелина встретилась с ней взглядом.

— Что с вами, мама? — спросила она, увидев глаза матери, блестящие от слез.

Джулия взмахнула рукой, будто отгоняя неприятную мысль.

— Ты — красавица, совсем уже женщина и… — Она сглотнула. — Я вспомнила, как ты росла, какой ты была, когда родилась — малышкой, всегда привязанной ко мне. А сейчас вот выходишь замуж.

Анджелина схватила домашнее платье и быстро оделась, словно

застеснялась.

— Я помню это время. Я была привязана к вам, потому что у меня не было отца, а когда он приходил, отсылал меня прочь. Я почти не знала его, — говорила она, не глядя на мать. — Мы с Пеппиной всегда были ему в тягость.

Джулия бросилась к ней, обняла.

— Да нет, что ты такое говоришь? Ты же знаешь, у твоего отца скверный характер. Но он любит вас, он отдал бы за вас жизнь.

Анджелина накрыла ее руку своей.

— Мой отец любит деньги, мама и, возможно, вас. Но не нас с Джузеппиной. Единственный дорогой его сердцу человек — Иньяцио. — В ее тоне не было сожаления, она спокойно констатировала факт, который, каким бы печальным он ни был, в любом случае нельзя изменить. — И если уж говорить откровенно, — сказала она со вздохом, — то я счастлива, что выхожу замуж, ведь у меня появится своя семья и дети, которые будут любить меня такую, какая я есть.

При этом воспоминании улыбка сходит с лица Джулии. Она понимает, что Анджелина согласилась выйти замуж, чтобы оставить отчий дом. Любви предпочла надежду на лучшую жизнь.

Но, может быть… Джулия поглядывает на жениха с невестой. Луиджи внимателен к ней, подает ей бокал с шампанским, не выпускает ее руку. Анджела смеется и, похоже, действительно счастлива. Джулия надеется, что между ними уже возникло нежное чувство, пусть еще и не любовь. Она если придет, то со временем. *Дай-то Бог, чтобы они были друг другу добрыми спутниками по жизни*.

Джулия оборачивается, ищет взглядом мужа. Он нервничал все дни перед церемонией. Видит его в углу террасы, в компании других мужчин. Они дружески беседуют. О делах, конечно.

Знаком Джулия просит экономку приглашать гостей в дом, пора начинать свадебный банкет.

Как всегда, все должно пройти безупречно.

* * *

Иньяцио, шестнадцатилетний юноша с шевелюрой темных волос, тоже наблюдает за сестрой и зятем. Поднимает наполовину наполненный бокал, обращает к Анджеле молчаливый тост, и она в ответ на улыбку посылает ему воздушный поцелуй.

Он надеется, что она будет счастлива, и желает ей этого всем сердцем. Они ссорились все детство: Анджелина всегда ревновала его к отцу, обвиняя в том, что он его любимчик. Сестра была несчастна и зла на мир долго, очень долго.

Чтобы у тебя, наконец, на душе стало спокойно, говорят ей его глаза. *Чтобы муж твой стал надежным деловым компаньоном дома Флорио, каким был его отец.*

Он делает еще глоток. Французское шампанское, купленное в изрядном количестве через месье Деонна, доверенного человека отца во Франции. В гостиной и вдоль анфилады комнат стоят корзины с лилиями, розами и плюмерией, цветком-символом Палермо, — от их аромата приятно кружится голова.

В гостиной — столы с закусками на серебряных блюдах, блеск хрусталя, повсюду лакеи, готовые налить вино.

Флорио не пожалели денег на свадебное торжество.

— Чтобы еще долго говорили о нас, — заявил Винченцо, когда Джулия, сжав губы, составляла список приглашенных. — Торжественные приемы Флорио должны войти в историю.

И Иньяцио в который раз распознал в этом победном тоне трепещущую злобу отца.

Он не заметил, как Карло Джакери подошел его поприветствовать.

— Иньяцио! Замечательный праздник! Поздравляю! Твой отец не поскупился!

Иньяцио жмет ему руку. Этот мужчина с громким голосом и острым взглядом постоянно присутствовал в его жизни, и он, пожалуй, единственный человек, кого можно назвать другом отца, ведь для Винченцо Флорио существуют только компаньоны по торговому делу.

— Вы же знаете его подход к делу: или идеально, или никак.

Они проходят через комнаты, обсуждают гостей и новую мельницу для сумаха, которую Винченцо заказал построить рядом с тоннарой.

— Только твой отец мог заставить меня поставить мельницу рядом с виллой! — смеется Джакери. — Для него дело превыше всего.

Мельница и правда фальшивая нота в чистой мелодии залива. Против этого сооружения были все, начиная с жителей Аренеллы и кончая Джулией, которую раздражает пыль от сумаха, проникающая в дом.

Но отец проявил упрямство и словно назло всем приказал-таки ее построить.

Отец постоянно зол. Даже сейчас.

Иньяцио наблюдает за ним. Нет, сдерживается, покусывает губу — не

зол. Недоволен, это читается по его лицу: морщина на лбу, жесткие складки у рта… Анджела выходит замуж с его благословения, да, и Луиджи хорошая партия. Но не самая лучшая.

Отец всегда добивался, чего хотел, кроме тех случаев, когда хотел слишком многого. Теперь ему, Иньяцио, предстоит достичь тех результатов, которых великий Винченцо Флорио не смог и уже не сможет добиться.

Иньяцио отходит от окна, у которого стоял все это время. Берет бокал с шампанским и направляется к морю, на камни. Хочет побыть в тишине и одиночестве, подальше от гостей. Он тоже Флорио, бесспорно, и брат невесты, но ему хочется сохранить для себя кусочек свободы.

Он не слышит приближающихся шагов сестры Джузеппины, когда та подходит, наконец-то его разыскав.

— Иньяцио… — зовет его она, приподняв подол шелкового платья с вышивкой, чтобы не испачкать. — Тебя мама ищет. Спрашивает, не случилось ли чего, и говорит, что скоро начнутся танцы с женихом и невестой.

Брат не оборачивается, и она гладит его по руке.

— Что с тобой, тебе плохо?

Он качает головой. Завиток падает ему на лоб.

— Да нет, Пеппина. Просто… — Он отмахивается, как человек, которому все надоело. — Слишком шумно.

Но Джузеппину не устраивает такой ответ. Она вглядывается в его лицо. Они почти одного роста, их глаза встречаются, и мысли друг друга понятны без слов.

— Иногда я думаю, чем была бы наша жизнь, если бы мы были другие, — тихо произносит он. — Если бы у нас не было всего этого, если бы мы могли сами за себя решать… Нам не пришлось бы жить вот так, на глазах у всех. — Он указывает на башню у себя за спиной.

Джузеппина вздыхает, отпускает платье. Розовая ткань пылится и намокает от соленых брызг.

— Мы не были бы Флорио, — отвечает она тоже тихим голосом. Потом смотрит на свои руки в драгоценных кольцах. В ушах у нее коралловые серьги, подаренные бабушкой несколько недель назад со словами, что прошло уже лет пятьдесят, с тех пор как Паоло, ее дедушка, купил их ей. Они ничего не стоят, но для нее они имеют огромную ценность. — Мы были бы беднее. Может, наши родители никогда бы не встретились.

— Не знаю, хорошо это или плохо. Я не про мать и отца, пойми меня правильно. Сегодня, может, мы праздновали бы свадьбу с бокалом простого

вина, а не французского шампанского. — Иньяцио крутит бокал в пальцах. Потом медленно, словно исполняя обряд, выливает шампанское в море. — Отец сам выбрал то, чем хотел заниматься, кем хотел стать. Он делал это как умел, да так неистово, что никто не мог ему помешать. А мы вынуждены идти дорогой, которую он для нас проложил. Мы все, и прежде всего — мама.

Джузеппина молчит. Она смотрит на брата, выливающего шампанское из бокала, изучает его красивое лицо и замечает в нем странную грусть, да, как будто Иньяцио оказался свидетелем ужасного события, но не может в него вмешаться. Грусть от сознания своего бессилия, тоску по тому, что никогда еще не было пережито. Тоску, превращающую несказанные слова во вздохи.

* * *

Винченцо не останавливается ни на минуту, переходит от одного гостя к другому. Эта роскошная свадьба, освещенная солнцем, раскрасила 1 апреля 1854 года золотой дымкой.

Он приветствует семью Прожеро, его новых компаньонов по морскому транспорту, Аугусто Мерле и его семью, Кьярамонте Бордонаро и Ингэма, который привел с собой племянника, Джозефа Уитакера. Со всеми обменивается шутками, благодарит их, чокается со свекром, Сальваторе Де Паче. Они разговаривают о делах: кораблях, подрядах, налогах.

Но присутствует здесь и особая группа людей. Лакеям было дано распоряжение обслуживать их в первую очередь, и Винченцо лично встречал их. Они не смешиваются с другими гостями, смотрят на всех невидящим взглядом, держатся особняком. Не участвуют в оживленных беседах за столом, если их мнения не спрашивают.

Все в их жестах и двусмысленных ответах, даже легкий наклон головы указывает на неодобрение. Они рассматривают сводчатый потолок зала «Четырех пиков», соизмеряют затраты на мебель, прикидывают ее стоимость и не могут скрыть смешанного чувства зависти, восхищения и скуки под маской безразличия и скептицизма. И Винченцо, который всегда умел читать по глазам, прекрасно это понимает.

Сегодня у злости и триумфа одинаковый вкус.

Они не могут себе объяснить, говорит он про себя, наблюдая за ними уголком глаза. *Не могут понять, как я к этому пришел. Да и как им понять? Они же аристократы. Они веками пользовались привилегиями.*

Дворяне по крови, которые не гнушаются общением с теми, кто делает деньги, кто занимается торговлей. Но посмотреть на меня с другой стороны у них не получается. Им не дано понять, что в моей жизни нет ни мгновения, когда бы я не думал о своей работе, о море, о кораблях, о тунце, о сумахе, о сере, о шелке, о специях. О доме Флорио.

Он просит подать всем еще шампанского.

Да, у них есть титул и герб на воротах, но нет того, чем обладает он.

Однако и у него нет того, что есть у них. Но он не хочет об этом думать. Сегодня тьма, притаившаяся в глубине души, должна оставаться неподвижной и безмолвной.

*** * ***

Посреди шумного празднества к Винченцо подходит князь Джузеппе Ланца ди Трабиа. Это уже пожилой мужчина, который ведет себя так, будто должен беречь силы для жизни, — отсюда сдержанность в жестах и ровный голос.

— Признаться, великолепная свадьба, дон Винченцо. Мои поздравления.

— Для дочери и зятя — только самое лучшее, — произносит Винченцо тост, поднимая бокал, а в это время пара в центре зала, неловко двигаясь, исполняет танец. Знак зарождающейся близости. Вскоре гости постепенно присоединяются к ним.

— Вы составили хороший брак. — Князь ди Трабиа не отрывает глаз от шампанского в бокале. — Правильный. Это будет счастливый союз. — Слова как капли яда.

— Благодарю.

Князь прокашливается.

— Как продвигаются дела у вашей судоходной компании?

— Хорошо.

Винченцо выжидает. Такой человек, как князь, не задает пустых вопросов.

— Вы мудро поступили, что отделились, создали собственную судоходную компанию. К сожалению, после неудачного опыта с «Палермо»…

— При чем здесь неудача, князь? Он затонул из-за столкновений с неаполитанцами. Если бы революционное правительство не конфисковало его… что случилось, то случилось. Придется смириться, ничего не

поделаешь.

— Да, у вас, фактически у единственного смешанная флотилия, которая ходит на дровах и на пару, — заключил князь, одарив собеседника красноречивым взглядом. — Вы не тот человек, кто пасует перед трудностями. Вы приобрели один пароход в Глазго, если не ошибаюсь, он называется «Сицилийский курьер», верно? О нем очень хорошо отзываются, и в Неаполе стали присматриваться к вам. Ваши корабли бороздят все Средиземноморье и выдерживают сроки поставок, что не всегда удается неаполитанским судам. В общем, вероятно, вы единственный, кто может получить договор на почтовые перевозки.

Винченцо поворачивается. Медленно.

— Вы имеете в виду исключительное право? — Как же хочется ему сейчас оказаться не в переполненном, шумном зале, а в другом, спокойном месте, чтобы в деталях все обсудить.

Князь ди Трабиа едва заметно кивает.

— Вопрос обсуждался при дворе, когда я последний раз был в Неаполе. И это не пустые разговоры: король не может больше обеспечивать почтовое сообщение с нашим островом, поэтому… — Он вытаскивает из кармана часы, изысканный предмет, маленький шедевр французского часовщика. Смотрит на них, гладит по эмалированной поверхности. — Примите к сведению, потому что, как я вам уже заметил, считаю, немногие могут этим заниматься здесь на Сицилии. И главное, такой подряд не должен оказаться в руках неаполитанцев. Это была бы неизмеримая потеря для Палермо и для всей Сицилии. Деньги, которые могли бы пригодиться на нашем острове и обеспечить людей работой, не должны уплыть в Неаполь. С неаполитанцами мы потерпим убытки, что отодвинет остров на еще более второстепенные позиции. Это повлечет слишком, слишком негативные последствия для нас, сицилийцев. Понимаете?

— Конечно, понимаю.

— Хорошо. — Князь ди Трабиа поднимает голову, любуясь расписным сводом. — В конце концов, вы создали ваш палаццо, дон Винченцо. Вы не дворянин, но ваш дом не уступает королевскому. — Он пожимает ему руку. — Подумайте о том, что я вам сказал. Сделайте необходимые шаги.

Князь ди Трабиа удаляется, проходя между танцующих пар.

Винченцо же, прикрыв губы ладонью, подходит к окну. Слухи об исключительном праве на почтовые перевозки ходят с некоторых пор, но ему они казались обычными сплетнями.

Однако.

Он наблюдает за тем, как князь садится в экипаж и уезжает. Лихорадочно думает. Меж тем музыка набирает темп, звучат новые тосты, звенят бокалы. Шум веселья поднимается ввысь и растворяется под сводом расписного потолка зала «Четырех пиков».

Монополия на почтовые перевозки посредством его судоходной компании может означать прямые сношения с Сицилийской короной. Не говоря уже о деньгах. О *больших* деньгах.

Одним словом, это монопольное право означает силу и власть.

Песок
Май 1860 — апрель 1866

На сто лет любви одну минуту ненависти.

Сицилийское пожелание

Набирает силу подпольная публицистическая деятельность, на Сицилии усиливается, местами вспыхивают — и подавляются — крестьянские бунты, — в воздухе снова веет революцией. Дальновидные интеллектуалы из дворян и буржуа предлагают привлечь к делу освобождения острова от Бурбонов Виктора Эммануила II, короля Сардинии. Франческо Криспи, преследуя несколько целей, убеждает генерала Джузеппе Гарибальди организовать «внешний» переворот, чтобы поддержать извне сицилийские бунты и объединиться затем с Италией. Свои доводы он подкрепляет тем, что в Палермо волнения уже начались (имеется в виду восстание Ганча, продлившееся с 4 по 18 апреля 1860 года, организованное самим Криспи). Без открытой поддержки короля Гарибальди и его Тысяча, бойцы-добровольцы в красных рубашках, выступают из Кварты 5 мая 1860 года, высаживаются в Марсале (11 мая) и в конце концов входят в Салеми (14 мая), где Гарибальди провозглашает себя диктатором Сицилии от имени Виктора Эммануила II. 28 мая после кровопролитных боев гарибальдийцы входят в Палермо как герои-освободители и 7 сентября добираются до Неаполя. Встреча Гарибальди с Виктором Эммануилом II в Теано 26 октября положила начало образования Королевства Италия.

Однако после объединения чиновники Сардинского королевства вводят в Южной Италии и на острове свою юридическую, экономическую, налоговую и торговую систему, не приспособив ее к местным условиям, и отказываются идти на уступки. Среди дворян растет недовольство: потеряв культурную идентичность, они утратили и свои привилегии. Под гнетом тяжелого экономического положения народ продолжает нищать.

Таким образом, Сицилия вновь оказывается завоеванной.

Западный берег Сицилии — это чередование скал и песчаных пляжей. Здешняя природа изобилует разнообразными красками и живописными

пейзажами.

И только на побережье Марсалы начинаются сплошные пляжи: тонкий песок перенесен сюда морем от сардинского городка Сан-Теодоро по воздушному пути, пролегающему мимо потрясающей красоты острова Изола-Лунга. Именно в районе Марсалы находится Станьоне, одна из богатейших лагун Сицилии, порт финикийцев, убежище греков, торговая ярмарка римлян.

В Станьоне, благодаря солеварне — системе бассейнов, используемых для получения соли путем выпаривания на солнце, — погода устойчивая, из-за чего соленость воды почти не меняется.

И неспроста марсальские винодельни возникают вблизи этих низких песчаных пляжей. Неспроста песок проникает во дворы, вторгается на склады, собирается на бочках.

Море, крупицы известняка в песке, постоянная температура в погребах делают особенным это десертное вино, полученное по воле случая, но ставшее вкусом эпохи.

Ибо песок, который лежит на терракотовых черепицах навесов, покрывающих соль, тот же, что забивается в щелки меж бутылок, хранящихся в недрах погребов. Песок, смешанный с кристаллами соли, пропахшей морем.

Это он дарит неуловимый сухой вкус слегка отдающему морем напитку, который так отличается от обычного десертного вина.

* * *

Иньяцио и Винченцо молча смотрят друг на друга. Отец сидит за письменным столом, сын стоит. За окном все еще темно.

Рядом Джулия.

— Иньяцио, — говорит она мягко, — и все же лучше тебе уехать на несколько недель… Джузеппина с удовольствием примет тебя. Помнится, в прошлом году тебе понравилось в Марселе.

Но Иньяцио качает опущенной головой.

— Джузеппина и ее муж очень добры, маман. Но я не поеду, останусь в Палермо с вами и отцом. Это мой долг. Я нужен дому Флорио как никогда.

Только теперь Винченцо выходит из оцепенения. Ему шестьдесят один, и с возрастом он погрузнел. Мешки под глазами — свидетельство бессонных ночей — старят его.

— Пусть будет так. Останемся здесь. — Он протягивает руку к Джулии, и она сжимает ее.

А что ей еще остается? Только согласиться. Она давно поняла: если Флорио что-то решит, никакие силы не заставят его переменить свое решение. В нем слишком много гордости, и еще больше — упрямства.

Иньяцио прощается, оставляет их одних. Винченцо, задумавшись, потирает бородку с проседью.

Причина? У него не хватает смелости признать, что он боится. Не за себя, конечно. За сына.

Время делает круг, спешит в будущее, которое никому не дано предугадать. Странное беспокойство вибрирует в воздухе, сгущает краски, вселяя в людей подозрительность, неуверенность, страх.

Это началось меньше месяца назад, в первых числах апреля 1860 года. Люди до крайности устали от политики Бурбонов, устали от злоупотребления властью, высоких налогов, необоснованных арестов и показательных процессов. Многочисленные мелкие вспышки народного недовольства предвещали большой пожар. Сначала вооруженный бунт в Боккадифалько, через два дня — восстание в монастыре Ганча, главной францисканской обители в сердце Палермо. Монахи укрыли у себя мятежников, но один трусливый монах донес на них, и солдаты окружили церковь и монастырь, перекрыв все пути для отхода повстанцев. Тринадцать человек арестованы, более двадцати убиты. Звон колоколов, когда монахи били в набат, призывая город к мятежу, стал погребальным звоном. Только двум повстанцам удалось бежать. Несколько дней они прятались среди трупов в склепе. Потом выбрались через отверстие в стене церкви благодаря помощи местных женщин, которые, чтобы отвлечь солдат, разыграли ссору.

Этот бунт был последним в череде ему подобных, или был началом чего-то более мощного? Никто ничего не знал. Некоторые палермцы свозили в безопасное место имущество и отправляли семьи подальше от города. Другие решили переждать.

Одно было точно: люди больше не желали терпеть Бурбонов.

Винченцо встает, подходит к жене. Не обязательно высказывать все, что у него на душе: жена видит его насквозь.

— Мне было бы спокойнее, если бы он уехал, — говорит Джулия глухим голосом.

— Знаю, — Винченцо тихо качает головой. — У меня не выходит из головы тот парень, которого убили на площади. Какой страшный конец!

Джулия сжимает ему руку.

— Себастьяно Камарроне? Выживший после казни?

Он кивает.

Это случилось через несколько дней после разгрома мятежа. Чтобы каждый собственными глазами увидел, чем он рискует, идя против Бурбонов, пленники — уже не мальчишки, но еще не мужчины — были расстреляны на площади на глазах у родственников. Но Себастьяно Камарроне чудом выжил. Был ранен, но не убит.

Винченцо рассказывали, что мать попыталась подойти к нему, громко просила прощения у короля за сына. Ведь, как гласит закон, кто выживает после казни, того милуют.

Но ему выстрелили в лицо.

Когда все закончилось, солдаты с трудом затолкали трупы в четыре гроба и свезли их в общую яму. Улицы города все еще в крови, стекавшей на дорогу с телеги, — никто не захотел смывать эту темную полосу.

— В голове не укладывается, — шепотом произносит Винченцо. — Он похож на нашего сына. Умный, брал уроки. И эти мерзавцы безжалостно убили его!

Винченцо не склонен к сочувствию. Но сейчас недопустимо делать вид, что произошедшее его не волнует.

— Кровожадные твари! — Джулия закрывает лицо руками. — Не могу забыть страдания его бедной матери. Вот почему я хотела, чтобы Иньяцио уехал: никогда не знаешь, что может случиться! — Она поворачивается, смотрит на дверь. — Мы прожили свою жизнь, а он…

Муж обнимает ее за плечи одной рукой, целует в лоб.

— Знаю. Но он так решил.

Она хмыкает.

— То, что Иньяцио такой же упрямец, как и ты, меня не успокаивает.

Он снимает руку с плеча Джулии, идет в комнату одеваться. Просит позвать сына и дает распоряжение конюху, чтобы его экипаж сопровождали вооруженные слуги.

* * *

Экипаж, в котором они едут в Палермо, отправляется с виллы «Четыре пика» на рассвете. Как и много лет назад, Винченцо решил переехать сюда, поскольку на виа Матерассаи слишком опасно. Виллу с крепостными стенами и выходом к морю легче защищать.

Холод с моря кружит в воздухе, пробирается под пальто, вызывая у

обоих мужчин дрожь.

Винченцо занимает место напротив сына. Наблюдает за ним в полумраке. Высокий лоб, волевой подбородок — Иньяцио очень похож на его отца Паоло. Только характер другой. Да, он обходителен, *шарман*. Единственный из всех Флорио принят в «Казино дам и кавалеров», лучший аристократический клуб города. Он умный молодой человек, в нем есть сметливость и природное изящество, унаследованные от Джулии. Но то, что больше всего восхищает Винченцо в сыне, — это его обворожительная холодность.

— Твоя мать обеспокоена. И она права. — Двумя пальцами он отодвигает занавеску на окошке. — Ты был еще маленький, когда двенадцать лет назад вспыхнуло восстание и я оказался в самой его гуще. Будет и правда лучше, если ты уедешь в Марсель. Здесь может произойти все, что угодно. Мне было бы спокойнее, если бы ты находился далеко отсюда.

— Я предпочитаю остаться, — отвечает Иньяцио с решительным видом. — Вам нужна помощь в управлении делами, и у меня много знакомых, они предупредят, если что-то произойдет в ближайшее время.

— Похвально. — Отец откидывается на спинку, положив ногу на ногу и обхватив руками коленку. — Тебе двадцать один год, и ты сам знаешь, что делать. Я подумал, что ненадолго съездить во Францию тебе не повредит, тем более в такое время… Ты мог бы познакомиться там с хорошенькой француженкой, провести с ней время, пока здесь не уляжется буря. К тому же, уверен, такой парень, как ты, наверняка не только пялился на подружек сестер.

Иньяцио заливается краской. Отец не замечает, как начинают подрагивать его сжатые губы, как он набирает воздуха в грудь и замирает.

Только он знает, чего ему стоило отказаться от предложения ехать во Францию. А он бы хотел вернуться туда. Он хотел бы этого больше всего на свете. Но не может и не должен.

На секунду болезненное воспоминание выводит его из равновесия, острое, как осколок стекла, красотой и блеском которого нельзя не восхищаться. Белокурые локоны, рука в перчатке, опущенная голова, попытка скрыть слезы расставания. Потом письма, много писем.

Никто не должен знать, что произошло в Марселе. Особенно отец.

Отец сейчас как никогда нуждается в нем. Отец — отяжелевший, усталый, постаревший.

Иньяцио никогда не смог бы пренебречь своими обязанностями, не смог бы разочаровать отца. Не этого ждут от наследника дома Флорио.

Винченцо замечает, что сын покраснел, но принимает это за смущение. Иньяцио никогда ему не рассказывает о своих амурных делах. Он хлопает его по колену.

— Да, сын мой. Знаю, что ты мужчина.

Вскидывает брови в знак солидарности.

Иньяцио с усилием кивает.

— Ну ладно, Бог с ними, с женщинами, поговорим-ка о другом. Послушай-ка, я расскажу тебе, что надо сделать.

Сын отгоняет от себя воспоминания и внимательно его слушает.

— В тысяча восемьсот сорок восьмом году все встало, торговля практически прекратилась, а налоги, которыми нас обложили неаполитанцы, разрушали экономику, — это было ужасное время. Сегодня игра еще сложнее, запутаннее. Мне известно, что с недавних пор по домам дворян и торговцев рыскают тайные агенты Савойи. Они пытались связаться и со мной, но я предпочел не встречаться с ними, не так скоро… Сначала надо понять, что происходит. Растет недовольство, да и бурбонские войска скопились у ворот Порта-Карини — не случайно все это. Они, Бурбоны, думают, что гарибальдийцы придут оттуда, но никто этого точно не знает. Город в осаде. Надо держать ухо востро, понять, с какой стороны ветер дует, и при случае обернуть ситуацию в свою пользу. Будущее теперь зависит не только от сицилийцев. Савойя хочет захватить Сицилию и все королевство, и в этот раз у них получится, потому что есть люди, которые им сочувствуют. Они овладели уже Тосканой и Эмилией. Но они не знают, что их ждет здесь, на острове… Полная неясность, слишком много игроков в этой игре.

Иньяцио снова смотрит в окно.

— Сделаем все необходимое, чтобы защитить дом Флорио.

И этих слов Винченцо достаточно.

* * *

Оставшаяся на вилле со слугами и свекровью Джулия встревожена. Пройдя через анфиладу комнат, с платком в одной руке и ключами в другой, она доходит до комнаты Джузеппины. Перед дверью сидит горничная.

— Встала? — спрашивает Джулия.

Горничная, молодая и полная, откладывает шитье. Говор выдает в ней уроженку городка Мадоние; кожа на лице и руках от долгих дней,

проведенных на солнце, покраснела.

— Да, синьора. Поела хорошо, без капризов, а сейчас сидит в своем любимом кресле.

Джулия входит. В комнате пахнет свежими розами, но прелый запах старости сильнее.

Джузеппина в кресле. Вполголоса напевает песню — неразличимые слова на калабрийском. Уже несколько недель, как минуты жизни, когда она в здравом уме, чередуются с днями, когда мир переворачивается вверх тормашками, и призраки, созданные ее воображением, становятся реальными.

Один глаз будто присыпан мелом и не видит. Врач не смог помочь. От старости нет лекарства.

Джулия сглатывает страх, вставший комом в горле. Ей отчего-то тревожно. Она протягивает к свекрови руку, чтобы погладить ее по плечу, но не осмеливается. Глубокое чувство жалости парализует ее.

— Донна Джузеппина… Не желаете прогуляться?

Джузеппина с трудом поднимает свое измученное артрозом тело. Горничная накидывает ей на плечи шаль, Джулия берет ее под руку.

Они проходят по коридору виллы. С недавнего времени Джулия часто думает о том, что не смерть избавляет от вины и очищает память, но болезнь. В каком-то смысле вместе со старостью к свекрови пришло отмщение за причиненное ею зло, и видя ее муки, Джулия научилась состраданию. Она избавилась от чувства мести. Говорят, в природе вещей существует таинственная справедливость, равновесие, восстанавливаемое высшей силой.

Они выходят во двор, где Винченцо распорядился поставить стол и несколько кресел. Море — приятный фон.

Джулия часто пишет дочери Джузеппине, которая живет в Марселе с мужем Франческо, сыном Аугусто Мерле, компаньоном Винченцо с недавнего времени. Ее брак, как и у Анджелы, благополучный и спокойный. У Анджелины уже трое детей; Джузеппина родила второго несколько недель назад. Хотя письма дочери выдают ностальгию по Палермо и семье, Джулия уверена, что она обрела счастье в супружеской жизни.

Больше всего она беспокоится за Иньяцио, который кажется слишком жестким, слишком рассудочным. Куда делся ее «ребенок-принц», ее любознательный и восторженный мальчик? Перед ней молодой человек, исполненный благородства и несгибаемого духа, возможно, даже более сильного, чем у его отца. Как будто он выполняет данное самому себе

предписание, Иньяцио строг, прежде всего к себе. Вот чего боится Джулия — его твердости.

Горничная снова принимается за шитье. Джузеппина задремала и время от времени издает странные звуки или бормочет обрывки фраз.

Вдруг она резко хватает Джулию за руку. Перо скользит по листу, чертит каракули.

— Передай Иньяцио, что я заблуждалась, я прожила одинокую жизнь. Только ты можешь ему это сказать, поняла?

Джулия не понимает, о ком она, о сыне или о давно почившем дяде Винченцо. На ресницах у свекрови дрожат слезинки.

— Я любила его. Мне надо было за него выходить замуж, теперь я понимаю. Я любила его и так никогда не призналась, ведь он — брат мужа. А сейчас надо, чтобы он это понял! Люди должны жениться по любви, главное — не деньги, а…

Джузеппина начинает рыдать, голосит, бьется. Они не могут успокоить ее. Чепец, прикрывающий волосы, падает на землю, губы растягиваются в уродливой улыбке.

Резким движением Джулия обнимает ее.

— Он знает, — говорит она ей на ухо, чтобы успокоить. — Он знает это.

Она чувствует, как слезы щиплют ей глаза. Вспомнились обмолвки, полуфразы Винченцо о странной любви между родственниками. Значит, все правда. Она помогает свекрови осторожно подняться, вытирает ей слезы, уводит в комнату. Там укладывает в постель и просит принести успокоительного.

Закрывая за собой дверь, Джулия думает о том, что хотя бы она сделала правильный выбор. Даже если семейного счастья ей пришлось ждать годы.

* * *

Вдоль стен, на улицах, прилегающих к виа Кассаро и выходящих к морю; в тени площадей; за пробитыми во время боев бастионами время остановилось. С моря ветер несет запах сухих водорослей, с гор — цветущего померанца.

Ощущение, будто Палермо сдался, уступил, открылся всем напастям. И теперь наблюдает за самим собой. Но нет, Палермо всего лишь уснул. Под кожей из песка и камня пульсирует тело, течет кровь, хранятся

секреты. То тут, то там вспыхивают мысли.

И в мыслях сейчас лишь одно имя — Гарибальди. Тот, кто провозгласил себя диктатором Сицилии от имени Виктора Эммануила II, короля Италии. Кто призвал народ острова к оружию. Кто уже занял Алькамо и Партинико…

Но рана от битвы при монастыре Ганча все еще воспалена. И по городу разошлось известие, что Розолино Пило, пришедший на помощь Гарибальди, убит в битве у городка Сан-Мартино-делле-Скале, в менее чем двадцати километрах от Палермо.

Винченцо Флорио не знает, что будет, но с сумкой в руках решительно заходит в кабинеты Королевского банка. Иньяцио он оставил на виа Матерассаи. Не хочет вмешивать его в эти дела.

Лестничный марш.

Исполняя должность торгового представителя, проверяет, сравнивает даты, собирает информацию. Распоряжается, чтобы наличные деньги — все, что есть, — перенесли в несгораемый ящик, и с ними векселя. Как только кризис минует, деньги снова пустят в оборот или обменяют на новую монету королевства. А пока хорошо бы спрятать их в надежном месте.

И слиткам в ларях казначейства не место: скоро — вопрос времени — придут гарибальдийцы и конфискуют золотой запас, а он и впрямь внушительный.

Один Бог знает, куда денется это золото.

Правильно он сделал, что не сдался, не уступил Пьетро Росси, который пытался его уволить.

Даже сейчас, сейчас, когда ему дышат в спину, когда все рушится, он знает, что делать. Собирает бумаги, засовывает их в сумку: для дома Флорио они станут пропуском в будущее.

*** * ***

Палермо дышит ветром сирокко и ожиданием.

Гарибальди совсем близко, менее чем в десяти километрах. Город ждет его и боится, не зная, выходить ли навстречу «краснорубашечникам» и *парням* — крестьянам, которые присоединились к отряду Гарибальди и помогли ему во время битвы при Калатафими, или же забаррикадироваться и защищаться, что представляется бесполезным.

Семьи разъединены. Город расколот. Кто-то закрылся дома, запер на

засовы двери и окна, женщины перебирают четки, мужчины дрожат за закрытыми ставнями. Многие молодые люди взяли в руки ружья и приготовились к осаде.

Гарибальдийцы подходят к городу 23 мая, но не со стороны моря — со стороны гор. Жители Палермо видят пыль сражений, слышат грохот пушек и выстрелов. Через четыре дня Палермо уступает: ворота Порта-Термини — самый слабо защищенный въезд — захвачены группой смельчаков. Тогда Бурбоны решают бомбить город с моря, но слишком поздно: в результате битвы на виа Македа город окончательно завоеван.

Мужчины в красных рубашках проходят по виа Порта-Термини и рассеиваются по городу. Молодые люди — и не только — смешиваются с толпой, которая говорит на итальянском с разными интонациями и новыми звуками. Палермцы обмениваются объятиями, недоверчивыми взглядами, размахивают флагами и от греха подальше прячут семейные драгоценности. Улицы, заваленные мебелью, из которой строили баррикады, расчищаются, обнажая фасады палаццо.

Жители Пьемонта, Эмилии, венецианцы, римляне открывают для себя непристойную, чувственную красоту города, о которой они знали по рассказам высланных товарищей. Кафедральный собор с его арабскими шпилями и Королевский дворец с мозаикой норманнского периода соседствуют с величественными зданиями эпохи барокко с большими, словно дутыми балконами. Домики моряков и рыбаков перемежаются с внушительного вида палаццо, как, скажем, палаццо князей Бутера.

Странный город, говорят они, нищий, грязный и царственный одновременно. Краски города их завораживают, стены домов цвета охры будто отражают свет солнца. Им непонятно, как вонь сточных канав не смешивается с ароматным запахом померанца и жасмина, украшающих дворы аристократических палаццо.

Но, пока солдаты осматриваются, пока Гарибальди объявляет, что останавливаться нельзя, что нужно двигаться вперед и освобождать все королевство от Бурбонов, в городе, в другом месте, другие мужчины заключают договоры и подписывают соглашения. Временное правительство заседает в палаццо, который теперь переименован в палаццо Преторио, но это все тот же Городской дворец, в котором в 1848 году ожидало наказания революционное руководство.

Прошло двенадцать лет, и некоторые тогдашние мятежники вернулись: постаревшие, возможно, более циничные, но не менее решительные. Многим надо завершить давние дела или заключить новые договоры, и переполненный людьми город для подобных занятий — место далеко не

идеальное. Лучше бы другое, более спокойное, подальше от толпы и любопытных ушей.

Близ виа Порта-Термини, за палаццо Айютамикристо, недалеко от монастыря Маджоне, стоит величественное, строгое здание.

Во дворе у входа — экипажи. Из здания доносятся возбужденные людские голоса.

Внутри — зала с окнами, занавешенными парчовыми портьерами.

Один из командующих переворотом встречается здесь с Винченцо и Иньяцио Флорио. Двое часовых стоят на страже у двери. Проходящие мимо них понижают голос.

Отец и сын сидят неподвижно, будто окаменели. Лица не отражают никаких эмоций.

Иньяцио поглядывает на отца, чтобы знать, как себя держать.

Гарибальдийский командир выжидательно молчит.

— Сведения, которые я вам предоставляю, подтверждают, что у меня есть точные сведения о размере капитала Королевского банка. Я подставляю себя под большой удар, разглашая эту информацию, — говорит Винченцо без тени самодовольства. Хлопает рукой по портфелю, который держит на коленях, по тому самому, что был при нем, когда он ходил в Королевский банк несколько дней назад.

Каждое слово — капля, звенящая в тишине.

— Меня заинтересовало ваше предложение. Генерал Гарибальди будет проинформирован. Полагаю, он по достоинству оценит ваше действенное участие в производстве пушек для гарибальдийцев, отлитых на вашем заводе «Оретеа».

— Я считал это своим долгом сицилийца. Мои рабочие, замечу кстати, узнав, что делают пушки, предназначенные для борьбы против Бурбонов, работали, не замечая времени и усталости.

— Вы предусмотрительно выждали, пока не поняли, куда ветер дует.

— И он дует в правильном направлении.

Гарибальдийский командир выдерживает паузу. Барабанит пальцами по столу. У него палермский выговор с едва заметным иностранным акцентом.

— Как бы то ни было, вы поставили ваше производство на службу революции. Я первый признаю ваши заслуги, — снова начинает он. — Я уполномочен вести переговоры по передаче Королевского банка, и ваша секретная информация даст нам правдивую картину ситуации. Полагаю, ваше участие в деле пока этим и ограничится.

Винченцо сощуривает глаза.

Гарибальдиец закуривает сигару, медленно тушит восковую спичку, помахав ею в воздухе. Усы, пожелтевшие от табака, подрагивают в предвкушении теплого дыма. Он затягивается, стряхивает пепел в тарелочку. Рядом лежит пистолет: это его несколько дней назад он использовал для устрашения бурбонских солдат, когда возглавлял одну из колонн гарибальдийцев, ворвавшихся в город. Он смотрит на Винченцо и читает его мысли.

— Do ut des[16], — произносит он наконец. — Так я и думал.

— Совершенно верно.

Пауза. Иньяцио смотрит, восхищенный идеальной выдержкой обоих. Дуэль без ненависти.

— Что вы хотите? — спрашивает мужчина.

— Полномочия создать кредитное общество для торговых нужд Сицилии. — Винченцо скрещивает руки на массивной груди. — Если Савойя приберут к рукам Королевский банк, нам, коммерсантам, придется финансировать себя другим образом.

Завеса дыма превращается в занавес для ведения наблюдения, в сеть, задерживающую несказанные слова.

— Вы, дон Флорио, человек, мало сказать, любопытный. Сначала вы сдали в аренду свои пароходы Бурбонам для патрулирования острова, а теперь продаете информацию о Королевском банке Савойе. — Он взмахивает рукой, пепел от сигары падает на пол, разлетаясь по майолике. — Да вы откровенный оппортунист!

— В данный момент мои корабли конфискованы вашим диктатором Гарибальди и я ими больше не располагаю. Что касается остального, поймите, мое положение было не настолько прочное, чтобы я мог перечить королю. Да и вы не пытались связаться со мной раньше, как с другими, в прошлом году.

Снова молчание. На этот раз полное удивления и недоверия.

— Да, Палермо. Здешним людям кажется, что они умеют хранить секреты, однако…

— Надо знать, что просить и у кого, — замечает Винченцо.

Большие усы гарибальдийца шевелятся, обнажая легкую саркастическую гримасу.

— Вы и ваш дом, синьор, можете отказать кому угодно по своему усмотрению. У вас было исключительное право на почтовые перевозки, и можно сказать, вы монополист в королевских морях, практически освобожденный от налогов благодаря скидкам, полученным от Короны. Вы могли бы оказать помощь революции двенадцать лет назад и все-таки не

стали, помните? Я был там, мы оба это знаем, не трудитесь отрицать. Но что было, то прошло. Сегодня вы пришли поговорить о делах, и я вам отвечаю. Полагаю, это то, что интересует нас обоих.

Иньяцио видит сжавшуюся в кулак руку отца, замечает в нем признаки растущего нервного возбуждения. Кольцо дяди Иньяцио, с которым он никогда не расстается, сверкает так, будто подает сигнал тревоги.

— Не люблю терять времени зря. Итак, да или нет?

Гарибальдийский командир приглаживает несуществующую складку на брюках.

— У вас будет ваше кредитное учреждение в обмен на информацию о Королевском банке. Единственное, это может не понравиться Гарибальди, но не думаю, что он воспротивится. Что до остального… — Он разводит руками. — Всегда к вашим услугам.

Винченцо встает, Иньяцио вместе с ним.

— В таком случае я скажу вам, что лично нас интересует. Помогите нам — и найдете в нашем лице союзников. Дайте мне гарантию, что торговый дом «Флорио» не пострадает от новых властей, что корабли будут мне возвращены в целости и сохранности. Это на данный момент. В дальнейшем мы поговорим о пересмотре почтовых соглашений с… *теми* из Турина. Сможете устроить?

Тот протягивает ему руку.

— Можете рассчитывать на мою поддержку, и не только в данном деле, — говорит он, указывая глазами на портфель с документами. — Сицилия стоит перед лицом нового будущего, и она нуждается в вашем крепком плече. Говорю вам это как государственный секретарь.

Наконец в диалог вмешивается Иньяцио.

— Вы окажете нам большую услугу, адвокат. Вы — человек действия, — говорит он тихо, спокойно. Не просит, а выражает уверенность. Говорит правду. У него хриплый голос, такой же как у отца, без оттенков. — Флорио не забывает тех, кто им помогает. Мы в Палермо можем рассчитывать на то, чего ни у Бурбонов, ни у Савойи, нет. И вы хорошо понимаете, что я имею в виду.

Он протягивает руку, гарибальдиец пожимает руку сначала ему, потом Винченцо.

Они еще не знают, что этот человек, Франческо Криспи, бывший революционер, бывший мадзинист, подозреваемый в политическом убийстве, в будущем председатель совета министров, министр иностранных дел и министр внутренних дел Королевства Италия, станет адвокатом дома Флорио.

* * *

Этот день, кажется, похож на все остальные. Пароходы прибывают в бухту Кала и разгружают пряности, ткани, дерево и сумах. Телеги, груженные серой и цитрусовыми, ждут на пирсе, когда их освободят от ноши. Перезвон городских церквей, зовущих на мессу, смешивается с криками первых ласточек. Издалека доносится шум молотов и прессов литейного завода «Оретеа».

По улицам, среди каменных стен, снует народ — глаза цвета агата, руки цвета меди, рыжие волосы, молочная кожа, — люди всех мастей. Палермо каждого привечает.

За районом Кастелламмаре, там, где будет новый город, среди огородов и виноградников, вырастают виллы новых богачей. Элегантные дома, окруженные экзотическими растениями, привезенными из английских и французских колоний, возводятся на фундаментах старых палаццо.

Там Иньяцио Флорио построит величественный палаццо Оливуцца, там родятся еще один Иньяцио и еще один Винченцо, там будет и вилла Джозефа Уитакера. Но еще не пришло время рассказывать об этом. И не время рассказывать о том, что в том же самом месте построят небольшие виллы в стиле либерти, которые по прошествии лет снесут скреперами, расчищая место для бетонных домов.

Нет, еще не время.

Сейчас же город Палермо, опьяненный воздухом свободы, стоит на пороге неизвестного будущего, пытаясь угадать, чего хотят от него новые повелители, пришедшие как освободители. И все же город не доверяет никому: слишком многие им владели.

Палермо — раб-хозяин, который, кажется, продается всем, но на деле принадлежит только себе. В этот город, где запах навоза смешивается с запахом жасмина, приходит неожиданное, печальное известие.

Винченцо и Иньяцио оно застает в здании нового Национального банка. Винченцо — председатель отделения, Иньяцио — его правая рука. Однако в этот момент они обсуждают поставки марсалы за границу. Марсала Флорио награждена медалью на Национальной выставке во Флоренции в 1861 году; самое продаваемое в Италии десертное вино признано товаром высшей категории и во Франции, где завоевало еще одну медаль.

Иньяцио не сидел сложа руки, когда отец передал ему управление

винодельней.

— Вот что, папа, я хотел создать резервную коллекцию и придержать ее для новых международных выставок. Медаль на этикетке увеличивает ценность…

Иньяцио не успевает закончить фразу, как входит запыхавшийся приказчик и кланяется Винченцо. На нем помятая рабочая одежда, лицо выражает крайнее изумление.

— Дон Винченцо, держите. Сообщение от герцогини Спадафора.

Винченцо хватает конверт. Толстый, на дорогой белой бумаге неуверенной рукой выведено его имя.

— Жена Бена? Что ей от меня нужно? — тихо произносит он.

Снова смотрит на запыхавшегося приказчика. Раздумывает. Конверт становится вдруг очень тяжелым. Винченцо будто уже знает, чувствует, что содержащийся в нем лист бумаги принесет тяжкую боль.

Он вскрывает письмо. Читает.

* * *

Дом Бена Ингэма переполнен людьми. На лестницах, на улице, в воротах — давка. Толпа служащих, моряков, судовладельцев и коммерсантов расступается перед Винченцо, образовывая для него проход.

Иньяцио наблюдает за отцом: опущенные плечи, опущенная голова, чем ближе он подходит к спальне, тем тяжелее и медленнее становятся его шаги. Он кладет руку отцу на плечо.

Потом тоже смотрит.

Покойный одет в костюм из английской ткани. У изножья кровати — канделябры, англиканский священник, бормочет молитвы. Поодаль группка людей молится на коленях. Бен всегда был очень набожным.

Герцогиня Спадафора сидит в кресле рядом с мужем. Кажется, будто кто-то надавал ей пощечин: опухшее лицо, вытаращенные глаза. Герцогиня безостановочно вертит обручальное кольцо; они тоже в конце концов сочетались браком, хоть и к большому неудовольствию любимого племянника Бена.

В стороне — Джозеф Уитакер с женой Софией и третьим из своих двенадцати детей, двадцатилетним Уилли, смотрят, кто пришел выразить соболезнования. И Габриеле Кьярамонте Бордонаро, со шляпой в руке, стоит рядом с детьми герцогини.

Все взгляды устремлены на постель.

В это невозможно поверить.

Завидев Винченцо, Алессандра Спадафора встает. Пошатывается, и тогда он идет ей навстречу, сжимает в объятиях. Они оба осиротели, каждый по-своему.

— Как это случилось? — спрашивает он, помогая ей сесть.

— Ночью он внезапно плохо себя почувствовал. Весь побагровел, ему стало трудно дышать. — Герцогиня протягивает руку и гладит безмятежное лицо Бена. Как из бумаги. Потом показывает на темное пятно у виска. — Врач сказал, что, возможно, лопнула вена. Он… он… Когда врач приехал, было уже… — Она судорожно рыдает, сжимая руку Винченцо.

У него ком в горле.

Не может смотреть на труп.

Только не он, говорит он себе, сглатывая слезы.

Бен, который хвалит его за то, что он женился на Джулии. Бен, который всегда относится к нему как к сопернику, и никогда как к врагу. Бен, который вместе с дядей Иньяцио сопровождает его на пароход, отплывающий в Англию. Бен, который рассказывает ему об английской деревне. Бен, который знакомит его со своим портным…

Брат, друг, соперник, компаньон, наставник.

И с ним Винченцо должен теперь попрощаться. Еще более одинокий.

*** * ***

Перед Джулией цитрусовая роща, что раскинулась вокруг красивейшей виллы на холмах Сан-Лоренцо. Недавно прошел дождь. Блестящие от дождя листья сверкают на дневном солнце, с земли поднимается влажный, успокаивающий запах.

Флорио переживают трудные времена. Винченцо мрачный, взбешенный политической ситуацией, создавшейся после присоединения Сицилии к Сардинскому королевству савойских герцогов, которые ведут себя здесь не как монархи, а как хозяева. Навязывают свои законы, присланные ими чиновники не прислушиваются к тем, у кого больше опыта в обращении с сицилийцами, которые хоть и недоверчивый *народец*, но дай им немного, и они весь мир положат к твоим ногам. А этим только и надо, что обложить налогами, не слушая никого, не вникая в здешнюю жизнь.

Иньяцио далеко, занят делами. Ей больше не о ком заботиться: у Анджелины и Джузеппины свои семьи. Свекровь под присмотром двух

служанок, которые сидят с ней днем и ночью.

Одиночество ранит сильно.

Но особенно ее тревожит, что Винченцо, кажется… больше не интересно, о чем она думает, каковы ее желания. Это показала недавняя ссора. При одном только воспоминания о ней у Джулии снова вскипает кровь. Как он смел так грубо заставить ее замолчать? Как мог говорить ей такие ужасные вещи?

Она доходит до балюстрады, отделяющей веранду от сада, смотрит на деревья. За горами кромка солнца. Прошедший дождь очистил воздух от песка, принесенного африканским сирокко, этого проклятого всепроникающего песка.

Джулии не нравится здесь жить. В огромной двухэтажной вилле с танцевальной и гостевой залой, конюшней и земельными угодьями. Винченцо купил ее более двадцати лет назад, до того как они поженились. Бесспорно, красивый дом, не хуже иных дворянских усадеб. По соседству — вилла князя ди Лампедуза и охотничий домик Бурбонов, Китайский павильон. Во всех отношениях приятное местечко — в окружении цитрусовых рощ, с аллеей, усаженной деревьями, которая ведет к морю в районе Монделло, разрезая надвое усадьбу Фаворита.

Винченцо и особенно Иньяцио летом предпочитают жить здесь, а не на вилле «Четыре пика». Но она сама, ее сердце и воспоминания попали в сети тоннары в Аренне́лле, ставшей частью ее жизни, ее судьбы. Если бы могла, она собрала бы вещи, оставила бы мужчин и вернулась в то счастливое место.

Джулия опирается на парапет из туфа, поддерживаемый колоннами. За ее спиной беззвучно возникает слуга.

— Донна Джулия, принести вам кресло? — спрашивает он.

— Нет, Витторио, спасибо.

Лакей, понимая, что она хочет побыть в одиночестве, отходит.

Злость — чувство изощренное. Если рождается, то крепнет и растет.

Джулия слышит, как позади нее открывается стеклянная дверь. Шум шагов.

Вскоре рука Винченцо ложится на парапет рядом с ее рукой.

Они молча стоят, слишком гордые, чтобы просить друг у друга прощения.

* * *

За стеклянной дверью, ведущей в цитрусовый сад, стоит Винченцо. Он знает, что перегнул палку, но что, черт возьми, Джулии взбрело в голову? Взяла привычку рассуждать о политике и экономике наравне с ним! Она и правда осведомлена в этих вопросах лучше многих мужчин, но, в конце концов, она же женщина!

Все началось за обедом. Они с Иньяцио обсуждали проблему, возникшую во время горячих видов с гарибальдийцами, когда корабли дома Флорио конфисковали Бурбоны.

— Они забрали три из пяти наших пароходов. Они им, видите ли, были нужны для перевозки войск. Но сейчас, спустя год, утверждают, что по моей вине было прервано почтовое сообщение и собираются меня за это оштрафовать, как будто от меня что-то зависело! — Брошенная на стол вилка падает на пол. — Мало им потопить мой пароход, им еще и деньги подавай!

Иньяцио вытер рот салфеткой, прилежный лакей заменил прибор.

— Соглашение, заключенное с Бурбонами, было очень выгодным, папа. Все жалобы касались только того, что вовремя не дошли бумаги с печатями и некоторые ценности. Простые письма мало кого интересуют.

— Теперь они за море взялись! — воскликнул Винченцо. — Это почта, мы подчиняемся новому королю. Это мы понесли убытки! Какое они имеют право штрафовать нас, а?

— Ты мог арендовать дополнительные корабли. Я хочу сказать, это же входило в твои обязанности, так?

Скорее удивленные, чем озадаченные, оба повернули головы в сторону Джулии.

Она продолжила:

— Когда кто-то подписывает договор, то…

— Мы подумали, что не стоит подвергать риску корабли и экипажи. Поэтому мы послали не свои пароходы, а парусные корабли судовладельцев, которые работают с нами. — Иньяцио говорит ровным тоном, глядя в уже пустую тарелку.

— Слишком много рисков. Палермо и Сицилия были разорены армией Гарибальди. Эти из Пьемонта хуже Бурбонов, как теперь стало ясно. Они не желают слушать никаких доводов, приходят, насаждают свои порядки, указывают, как надо работать, — добавил Винченцо. — Нельзя подвергать риску целый пароход только ради того, чтобы вручить послание дядюшки Пеппино к донне Марианне. Понимаю, когда речь идет о гербовых бумагах с печатью, но все остальное…

— Говоря так, вы занимаете противоположную позицию, — вмешался

Иньяцио, предупреждая обвинение со стороны отца. — Маман, я вам все подробно объясню в самое ближайшее время. Если подумать, ситуация более-менее определенная: в деле должны быть учтены не только наши интересы, но и интересы работающих на нас людей. Поэтому в прошлом году мы создали компанию почтового пароходства. — Он встал. — С вашего позволения, пойду наверх работать. Папа?

Винченцо указал головой на верхний этаж, где его ждали длинные отчеты, пришедшие с завода «Оретеа», который теперь обслуживал пароходы.

— Я приду позже.

Оставшись одни, Винченцо и Джулия гневно смотрят друг на друга.

— Наш сын умеет учтиво заставить меня замолчать. Я ненавижу, когда он так ведет себя со мной.

— Просто у Иньяцио намного больше здравого смысла, чем у тебя… чтоб ты знала. — Знаком он попросил лакея подать диджестив. В последнее время переваривание пищи превратилось в долгий, тягостный процесс — еда стала мучением.

— Нет. Правда в том, что ты не хочешь поверить в происходящее. Ты сам много раз говорил, что Сицилия не уцелеет без поддержки, что нам надо было стать английским протекторатом или чем там, но…

— А ты думаешь, что сейчас делают эти из Пьемонта? Они превращают нас в одну из своих колоний, ни больше ни меньше. Вдобавок забрали ценности бурбонской короны и увезли их к себе в Пьемонт, потому что им нужны были средства на узурпацию власти. *Узурпацию*, понимаешь? Подобный фарс могли устроить только Неаполь и Турин! И это только начало. Вот увидишь!

— Ты не любишь, когда тебе указывают, что делать. Так всегда было, разве нет? Со мной ли, с детьми, в делах — ты всегда будешь поступать так, как сам считаешь нужным. А ты не думал, что нет ничего плохого в том, что Италия от Альп до Марсалы станет единой? Это ничего не значит для тебя? А что ты скажешь о тех, кто ради этого пожертвовал жизнью?

Винченцо резко вскочил, не в силах больше терпеть этот разговор. Склонился над ней, сказал прямо в лицо:

— Джулия, по мне, так пусть нами хоть русский царь правит, это мало что изменило бы во мне, ясно? Дом Флорио не заканчивается в Мессине. Я хочу лишь, чтобы не трогали мой мир, они же хотят уничтожить… — Он зажимает рот рукой, чтобы не разразиться проклятиями.

Только не при ней.

Выпрямляется и ледяным тоном продолжает:

— Мне сообщили, что я должен буду усовершенствовать свои почтовые корабли, увеличить их скорость, в противном случае мои подряды — *мои*, понимаешь! — перейдут к генуэзским предприятиям. Они этого хотят — они это получат, но должны будут заплатить мне! Они знают, что только я могу обеспечить сообщение между берегами, которые им нужны. Я не позволю им забрать у меня то, чего я достиг. Если надо будет иметь дело с парочкой самонадеянных напомаженных усачей, которые говорят нараспев, я пойду на это. Ничего не поделаешь. Но если придется защищать то, что я создал, мне не важно, кто есть кто. Дом Флорио мой! Мой и моего сына. И ты это, *даже если ты на их стороне*, уже давно должна бы понять!

Бледная, Джулия встала и, не глядя на него, вышла из столовой.

* * *

Что теперь? — задается вопросом Винченцо.

Осторожно подходит, обращается к ней. Она цепенеет.

Джулия упрямая. С годами ее характер смягчился, да, но есть в ней что-то, что никогда не изменится. Она похожа на драцену, дающую тень в аркаде виллы: зеленая, яркая, но жесткая.

Правда и в том, что без Джулии он не может обойтись ни в этой жизни, ни в какой другой.

— Никогда больше так не делай, — Джулия чеканит слова с миланским акцентом, усиливающимся в моменты ярости. — Не смей вести себя со мной, как с дурочкой.

— А ты не выводи меня из себя, ради Бога.

— После тридцати лет, что мы вместе, ты все еще считаешь меня чужой. А ты сам? Вспомни, кто ты есть и откуда явился. Сын калабрийцев, приехавших в Палермо с заплатами на штанах, не забывай этого! — Она выкрикивает это ему, тыча пальцем в грудь. — Я вне себя, оттого что ты так и не понял, что мы — ты и я — одинаковые. Почему ты ведешь себя со мной так?

Верно, они одинаковые, он это знает. Но он никогда в этом не признается. Мужчина не может просить прощения у женщины. Он молчит, стоит, нахмурив лоб, в глазах смесь досады и покорности: за тридцать лет — да, много воды утекло — у него так и не получилось укротить ее. И это его способ просить прощения, других он не знает.

Он поднимает глаза к небу. Берет ее руку, она пытается высвободиться,

но Винченцо не отпускает.

Джулия отступает от него на шаг.

— Мне нельзя было подпускать тебя, когда брат привел тебя к нам в дом. От тебя одни несчастья.

— Это неправда.

— Правда.

— Неправда, — повторяет он и хватает ее за запястья. — Никто не дал бы тебе больше, чем я.

Она мотает головой, вырывается.

— Ты никогда меня не уважал, Виченци. И если бы я не вырвала зубами и когтями то, что мне принадлежало, ты без лишних слов отнял бы у меня это.

И уходит, оставив его в лучах бронзового солнца, исчезающего за деревьями.

* * *

— Затопи камин, Маруцца, ночью холодает.

Служанка торопливо подходит, подкладывает уголь в камин. Дуновение из открытого окна похищает вьющуюся ниточку дыма. Начало 1862 года холодное и дождливое. Февраль безжалостен.

Винченцо благодарит служанку, указывает ей на дверь. Остается один. Смотрит на старушку, укрытую одеялами. Сердце матери сдается, удар за ударом. Суровые годы огорчений, злости и недостатка любви вконец утомили его.

Джулия ушла к себе только недавно, после того как священник из церкви Сан-Доменико в последний раз причастил Джузеппину. Попросила позвать, если Джузеппине станет хуже.

Хотя куда хуже.

Дыхание с трудом вырывается из груди, кажется, оно постепенно теряет силу, превращаясь в шелест. Ладонь на одеяле — слепок из воска.

Его мать жива. Но осталось недолго. Уже несколько дней забытье чередуется с тягостным бодрствованием. Она не спит. Соскальзывает в беспамятство, которое от раза к разу длится дольше.

Винченцо ощущает, как печаль давит ему на грудь. Спрашивает себя, почему его мама должна так страдать, почему вообще смерть так немилосердна, ведь она могла бы просто оборвать нить жизни и забрать к себе, не причиняя столько страданий. Боль при умирании, должно быть,

похожа на боль при рождении, только теперь приходится страдать, чтобы оказаться в руках Господа. *Или в чьих-то, кто вместо Него*, думает он.

Винченцо садится в кресло, откидывается на спинку, закрывает глаза. Вспоминает, как умирал дядя. Теперь он понимает, насколько милостива к Иньяцио была судьба.

Засыпает незаметно для себя.

Его будит какой-то шорох.

— Мама! — восклицает он, вскакивает и подходит к ней, превозмогая головокружение, вызванное резким движением.

Джузеппина запуталась в одеялах. Он приподнимает ее на подушках, чтобы легче было дышать.

— Как вы себя чувствуете? Не принести вам бульона?

Она кривит полуоткрытый рот, отказываясь. От тела исходит смешанный запах талька, одеколона, мочи и пота. Этот резкий дух старости перебивает нежный, молочный аромат, который он помнит с детства, — настоящий запах его матери.

Надо будет позвать горничную, сменить белье. Но позже, не сейчас. Он хочет еще немного побыть наедине с ней. Приглаживает ей лоб, убирает с лица волосы, выбившиеся из косы.

— Как вы?

— Плохо, все болит, как будто злые собаки меня кусают. — На ее глазах выступают слезы.

Он вытирает их.

— Если вы можете глотать, я дам вам лекарство, — говорит он ей и указывает головой на ряд пузырьков и порошков на комоде.

Но Джузеппина отказывается. Смотрит вдаль поверх сыновьего плеча в поисках солнечного света, но не находит.

— Ночь на дворе?

— Да.

— А Иньяцио? Иньяцио мой где?

— Его нет. Он вышел.

Не станет же он объяснять, что Иньяцио, ее любимый внук, целиком поглощен делами торгового дома, управляет винодельней в Марсале, где проводит много времени. В данную минуту он на заседании с сицилийскими депутатами вместе с их новым адвокатом Франческо Криспи.

Мать смотрит на графин с водой. Он наполняет стакан, подносит его к ее губам. Ради одного глотка.

— А-ах… Спасибо… — Джузеппина закрывает глаза, обессиленная.

Винченцо думает, как мало нужно в этот момент жизни, чтобы почувствовать себя счастливым. Чистые простыни. Рука близкого человека. Прохладная вода.

— Сядь ко мне, — просит она его, и сын послушно садится. Сейчас он снова ребенок, переживающий ужас от того, что остается в одиночестве, ребенок в предчувствии тоски по матери, которой никогда больше не будет рядом. Возвращается его вечная боль, знакомая с тех еще пор, когда умирал отец.

Давно нет Бена. Потеря, с которой трудно смириться.

И сейчас меня ждет самая тяжелая утрата.

Конечно, Джулия и Иньяцио есть и будут с ним, но роднее матери у него никого нет. Ему хочется вернуться назад. Он бы все отдал, лишь бы на мгновение снова очутиться в детстве, когда она убаюкивала его на руках.

Джузеппина, кажется, читает его мысли.

— Не оставляй меня одну, — просит она со страхом в голосе, тонком, как ниточка. И он целует ее в лоб и обнимает. Теперь он убаюкивает ее, шепчет ей на ухо то, чего раньше не мог сказать, прощает ей ее ошибки, которые — теперь он знает это — каждая мать неизбежно совершает.

Джузеппина гладит его лицо.

— Кто знает, что было бы, если б твой отец был жив. Если бы еще один ребенок родился, — говорит она.

Винченцо пожимает плечами. Неизвестно, отвечает он ей. Он почти не помнит Паоло.

Но она не слушает его. Смотрит вдаль, за изножье кровати.

— Он придет за мной, да. Господь знает, что я ношу внутри, все мои плохие мысли знает. Он простит меня.

— Конечно, Бог все знает. Не переживайте об этом, — пробует он ее успокоить.

Мать поворачивает голову. Ее лицо слегка розовеет.

— Кровинка моя, — бормочет.

Беспамятство накрывает ее волной, и она в ней тонет. Тело горячее — возможно, ее бросило в жар. Дыхание замедляется, становится едва ощутимым.

Он ложится подле нее, закрывает глаза.

Спустя несколько мгновений, когда их открывает, Джузеппины Саффьотти Флорио — его матери — больше нет.

*** * ***

Конец декабря, прошло несколько дней после Рождества 1865 года. Сквозь анфиладу комнат дома на виа Матерассаи проходит Иньяцио. Его ботинки в грязи и пыли. Блестящий пол отражает свет от безопасных газовых светильников, которые он недавно распорядился установить.

Он разговаривал с отцом о приобретении нового дома: эти маленькие и темные комнаты не соответствуют высокому положению их семьи. Винченцо тогда посмотрел на него снизу вверх — брови нахмурены, рука замерла над листом бумаги.

— Хорошо, ищи сам и скажи мне, когда найдешь.

Отец доверяет ему.

Однако Иньяцио по-прежнему его боится. *Нет*, поправляет он себя, открывая дверь небольшой материнской спальни. *Это не страх. Это недоверие*. Старая рана, которую дела и близкие отношения, выстроенные за долгие годы, не смогли залечить.

Они по-своему близки. Однако это не та духовная близость, что выражается в словах, нарушающих молчание. Они многозначительны, и они припасены для матери.

Он идет к ней, устроившейся в деревянном резном кресле с высеченным профилем льва. Она плетет кружево на валике, но вынуждена часто останавливаться. Зрение уже не такое хорошее, как раньше, глаза быстро устают. На ней очки в роговой оправе в форме полумесяца, но она часто снимает их, чтобы помассировать переносицу.

Иньяцио подходит, она протягивает ему руку.

— Садись сюда, — говорит ему и указывает на кресло перед столиком, усыпанным нитками и коклюшками.

Иньяцио молча наблюдает за тем, как материнские пальцы ловко перебирают суровые нити. Мать всегда была такая: сдержанная, молчаливая. Сильная.

— Я должен поговорить с вами, маман.

Джулия кивает. Закрепляет нить, поднимает голову. Ее некогда темные волосы подернуты сединой.

— Я слушаю тебя.

Ну вот. Сейчас, когда он здесь, с ней, он колеблется. Знает, что сказанного не воротишь, и не хочет ничего говорить, хочет отсрочить разговор, отдалить его насколько возможно.

Он никогда не был трусом. Если уж на что-то решается, то всегда действует безотлагательно.

— Мама, я познакомился в Клубе дам с девушкой. Она дальняя родственница князей ди Тригона, потомственная дворянка. Ее зовут

Джованна. — Иньяцио делает паузу, его взгляд прикован к дорогому персидскому ковру, который отец недавно купил во Франции. Последние слова даются особенно тяжело: — Она могла бы стать мне женой.

Он сидит с опущенной головой еще несколько секунд. Когда снова поднимает ее, то встречается с блестящими и напряженными глазами матери.

— Ты уверен, сын мой?

Дело не в том, уверен я или нет, хотел бы ответить он, но вместо этого утвердительно кивает.

— Она прелестная девушка, порядочная. Из хорошей, благочестивой семьи, не очень богатой, но… у нее есть титул, и она принадлежит к высшему обществу. Ее мать — несчастная толстая дама, но сама она, когда ты ее увидишь, прелестна.

Джулия откладывает шитье.

— Я знаю ее. Это Джованна д’Ондес, верно?

— Да.

Джулия крепко хватает его за руки.

— Тогда я повторяю тебе еще раз, Иньяцио мой, потому что хочу, чтобы ты хорошо подумал. Потому что, позволь мне сказать тебе, я выбрала годы бесчестья, лишь бы всегда быть рядом с твоим отцом, и никогда об этом не пожалела, ни разу. — На ее ресницах блестят слезы, лицо кажется помолодевшим.

Она говорит так, будто знает о нас с ней, думает Иньяцио, и чувствует, как от стыда у него по коже пробегают мурашки.

— Если близкий человек для тебя — смысл жизни, ты все преодолеешь. Но если жить вместе с ним — обязанность или, хуже того, ты считаешь это своим долгом, тогда нет, ты не должен этого делать. Потому что будут дни, когда вы не поладите друг с другом, повздорите и возненавидите друг друга до смерти, и если ты ничего не чувствуешь здесь, — она дотрагивается до его груди, — и здесь, — касается его лба, — если вас ничего по-настоящему не связывает, вы никогда не обретете душевного покоя. И дело не во взаимном уважении и не в горячих поцелуях, а в чувствах, в уверенности, что всегда есть рука, которую можно держать в своей, лежа в одной кровати.

Иньяцио молчит, тяжело дышит, как после бега. Ощущает, как тяжелеет его тело, чувствует аромат роз и лаванды от платья матери. Мог ли он себе представить, что она будет с ним столь откровенна.

Джулия касается рукой его щеки.

— Ты уверен, что она — тот человек, который тебе нужен?

Спрашиваю не потому, что ей предстоит стать хозяйкой всего этого, — поясняет Джулия, обводя рукой комнату, где они сидят. — А потому, что ей предстоит стать твоей женой.

Иньяцио опускает глаза.

— Она самый подходящий человек, если учитывать, как важно нам породниться с представителем дворянского рода.

— Да что же это такое! Почему ты относишься к браку как к коммерческому предприятию? Ты напоминаешь мне своего отца! — Джулия взрывается, встает. Ходит по комнате, уперев руки в бока. — Кстати, прежде чем прийти ко мне, ты разговаривал с отцом? Нет, я права?

— Нет.

— Слава Богу, а то могу себе представить, что бы он ответил. Ручаюсь, он немедля пошел бы к ее отцу, и сегодня мы бы уже праздновали обручение. — Она фыркает, смотрит на сына, тот отвечает ей холодным, непроницаемым взглядом. Джулия подходит, наклоняется к нему. — Прошу тебя быть честным сначала с самим собой и уж потом со мной. Я не говорю про счастье. Но хотя бы спокойно тебе с этой девушкой будет? Ведь нельзя жить в браке с одной, а сердцем и головой — с другой. Закончится тем, что мучиться будешь не только ты, но и еще два человека. Та, которую ты по-настоящему любишь, и та, которой придется жить с тобой.

Иньяцио похолодел.

Мать знает. Знает о *ней*, из Марселя. Но откуда? Не из писем же, которые он всегда получал в Марсале, нет, это невозможно.

Внезапная догадка поражает его.

Джузеппина. Его сестра тоже знала.

Он невольно опускает голову. Боль, которая переполняет его, слишком велика. Иньяцио не может, не способен скрыть своих чувств, только не от матери.

— У меня нет другого выхода, маман. На мне ответственность перед вами, родителями, и перед делом, и…

— К черту деньги и нас, родителей. Знаешь, как меня называла твоя бабушка Джузеппина, когда я стала любовницей твоего отца? — У Джулии от волнения покраснело лицо, что ей не идет. — Я проглотила эту горькую пилюлю. И все-таки поступила бы так снова и снова, сто, тысячу раз. Поэтому я еще раз тебя спрашиваю, и, если ты ответишь мне «да», я лично пойду в дом к д’Ондес договариваться с матерью Джованны. Ты уверен, что она — та девушка, которая тебе нужна?

Иньяцио словно врос в кресло, не знает, что ответить. Он как будто в райском саду, где можно сорвать яблоко с древа добра или зла, только руку

протяни. Мать на его стороне, она поможет. Но отец… он будет сильно страдать. Он никогда не сможет смириться с тем, что все, ради чего он работал, рухнуло из-за пустого каприза. Отец так много для него сделал, Иньацио считает, что он в долгу перед ним. Настал черед отплатить ему тем же.

Что важно? Стать своими в Палермо? Быть принятыми в светское общество? Получить власть и стать самыми сильными из сильных мира сего? Или же уступить желанию, которое годами точит его сердце: каждый день в своей жизни просыпаться с женщиной, которую любишь? Как уже было?

Было в прошлом. И в прошлом должно остаться. Он крепко сжимает веки. Честолюбивые помыслы сильнее любовных терзаний. И последнее видение угасает. Тайный поцелуй со вкусом меда и слез в саду дома под Марселем.

* * *

Вот оно как, значит. Начинаешь вдвоем и заканчиваешь вдвоем, думает Джулия.

Она ходит по дому на виа Матерассаи. Проходит через зал, поднимается по лестнице, заходит на бывшую половину свекрови, которую заново отделали для нее и Винченцо. Поднимается выше, под самую крышу, где несколько лет назад Винченцо пристроил террасу.

Перед ней раскинулся Палермо: с одной стороны горы, с другой — море.

Они живут теперь одни, она и Винченцо.

Иньацио женился чуть больше недели назад на девушке с бархатными глазами и светлым, как миндальный орех, лицом. На баронессе Джованне д’Ондес, урожденной дворянке, пусть и не очень старинного рода, с привычным уже приданым из долгов.

Винченцо, наконец, может быть доволен: его сын получил дворянский титул, жену благородного сословия, голубую кровь — для дома Флорио. Как и мечтал.

К Джованне Джулия сразу прониклась симпатией. Все ласково называют ее Джованниной, потому что она нежная, хрупкая, изящная, но очень уж худенькая. Ей придется выпустить коготки, если она хочет завоевать уважение ее сына, как некогда сделала она в отношениях с Винченцо, и у нее получится. Под внешностью праведницы Джованнина

скрывает стальной характер, Джулия в этом убеждена.

Надеюсь, она будет хорошей невесткой, думает Джулия и в душе молится за сына, надеясь, что он сделал правильный выбор. Что чувства, которые он испытывал *к другой*, на самом деле прошли. Джулия не вынесла бы, узнай она, что сын несчастлив.

Мыслями она переносится за море: молодожены уехали в короткое свадебное путешествие на континент. У Джованны будет возможность лучше узнать Иньяцио. Теперь они вместе начнут строить свою семью.

Она поворачивается, заслышав шаги на лестнице.

К ней поднялся муж.

— Служанка сказала мне, что ты здесь. — Он тяжело опускается на стул, и на сердце Джулии накатывает гулкая волна тревоги. Винченцо очень устал. Сил почти не осталось…

Он замечает тревожную морщинку на ее лбу и подзывает Джулию жестом.

— Я уже и не помню, как это — жить вдвоем.

Вместо смешка у Джулии вырывается горький вздох.

— А я помню. Мы с тобой вечно прятались в экипаже или еще где-нибудь, пока мой брат не застал нас.

Она вспоминает родителей, умерших несколько лет назад. Мать, Антонию, которая так никогда и не сбросила маску упрека и разочарования, и отца, Томмазо Порталупи, простившего ее, в отличие от матери.

— Не легко было с тобой жить, знаешь?

Она поняла, что произнесла это вслух, только когда услышала ответ мужа. Несколько смиренных слов, почти как на исповеди:

— Но ты жила.

Джулия смотрит на их сплетенные руки. На безымянном пальце Винченцо нет кольца дяди Иньяцио. Он подарил его сыну в день свадьбы, предварительно поправив у мастера.

— Это кольцо принадлежало другому Иньяцио, тому, кого я считал своим отцом. Это он создал наше дело, — сказал он, вручая кольцо. — Теперь оно должно принадлежать тебе, а ты потом передашь его своим детям.

Винченцо сдержал волнение, когда сын со всей серьезностью взял кольцо с его ладони и надел на палец поверх обручального.

Винченцо смотрит на свою жену. Свою спутницу по жизни и в горе и в радости.

— Да, — просто отвечает она.

Наклоняется, целует его уже седые волосы, и он прижимает к себе ее

руку. Джулия вспоминает все их ссоры, думает о незаконнорожденных детях, о том, как она порывалась сбежать, когда в первый раз забеременела, о его отказах на ней жениться, о неприязни матери, которую она терпела годами, о презрении общества.

— Жила.

А по-другому она никогда не хотела.

Эпилог
Сентябрь 1868

По одну сторону — смерть, по другую — судьба.

Сицилийская пословица

Воздух напоен сладкими ароматами. Пахнет медом, цветами и фруктами, зрелыми маслинами и мятым виноградом.

Как будто весна.

На самом деле — невероятно мягкий сентябрь.

Вилла в Оливуцце, в будущем — главная резиденция Флорио, утопает в зелени огромного поместья.

Высокие стены готического фасада сходятся над арочным порталом, бифории прикрыты белыми занавесками, за белоснежной тканью гудят пчелы. Солнце не такое палящее, как летом, но приятное.

Комната на первом этаже правого крыла, в самой тихой части палаццо, обставлена с роскошью. Два окна выходят в сад. Слышно, как прачки выбивают белье в нижних подсобных помещениях. Одна из них напевает.

Кресла, обитые бархатом, персидские ковры, туалетный столик из красного дерева и большая кровать с резным изголовьем.

Винченцо утопает в подушках. Погода стоит теплая, но на нем домашний жакет, ноги укрыты одеялом. Один глаз полузакрыт, смотрит в пустоту, одна рука неподвижно лежит поверх одеяла. Другая настойчиво ищет его край, тянет, теребит ногтями. Джулия смотрит на него, и душа ее разрывается.

Она рядом в кресле, с сухими глазами. Слезы кончились, но они вернутся позже, она знает. О, еще как знает!

Не уходи, говорит она про себя. Один раз даже произносит вслух, но шепотом, он не услышал.

Нет, она не хочет об этом думать. *Он все еще здесь, со мной*, кричит душа. *Пока смерть не вырвет его у меня из рук, я буду бороться за него.* Лицо, изрезанное морщинами, выражает твердость, сменившую отчаяние.

Она торопливо хватает иголку с ниткой из корзинки с шитьем. Снова принимается вышивать рубашку для крещения, которую обещала сыну и невестке. Совсем скоро появится ребенок — может, будет девочка, кто

знает? Лишь бы он родился здоровым, как и маленький Винченцо, которому на днях исполнился годик.

Улыбается несмотря ни на что. Сын поступил правильно: сразу подарил наследника семье и назвал его именем отца. Чтобы в семье Флорио всегда были Винченцо и Иньяцио.

И он, ее Винченцо, любовь всей ее жизни, успел увидеть малыша. Носил его на руках. Носил его и в мае, когда они переехали на эту виллу, некогда принадлежавшую княгине Бутера, пока его тело не сыграло с ним эту жестокую шутку.

Как-то вечером, месяца четыре назад. Они уже лежали в постели, в той же самой комнате, что и сейчас. Он начал переворачиваться с боку на бок под одеялом.

— Мне плохо, Джулия, — произнес он вдруг нечленораздельно. И она вскочила, побежала к выключателю электрического света — новшества, появившегося благодаря Иньяцио сразу после покупки виллы.

Увидела перекошенное лицо. Один глаз смотрел вниз. Уголок рта опустился.

Сразу все поняла.

Позвала экономку. Пришел доктор, назначил лекарства. Лицо застыло в гримасе, голос так и остался сиплым.

С той ночи все изменилось.

Винченцо передал все дела Иньяцио. Случилось то, чего он никак не мог ожидать: тело больше не слушалось. В его семьдесят еще не полных лет оно ему изменило. А он не привык доверять предателям.

Несколько дней спустя Винченцо вызвал нотариуса Кватрокки, чтобы составить завещание.

— Зачем к тебе приходил нотариус? — спросила Джулия с ноткой тревоги в голосе.

И Винченцо, сидя в кресле кабинета, странно посмотрел на нее. С раздражением. С нежностью.

— В этот раз Господь помог мне. Насчет следующего раза я не уверен. Хочу привести в порядок дела.

Она наклонилась, поцеловала его в лоб.

— Все и так в порядке, потому что ты выздоровеешь. Виченци, тебе надо отдохнуть, и только. Мы оба постарели, и нам просто надо остановиться.

— Да… — Он скривил рот. — Остановиться. — Потом тихо добавил с горечью в голосе: — Не думал, что когда-нибудь этот момент наступит и для меня.

Они обнялись.

Джулии передался его страх. Обрушился на нее как удар под дых, лишил ее сил, потому что она ясно увидела будущее: что-то невообразимо страшное, что-то, что невозможно пережить.

Винченцо никогда ничего не боялся. Он сильный. И при желании мог бы побороть смерть.

В последние дни его состояние ухудшилось, возможно, сказываются последствия второго удара. Он с трудом говорит, мало ест. И даже мысль о скором рождении внука не вселяет в него бодрости духа. Просто силы иссякли. Годы трудов, работы с рассвета до поздней ночи, усилий и беспокойства берут свое.

И она, которая любит его так сильно, как никакая другая женщина не смогла бы любить, видит, что он перестал бороться. Он устал, и для него это не жизнь. Он решил уйти. Винченцо, всегда такой энергичный, море во время шторма, не может жить прикованным к постели.

* * *

Винченцо в сознании. Не спит.

Вспоминает.

Два года назад, когда сын привез его сюда показать палаццо, окруженный огромным парком с пальмами, драценами и розами, по его телу пробежала дрожь. Он попросил кучера проехать по едва приметной дорожке среди виноградников, тянущейся вдоль главной аллеи.

И по ней они подъехали к полуразвалившемуся домишке со старым лимонным деревом, протягивающим ветки к оконному проему без рамы.

Он вышел из экипажа, сделал несколько шагов к ветхой двери.

— Да, тот самый, — проговорил он дрожащим голосом.

Иньяцио с удивлением и даже со страхом наблюдал за ним.

— Папа? Что это?

Винченцо вздрогнул, обернулся. Ему вдруг почудилось, будто меж деревьев мелькнул силуэт дяди Иньяцио, держащего за руку ребенка.

— Здесь. В этом доме умер Паоло, мой отец.

Иньяцио в ужасе смотрел на эти развалины. Скромный в прошлом дом разрушился, превратился в скелет. Винченцо почувствовал озноб, который будто поднимался от земли, пробирая его до костей, — это было похоже на предзнаменование.

И тогда он осознал, что все заканчивается там, где началось. Что все в

жизни возвращается на круги своя. Ему тоже этого не миновать.

Смех, вырвавшийся из груди — клокотание слюны и злости. Он хлопает здоровой рукой по одеялу. Вот во что он превратился: в кусок мяса, существующий лишь затем, чтобы его мыли и чистили, чтобы созерцать страдальческое выражение лица Джулии, которая никогда не умела ничего скрывать. Чтобы читать сочувствие в глазах снохи, которая сначала, казалось, страшно боялась его.

Все страшно боялись его. А теперь от него осталось полчеловека.

Он смотрит здоровым глазом на потолок, ищет крест из слоновой кости. Другой глаз слепой, не слушается. Никчемный.

— Иисусе, давай закончим это, — бормочет он, но голос его не слушается, вместо слов — жалобное мычание.

Джулия тут же подскакивает к нему. Корзинка с шитьем катится по полу, нитки и иголки сыплются на ковер.

— Тебе плохо? — спрашивает она. — Винченцо…

Он с трудом поворачивает к ней голову.

Любил ли он ее так сильно, как только мог?

Лишь сейчас он с абсолютной ясностью понимает, что только эта женщина могла быть рядом с ним и никакая другая. Что Джулия не наказание или вынужденный шаг, а Божий дар. Без ее терпения, любви, преданности у него ничего бы не получилось.

Ничего, если бы он не разглядел в ней того огня, что горел и в нем.

С неимоверным усилием он подтягивает свою здоровую руку к ее руке. Берет ее тоненькие в морщинах пальцы.

— Я достаточно для тебя сделал? — из последних сил спрашивает он. Старается говорить четко, но язык не слушается. — Я дал тебе все, что ты хотела? У тебя все было?

Джулия понимает. Понимает невнятные слова, которые никто не мог бы разобрать, кроме нее, понимает их смысл.

Слезы заволакивают ей глаза, потому что она знает, что никогда не услышит от него слов любви. Ей придется сказать их за них обоих.

Она садится перед ним, как когда-то сидел Винченцо, когда родился Иньяцио. С щемящей болью в сердце произносит слова, которые никогда раньше не осмеливалась произнести:

— Да, любимый мой, ты очень сильно любил меня.

* * *

Несколько часов спустя прибегает посыльный с виа Матерассаи. Кричит, что родился еще один мальчик, да! Его назовут Иньяцио-младшим. Продолжение рода, а значит, будущее дома Флорио обеспечено.

Винченцо едва ли что-то осознает. Кровь не насыщается кислородом, к голове поступает плохо, густеет, сердце не в силах разогнать ее по венам.

Он погружен в сон.

Видит себя в Аренелле, на вилле «Четыре пика». Молодым тридцатилетним, с крепким телом и ясным взором. Темно, но вдруг темнота отступает, как бывает, когда в потемках начинаешь различать очертания окружающих предметов.

Возможно, в памяти всплывает воспоминание о том ночном плавании, когда целая жизнь пронеслась перед его глазами.

Он раздевается, ныряет, плывет в открытое море. Сейчас уже светит солнце, которое так ярко отражается на поверхности моря, что больно глазам. Он чувствует себя легким, сильным. Девственно-чистым, как после крещения.

Только плеск моря и больше ни звука. Смотрит на окно спальни Джулии и знает, что она ждет его. Но вдалеке, на горизонте, показалась небольшая лодка с плоским дном, с косым латинским парусом, бьющимся на ветру.

Плоскодонка.

Он вздрагивает. За штурвалом отец, Паоло. А на фальшборте дядя Иньяцио, готовый забрать его, машет рукой, подзывает.

Винченцо оборачивается. Дома его ждет Джулия. Он не может причинить ей боль.

И все же эта протянутая рука гораздо сильнее и притягивает его больше, чем что-либо на свете.

— Плыви сюда, Виченци! — зовет его дядя. Смеется, молодой, как когда-то, когда они вместе ездили на Мальту. — Плыви ко мне!

И тогда он решается.

Большими гребками подплывает к лодке.

Джулия знает. Поймет.

Скоро они воссоединятся.

Генеалогическое древо семьи Флорио 1723–1868

Благодарности

Романы всегда мои дети. Трудные, непослушные, они требуют безраздельной преданности. Определенно, этот ребенок был крайне требовательным.

Как у всех детей, у этого романа тоже есть крестные родители. Прежде всего, я должна поблагодарить трех человек: Франческу Маккани, фантастическую женщину, которая, самозабвенно прочитав и перечитав эту историю, указала на ошибки и хронологические нестыковки; Антонио Вену, бесценного человека, способного смотреть дальше текста, — каждому бы автору такого друга; Кьяру Мессину, которая поддерживала меня вне зависимости от моего настроения, даже когда я была не в духе, которая на мои предложения ни разу не сказала «нет» и никогда не прекращала «включать свет».

Огромное и бесконечное спасибо Сильвии Донцелли, моему дальновидному суперагенту, которая героически вытерпела все мои приступы хандры. Не знаю, как бы я выжила без тебя.

Спасибо Коррадо Меллузо, другу и советчику, к которому я питаю безграничное уважение и который однажды в Кастелламмаре сказал мне: «У тебя все получится. Уверен, что получится». Спасибо за это и за все остальное.

Спасибо Глории, которая все время слушала.

Спасибо Саре, которая знает эту книгу изнутри.

Спасибо Алессандро Аккурсио Тагано, Анджелике и Марии Кармела Шакка, Антонелло Саизу, Артуро Балостро, Терезе Стефанетти, Стефании Чиме и особенно моему дорогому, самому дорогому Фабрицио Пьяцце — книготорговцам и добрым друзьям, без устали воодушевлявшим меня.

Спасибо тем, кто помог мне с редактурой этой книги (не по порядку): Клаудии Казано за подробнейшую консультацию по топонимике старого Палермо; Розарио Лентини, который представил мне семью Флорио во всем ее многообразии и который поделился со мной объективным взглядом на историю этой необыкновенной семьи; Вито Корте за подсказки в области архитектуры и Нинни Равацце за неоценимый вклад в изучение тунцового промысла.

Спасибо моей семье, особенно мужу и детям, которые не переставали верить в то, что я делаю, и не раздумывая отправлялись со мной в разведку по Палермо и не только. Спасибо маме и сестрам за то, что никогда не

спрашивали, какие у меня новости. Спасибо Терезине, она знает, за что.

Спасибо С. К., этот человек, я знаю, сейчас улыбнулся.

Спасибо издательству «Норд», которое поверило в меня с самого начала и взяло под свое крыло. Спасибо Вивиане Вускович, только твои золотые руки могли отправить эту книгу в путешествие по свету. Я навсегда запомню, как мы с тобой болтали на улице под солнцем с дождем.

Спасибо Джорджии за ее ангельское терпение и необыкновенную чуткость к автору, который вечно все забывает. Спасибо Барбаре и Джакомо, которые терпят меня, поддерживают и знают, как снять мое нервное напряжение. Это ваша заслуга, что издательский дом «Норд» для многих, как второй дом.

И, конечно, спасибо моему искусному резчику алмазов, моему *мастеру*, Кристине Прассо. Только благодаря ей получилась книга, которую вы держите сейчас в руках: спасибо за страсть, труд, красоту и любовь, которые ты в нее вложила, спасибо за слова и то спокойствие, которыми ты поделилась со мной. Спасибо за терпение. Спасибо за то, что слушала мой голос. Мое уважение к тебе безгранично.

И последнее, самое важное. История, которую вы прочитали, — это история семьи Флорио и вместе с тем история Палермо, города, который я очень сильно люблю, так же как и остров Фавиньяна.

Исторические факты, касающиеся семьи Флорио, описаны в десятках изданий и доступны широкому кругу читателей, — опираясь на них, я и написала свою книгу. В самые труднодоступные уголки исторической правды проникали фантазия и продуктивное воображение. Мною двигало желание восстановить справедливость в отношении семьи неординарных людей, которые и в горе и в радости ознаменовали эпоху.

Это «моя» история в том смысле, что я написала ее такой, какой придумала, решив отойти от обычного бытописательства, пробираясь сквозь складки времени в попытке воссоздать не только жизнь семьи, но и дух города и времени.

---

notes

Примечания

1

Джон Мильтон. Потерянный рай, кн. 1. *Перевод Аркадия Штейнберга.*

2

С 25 по 26 декабря. (*Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — прим. переводчиков*.)

3

Грано, тари́ и унция (онца) — сицилийские монеты того времени. Грано — медная монета, составляющая двадцатую часть одного тари́. Тари́ — серебряная монета, составляла тридцатую часть унции (онца). (*Прим. автора*.)

4

Нет, я не стану покупать эти… (*англ.*)

5

Суматошно (*англ.*).

6

Как у вас говорится (*англ.*).

7

Марфараджу — комплекс наземных построек тоннары (цеха по переработке рыбы, склады и жилые помещения).

8

Вы наглый выскочка! (*фр.*)

9

Мой отец (*фр.*).

10

Туммин или тумол — единица измерения земли, в этом районе Сицилии составляющая немногим более 2000 кв. м. (*Прим. автора.*)

11

Одно за другое (*лат.*).

12

Монреале — городок в семи километрах от Палермо.

13

Поддел! (*фр.*)

14

Кафиз — традиционная единица измерения объема оливкового масла, которая до сих пор используется на Сицилии и различается в зависимости от области: в трапанской, например, она соответствует почти 7 литрам; в Катании, приблизительно 16 литрам; в центральной Сицилии, приблизительно 11 литрам. (*Прим. автора.*)

15

Ну да! (*фр.*)

16

Даю, с тем чтобы и ты дал (*лат.*).